ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2020 № 65

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор

И.А. Айзикова (Томск, Россия) зам. главного редактора

Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря

К.В. Анисимов (Красноярск, Россия) **Е.В. Иванцова** (Томск, Россия)

В.С. Киселев (Томск, Россия)

Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)

В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) -

Editor-in-Chief

I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

D.A. Katunin (Tomsk, Russia) -

Executive Editor

P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) -

Deputy Executive Editor

K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)

Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)

V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)

T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)

V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)

Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)

Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)

3.И. Резанова (Томск, Россия)

И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)

С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)

Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)

E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)

Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)

N.D. Golev (Kemerovo, Russia)

E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)

M.N. Lipovetsky (Boulder, US)

Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)

I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)

A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)

S.L. Franks (Bloomington, US)

T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Виймаранта Й., Богомолов А.С. Опыт лексико-семантической типологии
«водных» звукоподражательных междометий на материале русского
и финского языков
Волошина С.В. Репрезентация концепта «Медведь» в диалектном дискурсе
Вороневская Н.В. Стихотворные переносы (enjambements) в поэзии Р.М. Рильке
и особенности их отражения в английских переводах
Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Лес»
(на материале диалектной речи)
Денисова Г.Л. Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войнь
как креолизованном тексте
Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Реализация коннотационного потенциала
метафоры при создании образа женщины-политика (на материале
англоязычных СМИ)
Конер Д.В., Макарова А.Л., Чиркович С. Опыт составления программы
для полевого исследования дивергенции и конвергенции традиций
Центральных Балкан
Соколова А. Передача русских имен и фамилий в чешском языке:
теория и практика
Урманчиева А.Ю. О возможных контактах мансийского и селькупского языков
(по данным этнонимики)
Щитова О.Г., Щитов А.Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность
и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского
и китайского языков)
ПИТЕРАТУРОРЕ ПЕПИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество
сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX в.
Иванюк Б.П. «Державин. Жизнь званская» С. Петрова – «Евгению.
Жизнь званская» Г. Державина: диалог с прототекстом
Климова С.М. «Я потерял память всего, почти всего происшедшего
Как не радоваться потере?» (размышления о четырех биографиях
Л.Н. Толстого в серии ЖЗЛ)
Козлов А.Е. «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив
в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело»
Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского
Павлова Л.В., Романова И.В. Символ в поэтическом тексте: новые возможности
истолкования
Просцевичус В., Билотас В. Чужое пространство и эсхатологическое время
в хронотопе ссылки (на примере писем Юозапаса Сильвестраса Довидайтиса)
Стовба А.С. Семантика видения / взгляда и роль телесности в поэтике романа
Тана Тван Энг «Сад вечерних туманов»
Хабибуллина Л.Ф. Психологическая травма в романах Й. Макьюэна
(«Суббота», «Чизил-Бич»)
СВЕПЕЦИЯ ОЕ АВТОВАУ

CONTENTS

LINGUISTICS

Viimaranta J., Bogomolov A.S. Creating a Lexico-Semantic Typology	
of Water-Related Onomatopoeic Interjections (On Russian	
and Finnish Material)	
Voloshina S.V. Representation of the Concept "Bear" in Dialect Discourse	
Voronevskaya N.V. Enjambements in Rainer Maria Rilke's Poetry and Their Peculiaritie in English Translations	
Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Representation of the Concept "Forest" (On the Material of Dialect Speech)	
Denisova G.L. Precedent Phenomena in the Great Patriotic War Political Cartoon as a Creolized Text	
Kislitsyna N.N., Melnichenko T.V. The Use of the Metaphor's Connotative Potential for Constructing a Woman Politician's Image (In English-Language Mass Media)	
Konior D.V., Makarova A.L., Ćirković S. Creating a Questionnaire for a Field Study of Divergence and Convergence of Traditions in the Central Balkans: Methodological Issues and First Outcomes	
Sokolova A. Converting Russian Names and Surnames to the Czech Language: Theory and Practice	
Urmanchieva A.Yu. On the Possible Links of the Mansi and Selkup Languages (Based on Ethnonymic Data)	
Shchitova O.G., Shchitov A.G. Interlingual Phraseological Equivalence and Gaps:	
An Ethnocultural Aspect (Based on the Russian and Chinese Languages)	
LITERATURE STUDIES	
Gorbenko A.Yu. Ovids from the Province: Self-Myth-Making of Siberian Writers	
of the End of the 19th to the First Third of the 20th Centuries	
Ivanyuk B.P. Sergey Petrov's "Derzhavin. Life in Zvanka" and Gavrila Derzhavin's	
"To Yevgeny. Life in Zvanka": A Dialogue with the Proto-Text	
Klimova S.M. "I Have Lost the Memory of Everything, Almost Everything	
That Has Been How Can One Not Rejoice at the Loss of Memory?"	
(Reflections on Leo Tolstoy's Four Biographies	
in the ZhZL Series)	
Kozlov A.E. Reflection and Narration in Nikolay Akhsharumov's <i>A Tricky Business</i> as a Chronicle of the Russian Literature of the 19th Century	
Korotchenko T.V. The Image of America in A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky	
Pavlova L.V., Romanova I.V. Symbol in a Poetic Text: New Opportunities for Interpretation	
Prostsevichus V., Bilotas V. Alien Space and Eschatological Time in the Chronotope	• • • • •
of Exile (On the Example of Juozapas Silvestras Dovydaitis' Letters)	
Stovba A.S. Seeing/Vision Semantics and the Role of Corporeality in the Poetics of Tan Twan Eng's Novel <i>The Garden of Evening Mists</i>	
Khabibullina L.F. Psychological Trauma in Ian McEwan's Novels (Saturday, On Chesil Beach)	
INFORMATION AROUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	
INFORMATION ABOUT THE ATTHORS IN RUSSIAN	

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-23

DOI: 10.17223/19986645/65/1

Й. Виймаранта, А.С. Богомолов

ОПЫТ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ «ВОДНЫХ» ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Рассматриваются значение и употребление в русском и финском языках звукоподражательных междометий, связанных с водой. Представлена типология таких слов с точки зрения тех признаков значения, которые влияют на выбор слова-дескриптора для описания «водной ситуации». Для русского языка типология основывается на данных словарей и интуиции носителя языка, для финского языка — на результатах электронного анкетирования 124 респондентов и интуиции носителя языка.

Ключевые слова: *звукоподражание, междометие, типология, русский язык, финский язык.*

Введение

Объект нашего исследования – воссоздающие звук или называющие действие формы типа хлоп и хвать, фигурирующие в высказываниях о ситуациях, ключевыми элементами в которых являются предмет и жидкость 1. В целях упрощения описания речевого материала данные ситуации мы назвали водными ситуациями; звуки, сопровождающие подобные ситуации, - водными звуками; а слова, используемые для репрезентации таких ситуаций, - водными звукоподражательными междометиями. Что касается причастного к некоторой водной ситуации предмета, то им может быть неодушевленный предмет: как объект действия (Достал из морозилки пакет пельменей, открыл и бултых весь их смерзшийся кусок в кипящую воду), как субъект действия (Только он перегнулся через край лодки, ключи из кармана – бульк в воду), в том числе жидкость (Вода с дерева после дождя то и дело кап да кап) или пузыри (В комнате было тихо, только пузыри в аквариуме – буль-буль-буль), а также живое существо: как активный субъект действия (Уборшина хлесть водой из ведерка на пол) или пассивный его объект (Рыбак толкнул напарника, тот – плюх за борт). Контексты с участием одушевленного предмета (в первую очередь человека), произво-

¹ Выделение особой разновидности ситуаций, в которых жидкость – единственный каузатор значимого (актуализированного в отдельной лексеме) водного визуально-акустического эффекта, кажется несостоятельным, поскольку любое водное звучание оказывается явно или неявно детерминировано воздействующим на жидкость предметом. Без такого воздействия жидкость вообще пребывает в состоянии покоя либо незначимого визуально-акустического движения.

дящего в полости рта или с ее помощью некоторые водные или сходные с водными звуки (типа глыдь, тьфу, хлесть (в значении пить), хлюп (при насморке, плаче), чавк, чих, чмок (от всасывающего движения губ), шмыг и т.п.), а также индивидуально-авторские образования (Вуш-ш — неожиданно вынырнул из глубины огромный синий кит) не входят в число рассматриваемых в данной работе. Однако разницу между устойчивыми звукоподражательными междометиями (в терминах Rhodes [1] tame «прирученные») и окказиональными образованиями (wild «дикие») [Там же] намного легче определить в русском языке, где подобные слова лучше описаны и их можно найти в словарях, чем в финском, для которого таких описаний нет.

Вопрос о частеречной принадлежности форм типа хлоп и хвать в русском языке не имеет однозначного решения. В зависимости от семантических и синтаксических функций слова этого типа могут относиться к глагольным междометиям и смежным с ними звукоподражательным междометиям [2. § 1700], а также к особым или усеченным отглагольным формам, собственно (нарративным) предикативам или «звуковым жестам». вовсе не имеющим никаких специфических глагольных характеристик и показателей [Там же. § 1705; 3-5]. Для целей нашей работы (несмотря на возможную функциональную омонимию, возникающую из синтаксической роли конкретного слова в предложении (см. об этом, например: [6. С. 87– 91]) достаточной представляется академическая трактовка рассматриваемой группы лексики как глагольных междометий (для слов типа хвать) и звукоподражаний (для слов типа хлоп). В любом случае единая трактовка и звукоподражательных, и глагольных междометий поддерживается тем, что нередко человеку на самом деле трудно различать информацию, полученную разными средствами восприятия, что неоднократно подтверждалось путем психологических экспериментов [7–11].

Подобные слова в финском языке называются либо звукоподражательными междометиями, идеофонами, либо имитативами. Так же, как и в русском языке, среди них существуют междометия глагольного типа (в финской терминологии takaperoisjohdetut, букв. «образованные с конца / наоборот» междометия), которые и по форме и по значению близки к русским глагольным междометиям, т.е. речь идет о неизменяемых словах, в которых имеется только корень без глагольных суффиксов. Вместе с тем в качестве отступления от общего правила в конце звукоподражательного слова можно встретить суффикс -is. Однако он не имеет конкретного значения, а лишь допускает наличие вариантов у конкретного междометия: с этим суффиксом или без него. Существует не так много научной литературы об этих словах в финском языке, основополагающими являются докторские диссертации Э. Миконе [12], где дескриптивная лексика (в том числе звукоподражания) сравнивается с аналогичными словами в эстонском языке, и А. Яяскеляйнен [13], где звукоподражательные междометия финского языка рассматриваются с точки зрения грамматики конструкций. Опираясь на материалы Интернета, форумов и газетного корпуса, Яяскеляйнен намного основательнее, чем кто-либо до нее, обращает наше внимание на широкие возможности этих слов в финском языке. Однако «водные» звукоподражания не играют особой роли в работе. Зато они были объектом исследования в [14], где с помощью эксперимента типа «licitation test» выяснялось, какими словами и предложениями носители русского и финского языков описывают типичные «водные» ситуации.

Приведенные ранее примеры отражают синтаксическую особенность русских междометий, их способность выступать в функции сказуемого. Такая функция вообще типична только для славянских языков [15, 16]. Финские звукоподражательные и глагольные междометия обычно не могут в письменной речи заменить глагольные формы, что отражается в том, что в переводах таких предложений на финский язык употребляются, скорее всего, либо комбинации обыкновенного глагола со звукоподражательным междометием, либо звукоподражательные глаголы.

«Водные» звукоподражательные междометия русского языка (по данным словарей)

Обозначив рамки нашего исследования, можно установить актуальный для современного (вторая половина XX в. – 2016 г.) русского языка кодифицированный инвентарь водных звукоподражательных междометий. Согласно данным словарей [4, 17–19] современный набор русских водных звукоподражательных междометий составляют слова: *бултых*, *буль* и *бульк*, *кап*, *нырк* (*нырь*), *плюх*, *пшик*, *хлесть* (*хлесь*), *хлюп*, *чмок* и *шлеп*. Рассмотрим содержание каждого из этих слов по отдельности и попробуем обобщить полученное.

Звукоподражание *бултых* может использоваться для обозначения звука всплеска жидкости или действия, обусловливающего появление подобного звука или визуально-акустического эффекта. Типичные (закрепленные в лексическом значении слова) водные ситуации, при описании которых употребление слова *бултых* оказывается уместным, образуют следующие контексты: 1) всплескивание поверхности жидкости (*Володя задумчиво сидел на берегу и вдруг бултых ногой по воде*); 2) взбалтывание жидкости, заключенной в емкость (*Всю дорогу из бочек* – *бултых да бултых*); 3) падение (бросок) предмета в жидкость (*Нависающий край льдины неожиданно треснул и бултых в воду. Перебегая по бревенчатым мосткам, Федор поскользнулся и бултых в реку*). Вместе с тем последнее возможно, если адресатом действия выступает что-либо мягкое вообще (снег, сено и т.п.), а не только жидкость (*Почуяв что-то, лиса замерла, напряженно подобралась и бултых в сугроб*) [17. Т. 2. С. 248–249; 18. Т. 1. С. 133; 19. С. 102].

Звукоподражания *буль* и *бульк* используются для обозначения характерных водных звуков или действий, сопровождающих или порождающих подобное звучание в некоторых водных ситуациях. Близость контекстов, описываемых схожими словами *буль* и *бульк*, часто наводит на осмысление

¹ О нестабильности репертуара слов типа *хлоп* и *хвать* см.: [3. С. 153–155].

этих звукоподражаний как вариантов друг друга (в словарных статьях одно из них может указываться в скобках либо не упоминаться вовсе), передающих один и тот же смысл. В случае различения данных слов в словарях они получают самостоятельные значения, которые вообще могут поразному и не всегда оправданно сортироваться¹. Так, в [17] различаются звукоподражания буль и бульк и по-своему распределяются исключительно водные ситуации, эти слова определяющие; наряду с этим в словарях Т.Ф. Ефремовой и С.А. Кузнецова некоторые похожие водные контексты также фиксируются, но связываются они только с одним словом - буль (буль-буль). Не сопоставляя словарные статьи в названных источниках, укажем все отмеченные ими водные ситуации, для описания которых использование звукоподражаний буль и бульк будет адекватным: 1) движение жидкости из источника (узкогорлого) (Вода сбивчиво струилась из крана – буль, буль-буль); 2) кипение, бурление и похожие состояния жидкости (в том числе их имитация) (Погрузив велосипедную камеру в воду, он почти сразу услышал тихое буль-буль, а потом разглядел прокол, из которого иепочкой бежали мелкие пузырьки); 3) падение предмета в жидкость (Беглец сдвинул крышку люка и, чтобы проверить догадку, смахнул внутрь валявшуюся рядом гайку – бульк! раздалось через секунду) [17. Т. 2. С. 249, 251; 18. T. 1. C. 134; 19. C. 102].

Вслед за авторами Большого академического словаря [17] мы также различаем слова буль и бульк, но хотели бы предложить свою трактовку их соотношения с обусловливающими их контекстами. Во-первых, стоит внимательнее присмотреться к визуально-аккустическим эффектам ситуации бурления, кипения и их аналогов, а также ситуации движения жидкости из узкогорлого источника (например, выливания жидкости из сосуда). Физически во всех этих случаях мы имеем дело с движущимся сквозь толщу жидкости или сформировавшимся в неровном потоке жидкости пузырьком воздуха, который стремится к ее поверхности, чтобы там лопнуть, издав нечто похожее на резкое и односложное «буль». Осмысление последнего момента как состоящего из двух частей (формирование пузырька на поверхности жидкости и его шумное лопанье) на практике часто приводит к описанию этой водной ситуации при помощи склонного к двусложности слова бульк (ср. произношение буль и буль (κ^3)). Подобному осмыслению и выбору бульк в качестве дескриптора ситуации способствует также однократность или отрывистость повторения данного действия. Однако при быстром и многократном повторении движения пузырьков сквозь жидкость (что, по замечаниям словарей, вообще частотно для данного контекста) и попытке репрезентации этой ситуации с помощью одного из возможных вариантов – буль или бульк – артикуляционно более доступным

¹ Сказанное, если и не имеет существенного влияния на практику словоупотребления (тем более междометий и звукоподражаний) в рамках относительно свободного разговорного языка, может представлять определенный интерес для целей перевода, лексикографии и лексико-семантической типологии в принципе.

оказывается первый вариант (ср. *буль-буль* и *бульк-бульк-бульк* в ситуации кипения-бурления и т.п.). Во-вторых, при восприятии другой ситуации – падение предмета в жидкость – на слух в ней различимы два момента: первый – звук от столкновения предмета с жидкостью и второй – звук от капли / струи жидкости, которая поднялась и упала, будучи вымещенной этим столкновением. По нашему мнению, этот второй добавочный звук закреплен в слове *бульк* и передается конечным взрывным -к (ср. *бултых* при падении крупного предмета в жидкость). В том случае, когда предмет из этого же контекста, погрузившись в жидкость, оставляет после себя лопающийся пузырь (или так этот момент осмысляется), в качестве дескриптора ситуации может употребляться звукоподражание *буль*.

Таким образом, ввиду разнонаправленности движения субъектов действия (из жидкости или, наоборот, в жидкость), хоть и адресованного в одну и ту же зону (поверхность жидкости), рассматриваемые водные контексты можно назвать лишь смежными и схожими по акустическому качеству порождаемого звука, но не идентичными. При этом физические особенности самого действия в данных водных ситуациях делают процесс с поднимающимся пузырьком воздуха более соотносимым со словом буль (как минимум при многократном повторении процесса), а процесс с падающим предметом — со словом бульк.

В дополнение к данному блоку заметим, что встретившиеся нам во время проработки проблемы настоящей статьи примеры (помимо словарных) позволяют добавить еще одну водную ситуацию, связанную со звукоподражанием бульк, а именно: удар жидкости обо что-либо (Он встряхнул темную бутыль и услышал заветное бульк; Бульк-бульк – мягко бились волны о еле выходивший из воды холмик гладкого камня).

Звукоподражание *кап* употребляется (часто с повторением) для обозначения водного звука или действия, связанного с такими водными ситуациями, как 1) движение жидкости из источника (*Кап-кап – падали на письмо скатывающиеся по ее щекам слезы*) или 2) удар жидкости о твердую поверхность (*Всю ночь из-за плохо закрытого кухонного крана доносилось кап... кап.*.. *кап*). Особенностью данного звукоподражания является исключительная употребимость его для описания ситуаций, в которых задействована жидкость или жидковатое вещество в виде капель [17. Т. 7. С. 626; 18. Т. 1. С. 643; 19. С. 415].

По данным Большого академического словаря [17], глагольное междометие *нырк* и его вариант *нырь* употребляются для обозначения действия по глаголу *нырять*/-нуть. Хотя в числе первых смыслов этого глагола указываются значения, связанные с водными ситуациями, среди них есть и не имеющие прямой связи с подобными контекстами. Не останавливаясь на последних, сформулируем типичные водные ситуации, для описания которых употребление глагола *нырять* будет целесообразным: 1) полное погружение в жидкость субъекта действия; 2) движение предмета вверх—вниз по волнам. Поскольку действие во второй ситуации (хоть и водной, но не несущей в своем «чистом» воплощении значимых для нашего анализа ви-

зуально-акустических эффектов: предмет лишь пассивно следует движениям жидкости, никак не изменяя или детерминируя это движение) есть лишь повторение характера действия первой, будем считать ее – первую ситуацию – единственным водным контекстом, соотносимым с междометием нырк (нырь) [17. Т. 12. С. 635, 637–639].

Останавливаясь подробнее на водной ситуации, характерной для междометия нырк (нырь), нужно заметить, что само действие в ней может быть произвольным, т.е. контролироваться субъектом действия (живым существом), находящимся на поверхности жидкости (Утка разглядела что-то в глубине и нырк (нырь) под / в воду) или вообще не находящимся в ней изначально (Усевшись на борт лодки, он еще раз поправил маску и нырк (нырь) в воду), а также — непроизвольным, т.е. не контролироваться субъектом действия (неодушевленным предметом), изначально частично находящимся в жидкости (Только закинешь удочку и дождешься, когда разойдутся круги на воде, поплавок нырь (нырк) под воду — тащи, не зевай). Что касается осмысления вариантов нырк и нырь как разных междометий — на что может навести форма этих слов по аналогии с различением звукоподражаний буль и бульк (см. выше), то единственность водной ситуации, с ними соотносимой, и сам ее характер не дают оснований для развития подобной мысли.

Звукоподражание *плюх* может использоваться для обозначения звука удара или действия, завершившегося таким ударом. Типичными водными ситуациями, для описания которых может быть использовано звукоподражание *плюх*, являются: 1) вызвавший всплеск жидкости удар (падение) часто плашмя предмета о (в) жидкость (*Нередкий финал погони в кино — машина срывается с берега и плюх в воду*); 2) удар(ы) жидкости обо что-либо (*Плюх... плюх... плюх — мягко бились о гранитные ступени длинные волны*). В дополнение к первой ситуации надо сказать, что адресатом действия в ней может быть не только жидкость (*Витюша так долго кружился, что, остановившись, не удержался на ногах и плюх на пол; Водитель рывком приподнялся и, схватив документы, плюх назад в кресло; Продавщица отрезала кусок мяса и плюх его на весы) [Там же. Т. 17. С. 120–121; 18. Т. 2. С. 120; 19. С. 846].*

Звукоподражание *пшик* употребляется для обозначения как звука, так и действия в ситуациях, сопровождающихся шипением вырвавшейся струи воздуха, газа, жидкости и т.п. Констатируя из этого наличие собственно водной ситуации, соотносимой со звукоподражанием *пшик* (движение жидкости из источника), необходимо также указать важную ее особенность: состояние жидкости в струе, вырвавшейся с шипением, должно быть только похоже на газообразное (этому соответствует рассеивание жидкости), но не являться таковым (*Напоследок она схватила со столика духи – пшик-пшик – и, бросив флакончик на кресло, выбежала из комнаты*). В противном случае данная ситуация не может относиться к водной, а следовательно, будет выходить за рамки нашего внимания (*Пши-и-к – раздалось в мастерской, когда Данила сунул раскаленный гвоздь в бочонок с*

водой. Если считать, что источником звука в данной ситуации является жидкость, то перед нами реализация типичной водной ситуации, связанной со словом *пшик*; если пар – перед нами иная, неводная ситуация) [17. Т. 21. С. 581–582; 18. Т. 2. С. 411; 19. С. 1051].

Глагольное междометие *хлесть* (*хлесь*), по данным словаря С.А. Кузнецова, употребляется для обозначения действия или удара как результата этого действия по значению глагола *хлестать*/-нуть. В числе описаний последнего есть и толкования, связанные с водными контекстами: 1) бить, идти, фонтанировать сильной струей и т.п.; 2) лить, плескать жидкость. Исходя из этих глагольных значений, можно сформулировать следующие соотносимые с междометием *хлесть* (*хлесь*) водные ситуации: 1) движение жидкости из источника (*Вода напоследок хлесь-хлесь мутной струей из крана и больше не показывалась*); 2) удар жидкости обо что-либо (*Один из собеседников не выдержал и хлесть оппонента водой из стакана; Жирные струи фонтана подлетят, чуть замрут на высоте и – хлесть – почти разом опадут назад) [18. Т. 2. С. 937; 19. С. 1445]. Несмотря на фонетический состав междометий <i>хлесть* и *хлесь*, а также количество ситуаций, соотносимых с этими словами, подобрать веские основания для понимания их как разных слов вообще или различных лишь в оттенках значений довольно трудно.

Звукоподражание **хлюп** употребляется (часто с повторением) для обозначения хлюпающего, чавкающего водного звука либо хлюпания как действия. Исходя из словарного значения слова *хлюп*, водными ситуациями, соотносимыми с этим звукоподражанием, оказываются следующие: 1) чавкающий всплеск жижи, грязи, иной жидкой массы или жидкости, подвергнутой воздействию какого-либо предмета (*Снег подтаял, и под окнами, выходящими на тротуар, то и дело слышалось торопливое хлюп, хлюп, хлюп); 2) чавкающий всплеск жижи, грязи, иной жидкой массы или жидкости, вызванный ее столкновением с чем-либо (<i>Плеснешь в бетономешалку воды, и раствор сразу – хлюп, хлюп, хлюп*); 3) вязкое тягучее бурление жижи, грязи, иной жидкой массы или жидкости (*Хлюп... хлюп – медленно булькало варенье на плите*). Составляющая одно из значений слова *хлюп* ситуация звучания или порождения человеком всхлипывающих звуков (при насморке, плаче) ввиду обговоренных выше условий нашего исследования здесь не рассматривается [18. Т. 2. С. 939; 19. С. 1446].

Звукоподражание **чмок** употребляется для обозначения звука, производимого всасывающим движением губ, а также поцелуя или другого действия вызывающего или сопровождающего чмокающее звучание. Эти «другие» действия, вызывающие или сопровождающие чмокающее звучание, можно связать и с водными ситуациями. Назовем эти ситуации: 1) чавкающий всплеск жидкости или жидковатой массы как результат воздействия на нее предмета (Дерево накренилось, хрустнуло и чмок в болото); 2) чавкающий всплеск жидкости или жидковатой массы, вызванный ее столкновением с чем-либо (Чмок, чмок, чмок – ритмично целовали небольшие волны днище кормы парусной красавицы «Фазиси»); 3) высвобождение предмета из жижи, грязи, иной вязкой жидкой массы или жидкости

(Чмок, чмок – с трудом выдернул он свои сапоги, увязнув в трясине; Каждый раз, когда сосед поднимал стакан из мокрого блюдца, раздавалось чуть слышное чмок) [18. Т. 2. С. 991; 19. С. 1482–1483].

Звукоподражание *шлеп* употребляется для обозначения звука шлепка или действия, сопровождающегося таким звуком. В словарном описании звукоподражания *шлеп* встречаются значения, позволяющие сформулировать собственно водные ситуации, для описания которых употребление слова *шлеп* будет целесообразным. К ним относятся: 1) удар (падение) чаще плоского предмета о (в) жидкость (*Мячик перелетел через забор и шлеп в воду. Шлеп-шлеп-шлеп – зашумели плицы водного колеса*); 2) удар жидкости обо что-либо (*Одна за другой волны набегают и шлеп о причальную стенку*). Кроме водных, данное звукоподражание часто соотносится и с иными контекстами (*Павлик бросил снежок – шлеп! – прямо в окно*) [18. Т. 2. С. 1020; 19. С. 1501].

Итак, просмотрев выделенные для данных звукоподражаний и междометий водные ситуации, можно сделать некоторые классифицирующие обобщения и назвать следующие прототипы водных ситуаций: 1) передающих идею воздействия предмета как субъекта или объекта действия на жидкость, являющуюся конечным адресатом действия (тип а); 2) передающих идею выхода из жидкости предмета, изначально находящегося в ней (тип b); 3) передающих идею взаимодействия жидкости как субъекта действия и предмета (преграды или поверхности) как адресата действия (тип с); 4) передающих идею движения жидкости из предмета (источника) (тип d). Во всех названных типах водных ситуаций взаимодействие предмета и жидкости сопровождается значимым визуально и/или акустическим изменением исходного состояния последней, которое в зависимости от его конкретных особенностей может быть передано одним или несколькими имеющимися в языке водными звукоподражаниями или междометиями. Здесь нужно понимать, что по своим характеристикам (на глаз и/или на слух) каждый новый случай взаимодействия жидкости и предмета вообще неповторим и может быть только похож на любое другое, даже аналогичное по своей типологической идее взаимодействие. В этой связи, если степень сходности реализации однотипных водных ситуаций ощутимо мала, это и обусловливает появление в языке нескольких подходящих для описания таких ситуаций слов. При этом отличия оттенков в значениях используемых синонимов-дескрипторов призваны отражать видимые и/или слышимые отличия реализации аналогичных по своей идее ситуаций (см., например, наличие бултых, бульк, плюх, хлюп, чмок, шлеп и нырк (нырь) для ситуаций типа (а)). Проанализировав особенности ситуаций и оттенки значений их возможных дескрипторов, можно вывести критерии водных ситуаций для каждого из выделенных типов.

На наш взгляд, для водных ситуаций типа (a) и (b) критериями их внутритипового различения будут: 1) визуально-акустическое качество взаимодействия предмета и жидкости (большое, среднее или минимальное количество брызг; особенности сопутствующего звучания); 2) итог взаимодей-

ствия (степень контакта предмета с жидкостью); 3) характеристики предмета (крупный или маленький; его форма, конкретная разновидность)¹. В ситуациях типа (с) помимо критериев выделяются два вида: столкновение жидкости с преградой (критерии: 1) акустическое качество столкновения жидкости с преградой; 2) характеристика самой преграды) и падение жидкости на твердую поверхность (критерии: 1) особенность формы жидкости; 2) визуально-акустическое качество столкновения с поверхностью). И наконец, для водных ситуаций типа (d) можно выделить: 1) критерий акустического качества взаимодействия источника и жидкости; 2) особенность формы выходящей из источника жидкости.

Что касается слов *нырк* (*нырь*) и *хлесть* (*хлесь*), то идеи их значения (см. выше) допускают их включение в группу водных ситуаций типа (а) и (с, d) соответственно. Однако наряду с этим статус этих слов как глагольных междометий, передающих процесс, а не его качества, в достаточной степени ограничивает их трактовку в рамках системы критериев водных звукоподражаний.

Перенесем наши наблюдения в таблицы типов водных ситуаций и соответствующих им звукоподражательных междометий (табл. 1–4).

Итак, мы рассмотрели современный кодифицированный состав русских водных звукоподражательных междометий, а также набор типичных водных ситуаций, с ними связанных. Очевидно, это лишь часть ситуаций, с которыми сталкивается человек, хорошо знакомый с водной средой и ее свойствами, а звукоподражательные междометия — лишь один из способов эти ситуации описать (см. например, такие контексты и их дескрипторы: вода журчит, испаряется, струится — глагол; прилив, отлив, прибой, водопад — существительное; вода воронкой ушла в трубу — описательная форма и др.).

¹ Представляется сложным точно определить то, когда водной ситуации присуще большое, когда среднее, а когда минимальное количество брызг, а также то, в каком случае один предмет, взаимодействующий с жидкостью, считать крупным, а в каком маленьким. С одной стороны, выбор качества характеристики водной ситуации зависит от субъективного осмысления ее говорящим. С другой – нельзя не заметить, что однотипные водные ситуации могут вполне объективно отличаться (ср. количество брызг от глыбы айсберга, упавшего в воду, или от куска сахара, упавшего в кружку с чаем; см. также наличие критериев оценки результата в соревнованиях по прыжкам в воду). В этой связи, чтобы количество брызг в водной ситуации можно было использовать как параметр их различения, следует, допуская некоторую погрешность от упрощения, ориентироваться на принцип взаимоисключения: если брызг в ситуации не большое и не минимальное количество, то их – среднее количество и т.д. Что касается размера предмета, задействованного в водной ситуации, то маленьким можно считать предмет, который при взаимодействии с жидкостью дает минимальное количество брызг. Как показывает практика, такой предмет имеет максимальный размер немногим больше крупной дождевой капли, либо он имеет обтекаемую форму, что в поперечном сечении (важно при вертикальном падении) покажет такой же размер. Крупными же можно назвать все остальные предметы, которые при взаимодействии с жидкостью дадут более чем минимальное количество брызг.

Таблица 1 Тип (а): ПРЕДМЕТ \ ЖИДКОСТЬ (в жидкость, на жидкость, по жидкости) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

Дескриптор		Качество столкновения	Итог столк- новения	Предмет	Примечание
			∙ объект) ↓ жі	идкость	
бултых	«в воду» «по воде»	Большое количество брызг, наличие звука бултыханья 1	Полное или почти полное погружение предмета	Крупный и/или тяже- лый	Адресатом действия преимущественно является жидкость, но может быть чтолибо мягкое вообще
бульк	«в воду»	Минимальное количество брызг, наличие звука, похожего на однократное бульканье; возможно образование лопающегося пузырька воздуха на поверхности жидкости	Полное погружение предмета	Маленький или обтека- емый, мо- жет быть капля	В зависимости от того, как осмысляется мгновение взаимодействия предмета и жидкости (предмет↓+капля↓ или предмет↓+пузырь), возможно смешение слов бульк и буль
плюх	«в воду»	Большое или среднее количество брызг, наличие звука, похожего на шлепок	Частичное или полное погружение	Часто упавший плашмя	Обычно адресатом действия является
	«на воду» «по воде» иногда с повторени- ем	То же самое	Контакт, без погружения	То же самое	жидкость
хлюп	«в грязь/-и» «в воду/-е»	Среднее или минимальное количество брызг; наличие звука хлюпанья	Частичное или полное погружение	Крупный и/или тяже- лый	Обычно с повторением; чаще адресатом действия является не жидкость, а
	«по грязи» «по воде»	То же самое	Частичное погружение	То же самое	жидковатое веще- ство
чмок	«в грязь/-и» «в воду/-е»	Среднее или минимальное количество брызг; наличие звука чмоканья	Частичное или полное погружение	Крупный и/или тяже- лый	Чаще адресатом действия является не жидкость, а жидковатое вещество

 $^{^{1}}$ При описании того или иного присущего водной ситуации звука с помощью однородного дескриптору коррелята (см., например, в табл. 2 звукоподражание чмок – звук чмоканья) мы исходим из свойства самоприменимости звукоподражаний (и их однокоренных слов), своим фонетическим составом призванных передавать воспринимаемый звук.

Дес	криптор	Качество столкновения	Итог столк- новения	Предмет	Примечание	
	«по грязи» «по воде»	То же самое	Частичное Погружение	То же самое		
шлеп	«в воду» «на воду»	Большое или среднее количество брызг, наличие звука, похожего на шлепок	Частичное или полное погружение	Часто упавший плашмя	Жидкость только иногда является адресатом действия	
	«по воде» иногда с повторени-ем	То же самое	Контакт, без погружения	То же самое		
нырк	«в воду»	Субъект (живое существо) изначально не находится в жидкости или находится на ее поверхности			Адресатом действия может быть и не	
(нырь)	«под воду»	Субъект изначаль жидкость или нах		1 2	жидкость	

Таблица 2 Тип (b): ПРЕДМЕТ ↑ ЖИДКОСТЬ (из жидкости) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

Десь	сриптор	Качество взаи- модействия	Итог взаимо- действия	Предмет	Примечание
		cyc	ьект ↑ жидко	сть	
буль	«из во- ды», «во- да…»	Минимальное количество брызг, наличие булькающего звука; образование лопающегося пузырька воздуха на поверхности жидкости	Выход на поверхность через толщу жидкости	Пузырь воздуха или газа	Обычно с повторением; Иногда исполнителем действия мыслится собственно жидкость; Возможна замена слова буль на слово бульк, особенно при однократности или отрывистости повторения действия ситуации
хлюп	«из во- ды», «во- да…»	Минимальное количество брызг, наличие хлюпающего звука; образование лопающегося пузырька воздуха на поверхности жидкости	Выход на поверхность через толщу жидкости	Пузырь воздуха или газа	Иногда с повторением; Иногда исполнителем действия мыслится собственно жидкость; Часто составляющим ситуации является не жидкость, а жидковатое вещество
чмок	«из жи- жи»	Минимальное количество брызг или их отсут- ствие; наличие чмокающего	Полный вы- ход из толщи или отрыв от поверхности жидковатого	Без особых парамет- ров	Чаще составляющим ситуации является не жидкость, а жидковатое вещество

Десь	риптор	Качество взаи- модействия	Итог взаимо- действия	Предмет	Примечание
		звука отделяю-	вещества,		
		щегося от жид-	жидкости		
		коватого веще-			
		ства (жидкости)			
		предмета			

Таблица 3 Тип (с): ЖИДКОСТЬ $\rightarrow$ ПРЕДМЕТ (о преграду) и/или ЖИДКОСТЬ $\downarrow$ ПРЕДМЕТ (на поверхность) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

(преграда ←) жи преграда		Дескриптор		жидкость ↓ твердая поверхность		
Качество столкновения / прим.	Предмет	«во что- л.», «обо что-л.»	«на что- л.»	Особенность жидкости	Качество столкно- вения / прим.	
Звук бултыхания / обычно с повторением	Чаще емкость, преграда	бул	ТЫХ	_	-	
Звук бульканья	Емкость, преграда	бул	ІЬК	-	-	
-	-	K	ıп	В виде капель	Минимальное количество брызг, отрывистый резкий звук / обычно с повторением	
Звук от удара плашмя, шлепка	Преграда (чаще плоская), емкость	плюх		В виде крупных капель или вы- плеснутого разом некоторого объема жидкости, жидко- ватой массы	Возможно наличие брызг; звук, как от падения чего-либо плашмя	
Хлюпающий звук /часто с повторением	Емкость (часто обувь), преграда	хлюп		-	-	
Чмокающий звук	Преграда (чаще плоская)	чмок		В виде жидковатой массы	Минимальное количество брызг или их отсутствие; отрывистый чмо-кающий звук	
Звук шлепка	Преграда (чаще плоская)	шлеп		В виде крупных капель или вы- плеснутого разом некоторого объема жидкости, жидковатой массы	Возможно наличие брызг или их отсутствие; звук, как от шлепка	
Звук, как от хлесткого удара	Преграда	хлесть	(хлесь)	В виде сильной струи или резко и разом выплесну- того некоторого объема жидкости	Наличие брызг; звук, как от хлест- кого удара	

Таблица 4 Тип (d): ПРЕДМЕТ (источник) ⇒ ЖИДКОСТЬ = СТРУЯ, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

	источник						
Десн	криптор	Качество взаимо- действия	Особенность жидкости	Примечание			
буль	«из чего- л.»	Булькающий звук	В виде неровной, сбивчивой струи	Обычно с повторением; источник часто узкогорлый; происхождение звука может быть осмыслено в русле значения слова буль типа (b)			
кап	«из чего- л.»	Звук связан с результатом действия в ситуации — падением капель на поверхность	В виде ка-пель	_			
пшик	«из чего- л.»	Наличие шипяще- го звука	В виде мелко и широко распыленной струи	Источник — часто мелкое отверстие; жидкость часто похожа на струю газа; составляющим ситуации может быть не только жидкость			
хлесть (хлесь)	«из чего- л.»	Звук зависит от особенностей струи выходящей жидкости	В виде сильной, брызганощей струи	_			

Развивая последнюю мысль, можно с большой долей вероятности допустить существование исчерпывающего списка известных человеку типичных водных ситуаций и, как следствие, присущих им водных звуков. Если это предположение верно, то всякая актуализация в лексике какого-либо языка некоторого подмножества водных ситуаций из такого перечня будет частной системой водной лексики такого языка. Также может оказаться, что по тем или иным историческим, языковым или географическим причинам перечень актуальных водных ситуаций, отраженных в одном языке, может отличаться от перечня и специфики отражения водных ситуаций в другом. Так, рассмотрев с этих позиций звукоподражательные междометия из водной лексики русского языка, интересно обратиться к подобной практике финского языка. Какова же частная система типичных водных ситуаций и водных звукоподражательных междометий финского языка и актуальны ли для него выделенные нами критерии обобщения и различения водных звукоподражательных междометий?

Водные звукоподражательные междометия финского языка (на основе электронного анкетирования)

К водным звукоподражательным междометиям в финском языке относятся следующие слова: kohi, kuoh, liri, liti, lits, loiskis, loti, läti, läts, molskis, pirsk, pläts, polskis, pori, pul(i), roiskis, tip. Как уже было упомянуто выше, зафиксированность финских звукоподражательных междометий невозможно определить по словарным данным. В современных толковых словарях Suomen kielen perussanakirja («Базовый словарь финского языка», 3 тома, около 100 000 словарных статей 1990–1994 гг.) [20] и Kielitoimiston sanakirja («Словарь языкового бюро Центра Отечественных языков Финляндии», более 100 000 словарных статей, версия от 2016 г.а¹) [21] нет ни одного из этих междометий. Существует еще и Nykysuomen sanakirja («Словарь современного финского языка» в шести томах от 1951–1961 гг., новейшее издание: [22]), содержащий более 200 000 словарных статей и считающийся до сих пор авторитетным, но несколько устаревшим, поскольку большая часть его материалов была собрана еще в первой половине XX в. Из вышеупомянутых междометий он содержит loiskis, molskis, polskis u roiskis.

Описание электронного анкетирования

Поскольку водные звукоподражательные междометия финского языка не описаны в словарях, было проведено электронное анкетирование носителей языка в Интернете (с помощью программы Webropol). Анкетирование проводилось среди студентов филологического профиля (главный предмет: финский или английский язык) Университета Турку (Финляндия). Студентов пригласили принять участие в исследовании через студенческую рассылку, и в течение трех дней было получено 124 ответа (среди которых 19 – от мужчин, 105 – от женщин). Все респонденты являлись носителями финского языка. Испытуемые были в возрасте 18—66 лет (109 из 124 – в возрасте до 29 лет).

Анкетирование было проведено с учетом максимального удобства респондентов — на все обязательные вопросы можно было ответить, выбирая между готовыми вариантами, а комментирование было во всех случаях добровольным. Таким образом, даже если в анкете было достаточно много вопросов, ее можно было заполнить примерно за 15 минут (указать возраст, место рождения и место жительства и кликнуть мышью в общей сложности около ста раз). Те, кто решил что-либо прокомментировать, мог потратить и намного больше времени.

Электронная анкета состояла из трех типов заданий. Первый тип – субституционный тест, содержащий серии предложений, в которых в одном и том же предложении употреблялись близкие по значению водные звукоподражания. У респондентов спросили, «можно ли так сказать по-фински», и у них было три варианта ответа для каждого предложения – «естественно», «неестественно» и «я бы сам(а) так не сказал(а), но кто-нибудь другой мог бы так сказать». При анализе варианты «естественно» и вариант «я бы сам(а) так не...» считались фактически равноценными – на наш взгляд, они

¹ Данный словарь является новой версией *Suomen kielen perussanakirja*. Новые версии этого словаря выпускаются в Интернете примерно раз в год.

одинаково подтверждают возможность использования. Вторым типом заданий в опросе были отдельные предложения, которые являлись либо предположительно естественными, либо примерами менее удачного употребления. Третий тип заданий тестировал признаки, факторы, лежащие, по нашему предположению, в основе различий водных звукоподражаний между собой. Для каждого из признаков (например, «является ли предмет плоским?») в связи с тем или иным междометием респондентам были предложены варианты ответа «да», «нет» и «здесь не имеет значения». В тест были включены следующие признаки: 1) серийность: повторяется ли звук (и, соответственно, слово); 2) место звука: водный звук от взаимодействия предмета с толщей жидкости или с ее поверхностью, прослойкой; 3) форма предмета, который взаимодействует с жидкостью (плоскостной или нет); 4) итог взаимодействия: происходит ли полное погружение предмета в толщу жидкости или нет; 5) качество взаимодействия с жидкостью.

Значения финских звукоподражательных междометий (на основе анкетирования)

Ниже будут представлены водные звукоподражательные междометия финского языка на основе результатов проведенного электронного анкетирования. Опишем сначала две группы слов с похожими значениями, а затем остальные слова в алфавитном порядке. Из финских водных звукоподражательных междометий близкими по значению являются, с одной стороны, lits, läts и pläts и loiskis, molskis, polskis, roiskis — с другой. Первая группа слов явно звукоподражательная, а вторая — звукоподражательная и глагольная.

Lits обозначает звук, связанный с падением какого-либо предмета на твердую поверхность, или звук, который производит вода при соприкосновении воды с большим предметом, например когда человек шагает в лужу. Läts является его близким синонимом. На вопрос, обозначают ли эти два слова один и тот же звук или разные звуки, 89% респондентов ответили, что слова обозначают либо одно и то же, либо почти одно и то же. Эти звукоподражания обозначают единичный звук, но могут быть употреблены и для повтора такого звука. Респонденты считали, что эти слова связаны с прикосновением с водой, только 5% в отношении lits и 4% в отношении läts ответили, что слово может быть употреблено в случае, если источником звука является только вода без контакта с каким-либо предметом. Для обоих слов плоскость предмета является важным фактором, и, как отметили респонденты, эти слова могут быть употреблены в отношении плавания, только если речь идет о неудачном прыжке в воду таким образом, что человек оказывается в воде на животе, т.е. в положении плоского предмета. Слова нередко встречаются и в комбинации lits läts. Например: Lits läts läts kuuluu lätäköstä kun lapsi hyppii siinä (Lits-läts-läts – слышно из лужи, когда в ней прыгает ребенок). Saappaat sanovat lits läts (Сапоги говорят lits-läts).

Pläts и его вариант plätsis 'плюх, бултых' обозначают звук от контакта воды или мокрого предмета с твердой поверхностью или с водой.

Примеры: *Pläts. Kaadun naama edellä mutavelliin* (Плюх. Упал(а) в грязь). *Pläts! Pläts! Leikkivene iskeytyi veteen* (Плюх! Плюх! Игрушечный кораблик столкнулся с водой.) В данном случае повтор является маркированным, так как по своему первичному значению междометие обозначает единичное действие и поэтому в финском языке может быть употреблено с повтором, только если подчеркивается повтор громкого звука.

Loisk и его вариант loiskis обозначают звук, связанный с плеском воды. Данное междометие имеет много различных употреблений, оно указывает на плеск независимо от того, кто и или что этот плеск вызывает. Например: Avaimet tippuivat loiskis vaan veteen (Ключи просто упали в воду – loiskis). Molskis обозначает звук, связанный с падением какого-либо предмета в воду. Главное здесь именно то, что предмет оказывается в воде, а конкретный звук или плеск имеют меньшее значение. Предмет должен быть достаточно большим, так это может быть человек или рыба. Например: Molskis! Lapsi pyllähti veteen (Molskis! Ребенок упал в воду); Molskis vaan veteen siitä! (Идите прямо в воду, molskis!). Roiskis и его вариант roisk обозначают звук, связанный с брызгами. Слово употребляется в разных водных ситуациях, но при этом особое внимание обращается на брызги. В этом случае вариант без -is может обозначать и намеренное и ненамеренное действие, в то время как roisk - только намеренное действие, т.е. vпотребление без суффикса представляет собой более глагольное, что заметно и в синтаксических возможностях. Примеры: Varo vaan, ettet saa vettä päällesi, roisk, roisk (Осторожно, смотри, чтобы на тебя не попала вода, roisk, roisk); Lapsi hyppäsi roiskis vaan kuralammikkoon (Ребенок прыгнул в лужу – roiskis).

Результаты субституционного теста показали, что для loiskis и roiskis главное — брызги. Кроме того, в случае loiskis брызги никакого вреда не приносят, а в случае roiskis они оказываются на ком-либо. Для polskis обязательно, чтобы в воде оказался не предмет, а одушевленный объект, Наиболее вероятно, человек. Pläts обозначает, скорее всего, брызги, вызванные плоским предметом на поверхности воды. Для molskis главное — погружение. Из перечисленных междометий polskis в большей мере ограничено по употреблению для обозначения резкого контакта с водой. Такой результат анкетирования напомнил авторам о том, что даже если слово может быть употреблено как близкий синоним других слов в этой группе, его наиболее прототипичным употреблением является, скорее, движение в воде, чем в воду, как и у однокоренного глагола polskia 'плескаться, купаться'. Связь слова roiskis именно с (намеренными) брызгами много раз отмечалась респондентами: брызги либо отсутствуют, либо не имеют значения.

По данным анкетирования, loiskis из этих пяти слов имеет самое общее значение. *Molskis* тоже имеет общее значение, но его употребление в случае, когда никакого погружения нет, может быть затруднительно.

Согласно ответам респондентов финское слово *kohi* обозначает звук волн или ветра. Действие, которое вызывает звук, является постоянным, например, это может быть непрерывная струя воды. Однокоренным является глагол *kohista* 'бушевать'. Согласно ответам 76% респондентов звук не

может быть вызван соприкосновением с предметом, здесь действует только вода как таковая, а 20% считают, что звук связан либо с прикосновением к предмету, либо только с движением воды. Только 4% ответили, что звук обязательно вызван соприкосновением с предметом. Соответственно, относительно единое мнение преобладало и по поводу того, что такие признаки, как погружение и форма предмета, не имеют при этом значения. Коhi — хороший пример слова, о котором невозможно найти информацию другими способами — его не только нет в словарях, но и поиск в Интернете дает на 95% не то (иностранные имена собственные), и в электронных корпусах данного слова также нет.

Слово *kuoh* обозначает либо звук волн, либо звук жидкости (компота, киселя), связанный с кипением. Это слово также связано со звуком (единичным или повторяющимся), который слышен, когда пена или пузырек поднимаются на поверхность жидкости, и который сопровождается визуальными эффектами. Звук производится без соприкосновения с другими предметами. Слово имеет и фигуративное значение 'возбуждение'. Однокоренными являются глаголы *kuohua* 'пениться, кипеть, бурлить' и *kuohahtaa* 'вскипеть, перелиться, вспыхнуть'. Например, *Ja sitten yllättäen kuoh! ja keitos oli täydessä vauhdissa* (А потом вдруг – *kuoh!* – и закипел).

Lir(i) обозначает звук движения (струи) небольшого количества воды или жидкости, например, когда вода течет из крана, струится в ручье или выливается из одного сосуда в другой: Vesi lirisee purossa liri liri (Вода течет в ручье – liri-liri). Liri liri pontikka lirisi ostajan pulloon. (Liri-liri – самогонка текла в бутылку покупателя). В примерах вместе с междометием также употребляется однокоренной звукоподражательный глагол liristä. Из разных вариантов ответа 96% респондентов в качестве значения этого слова выбрали «текущую воду», 90% ответили, что звук может повторяться, и 95% – что предмет погружается в воду или что погружение не имеет здесь значения. Респонденты также были практически на 100% согласны с тем, что звук производится близко к поверхности воды (79%) или что это не имеет здесь значения (20%). Большая часть респондентов также ответили, что звук вызван только водой, но не контактом с другими предметами и что форма предмета не имеет значения.

Liti — звук, связанный с промокшим предметом при столкновении с преградой. Loti обозначает повторяющийся хлюпающий звук, вызванный большим предметом. Например: Loti loti kuului saappaiden alta (Loti, loti — было слышно из-под сапог). Läti обозначает повторяющийся звук, менее резкий, чем lits или läts, и также не связанный с брызгами. Звук вызывается большим предметом (таким как сапог). Например: Läti, läti, läti kuului kun pieni saapas läiskytteli jään päällä olevaa vettä (Läti, läti, läti — слышалось, когда маленький сапожок шлепал в воде на льду). В этом же предложении можно было употребить и liti или loti или их комбинации. Эти три слова близки по значению и могут быть употреблены вместе. Разница между loti и läti в том, что при том, что звук может быть иденти-

чен, $l\ddot{a}ti$ с большей вероятностью, чем loti, связан с брызгами. Не все носители финского языка, однако, различают их. Эти слова связаны с однокоренными глаголами $litist\ddot{a}$, lotista, $l\ddot{a}tist\ddot{a}^{1}$, которые все можно перевести как 'хлюпать'.

Pirsk '≈ пшик' обозначает звук, вызванный тем, как вода или другая жидкость с шипением вырывается откуда-либо. Например: *Pirsk. Hajuveden tuoksu levisi huoneeseen*. (Pirsk. Запах духов распространился по всей комнате). $\ddot{A}$ iti silitti veljen paitaa: pirsk, pirsk. (Мама гладила брату рубашку – pirsk-pirsk.)

Pori, образованное от глагола porista 'клокотать', обозначает звук (скорее, бурного) кипения воды, других жидкостей или полужидких продуктов (например, каши). Например: *Pori pori kuului kattilasta* (Из кастрюли было слышно *pori-pori*).

Pul(i) означает звук, издаваемый пузырящейся водой или ручьем. Такой звук вызван контактом воздуха и потока воды, в котором из-за его неравномерности образуются пузыри. Несмотря на значительное фонетическое сходство данного звукоподражания с русским словом «буль» (оба чаще всего встречаются в конструкциях с повтором), они не являются идентичными по употреблению. Финское puli связано со свободно струящейся водой и из-за этого чаще всего употребляется по отношению к тому, что происходит весной. Это слово не может быть употреблено в отношении единичного случая бульканья, звук (и соответствующее ему водное действие) должен продолжаться и повторяться. Puro sanoi puli-puli (Ручей говорит буль-буль).

Опираясь на ответы респондентов, поместим финские водные звукоподражательные междометия в таблицы, аналогичные русским (табл. 5–8).

¹ *Lätistä* употребляется также в переносном значении, 'болтать', 'молоть ерунду'. Весьма интересно, что оно, как и 'болтать', в первом значении связано с водой.

² Существует и комбинация *tip-tap*, или *tip-tap-tip-tap-tipe-tipe-tip-tap*, которая, похоже, не описывает воду, но знакома всем финнам из детской рождественской песни, в которой она сопровождается определенной игрой указательными пальцами. Что эта комбинация там обозначает, похоже, никто не знает. Кроме того, существует также комбинация tip top, которая имеет значение безупречности (порядка, наряда и т.д.).

Таблица 5 Тип (а): ПРЕДМЕТ $\downarrow$ ЖИДКОСТЬ (в жидкость, на жидкость, по жидкости) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

Дескриптор		Качество столкновения	Итог столк- новения	Предмет	Примечание
		субъект (→	∙ объект) ↓ жи	дкость	
loiskis, loisk	«в воду» «по воде», иногда с по- вторением	Среднее или большое ко- личество брызг	Частичное или полное погружение	Любой предмет	Главное — брызги, от глаголов loiskia 'брызгать', loiskahtaa 'брызнуть'
molskis	«в воду»	Маленькое, среднее или большое ко- личество брызг, гром- кий звук	Частичное погружение	Большой, скорее, одушевлен- ный	Главное – оказаться в воде и звук, свя- занный с этим
roiskis, roisk	«по воде»	Среднее или большое ко- личество брызг	Нет погру- жения	Большой	Брызги важнее зву- ка, от глагола roiskia, roiskuttaa 'брызгать'
polskis	«в воде»	Маленькое, среднее или большое ко- личество брызг, движе- ние воды	Частичное погружение	Человек, иногда так- же предме- ты	Действие часто намеренное, в фо-кусе внимания не брызги, а движение в воде или в воду
pläts	«в воду»	Большое или среднее количество брызг, наличие звука, похожего на шлепок	Частичное или полное погружение	Любой предмет	Обычно адресатом действия является
	«на воду» «по воде», иногда с по- вторением	То же самое	Контакт, без погружения	Любой предмет, если боль-шой, то часто упав-ший плаш-мя	жидкость, но может быть и твердая по- верхность
lits, läts	«по воде» «на поверх- ность», часто с повторени- ем	Среднее или минимальное количество брызг, слабый звук, связанный с брызгами	Контакт с поверхно- стью	Любого размера, часто упав- ший плаш- мя	
	«в воду/-е», «в грязь/-и», часто с по- вторением	Среднее или минимальное количество брызг, слабый	Контакт с дном водое- ма, бассейна, таза и т.д.	Небольшой, например, нога, рука или сапог	Водоем должен быть неглубоким (например, лужа, невысокий берег);

Дескриптор		Качество столкновения	Итог столк- новения	Предмет	Примечание
		звук, связан-			также обобщенный
		ный с брызга-			звук слабых брызг
		МИ			

Таблица 6 Тип (b): ПРЕДМЕТ ↑ ЖИДКОСТЬ (из жидкости) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

Дескриптор		Качество взаимо- действия	Итог взаимо- действия	Пред- мет	Примечание
			ъект ↑ жидкост		
puli	«из во- ды» «во- да…»	Минимальное количество брызг, наличие булькающего звука; образование лопающегося пузырька воздуха на поверхности жидкости	Выход на поверхность через толщу жидкости	Пузырь воздуха или газа	Не о кипении, обычно с повторением; иногда исполнителем действия мыслится собственно жидкость
pori	«из во- ды» «во- да…»	Минимальное количество брызг, наличие булька-ющего звука; образование лопающегося пузырька воздуха на поверхности жидкости	Выход на поверхность через толщу жидкости	Пузырь воздуха или газа	Звук кипения воды, жид- кости или жидковатого вещества; обычно с по- вторением; иногда ис- полнителем действия мыслится собственно жидкость
liti, loti, läti	«из во- ды» «во- да…»	Минимальное количество брызг, наличие хлюпающего звука	Выход на поверхность через толщу жидкости	Без особых пара- метров	Часто с повторением; иногда исполнителем действия мыслится соб- ственно жидкость; часто составляющим ситуации является не жидкость, а полужидкое вещество
loiskis	«из во- ды»	Среднее или большое количе- ство брызг	Выход на поверхность воды с брызгами	Без особых пара- метров	Однократность и моментальность действия
kuoh	«из жидко- сти, жид- кость»	Звук пены или капель, поднимающихся на поверхность	Полный выход из толщи или отрыв от поверхности полужидкого вещества, жидкости	Лопа- ющийся пузырь воздуха или газа	Употребляется часто и в фигуративном значении состояния кипения общества

Таблица 7 Тип (с): ЖИДКОСТЬ → ПРЕДМЕТ (о преграду) и/или ЖИДКОСТЬ ↓ ПРЕДМЕТ (на поверхность) = ВСПЛЕСК, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

(преграда ←) жи преград		Дескриптор		жидкость ↓ твердая поверхность			
Качество столк- новения / прим.	Предмет	«во что-л.» «обо что-л.»	«на что- л.»	Особенность жидкости	Качество столкновения / прим.		
-	-	tip I		В виде капель	Минимальное количество брызг, отрывистый рез-кий звук / обычно с повторением		
Звук от удара плашмя, шлепка	Преграда, емкость	loisk(is)		loisk(is)		В виде крупных капель или вы- плеснутого разом некоторого объ- ема жидкости, жидковатой мас- сы	Возможно наличие брызг; звук, как от падения чего-либо плашмя
Звук от удара плашмя, шлепка	Преграда (чаще плоская), емкость	pläts		В виде крупных капель или вы- плеснутого разом некоторого объ- ема жидкости, полужидкой мас- сы	Возможно нали- чие брызг		
Звук от удара плашмя, шлепка	Преграда (чаще плоская), емкость	lits, läts		_	-		
Звук волн	Преграда (берег, камень)	ku	oh	-	_		

Таблица 8 Тип (d): ПРЕДМЕТ (источник) ⇒ ЖИДКОСТЬ = СТРУЯ, БРЫЗГИ И/ИЛИ ВОДНЫЙ ЗВУК

Дескриптор		Качество взаимодействия	Особенность жидкости	Примечание			
источник ⊐ жидкость							
tip	«из чего- л.»	Звук связан с результатом действия в ситуации – падением капель на поверхность	В виде ка-пель	По значению и употреблению очень близко русскому слову кап			
liri		Звук маленькой струи	В виде по- стоянной, ровной, ма- ленькой струи	Например, из крана, при пере- ливании			

Дескриптор		Качество взаимодействия	Особенность жидкости	Примечание
loisk	«из чего- л.»	-	В виде сильной, брызганощей струи	
kohi		-	В виде ровной струи	Звук на фоне

Заметим, что самое общее по значению из финских водных звукоподражаний — это слово **loisk**, которое употребляется в самых разных водных ситуациях. Слово **pläts** также имеет широкий диапазон употреблений, но для него, в отличие от **loisk**, обязательно присутствие контакта воды с предметом. Комментарии респондентов дают повод полагать, что намеренность действия является дополнительным фактором, влияющим на выбор конкретного финского слова.

Заключение

Работа состояла в семантическом описании русских и финских водных звукоподражательных междометий. Разработанная на основе словарных материалов типология русских слов послужила основой для электронного анкетирования, проведенного среди 124 носителей финского языка для уточнения семантических признаков аналогичных финских слов, которые пока не описаны в словарях и которых почти нет в электронных корпусах финского языка.

Словари не только описывают значения слов, но и влияют на них. Более того, важным источником для составителей словарей являются другие словари. Используя качественные толковые словари, носитель языка подтверждает собственную языковую интуицию, а если данные словари противоречат его интуиции, он склонен полагать, что словарь прав. В случае русского языка новые словари могли бы в вопросе звукоподражательных междометий опираться и на данные электронных корпусов. Для финского языка дела обстоят совершенно иначе, потому что такие слова редко используются в кодифицированном языке, что связано с различиями в их синтаксических функциях. В разговорной речи эти слова, тем не менее, широко употребляются. Подобный метод семантического анализа может быть применен для малоописанных слов и в других славянских и неславянских языках.

Литература

- 1. *Rhodes R.* Aural images // Sound symbolism / eds. L. Hinton, J. Nichols, J.J. Ohala, Cambridge, 1994. P. 276–292.
  - 2. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. 783 с.

- 3. *Кор Шаин И*. Плюх! плюх плюхнуть(ся): К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных // Инструментарий русистики: корпусные подходы / под ред. А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 152–162.
- 4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1980. 879 с.
- 5. *Nikitina T*. Russian verboids: a case study in expressive vocabulary // Linguistics. 2012. № 50/2. P. 165–189.
- 6. Середа Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М., 2013. 159 с.
- 7. Schürmann M. 'Multimodal interactions: tactile-auditory' // Encyclopedia of Perception / ed. by E.B. Goldstein. Thousand Oaks, 2010. Vol. 1. P. 592–593.
- 8. *Shams L.* Multimodal interactions: visual-auditory // Encyclopedia of Perception / ed. by E.B. Goldstein. Thousand Oaks, 2010. Vol. 1. P. 595–597.
- 9. *Spence C*. Multimodal interactions: visual-haptic // Encyclopedia of Perception / ed. by E.B. Goldstein. Thousand Oaks, 2010. Vol. 1. P. 597–599.
- 10. Wallace, M. T. Multimodal integration: neural basis // Encyclopedia of Perception / ed. by E.B. Goldstein. Thousand Oaks, 2010. Vol. 1. P. 585–588.
- 11. Zellner D.A. Multimodal interactions: color-chemical // Encyclopedia of Perception / ed. by E.B. Goldstein. Thousand Oaks, 2010. Vol. 1, P. 584–585.
  - 12. Mikone E. Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. Helsinki, 2002. 156 p.
  - 13. Jääskeläinen A. Todisteena äänen kuva. Helsinki, 2013. 361 p.
- 14. Виймаранта Й., Алекдандрова А.А, Богомолов А.С, Пасмор Е.С., Тикканен Л. «Водные» звукоподражания в финском и русском языках // Язык и культура. 2016. № 1 (33). Р. 6–24.
- 15. Лурье С.Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках. Львов, 1955. 70 с.
- 16. Viimaranta J., Vihervä M. The use of onomatopoeic interjections in predicate function in Russian and other languages: A perspective from the Corpus of Parallel Texts of the Russian National Corpus // Scando-Slavica. 2019. № 65 : 2. P. 239–262.
- 17. *Большой* академический словарь русского языка : в 30 т. / ред. К.С. Горбачевич. СПб., 2004.
- 18. Ефремова $T.\Phi$. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000.
- 19. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
  - 20. *Haarala R.* (ed.) Suomen kielen perussanakirja. Helsinki, 1990–1994.
- 21. *Heinonen T.R.* (ed.) Kielitoimiston sanakirja, version of 29.2.2016. URL: https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/
  - 22. Sadeniem, M. (ed.) Nykysuomen sanakirja. Juva, 1992.

Creating a Lexico-Semantic Typology of Water-Related Onomatopoeic Interjections (On Russian and Finnish Material)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 5–29. DOI: 10.17223/19986645/65/1

Johanna Viimaranta, University of Helsinki (Helsinki, Finland). E-mail: johanna.viimaranta@helsinki.fi

Alexey S. Bogomolov, Åbo Akademi University (Turku, Finland). E-mail: bogomolov.alexey@mail.ru

Keywords: onomatopoeia, interjection, typology, Russian, Finnish.

This article is concerned with onomatopoeic interjections that describe the visual and acoustic effects produced when a subject or object comes into contact with water or another

liquid. The aim of the research was to establish the criteria for devising a typology of such onomatopoeic expressions. The research material consisted of water-related onomatopoeic interjections in Russian and Finnish. While it is well known that such words can be used as predicates in Russian, descriptions of Finnish grammar make no reference to this type of syntactic function. Since words belonging to this group are recorded and codified in Russian dictionaries, but not in Finnish ones, the authors employed different methods for each of the two languages in examining the lexical material. After establishing a codified inventory of water-related onomatopoeic interjections in Russian, the authors analysed their dictionary meanings, which enabled them to reduce the semantic content of the interjections to a set of prototypical ideas. On the basis of this analysis, the authors created a typology of waterrelated situations and established the criteria for identifying onomatopoeic synonymy. To compensate for the absence of dictionary data for Finnish onomatopoeic interjections, native speakers were asked to fill in electronic questionnaires in which their task was to complete descriptive utterances, to make acceptability judgements concerning the use of particular onomatopoeic expressions, and to pinpoint the essential features of the situation described. The data obtained for both languages were systematized in tabular form in accordance with the typology of water-related onomatopoeic interjections presented in this article. In contemporary Russian, the codified inventory of water-related onomatopoeic interjection consists of the following words: bultykh, bul' or bul'k, kap, nyrk (nyr'), plyukh, pshik, khlest' (khles'), khlyup, chmok, and shlep. Words used in a similar way in contemporary Finnish include the following: kohi, kuoh, liri, liti, lits, loiskis, loti, läti, läts, molskis, pirsk, pläts, polskis, pori, pul(i), roiskis, and tip. It turned out that the major considerations influencing a speaker's choice of a suitable water-related onomatopoeic word include the following: (1) seriality: whether a sound (and, consequently, a word) is repeated; (2) the location at which the sound is produced, i.e. whether the object comes into contact with the surface of the liquid or with a deeper stratum; (3) the shape of the object that interacts with the liquid (flat or multidimensional); (4) the result of the interaction (whether or not complete immersion in the liquid takes place); and (5) the quality of the object's interaction with the liquid. Apart from comparisons between Finnish and Russian, this typology provides a framework for the contrastive analysis of water-related onomatopoeia in other languages as well.

References

- 1. Rhodes, R. (1994) Aural images. In: Hinton, L., Nichols, J. & Ohala, J.J. (eds) *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 276–292.
- 2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 3. Kor Chaine, I. (2008) Plyukh! plyukh plyukhnut'(sya). K voprosu ob evolyutsii narrativnykh predikatov v svete korpusnykh dannykh [Plyukh! plyukh plyukhnut'(sya). To the question of the evolution of narrative predicates in relation to corpus data]. In: Mustajoki, A. et al. (eds) *Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody* [Instrumentats of Russian Studies: Corpus approaches]. Helsinki: University of Helsinki. pp. 152–162.
- 4. Zaliznyak, A.A. (1980) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Inflection]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 5. Nikitina, T. (2012) Russian verboids: a case study in expressive vocabulary. *Linguistics*. 50/2. pp. 165–189. DOI:10.1515/ling-2012-0007
- 6. Sereda, E.V. (2013) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Mesto mezhdometiy v sisteme chastey rechi* [Morphology of the Modern Russian Language. The place of interjections in the system of parts of speech]. Moscow: FLINTA.
- 7. Schürmann, M. (2010) Multimodal interactions: tactile-auditory. In: Goldstein, E.B. (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Vol. I. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 592–593.
- 8. Shams, L. (2010) Multimodal interactions: visual-auditory. In: Goldstein, E.B. (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Vol. I. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 595–597.

- 9. Spence, C. (2010) Multimodal interactions: visual-haptic. In: Goldstein, E.B. (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Vol. I. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 597–599.
- 10. Wallace, M.T. (2010) Multimodal integration: neural basis. In: Goldstein, E.B. (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Vol. I. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 585–588.
- 11. Zellner, D.A. (2010) Multimodal interactions: color-chemical. In: Goldstein, E.B. (ed.) *Encyclopedia of Perception*. Vol. I. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 584–585.
- 12. Mikone, E. (2002) *Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
  - 13. Jääskeläinen, A. (2013) *Todisteena äänen kuva*. Helsinki: University of Helsinki.
- 14. Viimaranta, J. et al. (2016) Interjections pertaining to sounds of water in Finnish and Russian. *Yazyk i kul'tura Language and Culture*. 1 (33). pp. 6–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/33/1
- 15. Lur'e, S.Ya. (1955) *Neizmenyaemye slova v funktsii skazuemogo v indoevropeyskikh yazykakh* [Fixed Words with Predicate Function in Indo-European Languages]. Lviv: University of Lviv.
- 16. Viimaranta, J. & Vihervä, M. (2019) The use of onomatopoeic interjections in predicate function in Russian and other languages: A perspective from the Corpus of Parallel Texts of the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 65:2. pp. 239–262. DOI: 10.1080/00806765.2019.1672092
- 17. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Nauka.
- 18. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 19. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
- 20. Haarala, R. (ed.) (1990–1994) Suomen kielen perussanakirja. Helsinki: Valtion painatuskeskus.
- 21. Heinonen, T.R. (ed.) (2016) *Kielitoimiston sanakirja*. [Online] Available from: https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/.
  - 22. Sadeniem, M. (ed.) (1992) Nykysuomen sanakirja. Juva: Söderström.

УДК 81'282.2, 81'42 DOI: 10.17223/19986645/65/2

С.В. Волошина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МЕДВЕДЬ» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ ^{1}

Рассматриваются языковые средства, участвующие в вербализации концепта «Медведь», а также его признаковая структура, образные и ценностные интерпретации. Материалом являются тексты, записанные на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Выявлено, что медведь выступает как сфера-источник и как сфера-мишень в ряду образных интерпретаций; это прежде всего хищное, умное, опасное животное, обладающее разрушительной силой, и охота на медведей имеет утилитарное значение.

Ключевые слова: концепт, диалектный дискурс, медведь, диалектная коммуникация, говоры Среднего Приобья.

Концепт «Медведь» — лингвокультурный концепт, символизирующий Россию и Сибирь в частности, входящий в более крупное образование — концепт «Природа». Концепт изучали на материале разных языков и вариантов русского языка: литературного языка и диалектного. Он рассматривался как способ самоидентификации личности в условиях глобализации [1], стереотип о медведе — как прием политической риторики [2], его интразона и экстразона изучалась на материале словаря В.И. Даля [3], реконструировался архетипический образ медведя в духовной культуре народов России [4], проводились исследования этого концепта в якутской языковой картине мира [5], в русской и итальянской языковых картинах мира [6], разносистемных языках (русском, французском, английском, кабардиночеркесском, карачаево-балкарском) [7]. В работах диалектологов описаны номинации медведя в русских говорах в целом [8, 9], а также в ивановских [10], тамбовских [11], архангельских говорах [12].

Целью данной статьи является описание концепта «Медведь», функционирующего в говорах Среднего Приобья.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные в результате диалектологических экспедиций с 1940-х гг. по 2019 г. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (http://losl.tsu.ru/?q=corpus), данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [13], Вершининского словаря [14], Полного словаря диалектной языковой личности [15], Словаря образных

 $^{^1}$ Статья написана в рамках научного проекта «Природный мир Сибири в зеркале диалекта» (№ 8.1.05.2019), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

единиц сибирского говора [16], а также аудиозаписи речи диалектоносителей, сделанные в том числе автором исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2017–2019 гг.

Актуальность темы обусловлена экстралингвистическими и лингвистическими факторами. С одной стороны, тематика «природный мир» занимает одно из лидирующих мест в имеющихся материалах, о чем свидетельствует тематическая разметка Томского диалектного корпуса [17. С. 201], с другой стороны, на материале говоров Среднего Приобья в меньшей степени исследованы концепты, отражающие природный мир в целом и Сибири в частности: так, к настоящему моменту описаны концепты «Земля» [18], «Корова» и «Картошка» [19], «Болото» [20], а также концепты, которые отчасти отражают представления о природном мире – «Сибирь» [21], «Ссылка» [22], «Хлеб» [23]. Кроме этого, процессы урбанизации, экологические проблемы, механизация ручного труда, вырубка лесов и т.п. приводят к изменению отношения человека к природе, что чрезвычайно важно для жителей деревень и сел, где традиционно природа являлась источником жизнедеятельности и материального благополучия. Исследование концептов природного мира даст возможность выявить трансформации в изменении отношения человека к природе. Так, хронологические границы материала, представляющие отрезок времени более 75 лет, позволяют проанализировать представления о медведях на протяжении всего XX в. и выделить динамику в содержании данного концепта.

Концепт – это единица сознания, которая репрезентируется средствами языка. Как отмечает Ю.С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [24. С. 43].

Методика анализа концепта «Медведь» базируется, с одной стороны, на выделении в структуре исследуемого концепта понятийного, образного и аксиологического слоя [25]. С другой стороны, при описании его образного слоя используется методология теории концептуальной метафоры и термины в соответствии со сложившейся в этой теории традицией, см., например, [26–28] и др.

В располагаемом нами материале выбирались контексты с лексемами «медведь» / «медведица» и их дериватами и единицами, которые являются компонентами представлений о медведе, анализировались сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи (синонимия, полисемия), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний. То есть содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа.

Понятийный слой концепта «**Медведь».** Понятийный слой концепта — это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [25. С. 107].

Согласно данным Вершининского словаря «медведь – хищное животное с крупным неуклюжим телом, покрытым густой шерстью, и короткими ногами» [14. С. 288]. В Полном словаре диалектной языковой личности зафиксировано следующее значение: «медведь – крупное хищное животное с густой бурой шерстью» [15. С. 158].

Для номинации исследуемого концепта используются следующие лексические единицы (фонетические варианты): медведь, ведмедь, медмедь и образованные от него слова медведишка, медведок, медведица, медвежица, медведиха, медвежига, медвежиха, медведка, медьва, медвежонок. Существующие номинации отражают мифологические представления о медведе, согласно которым нельзя было называть это животное прямым наименованием, иначе можно вызвать его появление, а необходимо использовать эвфемистические средства: «архаичный медвежий культ привел, как известно, к табуированию имени хозяина леса, которого стали называть иносказательно мед ведающий - медведь» [29. С. 182-183]. Вместе с указанными наименованиями в диалектных текстах встречаются номинации медведя, подвергшиеся вторичному табуированию: зверь, зверье, косолапый, Михаил Иваныч, таежник, черный зверь, медовщик, муравей, муравейный зверь, муравейник, муравинник, муравятник, муравьед, бродяга, блудня, лоншак, пестун, шенок, шененок (шшененок), хозяин тайги, шатун звериха, зверица, матуха, матка.

Среди лексем, участвующих в вербализации изучаемого концепта, следует отметить производные от его названия слова: медвежий, медвежатина, а также лексемы, связанные с охотой на медведей: медвежатник (охотник на медведя), копье (нож для охоты на медведя), кулема (кулемка, кулена) (ловушка на медведя в виде треугольного сруба с воротцами, в которых насторожено бревно), лабаз (лабуз), мертьяк (ловушка на медведя), накатник (часть кулемы, состоящая из скрепленных бревен, которые придавливают медведя), пальма' (пальмо) (род копья или кинжала на длинном черене для охоты на медведя), петля, рогатина, которые демонстрируют связь изучаемого концепта с концептом «Охота» и являются компонентом представлений о медведе: На медведя накатник делали: бревна накладывают в два ряда, вкапываются два столба, на них кладется перекладина, под ней столбы помешшаются...; На острову' был медведь... Петли делали из стальных тросиков. Мертьяки делали – рубили струб. Он зайдет мясо исть – заманку, иглица его придавля'т; Старые люди петли ставили, зверь за шею и попадался. Наряду с этими единицами концепт «Медведь» репрезентируют также слова берлога (берлог), спячка, лес, тайга, Сибирь: Вход в берлогу «берлогой» называли или «устьем» ешшо говорят, куда залазит он; [тятин брат] все рассказывал про Россию да помешиков. Работали, приедет приказний. Забракуют копешку. Увезет ее да не заплотит. Злы помещики одолевали. Там ему уоворили: «Че едешь в Сибирь. Там комары, да помещики, да медведи».

Большое количество единиц, участвующих в номинации и вербализации исследуемого концепта, свидетельствует, на наш взгляд, о значимости

и, соответственно, разработанности данного фрагмента языковой картины мира сибирских крестьян.

В названиях медведя, как видно, выделяются, с одной стороны, общие номинации этого животного (медведь, зверь, медмедь, ведмедь, Михаил Иваныч, медведица, медвежиха и др.): Я ехала на обласке встречать маму. Ехала, пела, во всю глотку пела. Взглянула — медведь стоял. Я как приузрела...; Да, медведя кто и зверем зовет, а то и черным зверем — а не все ли равно — эт ведь одно и то же; Мы один раз с бабушкой пошли в лес по ягоды. Баба, тетка пошла. А голубицы полны, она как ободралась, как заревет благим матом: «Медведь встал!». А баба говорит: «Михаил Иваныч! Иди, тебе дорога, нам — другая»; Зверем остячье медведе'й называла. Слово медведь тогда вообще не знали, так и говорили: «зверовать пошли»; Они стали караулить, ну пришла эта медвежи'ха, вышла. И они ее убили, а медвежонка взяли живого, медвежонка; Медведей добывал, двух ма'тков с двумя детьми. По три даже бывают в одним берлоге, три детенка там.

С другой стороны, отмечены номинации медведей, указывающие на отдельные признаки и обозначающие их:

- место проживания: таежник, хозяин тайги: **Таежник** у нас зовут медведь. Вот он **таежник**, он в тайге живет, поэтому он **таежник**. А кто больше?; Лося соха'тым называют, а медведя черным зверем или же **хозя'ином тайги**;
- возраст: зверье, медвежонок, пестун, лоншак: Зверье. Это у уток утяты есь, а у зверей дети зверье; Пестуны-сосунцы [медвежата]. Я их добувал вочень много. Это дамно было уже, по молодости; Прошлогодний медвежонок пе'стун называется; Лонша'к это скажем прошлогодний теленок, лосенок, медвежонок; Медведей четырев убивал. Шиэненка последнего; Приходилось убивать две матки со шиенятами;
- еду: медведь, ведмедь, медмедь, медовщик, муравейник, муравинник, муравятник, муравьед, муравей, муравейный зверь: **Медовщик**, он задират скотину; У нас медведи двух сортовые. Есть с ошейником белым, он по-особому называется. Но они, говорят, совсем безвредные. **Муравейники** их называют, вот как; А **медведя** один недавно убил, пасечник он. **Медведь** у его пасеку разорял, ну тот и подкараулил; Россомаги раньше были, **ведмеди**;
- деформацию стопы: косолапый: У нас-то зайцы, барсуки, медведи, его косолапым называют, берлоги делают. В русских народных сказках прилагательное косолапый является постоянным эпитетом медведя;
- поведение: шатун, бродяга, блудня: Бродит по лесу медведь, не **ша-тун**, а **бродяга, блудня**;
- цвет: черный зверь: Есь медведь муравьед. Он маленький, а сердитой. Тоже **черный**, есь <сбура'>.

Наряду с номинациями, которые «высвечивают» какие-либо характеристики медведя, в исследуемом материале встречаются также следующие особенности, определения:

– медведь – опасное, хищное животное: Вот в январе у нас убивали в Карона'ке. Он тощо'й, прехудой. Убили его, и страшно там. Это хи'чный,

значит, зверь, который бродя'жий не во время ляжет, вроде это значит хи'чный зверь. Вредный это, самый вредный и опасный; Вот это называют шатун, он очень злой, его потревожили и он идет на смерть. Тогда его обязательно надо убить, чтобы не натворил никаких бед; Вот случай из охоты. Медведь мужика съел. Пришел медведь в крайнюю избу, там Микита Исаич жил. <...> Съел он его, сердце здесь выел. В общем, съел этого мужика, ободрал и ушел; Он скот-то задира'т. Одно время сколько телят задрал;

- медведь млекопитающее животное: Медвежи'ха лежит на телеге, на дро'гах, ну можно было ее положи'ть. Мы посмотрели, у нее груди как у нас! Да, честно! Бу'нка такая же. Она кормила вот медвежонка, гру'ди такие вот, две груди', так вот, как у нас, не так, как у собаки бывает;
- медведь крупное животное: Он взадпятки' да взадпятки', да в побег. Он побоялся: шибко огромный медведь; Если от я его убил шестьсот килограмм, а че я с ним сделаю, я его перевернуть не мог. <...> Ну и пошел в избушку, оттуда позвонил, утром прилетели все. Все, разделали впятером;
- медведь хитрое животное: медведь ведь он такой хитрый, он тоже следит, и след запу'тыват, петли делат; Ить медведь тоже хитрый. Вот когда охотники охо'тничают, идут за ним, вот он прошел и чу'хает, что за ем это, он уже круг дас[т] и вза'ди их идет. Они гонят по его, а он уже выйдет за ими. И идет там. Ну если почувствовал, что ага, так напо'рно идут с соба'кими, он будет за ими надыха'ть вслед. А если чувствует, его так преследуют, он постоит и отправился; За медведем летом при собаках хороших охотятся. Он хитрый и увертливый. В берлогах живет; Они всю жись исстари живут. Они рядом с нами мы их не видим. Самый хитрый зверь: он собаку обманет. Так-то. Медведь это... Лучше не встречаться;
- медведь животное, вызывающее испуг, страх: Короче пошли мы с дядей Мишей с этим, а у него нету одной ноги, он инвалид, вот у меня два родственника, оба инвалиды, с войны пришли, без ног, без одной ноги. Ну и короче он к костылю привязывает корзиночку, и за грибами на горку, ну скок тут, с кило'метр, дальше не ходили мы. <...> У меня все сжалось, я тихонечко, ну а дядь Миша наверно метров пятнадцать от меня. Я [шепотом]: «Дядь Миша, там медведь». Он: «Где?» А я говорю: «Вон, смотри, вон он». Короче я бежал, пацаненок, на двух ногах, а дядь Миша от меня на костылях не отставал; ...Медведь вспорхнул и пошел. Мы давай колотить об корзинки, а тетка испугалась, трясней трясет; Медведь, он как больша' свинья, такой же. Люди-то здесь боятся, ши'бко, лугоски'-то;
- медведь животное, обладающее разрушительной силой, мощью: А медведя один недавно убил, пасечник он. Медведь у его пасеку разорял, ну тот и подкараулил. А убил он его за пасекой...; А там случа'и были, что двери медведь сломал, залазил туды' в эту избушку и... Шатун там и вся'ки там были; Медведь ежели, где побли'жности появится, то напа'костит. Скот разгонит или еще че; Раз медведь все лопаточки заломал, хотел мужик один ему язык отрезать да не успел, так он все ему

поковеркал. Он и ружье выбил ему, а нож мужик не достал. Он и помял ему сала'зки. Ну это ску'ла так называтся по-нашему. Медведь он то'ко покалечит и идет дальше;

- медведь быстрое животное: Главно, говорят, если встретишь медведя, не отводи взгляда, он ишшо не трогат, стреляй. А если отведешь в сторону, то конец, он быстрый. Отец рассказывал, что шишковал он както по осени. Набрал шишек и ночевать собрался, костер развел, а медведь заскочил на коня и драть. Отец на него с огнем, медведь на дерево. Отец в него головешками кидать. Медведь спрыгнул, да на землю быстрей веток пал. Во каки' они быстры;
- медведь животное с хорошим, сильным обонянием: *Они человека за километр чуют*, хотели бы всех приели; *Зверь, он самый чует далеко*. Если вот, допустим, такими руками возьмись, он уже чует. Не подойдет, ага, они специально руки мажут пихтовым маслом, вот или примерно такой есть, как бы запах чтобы не чуяли;
- медведь хорошо плавающее, лазающее животное: Смотрим медведь плывет. А они это, шли, на... и вышли к Кети. И он понял, что тут люди работают, это самое, поселение. И он решил на ту сторону уплыть; Ножа не было близко, он через меня перескочил медведь, я его беседкой по боку. Он, говорит, только сфыркал. Ха-ха-ха. Так он, как осетришка, водой там все затопило, дак он и выплыл оттуда; В сентябре роет берлогу и лежит. Че ес? Летом скотину задавит, питатся ягодой, шишкой. На кедру' залазит;
  - медведь умное животное: *Медведь, что человек, ум у него есь*.

В сочетании со словом «медведь» в качестве его действий выступают следующие глаголы: блудить, бродить, бегать, выходить, жрать, задрать, сломать, заломать, залазить, искалечить, гурмовать (= издеваться), заблажить (= растерзать), забузовать (= зашуметь, произвести беспорядки), выскочить, пакостить, переплыть, прыгнуть, разгонять, разорять, реветь, рявкнуть, сожрать, убить, хватануть, шататься: Медведь гурмова'л, гурмова'л надо мной, потом опеть нача'л издеваться; Видал медьву. Идет с двумя ребятишками, ревет; Медведь ежели, где побли'жности появится, то напа'костит. Скот разгонит или еще че и мн. др.

В имеющемся материале отражается также представление о медведе как тотемном животном, страх перед которым выражался в определенных ритуалах во время охоты и разделывания туши: ... тода его, я не знаю, как зимой, а летом если убьют, передни лапы обрезают, задни кладут, если задни лапы вперед, яму выкопат, а передни назад кладут ему, как его закапывашь. Вот так вот делали. А почему, вот это я не знаю.

В традиционной культуре хорошо изучены поведение, особенности этого животного и наряду с отмеченными выше характеристиками в представления о медведях включаются также:

— повадки медведей: В прошлом го'де по нашему огороду проходил шатун. А за ним охотники гнались. Вот это называют шатун, он очень злой, его потревожили и он идет на смерть. Тогда его обязательно надо

убить, чтобы не натворил никаких бед; Голодный медведь не ложится на спячку, а ищет жертву. Он как бы шатается, по лесу ходит. Это опасный медведь, он злой; Медведи выходят, когда непогода; Ходит он больше в лесу. Все лето ходит, до сентября месяца. В сентябре роет берлогу и лежит; Чичас их мало — народ везде в тайге, трактора' трещат, машины ходют — они и в глушь-то уходют, все звери глухо' место ищут; На полях замечает, когда проходят медведи и медведицы с детьми. [Не нападают?] Не-а, так никто не трогает их. По первости пасеки подламывали. Придут, разобыют улья, а щас не слыхать как года три уже. У них старых поубивали, а молодежь ещо не дошла. А вчера передавали в Томском районе опять пасеки нача'ли медведи, отстреливать;

- поведение медведя при встрече с человеком: Медведь по лесу ходит на четырех лапах. Когда встречаешь медведя, он становится на задние лапы; Медведь, он сразу на человека не бросается. Он перед тобой сначала на дыбы становится, на задние лапы значит. Потом ему нужно замахнуться, он лапу отводит; Медведь, он человека ударом сбивает; Сын шел по согру и встретился с медведем, тот и помял его. Он вничку лег, тот его повалял, помял, а не съел, сытый был; Ой, я говорю, ну что, животные, они тоже понимают, и тоже жалко их. Медведь он тоже не тронет. Сейчас вот он сыт, это когда нет ничего в лесу, тогда они ходют по деревне, конечно, и забирают скотину; Его не трогают, и он пошел. А если его заметили уже, стре'лили, так он злой тогда. Тут уж он дает. Тут ветки все схватит зубами и лапами, излома'т, идет злой;
- поведение человека при встрече с медведем: От по ягоду приедем, знаешь, идем вот только, только от ро'су сгонит. Ну а тут, знаешь, сразу начнешь реветь, да ведра'ми стукать, какой тут медведь; Вот как сейчас помню, женщины вышли, кто в ведро стучит, кто в этот, в тазик... [хлопает в ладоши]; Как в тайгу заходим, чтобы медведи... ходишь по ведру палочкой, и начинают старушки эти стучать, стучать. «Эээ»: кричат. Вот;
- внешний вид медведей: У медведя все лапы одинаковые, все четыре лапы. Медведь зимой больше моховатый, летом он бедный; Медведь переташшы'л туда уже, и около этого я подошел, эти ма'леньки сле'дья, у его же как у человека же лапоть-то. [Да?] Да-а. У медведя. Все так же: пальцы, все же так, и эти, передние же это...;
- чем питаются медведи: Малину-то уважают. Мед оне' любят; Медведь свежего не будет ись; Медведь, он любит кедровый орех, и притом он любит вочень падаль, вот скотина пропала и он идет на падаль. Но он бестолко'вый. Он по сучьям взбирается на саму вершину. А у кедры' на вершине са'ма кру'пна шишка. И вон встает на за'дни лапы и грызет между задними и передними и падает, летит. При своей жизни я видел, он упал и уже провонял; Че ес? Летом скотину задавит, питатся ягодой, шишкой. На кедру' залазит; медведь показывается, когда смородина родится. Он тоже ведь не отказыватся;

— особенности охоты на медведей: Папа за медведя'ми с ружьем ходил. Он [медведь] прячется, сделат яму и сидит там. Жар идет из земли—значит, медведь там. Папа такой смелый был. С той стороны ямы бревно заложишь, он с другого боку выходить будет. Ее стрельнули и на тебе медвежье мясо; Медведей ловили петлями металлическими и еще ловушки ставили. У нас их «кулемами» называли. Кулема— это такая загородка трехстенная из крупных кольев. И покрывалось все это сверху бревнами. В середку корм подвешивали. Медведь срывает корм, и бревна его придавливают и др.

Встреча человека с медведем в лесу – это особая тема в диалектном повествовании, которая зачастую оформляется с помощью речевого жанра рассказа о случае:

- Случай с моим старшим братом был. Я ешио мала' была. Пошли они как-то в ягоды. Он средь их самый меньший был, те ему и говорят: мы, значит, пойдем, а ты оставайсь, если медведь подойдет, ты костер разложи и головней бей об дерево, он и уйдет. Ну ладно, оставили Михаила [брата] одного, а сами пошли. Михаил ждать-пождать, а их все нету да нету. Разло'жил он костер, смеркаться стало, да туман еще над землей встал. Страшно-то ему делатся. Всего ему десять али двенадцать годко'в было, как не испужаться. Вдруг слышит – кусты трещат-трещат. Он за палку, хворостьев в костер подбросил – все че было – все в костер сразу побросал. Видит, будто бы копна какая че ли, на его надвигается. Медведь ето к нему подошел, Михаил палку горящу-то в его и кинул, а тот как ря'вкнет! Как рявкнет – то'ко гул по' лесу пошел – и повернулся от Михаила да и пошел. Тот стоит ни жив, ни мертв, ни рукам пошевелить не может, ни шагу ступить. Эдак минут пятнадиать он стоял, а после как пласт шлепнулся, да как сам заорет – почище медведя. Друзья его прибе'гли тут с ягоды, а он сидит и плачет. Вот каки дела раньше творились;
- —Я в поле рожь жала да пошла не в домашнюю сторону. <...>Я день жала и не думаю бояться, на виду весь сор, все люди. Он, этот зверь, накануне на старушку выходил. Как зашумело по бугру, а он катит во весь галоп. Я кричать: крика они боятся. В руке был ту'ес, а я еще вперед прошагала. Медведь сидел, а сороки слетаются, а я сознанье не потеряла. Он сидел чудочек боком, от самого хвоста шерсь дыбо'м встала. Когда он от меня свернулся, я на тын, полезла на ель, а за речкой лошади стояли, а впереди недалечно деревушка, поля через два хороших. Лесом я не пошла обратно, а когда я кричала, бабы мужиков гнали помогать, или уголовщики, или зверь. Я так кричала, что от страшного охрипления говорить не могу.

В подобных рассказах о случае – о встрече с медведем – проявляются такие особенности диалектного повествования, как событийность и антропоцентричность, именно диалектное повествование «тяготеет к фабульности, событийности, а в центре событий обязательно стоят люди, и в диалектном повествовании действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания не уходят на периферию, а, напротив, образуют тема-

тический центр...» [30. С. 5]. В приведенных контекстах детально описываются появление медведя, поведение человека в этой ситуации, поведение медведя при встрече с человеком. При этом такие рассказы о случае зачастую сопровождаются передачей знания о медведях собеседнику: ...если медведь подойдет, ты костер разложи и головней бей об дерево, он и уйдет; Я кричать: крика они боятся. Важным, на наш взгляд, для информантов является показать сопричастность к событию: Случай с моим стариим братом был.

Е.Н. Бондаренко при исследовании концепта «Русский медведь» на материале российских СМИ отмечает, что в русской языковой картине мира этот концепт связан, прежде всего, с созидательной силой, это дружелюбная сила, отличающаяся мощью и приветливостью, однако ужасающая своей невластью, неограниченная характеризующаяся контролируемой сила, неудержимостью [1. С. 86–87]. Н.Г. Тренина, указывает на то, что в русском «фольклоре, сказках и анекдотах медведь традиционно воспринимается как глупое и нерасторопное животное, а часто предстает очень симпатичным и безобидным зверем, как символ Олимпиады-80 или Винни-Пух из известного мультфильма» [2. С. 119]. В нашем же материале медведь – это прежде всего хищное животное, вызывающее страх, обладающее разрушительной силой, хитрый, быстрый зверь, способный убить человека. Соответственно, наблюдается варьирование представлений о медведе в общерусской и диалектной культуре.

Образный слой концепта «Медведь». В исследуемых текстах встречается метафорическое употребление лексем *медведь / медведица*.

Описание образного слоя концепта подразумевает выявление образного употребления лексической единицы «медведь» и ее дериватов, а также метафорических моделей, которые репрезентируют концепт и включают два компонента: единицу, называющую сферу-источник, и единицу, называющую сферу-мишень. Использование методологии теории концептуальной метафоры видится в данном случае продуктивным, поскольку в исследуемом материале встречаются концептуальные метафоры – «когнитивные схемы аналогического уподобления и интерпретации явлений одной понятийной сферы в терминах другой» [28. С. 29].

Медведь как сфера-источник образных интерпретаций представлен в некоторых метафорических номинациях человека.

Так причинами называния человека медведем становятся в основном его характер и поведение. Медведицей, медведкой, Аксиньей называют сердитую, угрюмую женщину: Обратилась бы к соседке, а она такая медведка, все хмурится. Ну ее!; Медведица - Аксинья, ну ты вишь, как она разговариват: все в укол, в укол. Она сердита шибко. Такое переносное значение слова «медведица» отсутствует в литературном языке, о чем свидетельствуют толковые словари русского литературного языка [31]. Медведем, зверем называют мужчину из-за жестокости, грубости, злости сравнивают его с хищным животным: Буян – как зверь (медведь) жену избивает; Зверовать – зверя' бить. Зверя – медведя', лося'. Это самые опасные.

Еще на человека потому и говорят — озверел, стал как зверюга ужасный. Злой, оскаблился, глаза выпучил зверские. Или дверью начал стучать, или на жену бросаться — озверел точно. <...> Мужики — они все звери. Размер медведя, его сила также ложатся в основу номинации человека: Как медведь ворочаю все. Бревна, — говорит, — буду таскать и все будет хорошо. Место проживания (лес, тайга), черты характера человека становятся основанием для сравнения человека с медведем: Вот ещо, в тайге все время живет. Вот всю жизнь как медведь. Ха-ха.

Такие номинации человека репрезентируют метафорическую модель: «Человек – это медведь (зверь)» и шире «Человек – это природа».

Кроме человека медведицей, как и в литературном языке, в диалектной речи называют одно из созвездий: **Медвежица** кака'-то на небе; Звезды так и зовем Большая **Медведица**; Ковш, **медведица**. Метелка – звездочки в кучке.

Метафорические единицы используются и для номинации реалий природного мира.

Так, метафорическая номинация толокнянки — медвежьи ушки (ведмежи ушки), скорее всего, возникла вследствие подобия листьев этого растения по форме с ушами медведя: **Ведмежи ушки** растут. Толсты таки, блескучи листья, как воском облитые. И от мочевого пузыря хорошо, и от воспаления.

Словами медведка, медведок номинируют грызунов, живущих под землей, слепышей, уподобляемых по цвету шерсти маленькому медведю [16. С. 118]: А ешшо медведок есь — это крот земляной, маленький такой; Я взяла эту кринку, воды туды и поставила. Утром прихожу, а там у меня земляной медведок. Я кринку — под берег, и медведка — под берег.

В литературном же языке медведкой называют: 1. Насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур. и 2. Проф. 1. Обрубок толстого дерева, вкапываемый в землю на берегу сплавной реки для укрепления запани. 2. Двуручный плотничий струг для грубой обработки бревна. 3. Низкая телега, дроги на катках для перевозки больших тяжестей [31].

Наряду с реализацией метафорических моделей, отражающих медведя как сферу-источник, в исследуемом материале встречаются контексты, репрезентирующие медведя как сферу-мишень. Необходимо отметить, что примеры таких метафорических моделей в исследуемом материале единичны. Основными признаками, которые подвергаются образной интерпретации, являются размер медведя и его поведение.

Так, находит воплощение метафорическая модель, обратная рассмотренной выше: «Природа (медведь) — это человек», реализуемая в сравнении медведя с негодяем и характеризующая это животное по его повадкам: Слушайте, — говорит, — не кричите: негодяй стоит.

Характеристика медведей по росту, весу, размеру воплощается в модели «медведь – махина»: *На медведя идти смелость надо. Это, ведь, вон*

какая **махина**! Цуть где и не будет охотника да хозяина в доме. А это, ведь, ой трудно как! Замотаесся одна.

Аксиологический слой. Большое количество материала повествует об охоте на медведей, что имеет утилитарное значение.

Так, на медведей охотятся с целью добычи мяса (медвежатины), которое употребляется в пищу: Ну, медведя мы не ели. А теперь едят, а тода не ели; Ее стрельнули и на тебе медвежье мясо. Медведь как-то сюда пришел. Папа собрался и давай его гонять. Мясо вкусно было. Мама положит его в чугунок, посолит, спе'ци разны и в большую русскую печь. А раньше русская печь была. Большая — с комнату. И все в ей делали. Мясо сделатся — ну! там пальчики оближешь; Мясо не всегда вкусное. У которых вкусное, у которых нет; Молоденькая медвежатина — хорошая.

Медвежье сало используется в лечебных целях, в народной медицине: В позапрошлый год здоровый был он. От туберкулезу сало помогало; Сало пользительное. Сало то'пют, в печи то'пют.

Вместе с пользой информанты отмечают и возможный вред: употребление медвежьего мяса в пищу может быть опасным для здоровья человека: Проверять, проверять его надо: они все сальминиллезные почти. Да, от как известка упала на пол, капнула и как застыла от это, такие струйки — от такая штука в мясе. Человек неизлечим, так что с ним осторожно надо. [Вы проверяете? Какие-то свои способы есть?] В ветлечебницу. Сердце и это, печень несешь, все. Если он там заразный, мы его из тайги не вывозим, пока не узнаем. Я его брошу там. Зачем он? Зачем его трудиться таш... тащить сюда?

Охота на медведей осуществляется и в целях добычи шкуры, которая используется в интерьере или для пошива одежды: Шкуры от медведя хороши были. Я видела, их на кровать сте'лют, на по'л; Маленькая шкура [медвежья] у нас была под ногами, а большу'ю продали вроде; Медвежьи шкуры делали — можно доху сшить — будешь как медведь ходить. Добытые шкуры медведя продавали, они являлись денежным эквивалентом, их обменивали: Мы их шкуры продавали; Сами обделывали шкуры, государству сдавали. А медвежьи шкуры размером мерят, недорогая она, в среднем рублей пятнадцать. Щас запрещено хищных бить.

В указанных контекстах и располагаемом нами материале информанты отмечают некоторые трансформации, соответственно, можно проследить динамику концепта «Медведь».

Во-первых, отмечается изменение номинации животного: то вообще раньше было, большинство зверем называли, а щас большинство медведем.

Во-вторых, информанты указывают на то, что в связи с механизацией ручного труда, появлением машин медведи реже выходят в деревни при наличии шума: А теперь не выходят медведи в деревни. Счас-то машин сколь. Трактора' шумят. А по бору шум далеко расходится, они и боятся шуму-то. Вот с тех пор и не слыхали про таки' случайности; Щас пишут ученые, что экспедиции приходят, зверь уходит, а куда уходит — везде народ стал, везде машины стали. Куда ему, бедному, податься? В тундру.

У нас в основном водится лось, медведь показывается, когда смородина родится; Медведей, их было много вочень, щас их меньше стало.

Социальные, демографические факторы (увеличение численности населения), по мнению информантов, привели к уходу медведей: Населения больше стало, зверь как-то ушел. Медведя убивали как случайность.

Наряду с указанными факторами следует отметить антропогенные и естественные факторы: вырубку лесов, стихийные природные явления (наводнения), пожары, возникшие вследствие действий человека и вызванные естественными причинами (например, молниями), которые влияют на уход медведей: Медведи... один год, это наверно где-то сорок шестой год, что ли, горела тайга в Красноярском крае. И медведи шли в нашу сторону...; У нас те года зверья было, а сейчас затоплено, уходит, что ли.

Отмечается введение запрета на незаконную охоту на медведей, штрафов за убийство медведей: *Мой-то дед сорок одну штуку убил, эт за всю свою жизь. Щас-то они запрещены.*

Таким образом, концепт «Медведь» как концепт природного мира, функционирующий в говорах Среднего Приобья, обладает хорошо разработанными понятийным, образным и аксиологическим слоями. Это значимый фрагмент диалектной картины мира. Он не является концептом сугубо крестьянского мира, однако в диалекте имеет свою специфику. В говорах Среднего Приобья по сравнению с литературным языком существует более развитая система номинаций медведей, обладающая большим количеством лексем. Анализ концепта показал варьирование представлений о медведе, стереотипов о нем в диалектной и общенациональной культуре. Так, в отличие от литературного языка, фольклора, в которых медведь может рассматриваться также как доброе, глупое, нерастопное животное, в диалектной речи медведь – хищный, небезобидный зверь, умное, быстрое животное, представляющее опасность для человека, обладающее разрушительной силой. Образной интерпретации в основном подвергаются поведение, внешний вид и размер медведей. Выявлено, что в диалекте существуют переносные значения у слов, которые или отсутствуют в литературном языке (Аксинья, медведица – сердитая женщина), или имеют другие значения (медведка). Характеристики, признаки медведя в крестьянском сознании укоренились прежде всего вследствие личного опыта человека, встречи с этим зверем, охоты.

Литература

- 1. Бондаренко Е.Н. Лингвокультурный концепт «Русский медведь» как способ самоидентификации личности в условиях глобализации // Патриотизм как объединяющая национальная идея. Столетию Великой российской революции (от свержения самодержавия к образованию СССР) посвящается: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 85–89.
- 2. *Тренина Н.Г.* Русский медведь: культурные стереотипы о России как прием международной политической риторики // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 119–126.

- 3. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. . . . д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
- 4. *Кошкарова Ю.А.* Архетипический образ медведя в духовной культуре народов России : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2010. 22 с.
- 5. Скрябина А.А. Концепт «Эhэ/Медведь» в якутской языковой картине мира // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». СПб., 2016. С. 207–212.
- 6. Лациари М., Тюрина З.С. Лингвокультурологический анализ компонента-зоонима «Медведь» в русской и итальянской национальных языковых картинах мира // Филологический аспект. 2018. № 7 (39). С. 115–123.
- 7. *Шомахова Т.М.* Лингвоконцепт «Медведь» в разносистемных языках // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. 2009. № 2. С. 198–200.
- 8. *Кудряшова Р.И., Колокольцева Т.Н.* Названия медведя и медведицы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 47–53.
- 9. *Костночук Л.Я.* Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX века // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1998. СПб., 2001. С. 39–46.
- 10. Варзина Н.П. Диалектное слово в аксиологическом аспекте на материале ЛСГ «Медведь» в говорах Ивановской области // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 136–138.
- 11. Поповичева И.В. О представлениях и верованиях, сохраненных тамбовскими диалектоносителями // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004. С. 328–332.
- 12. Уткина А.С. Лексика охоты на медведя на материале архангельских говоров (социолингвистический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 635–639.
- 13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. 1964—1983. URL: http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary (дата обращения: 20.10.2019).
  - 14. Вершининский словарь. Т. 3: И-М. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 348 с.
- 15. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, К.В. Гарганеева и др. ; под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 2: И–О. Томск : Издво Том. ун-та, 2007. 338 с.
- 16. *Словарь* образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
- 17. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.
- $18.\ \Gamma$ ынгазова Л.Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136-146.
- 19. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 115-122.
- 20. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале среднеобских говоров) // Вестник Томского государственного унверситета. Филология. 2019. № 62. DOI: 10.17223/19986645/62/6
- 21. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного унверситета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.
- 22. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного унверситета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.

- 23. Иванцова Е.В. Концепт хлеб в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного унверситета. Филология. 2018. № 56. С. 47–64.
- 24. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- 25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 26. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387—415.
- 27. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
- 28. *Резанова З.И.* Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия (статья 1) // Вестник Томского государственного унверситета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 29–43.
- 29. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 2-е изд. М. : Наука, 2016. 460 с.
- 30. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 1. С. 3–7.
  - 31. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2014.

Representation of the Concept "Bear" in Dialect Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 30–46. DOI: 10.17223/19986645/65/2
Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: concept, dialect discourse, bear, dialect communication, Middle Ob dialects.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program, Project No. 8.1.05.2019.

The article describes the verbalization of the concept "bear" in dialect discourse. The material of the study is texts recorded in 1946-2019 in the regions where Middle Ob dialects are spoken. A concept is a unit of thinking, which is represented by means of language and reflects features of culture. The method of analysis is based on the consideration of conceptual, figurative, and axiological layers in the structure of the concept. Also, when describing the figurative layer, the methodology of the theory of conceptual metaphor and its terms are used. The concept "bear" is not a concept of a peasant world, but it has its features in dialect. More words for nomination of the concept "bear" are used in the Middle Ob dialects in comparison with the standard language. Among the units that verbalize this concept, there are words that call a bear; bear, beast, taliped, Mikhail Ivanovich, black beast, the owner of the taiga, etc., and words associated with hunting or its existence: hybernation, den, Siberia. The bear is characterized as a dangerous, rapacious, mammal, large, fear-inducing, fast, possessing destructive power, well-swimming and climbing, cunning, intelligent animal with a good, strong sense of smell. The concept "bear" also includes knowledge about its habits, human behavior when meeting it, bear's behavior when meeting with man, the way it looks, its nutrition and the specificity of bear hunting. There is a metaphorical use of the lexeme bear in the analyzed texts. The bear acts as a source domain and as a target domain of figurative interpretations. A person can be called a bear mainly because of the peculiarities of one's character, appearance and behavior: I would turn to a neighbor, but she is such a bear, she always scowls; He lives in the taiga all the time; his entire life just like a bear; and the realities of nature and the surrounding world also can be called in a such way because of formal resemblance: Bear ears (bearberry) grow. With thick, shiny leaves, like poured over with wax; We call the stars the Big Bear (Big Dipper). A large amount of material tells us about bear hunting, which has a utilitarian value: bears are hunted for meat, skin, and medical purposes. The analysis of the

concept showed a variation of ideas about the bear, stereotypes about it in dialect and national culture. In contrast to the standard language, folklore, in which the bear can also be considered as a good, stupid, and haveless animal, in dialect speech the bear is a rapacious, harmful beast, a smart, fast animal with destructive power, a danger to humans. The behavior, appearance and size of the bear are main subjects of figurative interpretation. It has been revealed that dialect has figurative meanings for words that either do not exist in the literary language, or have other meanings. Characteristics of the bear in the peasants' consciousness have taken root primarily as a result of man's personal experience of meeting with this beast and hunting for it.

References

- 1. Bondarenko, E.N. (2017) [The linguacultural concept "Russian bear" as a way of self-identification in the context of Globalization]. *Patriotizm kak ob "edinyayushchaya natsional 'naya ideya* [Patriotism as a Unifying National Idea]. Proceedings of the International Conference. Ulyanovsk. 11–12 April 2017. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. pp. 85–89. (In Russian).
- 2. Trenina, N.G. (2017) Russian Bear: Cultural Stereotypes of Russia as a Rhetorical Device of Foreign Policy. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura Concept: philosophy, religion, culture.* 2. pp. 119–126. (In Russian).
- 3. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul 'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and Cultural Concepts and Metaconcepts]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
- 4. Koshkarova, Yu.A. (2010) *Arkhetipicheskiy obraz medvedya v dukhovnoy kul'ture narodov Rossii* [The Archetypal Image of a Bear in the Spiritual Culture of the Peoples of Russia]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Krasnodar.
- 5. Skryabina, A.A. (2016) The concept of a bear in the Yakut language picture of the world. In: Morozova, O.N. & Pimenova, M.V. (eds) *Lingvokul'tura i kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Linguistic Culture and the Conceptual Space of the Language]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 207–212. (In Russian).
- 6. Lazzari, M. & Tyurina, Z.S. (2018) Linguistic and cultural analysis of the component-zoonym "bear" in Russian and Italian national language pictures of the world. *Filologicheskiy Aspekt*. 7 (39). pp. 115–123. (In Russian).
- 7. Shomakhova, T.M. (2009) Lingvokontsept "Medved" v raznosistemnykh yazykakh [Linguoconcept "Bear" in Polysystem Languages]. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*. 2. pp. 198–200.
- 8. Kudryashova, R.I. & Kolokol'tseva, T.N. (2000) Nazvaniya medvedya i medveditsy v russkikh govorakh [The names of bear and she-bear in Russian dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1997* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1997]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 47–53.
- 9. Kostyuchuk, L.Ya. (2001) Informativnaya znachimost' dialektnoy leksicheskoy karty v kontse XX veka [Informative significance of the dialect lexical map at the end of the 20th century]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1998* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1998]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 39–46.
- 10. Varzina, N.P. (1998) Dialektnoe slovo v aksiologicheskom aspekte na materiale LSG "Medved" v govorakh Ivanovskoy oblasti [The dialect word in axiological aspect on the material of lexical-semantic group "Bear" in the dialects of the Ivanovo region]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1995* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1995]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 136–138.
- 11. Popovicheva, I.V. (2004) O predstavleniyakh i verovaniyakh, sokhranennykh tambovskimi dialektonositelyami [On notions and beliefs preserved by Tambov dialect speakers]. In: Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004 [Lexi-

- cal Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 2001–2004]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 328–332.
- 12. Utkina, A.S. (2014) Leksika okhoty na medvedya na materiale arkhangel'skikh govorov (sotsiolingvisticheskiy aspekt) [The vocabulary of bear hunting on the material of the Arkhangelsk dialects (sociolinguistic aspect)]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 2014]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 635–639.
- 13. Losl.tsu.ru. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Old-Timers' Russian Dialects of the Middle Part of the River Ob Basin]. [Online] Available from: http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary. (Accessed: 20.10.2019). (In Russian).
- 14. Blinova, O.I. (ed.) (2000) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
- 15. Ivantsova, E.V. (2007) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A Complete Dictionary of Dialect Linguistic Persona]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- 16. Blinova, O.I. (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
- 17. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2018) The project of Tomsk dialect corpus in keeping with trends of corpus linguistics development. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 192–205. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/64/18
- 18. Gyngazova, L.G. (2002) Slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti kak otrazhenie kontseptualizatsii mira [Dictionary of dialect linguistic persona as a reflection of the conceptualization of the world]. In: *Ot slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka* [From V.I. Dahl's Dictionary to the Lexicography of the 21st Century]. Vladivostok: Far Eastern State University. pp. 136–146.
- 19. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [The value picture of the world of the dialect speaker: on the problem of lacunarity]. In: Steksova, T. I. (ed.) *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in Language, Worldview, Dictionary and Text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 115–122.
- 20. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept "Swamp"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 62. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/62/6
- 21. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept "Siberia" in autobiographical stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/47/2
- 22. Demeshkina, T.A. (2018) "Exile" as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3
- 23. Ivantsova, E.V. (2018) The concept "bread" in the discourse of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 56. pp. 47–64. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/4
- 24. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 25. Karasik, V.I. (2002) Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- 26. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 387–415.

- 27. Chudinov, A.P. (2001) Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- 28. Rezanova, Z.I. (2012) Reversible metaphorical models: semantic and functional asymmetry. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 2 (18). pp. 29–43. (In Russian).
- 29. Senichkina, E.P. (2016) *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms for the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
- 30. Gol'din, V.E. (2009) Narrative in Dialect Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika Izvestiya of Saratov University. New Series: Philology. Journalism.* 1 (9). pp. 3–7. (In Russian).
- 31. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint; Saint Petersburg State University.

УДК 81'255.4

DOI: 10.17223/19986645/65/3

Н.В. Вороневская

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕНОСЫ (ENJAMBEMENTS) В ПОЭЗИИ Р.М. РИЛЬКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Рассматриваются особенности стихотворных переносов (enjambements) в лирическом цикле «Сонеты к Орфею» Райнера Марии Рильке и проблемы их отражения в переводах, выполненных известными и начинающими британскими и американскими поэтами и переводчиками. Как показал наш сопоставительный анализ, enjambements полностью воссозданы в трех из шестнадцати рассмотренных переводов V сонета: Дж. Б. Лейшман, Л. Норрис (в соавторстве с А. Килом) и Гр. Гуд наиболее адекватно передают выразительную и изобразительную функции стихотворных переносов немецкого оригинала.

Ключевые слова: Р.М. Рильке, сонет, стихотворный перенос, поэтический перевод.

Стихотворный перенос (enjambement) принадлежит к числу наиболее важных и специфических категорий поэтики стихотворного текста. Являясь одним из наиболее эффективных средств выразительности стиха, стихотворный перенос «вскрывает» все возможности художественной речи. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть некоторые особенности его природы и функционирования, освещенные в работах отечественных специалистов по теории стиха.

В отечественном стиховедении вместо французского термина «епјатветент» используется термин «перенос», или «перескок», или «переброс». Перенос (фр. епјатветент, от епјатвет – перешагнуть, перескочить) – несовпадение интонационно-фразового членения в стихе с метрическим членением, причем фраза (или часть ее, составляющая цельное синтаксическое сочетание), начатая в одном стихе, переносится в следующий стих; в живом чтении обязательно должна быть сохранена структурная концевая пауза в стихе [1. С. 206–207]. Таким образом, под стихотворным переносом обычно понимают несовпадение метрического членения стиха с синтаксическим. При этом всегда подчеркивается интонационная законченность метрических единиц стиха и смысловая незавершенность синтаксических единиц.

В.М. Жирмунский пишет о стихотворном переносе как об акте поэтической свободы [2. С. 159]; П.А. Руднев определяет епјатветент как ритмический или смысловой курсив [3. С. 105], а М.С. Лобанова относит перенос к «некой аномалии», возникающей в случае столкновения ритмического членения с синтаксическим... [4. С. 68]. По мнению Л.И. Тимофеева, перенос создает высшую форму интонационного и неразрывного с ним вырази-

тельно-смыслового напряжения, а стихотворная речь как раз и отличается повышенной эмоциональностью [5. С. 43–51].

Мы полагаем, что более верную характеристику этого стихового приема дает М.Г. Харлап, который считает, что в метрическом стихе переносы удаляют поэтический текст от прозы. Таким образом, функция enjambement, по М.Г. Харлапу, по сути, парадоксальна, поскольку в enjambement «язык берет перевес над правилами стихосложения», и в то же время enjambement подчеркивает самостоятельную ценность стиховой формы [6. С. 128–129].

На наш взгляд, стихотворный перенос может передавать разговорную интонацию и в определенной степени прозаизировать поэтический текст, отчасти разрушая его специфические стихотворные построения. Как справедливо указывает В.Е. Холшевников, переносы, связанные с появлением внутристиховых пауз, нарушают плавность течения стиха, однако не разрушают деления речи на соизмеримые отрезки. Паузы между стихами могут ослабнуть, но они не исчезают совсем; если бы они исчезали, стих превратился бы в прозу [7. С. 161–162]. Ученые исходят из того, что стихотворная строка должна соответствовать предложению или кончаться вместе с концом синтагмы. Следовательно, эффект переноса сводится к эффекту резкого диссонанса с «нормальной» поэтической структурой. Р. Якобсон писал: «И даже нагромождение епјатветент ничего не меняют в их статусе: они остаются отклонениями, они всегда лишь подчеркивают нормальное совпадение синтаксической паузы и паузной интонации с метрической границей» [8].

В.М. Жирмунский рассматривал enjambement как результат взаимодействия в стихе ритма и синтаксиса. Ритм выступает в стихе как организующий фактор, а синтаксис – как «преодолеваемый» материал. Перенос возникает в случае, когда ритму не удается преодолеть «сопротивление» синтаксиса, что проявляется в подчеркнутом несовпадении границ стиха и предложения. На наш взгляд, перенос следует рассматривать как закономерное явление стихотворной речи, согласующееся, а не диссонирующее с принципами ритмической организации стиха.

О.И. Федотов выделяет две основные художественные функции стихового переноса: выразительную и изобразительную [9. С. 4]. Первая состоит в том, что обильное употребление синтаксических сдвигов относительно ведущих элементов метрической композиции стихов (реже строф) сообщает речи эмфатическую напряженность, неуравновешенность, взволнованность, эффект преднамеренно поэтического «косноязычия» или даже прозаизирует ее. Изобразительная функция переноса зиждется на том же механизме ритмического перебоя, создающего, исходя из семантики составляющих строки слов, иллюзию более или менее определенного жеста.

Значение переносов бывает различным. Переносы могут придавать стихотворной речи сильную взволнованность, задумчивость, разговорнобытовую, прозаическую интонацию и т.д. Перенос может быть средством как «ускорения» темпа речи, так и его «замедления». Неизменным, на наш взгляд, является лишь уникальное свойство переноса — усиливать действенность многих свойств стиха. Нельзя не согласиться с С.И. Пановым, который рассматривает перенос как мощное средство усиления выразительности стихотворной речи, обладающее множеством степеней свободы [10. С. 57].

Мы считаем, что приведенных характеристик природы и функций переноса в поэтическом тексте достаточно для того, чтобы подчеркнуть «их» особую значимость в стихотворной строке. Ниже мы обратимся к стихотворным переносам в «Сонетах к Орфею» Р.М. Рильке и рассмотрим, как епјатвретент воссозданы средствами английского языка.

В поэзии Рильке стихотворные переносы занимают особое место. Это определяется в первую очередь тем, что, как писал В. Полетаев, «...лирика Рильке – непрестанное движение. Чувства у него не набегают друг на друга, но одно друг из друга вытекает, каждое представляет продолжение и развитие предшествовавшего, череда их непрерывна» [11. С. 487]. В разные периоды творчества австрийский поэт широко использовал прием стихотворного переноса: в юношеских и ранних стихах, в «Часослове», в «Книге образов» и в «Новых стихотворениях». Максимальное распространение стихотворные переносы получают в «Новых стихотворениях». И если в ранних стихах Рильке переносы парадоксальным образом сочетались с нагромождением рифм, что придавало этим стихам притягательную силу, то в творчестве Рильке позднего периода («Сонеты к Орфею» и «Дуинские элегии») стихотворные переносы появляются уже в оголенном ритмическом виде. Две части «Сонетов к Орфею» включают 55 стихотворений. Использование Рильке переносов в 28 сонетах из 55 стихов цикла позволяет отнести этот стилистический прием к важной структурной особенности данного поэтического произведения.

Как известно, деформированный строчным переносом текст может распределяться между стихами разными способами. Традиционно выделяются три типа переноса: строчный («конфликтует» стиховое и синтаксическое членение речевого потока), строфический (фразу «не поделили» две строфы) и слоговой (между стихами или строфами разрывается слово). По мнению О.И. Федотова, данная традиционная классификация типов переносов несовершенна по двум причинам: во-первых, она не полна, так как не учитывает противоречия между словом и строфой; во-вторых, ее виды различаются по разным основаниям (первые два – по элементам метрической композиции, третий – по элементам словесного членения). О.И. Федотов предлагает свою четырехчастотную классификацию стихотворных переносов: 1) синтактико-строчные; 2) синтактико-строфические; 3) словесно-строчные; 4) словесно-строфические [9. С. 4].

Как показал анализ, в данном цикле наиболее распространены переносы следующих видов: 1) фраза, заполняющая почти целиком первую стихотворную строку, заканчивается в начале следующей: сонеты — II, III, XI, XII, XIII, XV, XVI, XXIV, XXVI первой части и сонеты — I, IV, IX, XXV, XXVI второй части; 2) фраза, начинающаяся в конце первой строки, заканчивается в начале следующей строки. Этот тип переноса представлен в

следующих сонетах: I,1; V,1; XIII,1; XV,1; XXI,1; XXI,1; IV,2; VIII,2; XV,2; XXV,2; XXVI,2 (Порядковые номера сонетов мы обозначали римскими цифрами, а первую и вторую части цикла – арабскими. Например, пятый сонет второй части – V,2); 3) фраза, начинающаяся в самом конце первой строки, целиком переносится на следующую строку: сонеты – I,1; II,1; III,1; VI,1; XI,1; XV,1; XVI,1; XXI,1; XXVIII,2; I,2; VIII,2; 4) первая строка заканчивается союзом или предлогом, а подчиненное ему слово переходит в следующую строку: сонет VII первой части и I, III и XV второй части. Как видно из представленной выборки сонетов, в «Сонетах к Орфею» Рильке использует различные виды переносов. При этом стихотворные переносы в «Сонетах к Орфею» наблюдаются на разных уровнях: между стихами в пределах одной строфы (катрена или терцета), между строфами одного уровня (между катренами или между терцетами), между строфами разных уровней (между катреном и терцетом).

Стихотворный перенос, как отличительная черта стиля «Сонетов к Орфею», нарушает правила построения классического сонета, так как происходит нарушение границ строф, т.е. нарушение традиционного формального и содержательного противопоставления катренов терцетам и противопоставления катренов друг другу. В «Сонетах к Орфею» поэт использует переносы в случаях, когда разделенными оказываются, например, даже предлоги и подчиненные им слова, как в начале второго катрена XV сонета второй части: ... Weither an / Grübern vorbei... [12. S. 95]. Зачастую переносами разрывается атрибутивная связь: ... Nein, aus beiden / Reichen erwuchs seine weite Natur. (сонет IV,1) [Ibid. S. 56]; ... An der Kreuzung zweiter / Herzwege steht kein Tempel... (сонет III,1) [Ibid. S. 55]; ... weil sie die harte / Stahl... (сонет XXIV,1) [Ibid. S. 66]; ... verhaltenen Stille der starken / Vorfrühlingserde... (сонет XXIV,2) [Ibid. S. 104]. В VIII сонете первой части представлен перенос, где глагол отделен от существительного: Nur im Raum der Rühmung darf die Klage / gehn... [Ibid. S. 60].

На наш взгляд, одной из основных задач стихотворного синтаксиса в поэзии Рильке можно считать стремление поэта выделить слово, придать ему нужную выразительность. Перенос создает для этого все необходимые условия, придавая слову особый смысл, ставя его в определенную позицию. Ю.Н. Тынянов писал, что в условиях «единства и тесноты стихового ряда» синтаксически не мотивированный enjambement становится «семантическим средством выделения слов» [13. С. 66]. Подобное использование переноса Рильке для выделения слов мы находим в следующих примерах: в XXV сонете второй части – Schon, horch, horst du der ersten Harken / Arbeit; wieder den meschlichten Takt / in der verhaltenen Stille der starken / *Vorfrühlingserde*. *Unabgeschmackt / scheint dir das Kommende...* [12. S. 105]; в VII сонете первой части – ging er hervor wie das Erz aus des Steins / Schweigen... [Ibid. S. 59]; XXIV сонете первой части – ...und heben die Hämmer, die immer / größern... [Ibid. S. 76]. В приведенных отрывках стихо-«Сонетов Орфею» выделенные нами К Vorfrühlingserde, Schweigen, größern получили особое ударение благодаря искусному использованию Рильке стихотворных переносов.

В VI сонете второй части граница стихового переноса подчеркивает персонифицированное существительное «Duft» («аромат») и его активную роль. Так, в этом сонете смысловая неоднозначность вызвана использованием стихового переноса, где поэт обращается к розе: Seit Jahrhunderten ruft uns dein Duft / seine süßesten Namen heruber [12. S. 86]. Как справедливо отмечает В.Н. Ахтырская, стиховой перенос позволяет прочитать первую часть предложения как Столетия нас зовет твой аромат, тогда как все предложение должно быть прочитано, как Столетия возглас твоего аромата доносит до нас / свои сладчайшие имена [14. С. 115].

Проблема воссоздания переводчиками стихотворных переносов в поэтических текстах относится к числу мало разработанных в теории и практике поэтического перевода, но стихотворные переносы представляют собой ту особенность поэтики позднего Рильке, которая так или иначе должна быть отражена в переводах его цикла на другие языки.

Произведения Рильке переводят практически на все языки мира, и «английский Рильке» — одна из актуальных проблем сравнительного литературоведения и переводоведения, поскольку на английский язык переведены все его поэтические и прозаические произведения не по одному, а по несколько раз. Так, например, «Сонеты к Орфею» переводились на английский язык большее число раз, чем любое другое произведение поэта. С момента создания первого перевода «Сонетов к Орфею» на английский язык в 1936 г., данный цикл был полностью переведен не менее 20 раз.

Рассмотрим на примере V сонета первой части, как британские и американские переводчики справились с решением этой стилистической задачи. Как показал наш сравнительный анализ, к этому сонету, наряду с I сонетом первой части, XIII сонетом второй части и XXIX сонетом второй части цикла, наиболее часто обращались англоязычные переводчики в период с 1936 по 2007 г.

В качестве примера широкого использования стихотворного переноса как стилистического приема в отдельно взятом сонете цикла приведем сонет V первой части, в котором есть как строчные, так и строфические переносы. В данном сонете на 14 строк 2 катренов и 2 терцетов насчитывается 4 строчных (по 2 переноса в первом и втором катрене) и 2 строфических переноса (первый перенос – между первым и вторым катреном, а второй – между первым и вторым терцетом). Для наглядности процитируем этот сонет полностью: Errichtet keinen Denkstein. Laßt die Rose / nur jedes Jahr zu seinen Gunsten blühn. / Denn Orpheus ists. Seine Metamorphose / in dem und dem. Wir sollen uns nicht mühn // um andre Namen. Ein für alle Male / ists Orpheus, wenn es singt. Er kommt und geht. / Ists nicht schon viel, wenn er die Rosenschale / um ein paar Tage manchmal übersteht?// O wie er schwinden muβ, dass ihrs begrifft! / Und wenn ihm selbst auch bangte, dass er schwände. / Indem sein Wort das Hiersein übertrifft, // ist er schon dort, wohin ihrs nicht begleitet. / Der Leier Gitter zwängt ihm nicht die Hände. / Und er gehorcht, indem er überschreitet [12, S, 57].

Нам известны 27 переводов V сонета первой части, выполненные Дж.Б. Лейшманом, Дж. Лемонт, М.Д. Хертер Нортон, У.Д. Сноудграссом, К.Ф. Макинтайром, К. Маурером, Р. Блаем, А. Поулином, Ч. Хейзелоффом, К. Пичфордом, А. Флеммингом, Ст. Митчеллом, Д. Янгом, Л. Норрисом (в соавторстве с А. Килом), Р. Хантером, Г. Киннелем (в соавторстве с Х. Либманн). У. Гэссом, Н. Мэрдас Биллиас, Ст. Коном, К. Крэгоу, Г. Лэндманом, Э. Сноу, У. Барнстоуном, Гр. Гудом, А. Бэрроуз (в соавторстве с Дж. Мейси), Д. Патерсоном и Р.Э. Фуртаком. Все перечисленные переводчики стремились в той или мере воссоздать стихотворные переносы оригинала в своих переводах на английский язык. Однако лишь в десяти переводах – у Дж.Б. Лейшмана, Дж. Лемонт, Р. Блая, А. Поулина, Ст. Митчелла, Д. Янга, Л. Норриса (в соавторстве с А. Килом), Г. Киннеля (в соавторстве с Х. Либманн), Э. Сноу и Гр. Гуда – воссоздана оригинальная система из 4 строчных и 2 строфических переносов пятого сонета. Шести из этих переводчиков также удалось сохранить оригинальный синтаксический рисунок сонета: в рифмованных переводах – Дж.Б. Леймашану. А. Поулину, Л. Норрису (в соавторстве с А. Килом) и Гр. Гуду и в нерифмованных - Г. Киннелю (в соавторстве с Х. Либманн) и Э. Сноу. Приведем полностью один из наиболее удачно воссоздающих особенности формы рильковского сонета рифмованный перевод Дж.Б. Лейшмана: Raise по commemorating stone. The roses / shall blossom every summer for his sake. / For this is Orpheus. His metamorphosis / in this one and in that. We should not take // thought about other names. Once and for all, / it's Orpheus when there's song. He comes and goes. / Is it not much if sometimes, by some small / number of days, he shall outlive the rose? // Could you but feel his passings' needfulness! / Though he himself may dread the hour drawing nigher. / Already, when his words pass earthliness, // he passes with them far beyond your gaze. His hands unhindered by the trellised lyre. In all his over-steppings he obeys//[15. P. 43].

Проанализировав английские переводы V сонета первой части, мы также выделили еще 17 переводчиков «Сонетов», которым не удалось сохранить оригинальную систему enjambements в своих версиях сонетов. По необходимости кратко рассмотрим особенности передачи переносов V сонета первой части в переложениях некоторых из этих переводчиков. Прежде всего, здесь следует назвать вольную интерпретацию У.Д. Сноудргасса, в которой нарушена не только система стихотворных переносов, но и строфическое членение оригинала. Приведем его перевод V сонета первой части:

Erect no gravestone to his memory; Just let the rose bloom for his sake each year. For it is Orpheus. His metamorphosis In this one and this one. We needn't worry For other names. Now and for all time It's Orpheus when there's song. He comes and goes. Isn't it much already if sometimes He overstays, a few days, the bowl of roses? For you to grasp it, he must disappear! Though he, himself, take fright at vanishing. Even while his word exceeds existence here He's gone already ways you cannot trace. The lyre's lattice does not bind his hands. Even in overstepping, he obeys

[16. P. 29].

Как видно из перевода, Сноудргасс не смог в полной мере передать особенности стихотворных переносов сонета Рильке. Переводчик изменил строфическое членение сонета, и как следствие ему не удалось воспроизвести строфические переносы, которые в этой версии сонета стали строчными. Что касается воссоздания 6 строчных переносов, из которых три переноса (конец третьей строки и начало четвертой строки; конец пятой строки и начало шестой строки; конец седьмой строки и начало восьмой строки восьмистишия) воспроизводят один строчный перенос оригинала в первом катрене и два строчных – во втором катрене сонета. На наш взгляд, перевод, выполненный У.Д. Сноудргассом, дает весьма отдаленное представление о стихотворном переносе как об особом стилистическом приеме в V сонете первой части цикла Рильке.

Общее количество переносов в остальных 17 переводах колеблется от 8 переносов в переводах Д. Патерсона и Р.Э. Фуртака, которые использовали по 6 строчных и 2 строфических переноса в своих переложениях, до 5 переносов (3 строчных и 2 строфических) в интерпретации М.Д. Хертер Нортон. Отметим также, что в нерифмованном переводе М.Д. Хертер Нортон воссозданы все строчные и строфические переносы, за исключением первого переноса в начале первого катрена: Set up no stone to his memory [17. P. 25].

Американский переводчик Р.Э. Фуртак смог сохранить оригинальные переносы в своей версии сонетов Рильке, но при этом он добавил по одному строчному переносу в обоих терцетах сонета (в конце второй строки первого терцета и в конце второй строки второго терцета): He has to vanish so you'll understand! / Although he dreads that vanishing, and though / his every word exceeds this place and time. // he's there already – where you cannot go. / The instrument does not constrain his hands, / and as he steps beyond, he toes the line [18. P. 37]. В свою очередь, американец Ч. Хейзелофф также передал характер синтаксиса оригинала не полностью: в его переводе есть один строчный перенос в конце первой строки первого терцета, где его нет в рильковском сонете: He must pass on so we can understand, / even if he, trembling, fears this passing [19. P. 5].

Среди английских переводчиков есть авторы, которые прибегают к компенсации не воссозданных ими оригинальных стихотворных переносов (чаще строфических, чем строчных) переносами, отсутствующими в V сонете первой части Рильке. Так, например, три переводчика: А. Флемминг, Н. Мэрдас Биллиас и А. Бэрроуз (в соавторстве с Дж. Мейси) добавили несколько переносов в своих версиях сонета. Американская переводчица

А. Бэрроуз не передала строчный перенос между первой и второй строками второго катрена, однако, объединив первое восклицательное предложение в начале первого катрена со вторым утвердительным, она ввела в ткань стиха один строчный перенос в том месте сонета, где нет его в оригинале: *Oh, if you could understand – he has no choice / but to disappear, / even should he long to stay. As his song / exceeds the present moment* [20. P. 75]. На наш взгляд, лишив первую строку первого терцета сонета экспрессивности, присущей оригиналу, А. Бэрроуз не исказила смысла сонета. Тем не менее, использование компенсационного переноса в данном случае нельзя считать оправданным, так как другим англоязычным переводчикам, таким как Дж. Б. Леймашан, А. Поулин, Л. Норрис (в соавторстве с А. Килом) и Гр. Гуд, Г. Киннель (в соавторстве с Х. Либманн) и Э. Сноу, удалось представить более адекватные варианты данного сонета (см. выше перевод, выполненный Дж.Б. Лейшманом).

В переводе Н. Мэрдас Биллиас, с одной стороны, наблюдаются попытки переводчицы сохранить строчные и строфические переносы (сохранены два строчных переноса в первом катрене, один – во втором, а также два строфических), а с другой – отказ от адекватного отображения этой стилистической особенности сонета: For it is Orpheus. In whatever mask / of metamorphosis, and free // beyond all naming towards which we might strive. / Know: Orpheus lives in each song, comes and goes (Rilke R.M. Sonnets to Opheus / transl. by N. Mardas Billias. Неопубликованный перевод (письмо от 30.06.2008)). Такая непоследовательность в передаче особенностей оригинального рильковского синтаксиса в переводе на английский язык характерна и для работы другого американского переводчика Рильке - А. Флемминга. В своем нерифмованном переводе А. Флемминг сохранил все строчные переносы, но только один строфический перенос. К сожалению, в переводе А. Флемминга отсутствует строфический перенос между первым и вторым катреном coneтa: For the rose is Orpheus! He appears in various guises in his metamorphosis. // Do not trouble to find other names for him: / [21. Р. 151]. В целом, на наш взгляд, перевод V сонета первой части А. Флемминга напоминает упрощенную прозу, а не coneт: Erect no stone to his memory. Instead / let the rose bloom every year to honor him. / For the rose is Orpheus! He appears in / various guises in his metamorphosis. // Do not trouble to find other names for him: / it is always Orpheus when you hear singing. / He comes and goes. It is not much like a gift / when he outlasts some days the bowl of roses? // Oh, he must leave; it is for you to grasp this, / as much as he is frightened by his leaving. / But while his word surpasses his being here, // he is already there where none can follow. / The lyre's strings no longer ensnare his hands. / And he obeys as he enters the beyond. // [21. P. 151].

Сопоставительный анализ английских переводов V сонета первой части во второй группе из 17 переводчиков позволил выявить одну специфическую особенность данных переложений: у некоторых из них введен строчный перенос между первой и второй строками первого терцета. Например, в переводе Д. Патерсона: But though his constant leaving is torment, / leave he

must, if we're understood. / [22. P. 7]. Кроме того, большинство переводчиков этой группы неоправданно отказываются от передачи восклицательного предложения O wie er schwinden muß, dass ihrs begrifft! [12. S. 57] и повествовательного Und wenn ihm selbst auch bangte, dass er schwände [Ibidem], объединив их в сложноподчиненное или сложносочиненное предложение. Ср.: Д. Патерсон – But though his constant leaving is a torment, / leave he must, if we're to understand [22. P. 7]; Г. Лэндман – And though he also worries at his passing, / he has to face, for you to understand! [23]; У. Γэсс – Oh, he has to vanish so you'll know, / though he dreads his disappearance [24. P. 183]; P. Xahtep – Dreading his own disappearance, / he vanishes that you may understand [25. P. 89]; К.Ф. Макинтайр – He has to vanish, so you'll understand: / Even though himself he fears this evanescence [26. P. 11]; К. Пичфорд – Oh how he fades to make you more aware. And even though he dreads his perishing [27. Р. 5]. Как видно из представленных переводов, Д. Патерсон, Г. Лэндман, У. Гэсс, Р. Хантер, К.Ф. Макинтайр, А. Бэрроуз, А. Флемминг и Ч. Хейзелофф ввели в ткань стиха дополнительный строчный перенос, которого нет в оригинале, а К. Пичфорд отказался от сохранения восклицательного предложения в начале первого терцета, заменив его повествовательным. Появление строчного переноса в конце первой строки первого терцета не способствует передаче идеи Рильке – показать неизбежность и трудность ухода Орфея: экспрессивное O wie er schwinden muß, dass ihrs begrifft! [12. S. 57] сонета остается не воссозданным в переложениях выше перечисленных переводчиков. Мы полагаем, что английские варианты переводчиков, которые сохранили синтаксический рисунок данного сонета в полной мере, адекватнее передают замысел Рильке. Ср.: у У. Барнстоуна – For you to know him he must disappear! [28. P. 111]; в переводе Л. Норриса – So he must vanish that you'll understand! [29. P. 5].

Как показал сравнительный анализ английских переводов V сонета первой части «Сонетов к Орфею», стихотворный перенос, как характерная черта экспрессивности в поэтике Рильке, лишь отчасти находит свое отражение в переводах на английский язык. Проанализированные нами английские переводы V сонета первой части «Сонетов к Орфею» Рильке показали, что количество стиховых переносов в английских переводах значительно уступает соответствующему показателю в немецком оригинале. Среди адекватно воссоздающих стихотворные переносы V сонета есть как перевод-открытие Дж.Б. Лейшмана, выполненный им в 1936 г., так и более поздние версии «Сонетов» Л. Норриса (в соавторстве с А. Килом) (1989 г.), Гр. Гуда (2004 г.) и др. В отдельных случаях, как, например, в переводе У.Д. Сноудграсса (1958 г.), нарушены не только оригинальная система переносов сонета, но и его строфическое членение. Вызывает сожаление также тот факт, что для многих переводчиков – Д. Патерсона (2006 г.), Р.Э. Фуртака (2007 г.), М.Д. Хертер Нортон (1942 г.), Ч. Хейзелоффа (1979 г.), А. Флемминга (1983 г.), Н. Мэрдас Биллиас (1999 г.), А. Бэрроуз (в соавторстве с Дж. Мейси) (2005 г.) и др. – характерна некоторая непоследовательность в подходе к отражению переносов как особенности поэтики Рильке.

В ходе анализа выявлена следующая закономерность: англоязычные переводчики Рильке, которые воспроизвели в текстах своих переводов enjambements с сохранением разрыва синтаксической связи того же типа, что и в оригинале, и с сохранением композиционной формы переноса. также стремились передать семантику слов, логически выделяемых с помощью enjambements. Кроме того, именно этим переводчикам также удалось отразить в своих переводах инновации цикла, прежде всего на уровне рифмы. Так, рифмованные переводы, выполненные Дж.Б. Лейшманом, Л. Норрисом (в соавторстве с А. Килом) и Гр. Гудом, свидетельствует о стремлении этих авторов передать на язык перевода все особенности ритмики и метрики оригинального стиха с целью воссоздания его первозданной мелодии. Переводы этих авторов мы относим к адекватным переводам, под которыми мы понимаем поэтический текст, содержательно, эстетически и функционально равноценный оригиналу. т.е. текст. максимально полно и без искажений воссоздающий содержание и форму немецкого оригинала на английском языке.

Мы полагаем, что специалистам в области поэтического перевода еще предстоит изучать возможные пути сохранения стихотворного переноса как одного из основных элементов формы стихотворения, что должно содействовать появлению большего количества адекватных переводов поэтических шедевров на языках мира. Мы считаем, что адекватный перевод любого поэтического текста возможен только при постоянной ориентации на оригинал, и переводчику необходимо стремиться по возможности сохранить все, что есть в оригинале, и создавать текст перевода в тональности оригинала. Проанализированный нами материал показал, что хотя невозможно быть верным в переводе всем сторонам переводимого стихотворения, некоторым англоязычным переводчикам Рильке удалось воссоздать не только содержание немецкого оригинала, но и его форму.

Литература

- 1. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1986. 375 с.
- 2. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.
- 3. *Руднев П.А*. Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX начала XX вв. // Теория стиха. Л., 1968. С. 105.
- 4. *Лобанова М.С.* К вопросу о стиховом переносе // Вестник Ленинградского университета. Серия 2: История, язык, литература. 1981. № 1. С. 67–73.
- 5. *Тимофеев Л.И*. Очерки теории и истории русского стиха. М. : Гослитиздат, 1958. С. 43-51.
  - 6. *Харлап М.Г.* О стихе. М.: Худож. лит., 1966. 148 с.
- 7. Холшевников В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. М. : Академия, 2002. 208 с.
- 8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». URL: http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm
- 9. *Федотов О.И.* Переносы: О художественном приеме в поэзии // Литература: Прил. к газете «Первое сентября». 1997. № 36. С. 4.

- 10. Панов С.И. К проблеме стихотворного переноса // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1986. № 4. С. 56–59.
- 11. Полетаев В. Заметки и переводы // Мастерство перевода. М. : Сов. писатель, 1973. Сб. 9. С. 472–488.
- 12. Rilke R.M. Duineser Elegien. Die Sonette an Orpheus. Stuttgart : Philipp Reclam, 1997. 155 s.
  - 13. Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М.: Сов. писатель, 1965. 301 с.
- 14. Ахтырская В.Н. Поздняя лирика Райнера Марии Рильке: поэтика аграмматических конструкций // Ученые записки молодых филологов. СПб., 2001. С. 104–115.
- 15. Rilke R.M. Sonnets to Orpheus // The German Text, with an English Translation, Introduction and Notes by J. B. Leishman. London: The Hogarth Press, 1946. P. 34–145.
- 16. *Rilke R.M.* Translations from Rilke: Sonnets to Orpheus / transl. by W.D. Snodgrass // Northwest Review. 1958. P. 20–39.
- 17. Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / transl. by M.D. Herter Norton. N.Y.: W.W. Norton and Company, Inc., 1992. P. 16–127.
- 18. *Rilke R.M.* Sonnets to Orpheus: a New English Version / transl. by R.A. Furtak; with a Philosophical Introduction. Scranton; London: University of Scranton Press, USA, 2007. P. 35–87.
- 19. *Rilke R.M.* Sonnets to Orpheus / transl. by Ch. Haseloff. Privately Printed. Brooklyn: The Print Center, 1979. 39 p.
- 20. *In Praise* of Mortality. Selections from Rainer Maria Rilke's Duino Elegies and Sonnets to Orpheus / transl. and ed. by A. Barrows, J. Macy. N.Y.: Riverhead Books, 2005. P. 65–137.
- 21. Rilke R.M. Selected Poems / transl. by A.E. Flemming. With an Introduction by V. Lange. N.Y.: Routledge, 1990. P. 149–163.
- 22. Paterson D. Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus. London: Faber and Faber, 2006. P. 3–59.
- 23. *Rilke R.M.* Sonnets to Orpheus / transl. by H. Landman. URL: http://www.polyamory.org/~howard/Poetry/orpheus_index.html
- 24. *Gass W.* Reading Rilke: Reflections on the Problems of Translation. N.Y.: Alfred A. Knoff, 1999. P. 71–72, 83–84, 88–89, 140–141, 147, 153–154, 182–183, 184–185.
- 25. *Rilke R.M.* Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus / transl. by R. Hunter with 26 Blockprints by M. Hunter. Eugene: Hulogosi Communications, Inc., 1993. P. 83–143.
- 26. Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / with English Translations and Notes by C.F. Mac-Intyre. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. P. 1–113.
- 27. Rilke R.M. The Sonnets to Orpheus / transl. by K. Pitchford. N.Y: The Purchase Press, 1981. P. 1–29.
- 28. *Rilke R.M.* Sonnets to Orpheus / transl. with an Introduction by W. Barnstone. Boston; London: Shambhala, 2004. P. 103–213.
- 29. *Rilke R.M.* The Sonnets to Orpheus / transl. from the Original German by L. Norris and A. Keele. London: Skoob Books Publishing, 1989. P. 1–56.

Enjambements in Rainer Maria Rilke's Poetry and Their Peculiarities in English Translations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 47–59. DOI: 10.17223/19986645/65/3

Natalia V. Voronevskaya, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvoronevskaya@gmail.com

Keywords: enjambement, Rilke, poetic translation, translation adequacy.

The article is devoted to the analysis of enjambements in Rainer Maria Rilke's (1875–1926) *Sonnets to Orpheus* and the examination of their rendering into English. The material for the analysis includes the lyrical cycle *Sonnets to Orpheus* and its English translations,

made by more than 25 English-speaking translators from 1936 to 2007. The system of methods consists of the method of a comparative linguistic analysis and the method of a comparative analysis of the original and its translations. The article examines the views of Russian researchers on the nature of enjambements; the peculiarities of their use in the lyrical cycle Sonnets to Orpheus; a comparative analysis of English translations of the first sonnet of the first part of the cycle and the identification of the degree of reconstruction of enjambements as one of the elements of the author's innovation of the poetic syntax in the Sonnets. When creating Sonnets to Orpheus, Rilke did not adhere strictly to the classical reproduction of the Italian, French, or English sonnet. In Sonnets to Orpheus, the poet showed new possibilities of a traditional sonnet both at the level of form and at the level of content. One of the structural innovations of the form of this lyrical cycle as a deviation from the norms of construction of a sonnet is the use of line and stanza hyphenations in sonnets. The two parts of Sonnets to Orpheus include 55 poems. Rilke used original enjambements in 28 sonnets from the 55 sonnets of the cycle. This fact may attribute this stylistic device to a very important structural feature of this poetic work, which should be recreated by means of the English language. As an example of the widespread use of enjambements as a stylistic device in a single sonnet of a cycle, the fifth sonnet of the first part is analyzed. In this sonnet, there are both line and stanza enjambements: 4 lines (2 transfers in the first and second quatrains) and 2 stanzas (the first transfer is between the first and second quatrains, and the second is between the first and the second tercets). The conclusions of the analysis are the following. The English translations of the above mentioned sonnet were performed by 16 British and American translators. As the comparative analysis showed, Rilke's enjambements were completely recreated in three of the sixteen translations of the fifth sonnet, i.e. those translated by J. B. Leishman, L. Norris (in cooperation with A. Keele), and Gr. Good. These translators adequately conveyed the expressive and pictorial functions of Rilke's sonnet. They not only recreated the breaks in the syntactic connection of the same type and the same compositional form of Rilke's original, but also tried to convey the semantics of the words of the fifth sonnet. The rhymed translations of J. B. Leishman, L. Norris (in cooperation with A. Keele), and Gr. Good quite adequately recreated the innovative rhyme, rhythm and metrics of Rilke's Sonnets to Orpheus.

References

- 1. Kvyatkovskiy, A.P. (1986) *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- 2. Zhirmunskiy, V.M. (1975) *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 3. Rudnev, P.A. (1968) Iz istorii metricheskogo repertuara russkikh poetov XIX nachala XX vv. [From the history of the metric repertoire of Russian poets of the 19th early 20th centuries]. In: Kholshevnikov, V.E. (ed.) *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Nauka.
- 4. Lobanova, M.S. (1981) K voprosu o stikhovom perenose [On the question of poetic transference]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, Yazyk, Literatura.* 1. pp. 67–73.
- 5. Timofeev, L.I. (1958) *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha* [Essays on the Theory and History of Russian Verse]. Moscow: Goslitizdat. pp. 43–51.
- Kharlap, M.G. (1966) O stikhe [About the Verse]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- 7. Kholshevnikov, V.E. (2002) Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie [The Basics of Poetry. Russian Versification]. Moscow: Akademiya.
- 8. Jakobson, R. (1960) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. [Online] Available from: http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm.
- 9. Fedotov, O.I. (1997) Perenosy: O khudozhestvennom prieme v poezii [Run-on verse: On the artistic device in poetry]. *Literatura: Pril. k gazete Pervoe sentyabrya*. (1997) 36. p. 4.

- 10. Panov, S.I. (1986) K probleme stikhotvornogo perenosa [On the problem of poetic transfer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 4. pp. 56–59.
- 11. Poletaev, V. (1973) Zametki i perevody [Notes and translations]. In: *Masterstvo perevoda* [Mastery of Translation]. Vol. 9. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 472–488.
- 12. Rilke, R.M. (1997) *Duineser Elegien. Die Sonette an Orpheus*. Stuttgart: Philipp Reclam.
- 13. Tynyanov, Yu.N. (1965) *Problemy stikhotvornogo yazyka* [Problems of Poetic Language]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 14. Akhtyrskaya, V.N. (2001) Pozdnyaya lirika Raynera Marii Ril'ke: poetika agrammaticheskikh konstruktsiy [The late lyrics of Rainer Maria Rilke: poetics of agrammatical constructions]. In: *Uchenye zapiski molodykh filologov* [Scientific Notes of Young Philologists]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 104–115.
  - 15. Rilke, R.M. (1946) Sonnets to Orpheus. London: The Hogarth Press. pp. 34–145.
- 16. Rilke, R.M. (1958) Translations from Rilke: Sonnets to Orpheus. Translated from German by W.D. Snodgrass. *Northwest Review*. pp. 20–39.
- 17. Rilke, R.M. (1992) *Sonnets to Orpheus*. Translated from German by M.D. Herter Norton. New York: W.W. Norton and Company, Inc. pp. 16–127.
- 18. Rilke, R.M. (2007) *Sonnets to Orpheus: a New English Version*. Translated from German by R.A. Furtak. Scranton; London: University of Scranton Press, USA. pp. 35–87.
- 19. Rilke, R.M. (1979) *Sonnets to Orpheus*. Translated from German by Ch. Haseloff. Privately Printed. Brooklyn: The Print Center.
- 20. Barrows, A. & Macy, J. (eds) (2005) *In Praise of Mortality. Selections from Rainer Maria Rilke's Duino Elegies and Sonnets to Orpheus*. Translated from German. New York: Riverhead Books. pp. 65–137.
- 21. Rilke, R.M. (1990) *Selected Poems*. Translated from German by A.E. Flemming. New York: Routledge. pp. 149–163.
- 22. Paterson, D. (2006) *Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus*. London: Faber and Faber. pp. 3–59.
- 23. Rilke, R.M. (2003) *Sonnets to Orpheus*. Translated from German by H. Landman. [Online] Available from: http://www.polyamory.org/~howard/Poetry/orpheus_index.html.
- 24. Gass, W. (1999) Reading Rilke: Reflections on the Problems of Translation. New York: Alfred A. Knoff.
- 25. Rilke, R.M. (1993) *Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus*. Translated from German by R. Hunter. Eugene: Hulogosi Communications, Inc. pp. 83–143.
- 26. Rilke, R.M. (1960) Sonnets to Orpheus. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. pp. 1–113.
- 27. Rilke, R.M. (1981) *The Sonnets to Orpheus*. Translated from German by K. Pitchford. New York: The Purchase Press. pp. 1–29.
- 28. Rilke, R.M. (2004) *Sonnets to Orpheus*. Translated from German by W. Barnstone. Boston; London: Shambhala. pp. 103–213.
- 29. Rilke, R.M. (1989) *The Sonnets to Orpheus*. Translated from German by L. Norris & A. Keele. London: Skoob Books Publishing. pp. 1–56.

УДК 81'282.2, 81'42 DOI: 10.17223/19986645/65/4

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ)¹

Исследуется вербализация концепта «Лес» на материале русских говоров Среднего Приобья. Выявлено, что в диалектной речи отражаются преимущественно утилитарные ценности: лес — это место работы, источник природных ресурсов, материального благополучия. Описана историческая и региональная специфика концепта. Показаны трансформации представлений о лесе в диалектном дискурсе, обусловленные внеязыковыми факторами: экономическими, социальными, экологическими.

Ключевые слова: концепт, лес, природа, диалект, говоры Среднего Приобья.

Концепт «Лес» занимает важное место в культуре многих народов. Он анализировался на материале разных языков: английского [1-3], якутского [4, 5], удмуртского [6], рассматривалось его функционирование в разных типах дискурса в русском и немецком языках [7], в том числе в сопоставительном аспекте, на материале фольклора [8, 9]. Коллективом уральских лексикографов создан словарь нового типа «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)». В нем описано 200 концептов, в том числе представлен концепт «Лес», входящий в более общее концептуальное поле «Растительный мир». Авторами разработана оригинальная лексикографическая модель, позволяющая выявить своеобразие русской картины мира через вербализацию ментальных образований [10]. В рамках создания «Лексического атласа русских народных говоров» осуществлен первый тематический выпуск «Растительный мир», в котором картографированию подверглась лексика природы, бытующая на европейской территории России. Диалектные материалы наглядно продемонстрировали, что: а) в говорах членение окружающего мира происходит на других основаниях, чем в литературном языке; б) это членение является более дробным; в) в количественном отношении группа лексики природы значительно превосходит аналогичную группу в литературном языке [11].

Исследования сопоставительного характера показали, что средства вербализации концепта «Лес», их набор и соотношение зависят от принадлежности к определенной культуре и типу дискурса. Так, например, в текстах народных сказок немецкой лингвокультуры понятийный компо-

 $^{^1}$ Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.05.2019).

нент содержания преобладает над образным, а в русской — наоборот. В текстах немецких филологических словарей доля образного содержания выше, чем в текстах русских словарей, а доля оценочного содержания — ниже [7. С. 25].

Цель данной статьи – описание концепта «Лес», функционирующего в диалектном дискурсе, выявление констант и трансформаций народной культуры, отраженных в его внутренней структуре.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные одним из авторов статьи – М.А. Толстовой в диалектологических экспедициях (с. Мельниково, с. Монастырское Шегарского района, д. Больше-Жирово Асиновского района Томской обл.) в 2016–2019 гг., а также тексты, извлеченные из Томского диалектного корпуса в включающего материалы экспедиций, проводимых сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских говоров Среднего Приобья. В исследуемом материале с помощью приема сплошной выборки были выявлены языковые единицы, репрезентирующие данный концепт, рассмотрены их функционирование и актуализация семантических признаков в анализируемых высказываниях. Выбор высказывания в качестве одной из единиц исследования обусловлен тем, что понятийный слой концепта, анализируемый в данной статье, подвергается языковой рефлексии, отражающей обыденное сознание носителей языка.

Исследование леса как природной системы становится актуальным в последние десятилетия в разных науках. Развитие технологий, цивилизационные, экономические, социальные факторы оказывают значительное влияние на отношения человека и природы. Эти изменения особо остро ощущаются в сельской местности, где природные ресурсы всегда были и продолжают оставаться основным источником жизнедеятельности.

Настоящая работа является частью проекта по изучению концептов природного мира Сибири на материале ее русских говоров. Актуальность предпринятого описания обусловлена его включенностью в комплексное, междисциплинарное исследование Сибири как территории, уникальной в географическом, этническом, антропологическом, языковом отношении. Необходимость обращения к данной проблематике определяется тем, что растительный мир достаточно подробно описан на материале диалектов европейской части России, в то время как русские говоры Сибири в этом аспекте изучены весьма незначительно. Вовлеченность в сферу анализа говоров сибирской территории даст возможность более полно представить языковое своеобразие природного мира России, определяемого региональной спецификой.

В качестве основного метода исследования использован метод когнитивно-дискурсивного анализа, в рамках которого выявляются структура

¹ Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/corpus (дата обращения: 15.04.2020). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

концептов и содержание их понятийной, аксиологической, образной составляющих, а также определение специфики их функционирования в диалектной культуре. Как показал предварительный анализ материала, изучаемый концепт характеризуется в диалекте широкой разработанностью всех названных слоев. Обширность материала не позволяет рассмотреть структуру концепта полностью в пределах одной статьи, поэтому мы остановимся в большей мере на его понятийной части, включающей варианты обозначения концепта, признаковую структуру, дефиниции, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [12. С. 107]. Анализу подвергаются высказывания носителей языка, в которых отражено восприятие леса на уровне обыденного сознания. При описании концепта учитывались факторы локальности, региональности, темпоральности, определяющие своеобразие сибирской лингвокультуры [13].

К настоящему моменту на материале среднеобских говоров описаны концепты «Жизнь» и «Смерть» [14], «Душа» [15] «Воля» [16], «Чистота» [17], «Ссылка» [18], «Сибирь» [19], «Богатство» [20, 21], «Работа» [22], «Культура» [23], «Хлеб» [24], «Жизнь» [25] и др. Исследователи отмечают особенности функционирования общенациональных концептов в диалекте, обусловленные спецификой крестьянского бытия, региональными, климатическими, историческими и социальными факторами, выявляют трансформации, произошедшие под влиянием экстралингвистических факторов. Так, например, механизация труда, улучшение социальных условий жизни на селе (появление детских садов, обязательного среднего образования, изменение норм оплаты труда) существенным образом повлияли на представления диалектоносителей о трудовой деятельности [22].

Выскажем предположение, что номинативная плотность концепта «Лес» в среднеобских говорах должна быть достаточно высокой, что обусловлено региональной спецификой их бытования. Так, известный биолог Б.Г. Иоганзен писал в 1959 г., что «по запасам лесов область превосходит Францию, Федеративную Республику Германии, Италию, Норвегию, Швейцарию, Англию, Бельгию и Данию, вместе взятые. Под лесами занято почти 60 процентов территории области, и по этому показателю Томская область принадлежит к наиболее залесенным районам страны» [26. С. 72]. Второе предположение касается степени сохранности собственно диалектной лексики, репрезентирующей природный мир. Эта гипотеза была высказана ранее при анализе концепта «Болото»; она не нашла подтверждения в диалектном материале, но позволила выявить тенденцию перехода диалектной лексики в научную сферу русского литературного языка [27].

Признаки концепта в диалектном дискурсе репрезентируются средствами лексической системы, актуализованными в высказывании, поэтому при анализе в первую очередь нами были выявлены репрезентанты лексического уровня, отражающие ядерные и периферийные зоны концепта. Полевое устройство ментального образования обусловило включение в его структуру не только признаков, воплощающих основные свойства леса, но и признаки связанных с ним других реалий (грибов, ягод, трав).

Отправной точкой нашего анализа является обращение к энциклопедическому толкованию понятия «лес» с целью вычленения его ментальных составляющих. Лес толкуется в энциклопедическом словаре как «один из осн. типов растительности, господствующий ярус которого образован деревьями одного или нескольких видов, с сомкнутыми кронами; для Л. характерны также кустарники, травы, мхи и др. Л. – жизненная среда для многих птиц и зверей, источник древесины, ягод, грибов и технического сырья; имеет важное климаторегулирующее, почво- и водозащитное значение, один из факторов устойчивости биосферы» [28. С. 399].

Данные статьи позволяют вычленить ментальные составляющие концепта лес: лес — это: а) тип растительности; б) источник древесины, ягод, грибов, технического сырья; в) среда обитания животных; г) фактор устойчивости биосферы.

В обыденной коммуникации актуализируются все выделенные признаки через общие и частные наименования леса, имеющие разную системную принадлежность (общерусские, собственно диалектные лексемы, а также диалектные варианты общерусских слов). Ключевым репрезентантом концепта является лексема лес.

Как и в литературном языке, в говорах она является многозначной, о чем свидетельствуют данные «Вершининского словаря», в котором зафиксированы те же значения слова, что и в литературном языке: «1. Деревья, во множестве стоящие на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями. // Перен. Большое количество, множество (комнатных растений). 2. Собир. Срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал» [29. Т. 3. С. 221].

Многозначность данной лексемы подтверждают контексты: Раньше ходила и в лес по яуоду, по грибы; У меня целый <u>лес</u> был фикусов, как <u>лес</u> все стояли; Начинается скатка <u>леса</u>, <u>лес</u> штабелюют, весной скатывают и плавим до оконе'чной точки, где кончатся таежная речка. <u>Лес</u> течет по течению, мы ходим по берегам, а кода' <u>лес</u> затерло, заломи'ло — корма упала, леси'на — тода' на бревно встаешь, переезжашь туда, зало'м рубишь; Анбарушки из лесу строили.

Лексема *лес* функционирует не только в основной форме, но и в формах субъективной оценки: уменьшительной (*лесок*) и уменьшительноласкательной (*лесочек*). Достаточно частотной является форма множественного числа, передающая семантику большого пространства, занятого лесом: <u>Лес</u> большой был, здесь болото было, <u>леса</u> большие были; А тут недалеко <u>лесок</u>, выгрузились, смотрим — девять штук самолетов появилось; Это шишки прошлый год каравулили, згораживали дорогу, проверяли, а туда меленько меленький <u>лесочек</u>, это туда вода заходила все; А он [медведь] где-то отчу'хает если, он перетаска'т и заде'лат тоже. Мошко'м нагребет и <u>лесо'чек</u> накладет. Но он зиму ложится в берлогу, он ниче не ес[т].

Лексемой *лес* мотивируется прилагательное *лесной* «относящийся к лесу»: *Лося большинство называют сохатый, а ведь он <u>лесной</u> зверь, в лесу*

бродит, вот его так и называют, у него же ноги длинные, он везде пройдет; Голубицу брали. Вот нальешь, переберешь ее от листов от всех этих вот, веток, букашек, клопов, таких <u>лесного</u> ото всего этого мусора отберешь.

Видовое разнообразие леса как типа растительности отражено в высказываниях очень широко и осуществляется на основании разных признаков. Наиболее часто леса дифференцируются по признаку породы деревьев, их составляющих. Для Томской области это лиственные леса, которые занимают около половины площади, покрытой лесом [30. С. 157], и для которых существуют специальные наименования: белый лес, бельник, беляк. К лиственным породам относятся березняк, березник (березовый лес), осинник, осинничишка (осиновый лес): Лес у нас большой. Разный лес: осинник у нас, березник, кедрач, пихтач, тальники; Белый лес – это береза, тополь, осина; Где осинник, березник – это зовется бельник.

Представлены в диалекте разновидности хвойных лесов: сосняк (сосновый лес), кедрач (кедровый лес), пихтач (пихтовый лес), ельник (еловый лес): Лес, лес был. Ну, что вы, здесь был... У нас даже вот где щас эти домики-то бе'леньки настроены, здесь был кедрач когда-то. Я чуть помню, здесь были шишки, так прямо кучами насыпа'лись... В Яру' — там же кедрач; Белый гриб чаще всего в пихтаче — мне дак сколько раз так попадалось; Всякий лес у нас был, ели однако было мало, «ельник» называем лес еловый.

На уровне лексической системы находит отражение характеристика смешанного леса: **чернолесье**, **чернь**, **черня**, **черный** лес (смешанный лес): Там сильная тайга, там <u>чернолесье</u> – это ель, пихта', кедра', лиственница.

В обыденной классификации разновидностей леса отражаются возраст деревьев: *молодняк*: *Молодой лес* – «*молодняк*» называется; размер: *крычинчик* (мелкий лес, кустарник): $\underline{Крычинчик}$ – лес, осинник, а в ем вода кругом.

В зависимости от того, на каком расстоянии деревья растут друг от друга, лес может быть редким (*редколесье*) и густым, непроходимым. Сибирские леса в большей мере характеризуются как густые, труднопроходимые. Для обозначения этой разновидности лесов существует обширный пласт лексики (*бор, тайга, согра, чаща, чащина, чигын, чира*). Среди наименований леса по этим признакам большое место занимает собственно диалектная лексика, заимствованная из финно-угорских языков (*согра*), селькупского языка (*чира*), из диалектов западно-сибирских татар (*чигын*) [31]: *Там бор непроходимый был; Со'гра – густой лес. «В со'гре, в глуше' ягода»;* <u>Чира — густой лес. В чире</u> растет шипишник, боярышник. «Ну, — говорит, — паря залез в чиру'»; <u>Чигын</u> — лес называется густой.

В лексической системе говоров репрезентируются такие когнитивные признаки, как место произрастания леса: **болотняк** (лес на болоте), **гарь** (лес, выросший на выгоревшем месте): <u>Гарь</u> — это смесь: березник, осинник, кедерка попадет; Лес <u>болотняк</u> был, блудили в нем; отсутствие / наличие ветвей, листьев на дереве: **голенастый лес, голендач**

(гладкоствольный лес): <u>Голенастый лес</u> – голый, так называют, когда листва спала и голый лес стоит, а то еще у сосны внизу-то голо, а сверху ветки. <u>Голенастый лес, голендач</u>.

Представлена характеристика деревьев, заполняющих пространство и создающих препятствия при передвижении по лесу: валеж, валежник (валежник), завальник, бурелом, буреломник, колодник (поваленный лес), Валежник, буреломник. Ураганы проходят, валежнику навалит, деревьев всяких; Колодник – старый валежник гниет.

Актуализируется в речи диалектоносителей признак концепта «лес – источник древесины, сырья», представленный наименованиями леса как строительного материала: кедрач, пихтач, ельник, березняк, березник, осинник, сосняк: Дома' строили из хорошего леса: пихтач, ельник, кедрач, сосняк; А вот е'жли избу построить, осинник надо; Красный лес — это сосняк. Его все больше на строительство употребля'т; Дома из сосняка строили. Какие есь лесины, расколют, накладывают.

Значимость леса для жителей Сибири проявляется не только на уровне лексической системы, но и на уровне высказываний, в которых осмысляются место и роль леса в обыденной практике. В пропозициональной части высказываний находят отражение ситуации, связанные с заготовкой дров, веников, изготовленных из определенных пород деревьев: Вениками паримся, березовыми, конечно, идем в лес, наломаем прутики, свя'зышь веник.

О.В. Бутерина, анализируя фреймовую структуру концепта «Лес» в специальных научных текстах и текстах энциклопедических словарей, отмечает, что самым распространенным является фрейм «Лес — объект ведения лесного хозяйства» [7. С. 15]. Эти данные нашли подтверждение в исследуемом материале и составили ближнюю периферию концепта. В число репрезентантов концепта входят названия видов деятельности, включающие общие наименования (лесозаготовка), а также отражающие различные этапы и место заготовки древесины (валка, транспортировка): лесовать, тралевать, лесосплав, лесоповал, лесоперевалка: Вот така работа. С лесзаготовок приедешь, опять отправят тебя в лес, пока этой нету, посевной, не нацала'ся, и вот, в этой, в лесу валишь, дрова пилишь, на это, на контору там, на все; А в войну вон как люди работали тяжело. И на лесосплав ездили, и на лесозаготовку ездили. Лесова'ть, тралевать — таскать лес из тайги; Жили у роди'телев, лесовали — работа така': лес у нас валили. Налесовали да и все.

Более частным признаком является обозначение леса как места (участка) ведения хозяйственной деятельности: **лесосека**, **деляна**, **выдел**: Деляна – лесосека, чтобы заготовлять лес, отводится участок, обмеряемый визирями. И тогда под лесосеку отводится пробная плошиадь. Ква'ртал разбивается на выдела.

Этот же признак представлен наименованиями предприятий и хозяйств, осуществляющих операции с лесом (вырубку, заготовку, разведение и т.д.): лесхоз, леспромхоз, лесничество: В леспромхозе было лошадей запряжны х до ста. Все же на лошадях делались, все абсолютно, техники не было

никакой; Во время войны мы жили в <u>леспромхозе</u>. Перед войной... Как началась война, мы переехали в деревню; Знаешь, где <u>лесхоз</u>, там они живут; Лесничий перед <u>лесхозом</u> отшы'тывается; Вот сейчас, кода' здесь <u>лесничество</u> стало, вымахали все, притоптали. Особая роль отводится профессии лесника, который оберегает лес от пожаров, незаконной вырубки и браконьерства: Муж охотник был тоже, <u>лесником</u> и охотником. Лес охранял от людей, чтобы люди не похищали лес, чтобы пожаров не было; Работаю <u>лесником</u>. **Лесник** охраняет лес от пожаров и нарушений. Он должен знать свой обход, как пять пальцев; Вот в войну мы ходили, в субботу вечером уходим, в лес, взрослые быт, мы собираем, в это самое... [А чем били?] А лазили... вот сейчас колотят деревья, а тогда не разрешали, лес, <u>лесники</u> следили строго за этим.

Одним из дифференциальных признаков является признак «среда обитания животных», представляющий собой периферию в структуре концепта и актуализирующийся в утилитарном аспекте. В зону обыденной коммуникации попадают наименования и характеристики тех животных, птиц, которые обитают в данной местности и мясо которых употребляется в пищу. Ценность также представляют мех и шкуры диких животных: Поди' бил я тоже дичь; Мы раз пошли с Иваном охотиться, пошли с ем, он лесником был, собак с ем взяли, пошли на сохатого. Шли, шли мы с ем, а там уже убитый лежит сохатый, шкуры да маленько мяса; Около села лес повсюду. Богатый лес. Кто хочет на охоту ходит, медведя бьет. Там все че хошь растет на свете. И грибы всякие, и ягоды; На охоту езжу, я охотник и рыбак. Вот, я езжу на охоту. Ну че, сказать, каких я зверей стреляю? ... Ну стреляю вот, напиши там вот, мелочь такую вот – утки, чайку, рябчик там. На охоте, значит, всяких это тоже мелочевку. Ну бывает и соболей, и барсуков; Зверей били, лосей били, то он тебя найдет, то ты, тут раньше зверей было сколь хочешь. <u>Белка</u> – зверек – маленький. Какие бы ни были – все звери. Соболей в то время не было – они привезенные. Медвежьи шкуры делали – можно доху сшить – будешь как медведь ходить; На охоте сколько я. Ой, всю жизнь и охотился и рыбачил!

Традиционными для Сибири являются некоторые виды промысловой деятельности: зверовать, охотиться, соболевать, белковать и др.: Зверовать — зверя' бить. Зверя — медведя', лося'. Это самые опасные; В тайге раньше охотились белок, щас никого не осталось: ни белок, ни соболей. На лисиц капканом охотились. Лоси здесь есть, звери — медведи. Собаками загонят зверя на дерево, а лося так собака держит, а хозяин подбега'т и пулей их стреля'т; На соболя охотиться — то говорят соболевать; Я сам даже вот в е'тим месте охотился. Белковали, белок ловили

Роль леса как источника жизнедеятельности и пространства, обеспечивающего удовлетворение потребностей человека в пище, в быту, широко отражена во фрагментах диалектных текстов – рассказов о грибах, ягодах, лечебных растениях, заготовке ореха. В этих высказываниях лес предстает как источник жизненно необходимых ресурсов. Природное своеобразие региона проявляется в видовом разнообразии той или иной растительности

и в способах ее использования. Наиболее частотны лексемы, обозначающие ягоды, растущие преимущественно на болоте или в таежной местности. Это брусника, черника, голубика, клюква, смородина, черемуха и др.: По сих время в лес ходют, грыбы хоро'ши, ягодов много: голубника, земляница. Голубника, та покрупне', да послаще, а земляница – мельче, да духом берет. Ее можно сушить, лу'чче, да с сахаром разварить. Хоро'ша ягода. Черемушка, то'жа растет, малина, соморо'да крупна, мелка – вся'ка – какой кустик угодит; [В лес Вы ходили?] Ходили. За ягодами, за орешками ездили, шишки набивали. Раньше с сестрой ходили, куля два набьем шишек, надо было жить. Ягода здесь вся'ка родится, черемуха, рябина. Пирожки стряпали, раньше сушили, мололи. Калину с сахаром делали, в печке парили. Семантическое поле «ягоды» представлено большим количеством лексем и их вариантов. Оно может быть рассмотрено как самостоятельная единица с разными уровнями членения внутри поля и как часть комплексного ментального образования «Лес». Та же тенденция действует в сфере названий грибов, анализ которой требует отдельного рассмотрения. Грибы заготавливали: белянки, там разные, синявки, разные были грибы. Муж в деревне работал. Я ходила с крестьянками в лес за грибами. Там много грибов было; Грибы тоже брали: грузди, белые и опенки. Груздь боровой в бору растет и груздь ела'нный – в березовом лесу.

К названным семантическим полям примыкают наименования съедобных растений и лечебных трав: [А чем сейчас занимаетесь?] В лес бегаю, траву сушу. <...> Лет десять собираю травы эти; Ну, че, ели вот все та'мо-ка, ходили в лес, вот вся... всякие травы собирали ели, но никогда не отравилися; Маленькая я была — я ела одну траву. Ходили в лес, рвали... Как она щас... Мы называли «колба'», ее называют еще «черемша'». И ее... пу'чки, боршиэ'вник, полевой горох, вот это мы ели. Не было ничего. <...> лес, это, траву рвали, всю избу' травой засыпешь. Вот траву собирали, или отапливать, и ноги парить. Считается как она лекарственна.

Специальное обозначение в среднеобских говорах получает процесс заготовки кедрового ореха: *Ходили в лес, шишкова'ли, у нас тайга там рядом;* <u>Били шишку.</u> Вот в войну мы ходили, в субботу вечером уходим, в лес, взрослые бьют, мы собираем, в это самое...

Таким образом, в лексической системе среднеобских говоров вербализуются основные, сущностные признаки концепта, представленные в том числе в энциклопедическом словаре. Эти признаки структурированы по принципу ядра и периферии.

Наряду с лексической репрезентацией восприятие леса жителем сибирского села зафиксировано в диалектных текстах различной жанровой принадлежности, содержащих размышления о лесе как части окружающего мира, среды обитания. Большая часть этих текстов – рассказы о жизни, воспоминания с актуализацией оппозиций «прежде и теперь», «свое – чужое», «город – деревня». Так, например, в диалектной речи актуализируются представления о лесе как пространстве, которое, с одной стороны, противопоставляется городу, выступает местом отдыха; чистый лесной

воздух оказывает положительное влияние на здоровье человека: От в лесу красиво, ниче не скажешь: и воздух такой прямо чистый да свежий, самый раз для здоровья детям. Вот мы и зовем ка'жно лето к нам в гости всех внучат, чтоб отдохнули они от городу-то, от пыли городской; Всем в городе как-никак красиво; и пыли такой нету, а тут че: пыли хоть отбавляй, да и красоты тоже нету. Подобные представления о лесе проявляются не только в диалекте, но и в других типах дискурса. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря», лексическая единица «лес» выступает в качестве одной из реакций к слову-стимулу «деревня» [32].

С другой стороны, пространство леса противопоставляется пространству деревни как место опасное, неизвестное, вызывающее чувство страха, связанное с возможностью пострадать от хищных животных или заблудиться: Я сама в лес боюсь ходить. Та нет говорю: «я боязли'ва». Боюсь, зверя' боюсь. Зверем звали медведя'; [А варенье из чего? То, что на огороде?] В лес. Черника, земляника. А земляника тоже, так пойдешь, ребятишкам нарвешь там баночку, пол. А теперь уж два года не была в лесу: боюсь заблудиться, стала блудить. Боюсь.

Особое положение в представлении о лесе занимает тайга как место с суровыми условиями, она представляется сложной системой, в которой без специальной подготовки невозможно выжить: Председатель тогда и говорит: «Пожа'лста на охоту». А не охотник, тебя и заморозит в тайге. Пауты, комар, мошка — страшно, клещ быва'т — он с лесины впива'тся в тело; Меня везде — и на лесозаготовки, нас таких вот пошлют... Зима есть зима, а тайга, это не просто лес, вот. Там тайга сплошь эти, леса. А к лесине подойти невозможно, так, чуть не ползком. Снег чуть не в рост; В тайге лес глухой. И ходим ко'нпасу.

Лес ассоциируется с Сибирью как местом насильственного переселения. С.В. Волошина, выделяя единицы, вербализующие концепт Сибирь, приводит в их числе слова «лес» и «тайга» [19]. Исследуя концепт «Ссылка», Т.А. Демешкина отмечает, что тексты, в которых функционирует этот концепт, сопровождаются рассказами о борьбе за выживание в лесу, тайге как непригодном для проживания месте [18]: Да. Раньше же в Сибирь на каторгу ссылали, раньше же здесь была непроходимая трощо'ба, лес. Это щас у нас так стало. В край болота раньше было. Это все жижа, жижа и жижа. Лес жо кругом, болота', а вот тепе'ря расстроились, где че строит и вода заливает, потошто здесь были болота', вот; Они рассказывали... привезли нас на барже', высадили в лесу. Вот светлое только между деревьями, это самое, и начали жить, рыли землянки, это вообще был. Вот диву даешься, как люди могут приспосабливаться к новым условиям; Сослали нас в темную тайгу, где не было ни хлеба, ни соли, не было где жить. Стали делать раскорчевку, вручную рубили лес, долго ставили колхозы; В тайгу, когда переселенцев возили, то мы с женкой и заводили их, и в тайге они и жили; А каторжных сослали в тридцатых годах, их под Новосе'льцево там за нас, они там раскорчевали лес, землянки сделали, ну, жить-то негде было. A низменны'е землянки сделали, жили. A потом все дальше больше, раскорчевали.

В речи диалектоносителей содержится информация о лесе как о месте, в котором можно было скрыться во время революции, войны, спрятать материальные ценности: Така' революция. Нас в лес увозили. Снимайте с себя все черно, красно. Одевайте все зелено, чтобы к траве проходи'ло; Вот бабка офицеру курицу варит, ну, а лошадей они спрятали, в лес увели, чтоб белые не забрали; [А вот вы говорили, с войны убегали. Были здесь беглые?] Были. Много. Их ловили. Отправляли. Куда это я не знаю, по тюрьмам или куда. Оне', наверно, нас боялись. В лесу увидишь: «Ой, бабы наверно беженцы»; Ну и сломали замок и взяли, кто сколь мог. Хозяин вызвал Колчака, тот приехал. Кото'ры успели в лес убежать, те убежали, а кто не успел, тех стегали шомполами, не розгами, а шомполами.

Различные факторы привели к трансформации представлений о лесе и изменениям во внутренней структуре концепта. Они репрезентируются конструкциями «раньше, тогда / теперь, сейчас». Так, информанты, сравнивая прошлое время с настоящим, отмечают, что изменилось восприятие леса как источника ресурсов. В большинстве сел исчезла необходимость самому заготавливать дрова в лесу, а многие культуры люди стали выращивать в огороде: Раньше на лошадях да в лес. А чечас тут готовят дрова; [В лес ходили раньше?] В лес ходили, мы и дрова в лесу резали, и... и все. А щас никуда. Щас вот гото'вы привезут мне. Восемь ты'сяць отдала за две машины; Всегда либо на покосе, либо на огороде. Или где-то в лес... Ягоду эту надо набрать. А теперь у нас дома ягоды полно и мы не хотим брать.

Сравнивая площадь лесных массивов, диалектоносители отмечают их сокращение: [А лес сильно убывает?] Ну как, не убывает?.. Убывает, убывает. Столько ведь это, че... Он же растет медленно, медленно. [Раньше кругом лес был?] Лес, лес был. Ну, что вы, здесь был... У нас даже вот где щас эти домики-то бе'леньки настроены, здесь был кедрач когда-то. Я чуть помню, здесь были шишки, так прямо кучами насыпа'лись. Ну а теперь уж от так мы-то стали побольше, так его весь и вырубили тут. Такое положение дел обусловлено тем, что люди уничтожают лес: вырубают, сжигают: Лес большой был, здесь болото было, леса большие были. Корчевали его, жели его. Раньше боялись до межовки доти [дойти], лес такой. Теперь ни холеры ничего, березы, сосняк был хороший; Раньше лес. Выди на зады', дак как тайга. Болоты'. Давно сгорела, тае я не помню. Головешки а'жно несло; Во время войны кедрач уничтожили; Нет, сейчас не рубят. Лес весь сейчас повырубили.

Результатом этого процесса становится истощение ресурсов леса, сокращение популяции диких животных: Везде охотился, где белка быват. А ети года мало белки. Лес вырабают. Чечас всю дорогу чишшут, шумят трактора, бульдозеры. Весь лес возют; Лес сейчас страшно глядеть. Раньше так бывало и смородина, и черемуха, а сейчас вот как заехали, все подчистили лес. Как-то я собиралась туда, но ведь даже ничего ведь нету

там. Весь лес свалили, ни ягодки не найти там, ни грибов нету. Степь стала, только вот и все; Шшас охотиться не хожу. Весь лес-то перепортили. Негде шшас охотиться. .... А сколько лесу-то сгорело. По берегу горел; Ну, белых мало стало, лес все вырезанный, а раньше много было здесь грыбо'в; В тайге раньше охотились белок, щас никого не осталось: ни белок, ни соболей; Щас пишут ученые, что экспедиции приходят, зверь уходит, а куда уходит — везде народ стал, везде машины стали. Куда ему, бедному, податься?

Причиной такого положения дел, по мнению диалектоносителей, является отсутствие контроля со стороны властей; недостаточное внимание к лесу лесников, местных жителей: В Новосибирске сосняк, кедрач-то там не растет. Пожалуй, кругом Томска кедрач есть. В Томске запретна зона, там не ва'лют. А двадцать-тридцать кило'метров от села, так валют, а его потомкам оставить надо. Лесные жители, вот скажем, к которым ближе кедрач, следили за ним больше, чем лесники. Раньше за жителем закрепляли участок, он его берег, не трогал. Счас совсем не так относятся. Срубают ни за че деревья. Лишь бы загубить. Нет бережного, любовного отношения к природе. Бережливость счас почему-то не воспитана в человеке. Неблагородно к кедрачу относятся, браконьерство: Лисы есть, соболь, норка, а ондатра вот перевелся, ой, было ондатры. Охотники, так браконьерство вот такого маленького бьют; Тут зверя ско'ко было, а вот щас уже выколотили эти годы, вот щас бракоделов море. Тода' браконьеров было очень мало и строго наказывали, а щас все. [Никто не следит?] А щас самые браконьеры – это вот эти, большие шишки, так что себе пометьте.

Диалектоносители отмечают, что лес меняется под воздействием экологических факторов, в частности уничтожается насекомыми-вредителями: Ну, есть кедрач, туда дальше. Щас, ну родится шишка, ну всякий шелкопряд родится. Раньше на кедры лазила. Теперь уж нет. Эти уж года не лазим. А то'ка собирали. Он сам дерево объест кору, дерево. Даже берешь руками, противно даже, жмется он. Раньше не понимали, не знали, что за черв, что за чертовщина. ...За рекой весь лес изменился. Раньше едешь радуешься. А щас покручено червями-то. Раньше маленькими были, не понимали. Даже лук на огороде черв съедат. Скажешь раньше про червей не верим, «щас по морде набыю». Все приходится прибегать, все хлоровостом обрызгивали, и все не помогат; Вот как было в лесу — это не вылез бы! А щас нет, щас бурьян какой-нибудь растет. Тода' грибов хоть сколько бери, и они всякие разные были грибы; Здесь совхоз был. Все лес. Я приехала сюда. Все зарос. Все берега посмывали. Много яру смыло. Все валится, валится. Наша баня так кромочкой и висела всю зиму.

В связи с появлением техники меняются способы обработки леса: Лес пилой пилили. Пилы были ручные. Напилишь, а потом домой на коротки чурки. Это лес в кучи складывают, штабелевки получаются, как мосты такие; Раньше волокуша была, чтоб лес возить. Вырубали пихту' с корнем. Корни связывали и были такие волокуши. Они очень легкие и удобные.

Волокуши, которые счас есть — для уборки сена. ... Раньше еще валили лес ручной пилой. У нее по концам две ручки есть, ручки эти деревянны. Потом появилась «Дружба», с моторчиком. Счас трактор срезает дерево с одного маху.

Как показал анализ материала, ценность леса для жителей Сибири заключается в возможности его использования в практической деятельности. Вместе с тем единичные контексты свидетельствуют о том, что помимо этого лес включается в эмоциональную сферу человека, он является источником позитивных эмоций (радости), эстетических переживаний: А лес был, знаете, какой, не как сейчас. Такая зелень зайдешь в лес, такая радость, такой воздух! Там травка вот такая, зеленая! Огоньки! Эти кукушкины слезки да всякие. Ну, сияет все.

В рассказах о лесе находят отражение мифологические представления и суеверия, связанные с осмыслением человеком окружающего мира и своего места в этом мире. В высказываниях диалектоносителей упоминается леший, который может погубить, увести в чащу леса, «водит кругами»: Пошел на охоту, он его и сцапал. Ружье изломал. Видно, хитрый тоже зверь [о медведе]. Он шел лесом, а зверь выскочил из куста и поймал. На другой день пошли искать, а зверь на нем сидит. Тоды' его стали стрелять и убили. Река стала, а его, видимо, леший водил.

Мифологичность сознания диалектоносителей по отношению к лесу проявляется в системе примет, которые надо непременно соблюдать, если хочешь получить результат своей деятельности: Деревянный дом! Стоит двухэтажный. Поэтому люди знали, когда готовить в какое время лес, а не когда вздумается, а щас же ведь че. Когда его надо начинать рубить и строить, и когда складывать его надо. Поэтому вот столько и стоят, почему он не гниет? Тот же самый лес, из того же самого леса сделаны... Ну вот. Вот, потому что знали, потому и... [А как вот они это все передавали, откуда они узнавали?] Ну откуда, они идут испокон веков, оно идет и как, вот эти всякие приметы. А щас вот это вот все перемешалось, и эти приметы вот, они, просто все люди, они знали. Так, седня птичка вот тут сидит, на сухой ветке, значит седня будет дожь.

В данных текстах лес осмысляется как часть глобального природного мира и космоса, где все взаимосвязано. Утрата знаний о влиянии природы на существование человека имеет, по мнению диалектоносителей, негативные последствия для его жизни и деятельности.

Таким образом, проведенный анализ показал, что концепт «Лес» занимает значительное место в речи старожилов Сибири. Он вербализуется большим количеством лексических единиц, входящих в лексико-семантические группы «Растения», «Ягоды», «Грибы», «Животные», а также тесно связан с концептами «Еда», «Работа», «Жизнь», «Сибирь», «Ссылка».

В высказываниях диалектоносителей актуализируются представления о лесе, в первую очередь имеющем для человека утилитарную ценность: лес – это место работы, источник природных ресурсов, материального благополучия. В единичных случаях отражена эстетическая значимость леса.

Набор когнитивных признаков расширяется за счет включения в структуру концепта представлений о роли леса в разные периоды истории (место убежища), осмысления леса как неосвоенного пространства, непригодного для жизни (место поселения для ссыльных), а также пространства, населенного мифологическими существами.

«Лес» в диалектной речи предстает как динамичный концепт, содержание которого претерпело трансформации, обусловленные экономическими, социальными, экологическими факторами.

Литература

- 1. Гавриленко О.В. Концепт лес в англоязычных культурах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С. 135–137.
- 2. *Моисеева С.А.* Концепт ЛЕС как основной репрезентант понятийной сферы РАС-ТИТЕЛЬНЫЙ МАССИВ // Когнитивные исследования языка. Москва ; Тамбов, 2013. Вып. 14. С. 576–581.
- 3. *Быканова В.И*. Англосаксонский концепт «Лес» как элемент национального менталитета // Гуманитарный вестник. 2015. № 10 (36). С. 1–8.
- 4. *Романова Е.Н.*, *Данилова Н.К*. Концепт леса у периферийных групп северных тюрков // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lesa-u-periferiynyh-grupp-severnyh-tyurkov (дата обращения: 04.11.2019).
- 5. *Артамонова Н.П.*, *Павлова И.П.* Анализ лексико-семантической группы «Лес» как фрагмент картины мира народа саха // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2018. № 1 (63). С. 83–91.
- 6. *Максимов С.А.* «Лес» в удмуртских говорах: диалектологическая карта и комментарий // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2 (2). С. 56–68.
- 7. *Бутерина О.В.* Представление концепта «лес» в русских и немецких лингвокультурных источниках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 25 с.
- 8. Шаколо А.В. «Лес» и «дом» как ключевые концепты главной оппозиции сказочного дискурса (в рамках общей дискурсивной теории) // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2016. Т. 21. С. 144–147.
- 9. Шаколо А.В. Важнейшие концепты сказочного дискурса (на материале концепта «Лес» // Наука образованию, производству, экономике : материалы XIX Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 216–217.
- 10. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : Азбуковник, 2017. 1020 с.
- 11. *Лексический* атлас русских народных говоров (ЛАРНГ). Т. 1: Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.
- 12. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- 13. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
- 14. Γ ынгазова $\mathcal{I}$. Γ . Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : материалы междунар. науч. конф., Томск, 21– 23 октября 2003 г. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.
- 15. Гынгазова Л.Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры русского

- языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. Томск, 2004. С. 151–155.
- 16. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею академика МАН ВШ доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой. Томск, 2006. С. 220–229.
- 17. Демешкина T.A. Концепт чистоты по данным среднеобских словарей // Наука и образование. Ч. 2 : материалы Всерос. науч. конф., 12–13 апреля 2002 г. Белово, 2002. Ч. 2. С. 49–55.
- 18. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
- 19. *Волошина С.В.* Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.
- 20. *Волошина С.В., Толстова М.А.* Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.
- 21. Волошина С.В., Толстова М.А. Образный, аксиологический и символический слои концепта «Богатство» в диалектном дискурсе // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. / отв. ред. Л.Ф. Копосов. М., 2018. Вып. 17. С. 75–82.
- 22. Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12–18.
- 23. Иванцова Е.В. Концепт «Культура» в словарях русских народных говоров // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 5–21.
- 24. *Иванцова Е.В.* Концепт «Хлеб» в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 47–64.
- 25. Волошина С.В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 42–48.
- 26. *Иоганзен Б.Г.* Природа Томской области. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 175 с.
- 27. Демешкина T.A. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «Болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.
- 28. *Новый* иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. 912 с.
- 29. *Вершининский* словарь. Т. 3 / авт. -сост. В.Г. Арьянова и др. ; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 346 с.
- 30. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- 31. *Евсеева Н.С.* География Томской области: (Природные условия и ресурсы). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 223 с.
- 32. *Русский* ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.] ; Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М. : [ИРЯ РАН], 1996. 211 с.

Representation of the Concept "Forest" (On the Material of Dialect Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 60–76. DOI: 10.17223/19986645/65/4

Tatiana A. Demeshkina, Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / tolstova_11@mail.ru

Keywords: concept, forest, nature, dialect, dialects of Middle Ob region.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program, Project No. 8.1.05.2019.

The aim of this article is to describe the concept "forest" that functions in dialect discourse, to identify the constants and transformations of folk culture that are reflected in its internal structure. The material is dialect texts recorded in the Middle Ob region from 1946 to the present day. The main research method is cognitive-discursive analysis, which allows detecting the structure of concepts and the content of their conceptual, axiological, figurative components, as well as determining the specifics of their functioning in the dialect culture. Due to the sufficient development of all layers of the concept in the material, only the conceptual layer is described in this article. The units involved in the representation of the concept "forest" in the dialects of the Middle Ob region are nouns les [forest, wood], lesok [small wood], lesochek [small wood], an adjective lesnoy [forestial], as well as names of forest species depending on its composition, quality, age, place of growing, use (for example, belyy les [white forest], bor [coniferous forest], tayga [taiga], yar [ravine], etc.), names of forest (wood) as construction material (timber); names of activities related to work in the forest and state enterprises and farms engaged in logging, cutting and removal of wood: lesozagotovka [timber cutting], lesosplav [wood floating], lesoperevalka [transshipment of timber], shishkoboy [place where pine cones are picked], okhota [hunting], leskhoz [forestry farm], lespromkhoz [logging company], lesnichestvo [forest district]. In dialect speakers' minds, the forest is primarily associated with utilitarian values. It is a place of work, a source of life, a space that provides for the satisfaction of people's food needs, a source of building material, leather and fur; it also provides resources for treatment. Dialect texts contain reflections on the forest as part of the environment. For example, they actualize ideas of the forest as a space opposing the city as a place of rest, on the one hand, and opposing the village as a dangerous unknown place causing fear, on the other. The taiga is specifically represented in the concept "forest": it is a space with harsh conditions, a complex system in which it is impossible to survive without certain knowledge. The structure of the concept includes ideas about the role of the forest in different periods of history, understanding the forest as an undeveloped space unsuitable for life, as well as a space inhabited by mythological creatures. In single cases, the aesthetic significance of the forest is reflected. The forest is conceptualized as part of the global natural world and space in which everything is interconnected. The loss of knowledge about the influence of nature on human existence has negative consequences for man's life and work, according to dialect speakers. The content of the concept "forest" has undergone transformations due to economic, social, environmental factors.

References

- 1. Gavrilenko, O.V. (2009) The concept forest in the English-speaking cultures. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 135–137. (In Russian).
- 2. Moiseeva, S.A. (2013) The concept forest as the main representative of the conceptual sphere vegetal area. In: Furs, L.A. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitiv Studies of Language]. Vol. 14. Moscow; Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 576–581. (In Russian).
- 3. Bykanova, V.I. (2015) Anglo-Saxon concept "wood" as an element of national mentality. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Baumana Humanities Bulletin of BMSTU*. 10 (36), pp. 1–8. (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2015-10-310
- 4. Romanova, E.N. & Danilova, N.K. (2015) The concept of wood of peripheral communities of northern turkic peoples. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura Society: Philos-*

- ophy, History, Culture. 6. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lesa-u-periferiynyh-grupp-severnyh-tyurkov. (Accessed: 04.11.2019). (In Russian).
- 5. Artamonova, N.P. & Pavlova, I.P. (2018) Analysis of the Lexico-Semantic Group "Forest" as a Fragment of the linguistic worldview of the People of Saha. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal nogo universiteta im. M.K. Ammosova Vestnik of North-Eastern Federal University*, 1 (63), pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.25587/svfu.2018.63.10543
- 6. Maksimov, S.A. (2007) "Les" v udmurtskikh govorakh: dialektologicheskaya karta i kommentariy ["Forest" in Udmurt dialects: a dialectological map and commentary]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii*. 2 (2). pp. 56–68.
- 7. Buterina, O.V. (2008) *Predstavlenie kontsepta "les" v russkikh i nemetskikh lingvokul'turnykh istochnikakh* [Presentation of the concept of "forest" in Russian and German linguistic and cultural sources]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
- 8. Shakolo, A.V. (2016) "Forest" and "House" as Key Concepts of the Main Opposition within the Fairy Tale Discourse (in the Context of the General Discourse Theory). *Uchenye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Masherova.* 21. pp. 144–147. (In Russian).
- 9. Shakolo, A.V. (2014) [The most important concepts of fairy-tale discourse (based on the material of the concept of Forest)]. *Nauka obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science to education, production, economy]. Proceedings of the 19th Regional Conference. Vol. 1. Vitebsk. 13–14 March 2014. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 216–217. (In Russian).
- 10. Babenko, L.G. (ed.) (2017) Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsiya v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii) [The Conceptual Sphere of the Russian Language: Key concepts and their representation in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology)]. Moscow: Azbukovnik.
- 11. Vendina, T.I. (ed.) (2017) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [The Lexical Atlas of Russian Dialects]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- 12. Karasik, V.I. (2002) Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- 13. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
- 14. Gyngazova, L.G. (2003) [The concepts of "Life" and "Death" in the language of a dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual Problems of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 21–23 October 2003. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 103–111. (In Russian).
- 15. Gyngazova, L.G. (2004) Kontsept "Dusha" v yazyke dialektnoy lichnosti [The concept of "Soul" in the language of a dialect personality]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and Applied Aspects of Philology]. Tomsk: STT. pp. 151–155.
- 16. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept of "Will" in the individual consciousness of the bearer of traditional speech culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual problems of Russian studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 9 11 November 2005. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–229. (In Russian).
- 17. Demeshkina, T.A. (2002) [The concept of purity according to the dictionaries of the Middle Ob Region]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Proceedings of the International Conference. Belovo. 12–13 April 2002. Pt. 2. Belovo: Belovo Branch of Kemerovo State University. pp. 49–55. (In Russian).
- 18. Demeshkina, T.A. (2018) "Exile" as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3

- 19. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept "Siberia" in autobiographical stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/47/2
- 20. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept "Wealth" in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 55. pp. 17–28. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/2
- 21. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) [Figurative, axiological and symbolic layers of the concept "wealth" in dialectal discourse]. *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'* [Russian Language: History, dialects, modernity]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 23 April 2018. Vol. 17. Moscow: Moscow Region State University. pp. 75–82. (In Russian).
- 22. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2017) The concept "work" in women's autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 425. pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/2
- 23. Ivantsova, E.V. (2016) The concept "culture" in dictionaries of Russian folk dialects. *Voprosy leksikografii Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/1
- 24. Ivantsova, E.V. (2018) The concept "bread" in the discourse of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 56. pp. 47–64. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/4
- 25. Voloshina, S.V. (2019) The "Life" Concept in the Speech Genre of the Autobiographical Story: Constants and Transformation (Based on Dialect Speech). *Zhanry rechi Speech Genres*. 1 (21), pp. 42–48. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48
- 26. Ioganzen, B.G. (1971) *Priroda Tomskoy oblasti* [The Nature of the Tomsk Region]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- 27. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept "Swamp"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 62. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6
- 28. Borodulin, V.I. et al. (eds) (2001) *Novyy illyustrirovannyy entsiklopedicheskiy slovar'* [New Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
- 29. Blinova, O.I. (ed.) (2000) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
- 30. Anikin, A.E. (2000) Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoziatskikh yazykov [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleoasian languages]. Moskva; Novosibirsk: Nauka.
- 31. Evseeva, N.S. (2001) *Geografiya Tomskoy oblasti. (Prirodnye usloviya i resursy)* [Geography of the Tomsk Region. (Natural conditions and resources)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 32. Karaulov, Yu.N. et al. (1996) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

УДК 811.161.1:81'42 DOI: 10.17223/19986645/65/5

Г.Л. Денисова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В КАРИКАТУРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Выявляются сферы-источники прецедентных феноменов, используемых авторами карикатур Великой Отечественной войны, и их функции в карикатуре, которая рассматривается как тип креолизованного текста. Анализ функций прецедентных феноменов в карикатурах показывает, что прецедентные феномены являются элементами структур текста (референтной, темпоральной, локальной, модальной), и их использование дает возможность в емкой и лаконичной форме донести до адресата основную идею сообщения, передать его эмоционально-оценочную составляющую.

Ключевые слова: политическая карикатура, креолизованный текст, текстовые категории, прецедентный текст, сферы-источники прецедентных феноменов.

Постановка проблемы

Современная «лингвистика текста все в большей мере преобразуется в лингвистику семиотически осложненного текста» [1. С. 3], расширяется сфера исследования текстов, в которую вовлекаются тексты «смешанного типа» [2. С. 192]. К последним относятся «креолизованные тексты, в структурировании которых наряду с вербальными применяются и иконические средства» [1. С. 3]. Представляя собой сообщение, формирующееся единством вербальных и иконических средств, политическая карикатура относится к креолизованным текстам, остающимся «наименее изученными в лингвистике» [Там же].

Мы считаем, что характеристики карикатуры как креолизованного текста в большой степени обусловлены культурным контекстом, интертекстуальными связями текстов [2. С. 141–145], «предполагаемым» [3. С. 13], «общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [4. С. 7]. В этом отношении определению характеристик сообщений в форме политической карикатуры поспособствовало бы изучение функционирования прецедентных феноменов в составе текстов данного типа, поэтому целью исследования стало

[5. C. 174].

¹ Прецедентность как лингвистическая категория понимается как обращение к прошлому коммуникативному опыту и реализуется в использовании прецедентных феноменов, «которые известны любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входят в национальную когнитивную базу»

выявление сфер-источников прецедентных феноменов, к которым обращаются авторы в карикатурах Великой Отечественной войны, и определение функций прецедентных феноменов в данном типе сообщений.

Материал и методы исследования

Материалом для анализа стали 163 сообщения в форме политической карикатуры, созданные разными авторами в период Великой Отечественной войны¹. В качестве иллюстраций используются карикатуры Кукрыниксов², которые часто работали в соавторстве с поэтами своего времени, в частности с С.Я. Маршаком.

Рассматривая карикатуру как креолизованный текст, мы применяем в ходе ее анализа методы выявления текстовых структур вербального текста, а именно метод определения состава «текстовых сеток», разработанный Л.А. Ноздриной [6]. Значение лексических единиц определяется методами дефиниционного, семантического и контекстуального анализа.

Результаты исследования

Материал статьи представлен по сферам-источникам прецедентных феноменов, обнаруженных в сообщениях в форме политической карикатуры: история Отечества, русский песенный фонд, сфера-источник «Литература» с ее субсферами (сказки, басни, художественная проза).

История Отечества. Поиск прецедентных феноменов в составе сообщений в форме политической карикатуры Великой Отечественной войны выявил возможность апелляции к памяти об истории Отечества. К примеру, одна из карикатур 1941 г. (рис. 1), в которой Кукрыниксы предсказывают развитие событий после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, сопровождается надписью «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!». Анализ, проведенный по методике выявления структур текста, разработанной Л.А. Ноздриной [6] с учетом особенностей представления категории времени в политической карикатуре [7], обнаружил в карикатуре два временных плана: план прошлого и план будущего.

В первой фразе подписи к карикатуре дается ретроспективная ссылка. План прошлого подтверждается формой прошедшего времени глагола, организующего высказывание. В позиции подлежащего употреблено имя собственное *«Наполеон»*, которое традиционно включается в группу прецедентных имен.

¹ Выборка сделана из материалов, которые размещены на сайте www.davno.ru.

² Кукрыниксы – псевдоним по первым слогам фамилий творческого коллектива, в состав которого входили советские графики и живописцы, действительные члены АХ СССР (1947), народные художники СССР (1958): Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич и Соколов Николай Александрович.

Рис. 1

В контексте противопоставления двух временных планов (прошлого и будущего) имя собственное «Наполеон» выполняет функцию косвенной ретроспективной ссылки, так как оно проецируется на конкретный отрезок в хронологии событий истории России: нападение наполеоновской армии на Россию (с июня по сентябрь 1812 г.) и ее всенародное изгнание (с октября по декабрь 1812 г.). Другими словами, прецедентное имя «Наполеон» является элементом темпоральной сетки сообщения, участвует в выражении категории времени в тексте. Ретроспективную ссылку дают и изобразительные элементы в пространстве карикатуры (тени, отбрасываемые персонажами карикатуры), которые вместе с именем собственным «Наполеон» в вербальной части сообщения входят в его темпоральную структуру. Абрис тени от тела Гитлера имеет портретное сходство с Бонапартом, тень от винтовки воина принимает форму деревянной рогатины, нацеленной в грудь корсиканца, на рогатине начертана дата «1812».

Высказывание «Наполеон потерпел поражение» называет прецедентную ситуацию в истории России. Между приведенным высказыванием и следующим за ним существует тесная связь на основе повтора. Указательное местоимение с частицей «то же» в позиции подлежащего во втором высказывании замещает наименование прецедентной ситуации: «То же будет и с зазнавшимся Гитлером!». Следует отметить, что «анафорический заместитель относится, по существу, не к отдельному слову в предыдущем предложении, а ко всему предыдущему предложению, в котором было использовано прямое наименование» [8. С. 112]. Во второй реплике сообщения прецедентная ситуация проецируется в будущее: сказуемое выражено глаголом в форме будущего времени. План будущего представлен в изобразительной части сообщения на переднем плане: Воин Красной Армии прикладом винтовки сбивает с ног Гитлера в наполеоновской треуголке, который в одной руке держит разорванный договор о ненападении, а в другой – пистолет, нацеленный на воина.

Два временных плана, созданные в пространстве карикатуры, четко разделены: ситуация из прошлого представлена театром теней, ситуация будущего разыгрывается персонажами во плоти, но в точности повторяет ситуацию 1812 г.

Другими словами, обращение к прецедентной ситуации способствует выражению основной идеи сообщения: ситуация 1812 г. повторится, 'поражение Гитлера – неизбежно'.

Обращает на себя внимание устанавливаемая связь между личностью Гитлера и личностью Бонапарта: на голове Гитлера — наполеоновская треуголка¹, он отбрасывает тень, которая имеет портретное сходство с Наполеоном.

Перечисленные изобразительные элементы карикатуры можно определить как визуальную прецедентность [10. С. 114], а именно как изобразительную аллюзию на прецедентное имя «Наполеон», которая «намекает» на объединяющее Гитлера и Наполеона характерное свойство, типовую примету – стремление к мировому господству.

Комический эффект, создаваемый художниками посредством направленного искажения при изображении Гитлера и через соотношение размеров фигур Бонапарта и Гитлера (на фоне Наполеона Гитлер кажется карапузом с несоразмерно маленькими ручками и ножками), позволяет карикатуристам передать их отношение к персонажу. Язвительная насмешка над изображаемым персонажем находит выражение в искажении черт его лица, которому они придают форму крысиной мордочки.

Сообщение рассматриваемой карикатуры отличается лаконичностью (два предложения к картинке), которая согласно вышеприведенному анализу обеспечивается вводом в сообщение прецедентного феномена, его обширными ассоциативными связями на лингво-когнитивном уровне языковой личности [11. С. 238].

Результаты ввода прецедентного феномена в текст Ю.Н. Караулов описывает следующим образом: «...ввод этот осуществляется подобно замыканию наведенной в сознании слушающего рефлекторной дуги, дуги условного рефлекса: намек (цитата или имя) — и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушателя, прецедент вступает в игру» [Там же. С. 217].

Русский песенный фонд. Примером обращения к песне как прецедентному тексту, хорошо известному русской языковой личности, может служить одна из карикатур 1943 г. (рис. 2), которую Кукрыниксы подписывают первой строкой народной песни «Потеряла я колечко...»².

_

¹ Т.Е. Никольская, исследовавшая прецедентные феномены, истоком которых стала война 1812 г., отмечает, что треуголка является признаком прецедентного феномена «Наполеон» [9. С. 62].

² Приводятся только фрагменты текста песни, релевантные для анализа.

Рис. 2

Где тот миленький дружочек,
Что словами улещал.
Улещал, наверно,
Что словами улещал?
[.....]
Сам уехал, меня бросил И малютку на руках,
На руках, наверно,
И малютку на руках.

Как взгляну я на малютку, Слезой горькой обольюсь, Обольюсь, наверно, Слезой горькой обольюсь. Чрез тебя ли, мой дружочек, Пойду в речку утоплюсь, Утоплюсь, наверно, Пойду в речку утоплюсь. [......]

В сообщении в форме политической карикатуры обнаруживаются два референта. Один из референтов сообщения представлен лексемой «кольцо» в уменьшительной форме «колечко» в вербальной части сообщения и областью на карте, очерченной красной круговой линией, на заднем плане карикатуры. В контексте песни уменьшительное «колечко» реализует прямое значение лексемы «кольцо»: 'украшение в форме ободка из твердого металла, надеваемое на палец' [12. С. 285]. Красная круговая линия на карте актуализирует другое значение данной лексемы, которое помечается в «Толковом словаре русского языка» как переносное 'положение, когда кто-нибудь окружен кем-нибудь или чем-нибудь, замкнут круговой линией' [Там же] и реализуется, к примеру, во фразеологическом обороте *«брать в* кольцо», т.е. 'окружать'. Игра двумя значениями лексемы «кольцо», использование возможности проекции рассматриваемой лексемы на два разных представления на лингво-когнитивном уровне языковой личности, актуализирует у глагола «терять» не узкое значение 'лишаться когонибудь, чего-нибудь по небрежности или роняя, оставляя неизвестно где' [Там же. С. 796], а его более широкое значение 'лишаться кого-нибудь, чего-нибудь, переставать обладать чем-нибудь' [Там же]. Речь идет об окружении и уничтожении советскими войсками двадцати двух дивизий противника в ходе Сталинградской битвы и о сдаче в плен остатков 6-й немецко-фашистской армии 31 января – 2 февраля 1943 г. Обозначенный

факт является темой анализируемой карикатуры. Информация о факте окружения в привязке к особенностям ландшафта физической карты СССР передается изобразительными средствами.

Другой референт сообщения карикатуры представлен изображением Гитлера и личным местоимением «я» в вербальной части сообщения. С местоимением «я» согласуется глагол в грамматической форме, которая предполагает указание на лицо женского пола: песня, из которой заимствована строка, послужившая подписью к карикатуре, исполняется от лица женщины. Приписывание слов подписи Гитлеру подтверждается изображением большого головного платка, укрывающего голову и плечи персонажа. Демаскулинизация персонажа образует основание для создания комического эффекта в рассматриваемой карикатуре.

Устанавливаемая связь изображения Гитлера и первой строки народной песни побуждает адресата сообщения к поиску оснований для обозначенной ассоциативной связи. В контексте песни, к которой отсылают авторы сообщения в форме политической карикатуры, позицию дополнения при глаголе *«терять»* замещает лексема *«любовь»*, которая обозначает сильное эмоционально окрашенное чувство. Песня написана от первого лица. Категория лица оформлена в тексте песни при помощи личного местоимения «я», глагольных окончаний первого лица единственного числа, притяжательным местоимением «мой». Жанр рассматриваемой народной песни и ее тема - «страдания». Глубину чувства, которое испытывает субъект переживаний, глубину его печали отражают словосочетания «горькие слезы», «обливаться слезами» во фразе «слезой горькой обольюсь» и словосочетание «день и ночь» в позиции обстоятельства времени во фразе «Как по этому колечку буду плакать день и ночь». Чувство безысходности находит выражение в принимаемом решении: свести счеты с жизнью «Пойду в речку утоплюсь».

В изобразительной части сообщения чувство безысходности, которое переживает персонаж, находит подтверждение и его облике: в мимике лица, в принятой позе и в состоянии его одежды. Вытянутое лицо приняло тоскливое выражение, уголки рта скорбно опущены вниз, персонаж закатил глаза и горестно склонил голову набок, подперев щеку кулачком. Его одежда потрепана, платок, укрывающий голову и плечи, — черного цвета, что в русской культуре является знаком траура.

Мы не можем не согласиться с И.Г. Гуляковой, которая, анализируя коммуникативный потенциал русской песни, выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой в число прецедентных феноменов следует включить и мелодический рисунок [13. С. 229]. Обращение к народной песне обнаруживает апелляцию авторов не только к воспоминаниям о тексте песни, но и к памяти о звучании и обычной манере ее исполнения. С целью возбуждения верных ассоциаций в сознании получателя сообщения карикатуристы накидывают на голову и плечи Гитлера большой платок и сохраняют в подписи глагол в форме, предполагающей исполнение от лица женщины, выстраивая ассоциативную связь на представление о

народной исполнительнице. Песню «Потеряла я колечко...» народные исполнительницы монотонно голосят с тоской и надрывом.

Вышесказанное подводит к выводу, что именно внутреннее состояние, чувственное переживание и его глубина образуют основание ассоциативной связи, которая намечается авторами строчкой из народной песни «Потеряла я колечко...», послужившей заголовком сообщения в форме карикатуры. Другими словами, отсылка к прецедентному тексту в заголовке в привязке к изображению персонажа на фоне карты образует основание для понимания адресатом основной идеи сообщения: безвыходность ситуации, сложившейся для группировки немецко-фашистской армии, оказавшейся в окружении. Упоминание первой строчки народной песни запускает механизм припоминания всего текста и связанных с ним эмоциональночувственных переживаний. Эмоционально-оценочная нагрузка сообщения находит выражение в приписывании персонажу мужского пола реплики с глаголом в форме первого лица единственного числа женского рода, которая вынесена в заголовок карикатуры.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что отсылка к тексту народной песни «Потеряла я колечко...» в заголовке в привязке к изображению персонажа на фоне карты образует основание не только для правильного декодирования информации, заложенной в сообщение, но и для понимания ее эмоционально-оценочной составляющей.

Сфера-источник – литература. Проведенный в исследовании анализ примеров из сферы-источника «Литература» подтверждает верность наблюдений Ю.Н. Караулова, который отмечает, что «в дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом или же <...> намеком, семиотически» [11. С. 218].

Сказки. Название карикатуры «Арапские сказки немецкого верховного командования, или Тысяча и одна ложь», 1941 г. (рис. 3) представляет собой намек на название известного сборника волшебных сказок (его трансформацию [10. С. 114]) и сопровождается стихами С. Маршака, в которых упоминается имя искусной рассказчицы сказок – Шехеразады:

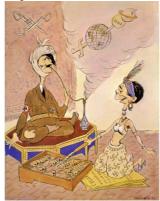

Рис. 3

Фашистский сумрачный калиф, Кальян душистый закурив, Велел войти с докладом Своим Шехеразадам. И вот вошел Шехеразад И прочитал ему доклад: — Один немецкий пулемет Разбил сто тысяч дотов И триста тысяч девятьсот Семнадцать самолетов! Два «мессеримитта» на лету

Забрали в плен Алма-Ату
С воздушным загражденьем,
С луной и затемненьем...
Калиф прервал его доклад,
Прикрыв плотнее двери:
– А каковы, Шехеразад,
Немецкие потери?
– Калиф, ты задал мне вопрос
Весьма замысловатый,
Я на советский счет отнес
Немецкие утраты!

В роли Шехеразады выступает Геббельс, демаскулинизация которого является одним из средств создания комического эффекта в рассматриваемой карикатуре. Его доклад состоит из противоречащих здравому смыслу, абсурдных утверждений, которые усиливают комический эффект и, судя по ответной реакции второго персонажа, обозначенной в вербальной части сообщения, вызывают вопросы даже у Гитлера. Он прерывает доклад и плотнее прикрывает дверь, задавая вопрос о немецких потерях. Отношение авторов к докладу Геббельса находит отражение в насыщении сообщения элементами, создающими нереальное пространство волшебной сказки, к которым можно отнести лексемы «калиф», «кальян», «Шехеразада» и их изображения, а также изображения головных уборов, одеяний и поз персонажей. Создавая нереальное пространство, в котором находятся нацистские лидеры в пространстве карикатуры, авторы акцентируют несоответствие представления о положении дел, которое сложилось в их сознании, реальности. То есть прецедентный феномен используется в модальной структуре сообщения как средство для введения авторской позиции.

С точки зрения выражения авторской позиции в сообщении представляет интерес трансформация словосочетания «Арабские сказки» в заголовке (в сильной позиции текста), которая дает дополнительную информацию для интерпретации. В вышеприведенном написании фразеологизм имеет значение 'что-нибудь удивительное, неожиданное, невероятное, экзотическое' и сопровождается пояснением: «что-л. удивительное, неожиданное, невероятное, что можно сравнить с чудесами арабских сказок из сборника "Тысяча и одна ночь"» [14. С. 638]. Лексема «арап» имеет переносное значение 'плут, мошенник' [12. С. 28] и служит выражению отрицательной оценки. Если принять во внимание, что слово «сказка» еще в XVIII в. использовалось в значении 'короткий рассказ', т.е. отчет, сжатый результат какого-либо дела, повествования [14. С. 638], то вышеприведенное словосочетание получает толкование 'доклад плута / мошенника' и несет отрицательную оценку. Если в рассмотренном случае отрицательная оценка имплицируется в заголовок, то замена в узнаваемом наименовании сборника сказок слова «ночь» лексемой «ложь» со значением 'намеренное искажение истины, неправда, обман' [12. С. 331] выражает ее эксплицитно. Другими словами, рассмотренный пример иллюстрирует использование прецедентного текста для выражения субъективно-оценочной модальности в той интерпретации данного явления, которая дается И.Р. Гальпериным [15. С. 113–123].

Басни. Эмоциональная оценка находит выражение в карикатуре «Крыловская мартышка о Геббельсе» (1944 г.). Заголовок определяет тему сообщения: мнение о Геббельсе. На карикатуре изображена мартышка, рассматривающая потрет Геббельса, которая, как и в басне И.А. Крылова «Мартышка и зеркало», выступает субъектом оценки (от нее исходит суждение) [16, С. 22]. Карикатура подписана трансформированной цитатой из басни И.А. Крылова «Мартышка и зеркало», в которой сформулировано ее мнение: «Я удавилась бы с тоски, когда бы на него¹ хоть чуть была похожа» 'Я бы скорее лишила себя жизни, чем жила, обладая такими внешними данными . Следует упомянуть, что, изображая Геббельса, Кукрыниксы используют образ мартышки и в других карикатурах («Убийца по совместительству», 1943 г.; «Последний номер программы», 1944 г.) по тому же основанию, намекая на его непрезентабельную внешность. Создание комического эффекта основывается на выдвижении подмеченного карикатуристами сходства Геббельса с мартышкой. Высказывание «Я удавилась бы с тоски, когда бы на него хоть чуть была похожа» включает в себя придаточное предложение, в котором дается обоснование эмоциональной реакции, обозначенной в главном предложении лексемой *«тоска»* со значением 'тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога' [17. С. 557]. Высказывание представляет собой оценочный вывод [16. С. 33] и попытку интроспекции, «переключения» во внутренний мир персонажа [18]. По существу, попытка определения душевного состояния персонажа, причиной которого может быть осознание своей ущербности, представляет собой исследование природы ненависти к себе подобным как определяющей характеристики одного из идеологов Третьего рейха.

Художественная проза. Используя в качестве подписи к одной из карикатур 1943 г. (рис. 4) название поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», художники выстраивают ассоциативные связи с литературным героем и сюжетом, которые известны русской языковой личности со школьной скамьи. Ассоциативные связи в сознании языковой личности, активированные заголовком, укрепляются, а сюжет, на который проецируется заголовок, обыгрывается в стихотворении С.Я. Маршака, которое, образуя единство с изобразительной частью карикатуры, проникнуто бичующей, гневной, негодующей иронией, переходящей в сарказм.

Поводом для карикатуры стало сообщение Берлинского радио 3 марта 1943 г. о том, что Геббельс принял представителей гарнизона города Великие Луки, которые рассказали о том, как проходила защита крепости внутри города. Вместе с тем известно, что советские войска полностью уничтожили немецкий гарнизон города Великие Луки, а его жалкие остатки, включая коменданта города, подполковника Эдуарда фон Засса, были взяты в плен.

¹ Измененный элемент в цитате подчеркнут.

В министерстве пропаганды Трубачи играют туш. Входят сборные команды Оживленных мертвых душ. Новый Чичиков проворный Мановеньем ловких рук Вызвал тени из Касторной, Мертвеиов Великих Лук. Он их вызвал для парада, Чтоб всемирная печать Убедилась, что не надо Их погибшими считать. Новый Чичиков – моложе И наивнее, чем тот: Он купил товар дороже И дешевле продает!

(С. Маршак)

В сообщении карикатуры выделяются несколько референтов. Первый референт представлен изображениями могильных крестов, увенчанных немецкими касками, и скелетов в обмундировании немецкой армии, а также вербальными обозначениями *«мертвые души»* (название карикатуры), «сборные команды оживленных мертвых душ», «тени из Касторной», «мертвецы Великих Лук», «погибшие», «товар». Весь ряд обозначений, кроме последнего, выводит на концепт СМЕРТЬ. Лексема *«тень»* в ряду перечисленных наименований реализует значение 'призрак' [12. С. 794], которое также находится в области ассоциативных связей данного концепта.

Последняя лексема номинативного ряда «товар» тесно связана с характеристикой действий, предпринятых министром пропаганды и президентом имперской палаты культуры Геббельсом, изображение которого вместе с наименованиями «новый Чичиков», «он», «новый Чичиков», «он» образуют номинативную цепочку второго референта. Прилагательное «новый» в позиции согласованного определения перед именем собственным «Чичиков», судя по контексту, реализует значение 'еще один'. Данное значение поддерживается сравнительным оборотом при прилагательных в сравнительной степени «Новый Чичиков – моложе и наивнее, чем тот». Употребление прилагательного в сравнительной степени предполагает уточнение признака относительно некоторой точки отсчета (эталона) [19. С. 178], на которую указывает местоимение «том». Как отмечается в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, местоимение «том» 'указывает на что-н. удаленное в пространстве или во времени, а также на уже упоминавшееся в речи и уже известное' [12. С. 805]. Другими словами, помещая в сравнительном обороте в позицию эталона указательное местоимение, С.Я. Маршак апеллирует к знаниям адресата о «том» Чичикове, персонаже поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», предполагая в качестве адресата сообщения личность, в «культурной памяти» которой хранятся данные знания. Указанные обстоятельства свидетельствуют об использовании имени собственного «Чичиков» как прецедентного имени, как регулятивного знака. Использование имени собственного как средства регулятивности ^{1} позволяет «управлять» интерпретационной деятельностью адресата сообщения, направлять поиск оснований для сравнения Γ еббельса с Чичиковым.

Одно из направлений в поиске оснований для сравнения задается заголовком карикатуры «Мертвые души», одноименным с заголовком поэмы Н.В. Гоголя, и лексемой *«товар»* в сочетании с глаголами *«покупать»* – «продавать». Павел Иванович Чичиков, коллежский советник в отставке, который занимается скупкой так называемых *«мертвых душ»* (письменных сведений об умерших крестьянах) для заклада их как живых в ломбард и приобретения веса в обществе, характеризуется как аферист и мошенник [21. С. 27]. Геббельс подобно Чичикову оперирует с «мертвыми душами»: он «оживляет» немецких солдат, погибших в ходе Великолукской операции Красной армии. Афера с «мертвыми душами», попытка построить свой трехэтажный дом на украденные пожертвования на Храм в память о победе над Наполеоном, который должен был стать символом подвига русских воинов, раскрывает сущность Чичикова как агента дьявола, как человека, для которого нет ничего святого [Там же. С. 28]. Геббельс тоже не гнушается ничем в достижении своих целей, он демонстрирует отсутствие уважения к погибшим немецким солдатам: они для него только «товар», разменная монета, которую он использует в решении политических вопросов. Как отмечает В.К. Васильев, «демоническая природа Чичикова в абсолюте проявлена в эпизоде его разговора с Плюшкиным, когда он едва скрывает радость, услышав, что горячка выморила «со дня подачи последней ревизии» «до ста двадцати» душ [21. С. 30]. Геббельс даже более безнравственен и аморален, чем Чичиков: «Он купил товар дороже / И дешевле продает». Будучи одним из идеологов Третьего рейха, Геббельс несет ответственность за смерть немецких солдат, которые отдали свои жизни за идеи национал-социализма, поборником которых он являлся. Именно он был одним из тех, кто отправил немецких солдат туда, где они сложили свои головы.

Известно, что гоголевский Чичиков больше всего боится общественного мнения. Геббельс затевает аферу с *«оживлением»* представителей гарнизона, чтобы не терять лица в обществе, *«чтоб всемирная печать убедилась, что не надо их погибшими считать»*.

Ряд наименований, использованных поэтом в первой части стихотворения (*«играть туш»* – *«оживление мертвых»* – *«мановение ловких рук»* – *«вызов теней / вызов мертвецов»* – *«парад»*), активирует еще один вектор ассоциативных связей. Перечисленные слова и словосочетания в той по-

¹ Регулятивность определяется как «системное качество текста» (Е.В. Сидоров), «отражающее способность текста «управлять» интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора» (Н.С. Болотнова) (цит. по: [20. С. 75]).

следовательности, в которой они располагаются в стихотворении, ассоциируются с выступлением иллюзиониста, исполнением трюка цирковым артистом, выполняющим фокусы, которые основаны на ловкости рук. Для обозначения последнего в русском языке может использоваться слово *«манипулятор». «Новый Чичиков»* манипулирует мнением общественности, выдает желаемое за действительность, проявляя склонности своего прототипа, который «не делает ничего, кроме как лжет, лжет и на каждом шагу лжет» [21. С. 31].

Апелляция авторского коллектива карикатуры к образу Чичикова позволяет расширить рамки сообщения за счет его обширных ассоциативных связей в «культурной памяти» адресата и «интертекстуальной сверхдетерминации прецедентного феномена» [22. С. 214], обусловленности «текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей» [23. С. 120]. В заключение хотелось бы отметить, что, по наблюдениям исследователей прецедентных феноменов, литература является «хранителем и ретранслятором культурного кода России» [24. С. 19; 25. С. 104; 26. С. 147].

Заключение

В карикатурах Великой Отечественной войны используются прецедентные феномены из следующих областей: история Отечества, русский песенный фонд, литература. Последняя сфера-источник представлена субсферами: сказки, басни, художественная проза.

Анализ функций прецедентных феноменов в сообщении показал, что они являются элементами структур текста (референтной, темпоральной, локальной и модальной) и участвуют в выражении текстовых категорий сообщения. Являясь элементом референтной структуры текста, прецедентные феномены способствуют уточнению характеристик референтов текста, раскрытию замысла сообщения. Прецедентные феномены, проецирующиеся на определенные точки временной оси в истории России, могут использоваться как темпоральные показатели, как косвенные ретроспективные ссылки, реконструировать направление в прошлое, т.е. участвовать в темпоральной организации текста. Выступая элементом локальной структуры текста, прецедентные феномены позволяют создать пространство карикатуры, зримую, наполненную деталями картину. В модальной структуре сообщения прецедентные феномены используются как средство для введения в сообщение авторской позиции.

Многоплановость ассоциативных полей прецедентных феноменов как свойство, которое образует основание для интерпретации, и особенность ввода прецедентных феноменов в сообщение (семиотически) дает авторам карикатур возможность в емкой и лаконичной форме донести до адресата основную идею сообщения и передать его эмоционально-оценочную составляющую.

Литература

- 1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
  - 2. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
- 3. *Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 2-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
- 4. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. М., 1982. Вып. 2. 90 с.
  - 5. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
  - 6. Ноздрина Л.А. Поэтика грамматических категорий. М.: ТЕЗАУРУС, 2004. 212 с.
- 7. Денисова Г.Л. Категория времени в политической карикатуре // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 53. С. 51–69.
  - 8. Левиикий Ю.А. Лингвистика текста. М.: Высш. шк., 2006. 207 с.
- 9. *Никольская Т.Е.* Отечественная война 1812 года в языковом сознании XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 57–65.
- 10. Исаева Л.А., Буданова С.Г., Рябинина А.Г. Пушкинская традиция как прецедентный феномен в современных медиатекстах // Вестник верского государственного университета. Серия Филология. 2016. № 2. С. 112–127.
- 11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 263 с.
- 12. Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
- 13. Гулякова И.Г. Русская песня в системе международных стратегических коммуникаций // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 229–234.
- 14. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. 926 с.
- 15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 9-е изд. М. : URSS : Ленанд, 2016. 139 с.
  - 16. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
  - 17. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Л. : Наука, 1971. Т. 2. 856 с.
- 18. Денисова Г.Л. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 73–76.
- 19. Денисова Г.Л. Компаративное высказывание в познании мира. Тольятти : ВУиТ, 2007. 433 с.
- 20. *Карпенко С.М.* Прецедентное имя как средство регулятивности в газетнопублицистических текстах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 75–79.
- 21. Васильев В.К. К семантике образа и жизнеописания Чичикова. Чичиков и Гоголь // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 26–30.
- 22. Марченко Т.В. Лингвопрагматические особенности становления и функционирования прецедентного феномена в англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 213–219.
- 23. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Институт социального образования, 2007. 207 с.
- 24. *Клинг О.А*. Литература хранитель и ретранслятор культурного кода России // Слово.ру. Балтийский акцент. 2012. Вып. 3, № 4. С. 19–20.
- 25. *Богуславская В.В., Ивушкина А.Д.* Актуализация прецедентных феноменов в Российском газетно-журнальном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 103–108.

26. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя, в современной коммуникации // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 143–148.

Precedent Phenomena in the Great Patriotic War Political Cartoon as a Creolized Text Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 77–91. DOI: 10.17223/19986645/65/5

Galina L. Denisova, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: g.denisova@tltsu.ru

Keywords: political cartoon, creolized text, text categories, precedent phenomenon, precedent text, precedent situation, precedent name, source spheres of precedent phenomena.

The article deals with precedent phenomena in the Great Patriotic War political cartoons as a creolized text. The author determines source domains and functions of the precedent phenomena in the messages of the cartoons in connection with the period of the Great Patriotic War. Considering political cartoons as a creolized text, the author makes use of methods which linguists apply to verbal texts during the analysis of messages in the form of a political cartoon. First of all, it is L.A. Nozdrina's method for text structure analysis, which is complemented by definitional, semantic, and contextual analyses when lexical meanings of words are studied. As a result of the analysis, it has been revealed that precedent phenomena from the following source domains are used in the cartoons: the history of the Homeland, the Russian song fund, and literature. The latter source domain is represented by subgroups: fairy tales, fables, and the artistic prose. The analysis of the functions of precedent phenomena in the messages has shown that the precedent phenomena are elements of referential, temporal, local, and modal text structures, and they participate in the expression of the textual categories of the message. As an element of the reference structure, the precedent phenomenon contributes to the characterization of text referents and to the disclosure of the main idea of the message. Precedent phenomena, projected on certain points of the time axis in the history of Russia, can be used as temporal indicators, as indirect retrospective links to reconstruct the direction to the past, i.e. they participate in temporal text organization. Precedent phenomena as elements of the local structure make it possible to create a specific space of the political cartoon, a visible picture filled with details. In the modal structure of the message, precedent phenomena are used for introducing the author's position into the message. The multiplicity of associative fields of the precedent phenomena as a property that forms the basis for interpretation (which presupposes certain knowledge on the part of the addressee), and the specific character of these phenomena's insertion into the message (semiotically) give the authors of political cartoons an opportunity to deliver the main idea of the message to the addressee in a capacious and laconic form and to express its emotional and evaluative component.

References

- 1. Anisimova, E.E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the Text and Intercultural Communication (based on creolized texts)]. Moscow: Akademiya.
  - 2. Valgina, N.S. (2004) Teoriya teksta [Text Theory]. Moscow: Logos.
- 3. Borbot'ko, V.G. (2007) *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvo-sinergetike* [The Principles of Discourse Formation: From psycholinguistics to linguosynergetics]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
- 4. Dem'yankov, V.Z. (1982) Anglo-russkie terminy po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta [English-Russian Terms on Applied Linguistics and Automatic Text Processing]. Vol.2. Moscow: Vsesoyuznyy tsentr perevodov.
- 5. Krasnykh, V.V. (2003) Svoy sredi chuzhikh: mif ili real'nost'? [Alien Among Own: Myth or Reality?]. Moscow: Gnozis.
- 6. Nozdrina, L.A. (2004) *Poetika grammaticheskikh kategoriy* [Poetics of Grammatical Categories]. Moscow: TEZAURUS.

- 7. Denisova, G.L. (2018) The time category in a political cartoon. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal World of linguistics and communication: electronic scientific journal.* 53. pp. 51–69. (In Russian).
- 8. Levitskiy, Yu.A. (2006) *Lingvistika teksta* [Linguistics of Text]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 9. Nikol'skaya, T.E. (2015) Russia's Patriotic War of 1812 in the linguistic consciousness of the 21st century. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin.* 30. pp. 57–65. (In Russian).
- 10. Isaeva, L.A., Budanova, S.G. & Ryabinina, A.G. (2016) Pushkin tradition as a precedent phenomenon in modern media text. *Vestnik TvGu. Seriya "Filologiya"*. 2. pp. 112–127. (In Russian).
- 11. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and Language Persona]. 7th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
- 12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: ITI TEKhNOLOGII.
- 13. Gulyakova, I.G. (2018) Russian song in a system of international strategic communications. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike*. 4. pp. 229–234. (In Russian).
- 14. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
- 15. Gal'perin, I.R. (2016) *Tekst kak ob''ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 9th ed. Moscow: URSS: Lenand.
- 16. Vol'f, E.M. (2006) Funktsional'naya semantika otsenki [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: KomKniga.
- 17. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1971) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
- 18. Denisova, G.L. (2009) The introspection into a personage's inner world by the means of simile. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin.* 2. pp. 73–76. (In Russian).
- 19. Denisova, G.L. (2007) *Komparativnoe vyskazyvanie v poznanii mira* [Comparative Statement in the Knowledge of the World]. Tol'yatti: Volzhsky University after V.N. Tatischev.
- 20. Karpenko, S.M. (2018) Associative potential of precedent texts in media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2 (191). pp. 75–79. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-102-108
- 21. Vasil'ev, V.K. (2010) On the Image and Biography of Chichikov. Chichikov and Gogol. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Philology.* 1. pp. 26–30. (In Russian).
- 22. Marchenko, T.V. (2018) Linguopragmatic peculiarities of precedent phenomenon coining and functioning in English political discourse. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya Humanities and Law Studies*. 2. pp. 213–219. (In Russian).
- 23. Nakhimova, E.A. (2007) *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent Names in Mass Communication]. Yekaterinburg: Institut sotsial'nogo obrazovaniya.
- 24. Kling, O.A. (2012) Literature: Keeping and Transmitting Russian Cultural Code. *Slovo.ru. Baltiyskiy aktsent Slovo.ru: Baltic Accent.* 3 (4). pp. 19–20. (In Russian).
- 25. Boguslavskaya, V.V. & Ivushkina, A.D. (2018) Precedent texsts in contemporary print media: content analysis and main functions. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 3. pp. 103–108. (In Russian).
- 26. Nakhimova, E.A. (2007) Precedent names dating back to texts by N. Gogol in modern communication. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 3 (23). pp. 143–148. (In Russian).

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/65/6

Н.Н. Кислицына, Т.В. Мельниченко

РЕАЛИЗАЦИЯ КОННОТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОРЫ ПРИ СОЗДАНИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Определяются закономерности и специфика формирования образа женщины-политика путем лингвистической экспертизы политического дискурса в современных англоязычных массмедийных изданиях. В качестве инструмента, используемого для создания определенного образа, предлагается рассматривать метафору. Выявление реализации коннотационного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика осуществляется с помощью определения локусов внимания, регулярно воспроизводимых в текстах СМИ США, Великобритании и Австралии.

Ключевые слова: метафора, коннотация, локус внимания, образ женщиныполитика, экстернальный кластер, бихевиоральный кластер, когнитивный кластер.

Введение

Современная политическая сфера и, соответственно, политический и парламентский дискурс характеризуются гегемонией маскулинности. Сложившаяся ситуация обусловлена количественной представленностью женщин в государственных органах разных стран. По данным межпарламентского союза (Inter-Parliamentary Union (The IPU)) за 2019 г. [1], женщины в правительственных организациях стран мира составляют в среднем 24,5%.

Образцом достижения гендерного равенства может служить Исландия, где доля женщин в парламенте, по данным World Economic Forum за 2016 г., составила 41% [2]. Позитивные изменения в аспекте гендерного соотношения в государственных органах были зафиксированы в 2018 г.: по данным World Economic Forum [3], количество женщин, представленных в парламентах мира, приближается к 30%, что считается минимальной долей, необходимой для объективного отражения и выражения интересов женской части населения страны [4]. Следует отметить, что в 2016 г. в Российской Федерации представительство женщин в Государственной думе составило 15,78 %, в Конгрессе США – 23,56%, в Парламенте Великобритании – 32 %, в Парламенте Австралии – 37,16% [5].

Гипотеза настоящего исследования заключается в предположении возможности выявления закономерностей и специфики формирования образа женщины-политика путем лингвистической экспертизы медиа-политического дискурса определенного лингвосоциума. Актуальность

настоящего исследования определяется необходимостью изучения механизмов создания образа женщины-политика и специфики использования лингвистического инструментария в этом процессе. Выбор в качестве материала англоязычных СМИ США, Великобритании и Австралии обусловлен относительно высоким представительством женщин в государственных структурах данных стран и, соответственно, значительной степенью вовлеченности женщин в политические процессы: предвыборные кампании, политические дебаты, парламентские выступления, общение с избирателями.

Доминирующим свойством политической коммуникации оказывается прагматическое воздействие, которое дает возможность рассматривать язык как средство не только общения, но и практического влияния на адресата. Важность прагматической функции языка подчеркивал Л. Вайсгербер, указывая на то, что наиболее сильно воздействие языка проявляется в таких сферах духовной культуры, как религия, наука, искусство и политика [6]. На первый план в современных исследованиях прагматической функции языка выходят «проблемы, связанные с выявлением фактов, от которых зависит прагматическая сила речи, т. е. то, в какой мере она превратится в дело, преобразуется в практическое изменение мира» [7. С. 24–25].

Одним из видов дискурса, реализующим функцию оказания прагматиаудиторию, возлействия на массовую который детально исследуется в политический дискурс, Э.В. Будаева, С.Г. Корконосенко, О.Ф. Русаковой, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал [8-12]. Авторы единодушно отмечают активное взаимодействие данных типов дискурса, в результате которой массовая коммуникавсе более становится элементом политического управления. В настоящем исследовании поддерживается трактовка политического дискурса (МПД), предложенная Е.С. Прониной, которая охарактеризовала МПД как явление гибридное, сочетающее в себе «черты двух типов дискурса», как совокупность «медиатекстов, связанных политической тематикой и созданных журналистами» [13. С. 48]. Функционирование политического медиадискурса подчинено задаче «формирования коллективной политической картины мира» путем конструирования и тиражирования определенных «образов и смыслов, мифологем и идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений» [10, C, 67-68].

Трудно переоценить роль, которую играет МПД в формировании, изменении и популяризации образа политика. Последний складывается на основании определенного набора признаков, включающих политические взгляды, профессиональные и личные качества, интеллект, возраст, семейное положение, внешность, пол и др. Ключевым критерием создания образа политика является аксиологический, соответственно которому все качества делятся на два полярных класса: положительные и отрицательные. К положительным качествам относят ум, высокий уровень профессиона-

лизма, моральные качества. Отрицательными считаются такие качества как неопытность, низкий уровень профессионализма, склонность давать пустые обещания, популизм, радикализм и др. Представляется, что в качестве основных кластеров, объединение которых позволяет создать целостный образ человека, возможно выделить: 1) экстернальный кластер, или кластер внешнего вида; 2) бихевиоральный кластер, или кластер манеры поведения; 3) когнитивный кластер, или кластер сознания и мышления личности.

Исследование образа политика (так же как и его конструирование) требует умения выявлять определенные черты личности, представляющие ядро и периферию образа, а также предполагает изучение языковых средств, которые служат для выделения в качестве локуса внимания (locus of attention) обособленной части целостного образа субъекта, фрагмента «портрета» политического деятеля, на котором, таким образом, преднамеренно акцентируется и фокусируется восприятие человека. В отличие от сферы-мишени (target domain), имеющей определенную структурную композицию [14. С. 9], локус внимания маркирует отдельное место в целостной структуре образа женщины-политика.

Так, в качестве примера создания образа политика О.Н. Кондратьева проанализировала цикл анекдотов, посвященных выдвижению кандидатаженщины, К. Собчак, в президенты Российской Федерации. Автор отметила, что в период выдвижения К. Собчак в президенты коннотация анекдотов, посвященных молодой женщине-политику, сместилась от «легкой иронии» в сторону «сарказма» с «усилением негативного потенциала используемых зооморфных метафор» [15. С. 40]. Локус внимания реципиентов находился на отдельных составляющих внешности кандидата (в нашей терминологии — составляющих экстернального кластера), при этом повторяющаяся тематика анекдотов служила своеобразным дистрактором по отношению к положительным характеристикам К. Собчак (отдельных составляющих бихевиорального и когнитивного кластеров ее образа: высокий уровень социализации, прекрасное образование и т.д.). Можно сказать, что образ собирался фрагментарно, и коннотация вошедших в него фрагментов была преимущественно отрицательная.

Применению метафоры как средства дискредитации политического оппонента посвящено исследование Е.П. Дулесова, в котором автор отмечает значимость использования приема «расширения метафоры» как инструмента, способного «преобразовать существующую в сознании адресата картину мира» [16. С. 96]. Отметим, что положения, высказанные в работе Е.П. Дулесова, согласуются с понятием локуса внимания. Исходная метафора (principal metaphor) направляет внимание на определенное, заданное качество, а развернутая метафора (extended metaphor) переносит внимание на иное качество, поскольку локус внимания в определенный момент может быть только один. Локус внимания может быть сосредоточен на периферийном фрагменте образа субъекта, сделав его особо значимым, при этом объективно значимое ядро образа исключается из поля зрения адресата.

Способность языка в целом и метафоры (не как стилистического приема, а как способа интеллектуального освоения действительности) в частности влиять на сознание людей, на концептуальную систему личности, моделирование ценностной картины мира являлась объектом изучения в работах G. Lakoff & M. Jonson [17], Earl R. MacCormac [18], Н. Д. Арутюновой [19], А.Н. Баранова [20], И.М. Кобозевой [21], В.И. Карасика [22]. Исследованию «значимости метафорического конструирования смыслов в языке» в рамках лингво-когнитивного подхода посвящена статья З.И. Резановой, в которой автор представляет метафору «как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании» [23. С. 26].

Таким образом, в научной литературе общепризнано, что одним из наиболее эффективных языковых средств, используемых в различных видах дискурса, в том числе медиа-политическом, является метафора, которая эффективно применяется для создания определенного образа у реципиента. моделирования его эмоционально-оценочного отношения к событиям и субъектам. Это свойство метафоры особо было выделено G. Lakoff & M. Jonson, которые, в частности, подчеркнули намеренное злоупотребление метафорой в политическом дискурсе, позволяющее латентно внедрять в сознание масс «dehumanizing ideology». По утверждению авторов, политическая и экономическая идеология часто облачается в метафорическую терминологию - «political and economic ideologies are framed in metaphorical terms» [17. Р. 236]. При этом метафора используется с целью не повысить экспрессивность речи или стилистическую вариативность, а «спрятать», «замаскировать» истинные намерения и отношения сторонучастников. Локус внимания намеренно присваивается авторами текста определенным фрагментам образа субъекта. Адресаты, пытаясь получить целостный портрет интересующей их личности, когнитивно «осваивают», интерпретируют данные фрагменты, будучи изначально обреченными на неполноту полученного образа из-за искусственной ограниченности исходных данных.

Целью данного исследования является описание коннотационного потенциала метафорических единиц, участвующих в создании и моделировании образа женщины-политика в современных англоязычных СМИ США, Великобритании и Австралии.

Материал и методологическая база

Материалом исследования послужил корпус метафорических единиц в количестве 346, отобранных методом сплошной выборки из статей англоязычных СМИ США (*The New York Times, Chicago Tribune, Los Angeles Times*), Великобритании (*The Guardian, The Time, The Economist) и* Австралии (*The Conversation*) в период с 2016 по 2019 г.

Анализ материала проводился с опорой на когнитивную теорию метафоры (Э.В. Будаев, И.М. Кобозева, А.П. Чудинов), трактующую метафору

как средство и способ представления, хранения и передачи знаний, как «основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [14. С. 7]. Под метафорами понимаются «образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [24. С. 136]. Такая широкая трактовка позволяет выйти за рамки лингвистического понимания метафоры и представить ее как феномен, свойственный человеческому мышлению вообще и находящий свое фактическое воплощение в фактах языка и речи.

При проведении исследования авторы исходили из представления о феномене коннотации как «семантической сущности, узуально или окказионально входящей в семантику языковых единиц и выражающей эмотивнооценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [25. С. 5], предложенного В.Н. Телия. В основе образования коннотативного значения лежат метафорические процессы, приводящие к образованию экспрессивнооценочных языковых единиц. Экспрессивно-оценочная метафора наиболее часто используется для прагматических целей – воздействовать на воображение адресата через образ и вызвать у него эмоциональное отношение к объекту / ситуации, результирующее в его последующих действиях и поступках. «Создавая образ и апеллируя к воображению, отмечает Н.Д. Арутюнова, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом» [26. С. 375). В работе также используются методы лингвопрагматического, дискурсивного и контекстуально-интерпретационного анализа.

Результаты и обсуждение

Выявление реализации коннотационного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика осуществляется в настоящем исследовании с помощью определения локусов внимания, системно воспроизводимых в СМИ США, Великобритании и Австралии.

Наиболее многочисленной оказалась группа метафор (98 единиц), которые соотносятся с такими понятийными сферами, как театр, война, спорт.

В случае, когда сферой-источником является понятийная сфера «театр» (45 единиц), локус внимания сосредоточен на представлении женщины-политика как искусной актрисы. Благодаря метафоре политика концептуализируется как зрелищное представление и актуализируется с помощью слов show, performance: Now that's a <u>performer</u>. With the Iraq scenery in flames, Rice in the flesh and under oath beat the scenery, if only for a few hours [27]; She had barely finished the endorsement Tuesday when she began using it to raise money for SarahPAC, so she can take her show on the road [28].

В случае, когда сферой-источником является понятийная сфера «война» (32 единицы), локус внимания сосредоточен на представлении женщины-политика как воина, бойца, не уступающего оппонентам-мужчинам. Поли-

тика уподобляется полю сражения, а действия политиков сравниваются с военными действиями. Реализация военной метафоры в тексте происходит за счет использования лексики, описывающей боевые действия: struggle, fight back, the battles she's fought, feminist coup, bastions of male-dominated political culture, catapulted, joining the army. Haпример: Open-letter signatory Susana Malcorra says women 'need to be very prepared to fight back' amid global political shift [29], The targeting of women, she said – particularly women of color – "is directly related to bias, hatred, inequality that were already there but are being turbocharged by this irresponsible leadership [30]. Данные метафоры ассоциируются с архетипичными образами, олицетворяющими власть и силу воина.

Продуктивной является метафора, для которой сферой-источником служат концепты с пересекающимися границами (конъюнктивные концепты) ИГРА и СПОРТ (21 единица), она описывает политическую деятельность в терминах различных игр, преимущественно спортивных состязаний [31]. Локус внимания сосредоточен на представлении женщиныполитика как спортсмена. Так, традиционно предвыборная борьба сравнивается с гонками: leadership race, hurdles, toughest House races. But many of the toughest House races were won by women who were taking their first foray into electoral politics [32]. Такие метафоры реализуют конструкт «мужественность», способствуют маскулинизации образа женщины-политика, «вписыванию» ее в рамки традиционно мужской деятельности, которую характеризует высокая степень агональности. Маскулинный мир политики в первую очередь требует определенного образа действия и мышления, поэтому вполне закономерно преобладание в данных группах метафор бихевиорального и когнитивного кластеров.

Конструкт «женственность» реализуется за счет привлечения концептов из так называемых «женских» сфер – «семья», «дом», «мода». В текстах, посвященных женщинам-политикам, используются такие ассоциативные связки метафорических концептов, как ПОЛИТИКА - ОТНО-ШЕНИЯ и ПОЛИТИКА – ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО (25 единиц). Их использование способствует феминизации образа женщины-политика, перенесению локуса внимания на периферийные фрагменты, такие как стиль или детали одежды, что часто создает отрицательную коннотацию и формирует негативное отношение: At the White House, though, Melania Tramp, who appeared to go to the Halloween celebration as a pile of autumn leaves in a Michael Kors patchwork leather coat (that or a very polished relic from the 1970s), made a good argument for traditional costume. Whether she meant to or not [33]. Данный пример иллюстрирует справедливость высказывания Е.М. Вольф, о том, что «оценочный смысл может извлекаться из высказывания на основании последующего контекста» [34. С. 7]. Автор направляет процесс декодирования при помощи экспликации оценки в предыдущем или последующем контексте. Еще одним примером, иллюстрирующим валидность данного утверждения, является следующий: One newspaper said she took "the Speaker's breath away", with "the assurance of a Bond-Street

mannequin" as she walked into the chamber in a bright green dress "of the clinging variety" [35]. Бонд Стрит известна в мире как улица, где сосредоточены магазины, торгующие изысканной бижутерией, косметикой, одеждой эксклюзивных брендов, что, несомненно, привлекает в первую очередь женщин. Отметим, что фиксацию локуса внимания на одежде или домашнем хозяйстве при создании образа женшины-политика с помощью соответствующих метафор заметили читатели New York Times. Так, Carol Tambor, комментируя статью известной журналистки Vanessa Friedman, пишет в редакцию: Too many articles, in your newspaper as well as in every other, give "political" commentary on public figures' attire, mainly women's. Isn't it time to concentrate on their character and intelligence instead? [36] – «Слишком много статей в вашей газете (как, впрочем, и в любой другой), которые обращают особое внимание на одежду женщин-политиков. Не пора ли сконцентрироваться на их умственных способностях и характере?» (перевод наш. – Н.К., Т.М.). Метафоры, обращающие внимание на внешность женшины-политика. входят в экстернальный кластер, а их использование способствует реализации конструкта «женственность».

В случае, когда локусом внимания является семейное положение женщины-политика, проводится параллель между ее способностью организовывать жизнедеятельность своей семьи и навыками административного управления: Researchers have found that moms do more of the invisible mental work of families, such as scheduling doctors' appointments, buying gifts for birthday parties and making sure schoolwork is done and backpacks and lunches are packed [37]. В статье, пример из которой был приведен, в качестве центральной выступает идея о том, что работающие мамы являются наиболее эффективными и организованными людьми и их роль в политике нельзя недооценивать. В подобных контекстах преобладают метафоры, принадлежащие к когнитивному кластеру, отражающие способности женщин к анализу, планированию, логистике и рациональной оценке ситуации. В целом феминизация женщины-политика может усиливать ее восприятие как «чужой» в сфере политики и способствовать ее отчуждению от группы политиков-мужчин.

Нередко в качестве локуса внимания выступают способ прихода женщины в политику, место, которое она там занимает, условия, в которых ей приходится действовать (41 единица). Так, весьма распространенной в англоязычных СМИ является метафора «стеклянного потолка», который необходимо преодолеть женщине, чтобы продвинуться в политической сфере. «Стеклянный потолок» (или барьер) — это невидимая, но труднопреодолимая преграда, мешающая женщине «подняться вверх», достичь более высокого уровня в карьере. Борьба за равное представительство в различных сферах общественной жизни метафорически описывается как процесс разбивания стеклянного потолка, преодоления барьера, выхода за установленные границы. Например: After the original Year of the Woman saw a wave of glass-ceiling-smashing and barrier-breaking women were elected to Congress in 1992, progress toward gender parity essentially plateaued [38]. Движение вперед и пре-

одоление препятствий передаются также с помощью таких метафор, относящихся к бихевиоральному кластеру, как to make inroads, making lasting strides, ascent to the top, climb the ladder. Например: Many journalists had written about the growing popularity of Hamas, and the Israelis had begged her not to encourage the election. But she <u>barged ahead anyway</u> [27].

Приход женщин в мир политики описывается как явление не только революционное, но и несущее положительную трансформацию. Весьма выразительной является метафора «ЖЕНЩИНА – ЛЕКАРСТВО», с помощью которой акцентируется неправильное, «болезненное» положение дел, при котором в политике доминируют мужчины. Локус внимания в данном случае находится на присущих женщине способностях исцелять, оздоравливать, имеющих положительную коннотацию. Например: What's more, the $EU-not\ included\ as\ a\ region\ in\ the\ report-is\ chronically\ male-biased\ [39]$. Pathological male dominance is a global pandemic that feminists in every part of the world need to tackle [Ibidem].

Метафоры, описывающие способ прихода к власти женщин, являются в подавляющем большинстве метафорами положительной оценки, что свидетельствует об одобрительном отношении современного общества к образу женщины-политика, готовой бороться за свое право участвовать в политической жизни страны. В то же время, когда речь идет о конкретном политике, особенно в период предвыборной гонки, преимущественно используются метафоры, создающие негативное отношение. Таким образом, результаты исследования показывают двойственный характер создаваемого в СМИ США, Великобритании и Австралии образа женщины-политика.

Целый ряд метафор описывает мир политики как «закрытый мужской клуб»: the cozy club, a male-dominated institution, bastions of male-dominated political culture, a guy thing, a male-dominated world of fiercely clashing egos, a boys' club, в котором женщина неизбежно чувствует себя чужой. Отрицательная оценка этих метафор направлена на мужской мир политики, его патриархальность, мешающую прогрессу, а их роль в создании образа женщины-политика — в том, чтобы подчеркнуть трудность ее положения и акцентировать несправедливость такого отношения, серьезность препятствий, которые женщине-политику приходится преодолевать.

Метафоры, описывающие участие женщин в политической борьбе и политической деятельности, нередко представляют политику как опасное место. Например, используется образ огня как прямое указание на угрозу для жизни: How does it feel to be a <u>burned-out</u> disappointed woman in politics? [40]; We are en fuego, ladies," High told them. "En fuego [38]; But some say the divisive and vitriolic nature of language used in Parliament itself has helped <u>fuel the abuse</u> [30].

Пейоративная окраска действий женщины-политика может создаваться за счет использования в качестве метафоры названия наказания, характерного для средневековой Европы: Instead, Mrs. May wound up with a shrunken majority after running a desultory campaign during which she was tarred for advocating a harsh new policy on care for the elderly that critics branded a

"dementia tax" [41]. Мир политики сравнивается со снежной бурей, в которой легко погибнуть: They were all aware that stepping into politics was like walking naked into <u>a blizzard</u> [40]. Для вербализации нестабильности положения женщины-политика используются метафоры, входящие в бихевиоральный кластер: changing the wheels on a moving car, the ground is moving beneath them, waiting for me to fall into a hole.

При описании политики как опасного места актуализируются такие качества женщин-политиков, как настойчивость в достижении цели, готовность жертвовать комфортом ради блага других, упорство и целеустремленность. Сами женщины-политики, общаясь с читателями, прибегают к метафорам, чтобы воздействовать на адресатов на вербальном, образном и эмоциональном уровнях одновременно: *I am exhausted by the <u>invasion</u> into my privacy and the nastiness and intimidation that has become commonplace* [30]. Автор данного обращения Heidi Allen, член британского парламента, одна из 18 женщин из его 50 членов, пытается объяснить своим избирателям, почему она не будет баллотироваться в парламент.

«When leaders "normalize the language of misogyny, the language of racism," it gives license to hatred», – говорит Catherine Mayer, организатор партии равноправия женщин (Women's Equality Party) [Ibidem]. Данное высказывание важно с точки зрения социолингвистической компоненты политического дискурса. Стереотипы общественных отношений фиксируются и сохраняются в языке, поэтому важной составляющей изменения отношений в позитивную сторону являются трансформация сознания, понимание сущности явлений, закрепленной в значениях языковых единиц. Таким образом, метафоры данной группы создают образ женщины-политика, которой необходимо прикладывать очень большие усилия для продвижения наверх, бороться с доминированием мужчин в сфере общественно-политической деятельности.

Метафоры, в которых локус внимания направлен на внешность (экстернальный кластер), черты характера и поведение женщины-политика (когнитивный и бихевиоральный кластеры), составили 88 единиц. Они имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию. Например: One cabinet colleague alleged that "she only has to waggle that bottom of hers and she gets it all her own way" with prime minister Harold Wilson [35]. Среди личных качеств женщин-политиков, получивших положительную оценку, необходимо отметить рассудительность, уравновешенность, осторожность, сдержанность; отрицательную – мстительность, неуравновешенность, нетерпимость, чрезмерную эмоциональность. Например: Without any evident misgivings, Rice served as the hatchet lady, reprimanding Powell whenever he stepped over the line and harassing him to keep within it [42]; Her legacy lies in her innate ability to wrap herself in the anger that those voters felt [43]. В целом высказывания, содержащие метафорические описания эмоций, не были частотными в рассмотренных авторами текстах.

Метафоры, использующие в качестве локуса внимания профессиональные качества женщины-политика, включают 94 единицы. От политика любого пола ожидают в первую очередь эффективного исполнения профес-

сиональных обязанностей, решительных и ответственных действий, поэтому данные метафоры в большинстве своем входят в бихевиоральный кластер и акцентируют внимание на таких качествах женщин-политиков, как умение кооперироваться, действовать решительно, напористо, бороться до конца, дипломатически решать конфликтные ситуации, договариваться с оппонентами, проявлять лидерские качества.

Следует отметить, что, когда речь идет о женщинах в политике вообще, как о собирательном образе, то акцентируются такие качества, как демократический стиль руководства, стремление к равноправию. В тех случаях, когда внимание автора сосредоточено на конкретной личности, подчеркиваются индивидуальные особенности манеры управления. Например, в статье о X. Клинтон ее стиль внешнеполитического руководства назван 'smart power' feminism [44] или "smart power" strategy, сочетающий в себе довольно агрессивную направленность по отношению к внешнему миру (hawkish) и мягкость во внутренней политике, свойственную женщине, матери. Например: She is an interventionist, not averse to using military force to reshape the world [Ibidem]; This allows Hillary's hawkish instincts to coexist with her feminist instincts [Ibidem]. Стратегия дискредитации женщин в политике применяется при акцентировании таких качеств, как несамостоятельность, зависимость от стоящих выше по рангу мужчин.

Метафорические единицы, проанализированные в настоящем исследовании, выполняют смыслообразующую и когнитивную функции, активно используются для конструирования типизированного образа женщиныполитика в современном политическом дискурсе СМИ США, Великобритании и Австралии.

Заключение

Интерес к конструированию образа женщины-политика связан, прежде всего, с самим фактом растущего представительства женщин на всех уровнях властной вертикали. Несмотря на то, что стереотипный образ политика по-прежнему в большей степени ассоциируется с представителями мужского пола, происходит постепенная трансформация образа женщины-политика — вместо критического отношения к гендерным изменениям в данной сфере приходит понимание значимости и уникальности женского взгляда на жизненно важные проблемы, стиль работы и способ взаимодействия с коллегами и избирателями.

Учитывая роль метафоры в формировании образа, авторы ограничили исследовательский материал фрагментами политического дискурса, в которых метафора использовалась именно по отношению к женщинеполитику либо женщиной-политиком для описания условий, в которых ей приходится работать. В ходе исследования были выявлены основные составляющие образа женщины-политика, регулярно воспроизводимые в СМИ США, Великобритании и Австралии, определяемые авторами как локусы внимания.

В метафорах со сферами-источниками «театр» (45 единиц), «война» (32 единицы) и «спорт» (21 единица) локус внимания сосредоточен на действиях, поведении женщины-политика, позволяющих занять ей соответствующее место на политическом подиуме, — 98 единиц. Анализ лингвистического материала показал, что в качестве локуса внимания могут выступать способ прихода женщин в политику, место, которое она там занимает, условия, в которых ей приходится действовать, — 41 единица. Локус внимания, вербализованный феминистическими метафорами, эксплуатирующими концепты, связанные с традиционно женскими сферами — «семья», «дом», «мода», представлен 25 единицами. Локус внимания, вербализованный метафорами, описывающими внешность, черты характера и личные качества женщины-политика, представлен 88 единицами. 94 метафорические единицы используют в качестве локуса внимания профессиональные качества женщины-политика.

Распределение отобранных метафор соответственно кластерам дает нам следующее представление: 1) экстернальный кластер состоит из 28 метафорических единиц, описывающих внешность женщины, ее одежду, фигуру, лицо; 2) бихевиоральный кластер состоит из 204 метафорических единиц, описывающих поведение / действия женщины, выступающей в качестве актрисы, спортсмена, воина, матери; 3) когнитивный кластер состоит из 114 метафорических единиц, описывающих когнитивное поведение женщины, демонстрирующее ее способность решать различные логистические задачи, связанные с управлением, планированием использования различных ресурсов.

Почти двухкратное превышение метафорических единиц, описывающих поведение / действия женщины над метафорами, вошедшими в когнитивный кластер, явно демонстрирует, что внимание фокусируется на действиях и поступках женщин-политиков, именно они активно комментируются и оцениваются в СМИ США, Великобритании и Австралии. Метафоры, характеризующие внешность и манеру одеваться, уступают в четыре раза метафорам, описывающим когнитивные способности женщин политиков и более чем в семь раз метафорам, включенным в бихевиоральный кластер.

В процессе анализа было отмечено преобладание (хотя и незначительное) метафор положительной оценки (166 единиц — 48%) над метафорами отрицательной оценки (140 единиц — 41%). Часть метафор имеет нейтральный оценочный статус (40 единиц — 11%). Данный факт можно рассматривать как свидетельство позитивных трансформаций в общественном сознании по отношению к феномену женщины-политика, приятия женщины на высоком политическом посту в качестве нормы. На оценочный знак в значительной степени влияет «точка отсчета», которой являются ценностные установки и предпочтения оценивающего субъекта. Представляется, что анализ реализации коннотационного потенциала метафор, используемых для создания образа женщины-политика, расширяет знания о механизмах и паттернах политической коммуникации.

Литература

- 1. *Inter-Parliamentary* Union. URL: https://www.ipu.org/our-impact/gender-equality (дата обращения: 18.10.2019).
- 2. World Economic Forum. URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/infographics/ (дата обращения: 15.10.2019).
- 3. World Economic Forum. URL:http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/measuring-the-global-gender-gap/ (дата обращения: 15.10.2019).
- 4. *Inter-Parliamentary* Union. URL: https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year= 2019 (дата обращения 11.10.2019).
- 5. *Percentage* of women in national parliaments // New Parline: the IPU's Open Data Platform (beta) URL: https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year=2019 (дата обращения: 13.10.2019).
  - 6. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во МГУ, 1993. 224 с.
- 7. Даниленко В.П. Введение в языкознание: курс лекций. М. : Флинта : Наука, 2010. 288 с.
- 8. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.
- 9. Корконосенко С.Г. Политическая журналистика. URL: https://studme.org/79322/zhurnalistika/politicheskaya zhurnalistika (дата обращения: 10.10.2019).
- 10. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.
- 11. *Чудинов А.П.* Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. Вып. 1. С. 91–105.
- 12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
- 13. Пронина Е.С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе : дис. ...канд. филол. наук. М., 2014. 203 с.
- 14. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Трибуна ученого. Екатеринбург, 2013. С. 6–13.
- 15. Кондратьева О.Н. Особенности развертывания концептуальной метафоры в цикле политических анекдотов (на материале анекдотов о баллотировании Ксении Собчак на пост президента Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 28–44.
- 16. Дулесов Е.П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 96–100.
- 17. Lakoff G., Jonson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
  - 18. Earl R. MacCormac. A Cognitive Theory of Metaphor. Cambridge: MIT Press, 254 p.
  - 19. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
- 20. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
- 21. *Кобозева И.М.* Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 41–46.
  - 22. Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
- 23. *Резанова 3.И*. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
- 24. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 136–137.

- 25. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Ин-т языкознания, 1986. 141 с.
  - 26. Арутионова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- 27. Phillips M. Condoleezza Rice: Now that's a Performer // Chicago Tribune. 2014. Nov., 4. URL: http://articles.chicagotribune.com/2004-04-11/news/0404110001_1_condoleezza-rice-narrow-war-smile (дата обращения: 20.04.2019).
- 28. *Dowd M.* Sarah Palin Saves Feminism // The New York Times. 2016. Jan., 23. URL: https://www.nytimes.com/2016/01/24/opinion/sunday/sarah-palin-saves-feminism.html? rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah (дата обращения: 22.04.2019).
- 29. *Lyons K*. Rise of the «Strongman»: Dozens of Female World Leaders Warn Women's Rights Being Eroded // The Guardian. 2019. Feb., 28. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/feb/28/rise-of-the-strongman-dozens-of-female-world-leaders-warn-womens-rights-being-eroded (дата обращения: 20.04.2019).
- 30. Megan Specia Threats and Abuse Prompt Female Lawmakers to Leave U.K. Parliament // The New York Times. 2019. Nov., 1. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/01/world/europe/women-parliament-abuse.html (дата обращения: 02.11.2019).
- 31. *Кислицына Н.Н., Новикова Е.А.* Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 28–35.
- 32. *Alter C.* How Women Candidates Changed American Politics in 2018 // Time. 2018. Nov., 7. URL: http://time.com/5446556/congress-women-pink-wave/ (дата обращения: 20.05.2019).
- 33. Friedman Vanessa Open Thread // The New York Times. 2019. Nov., 8. URL: https://static.nytimes.com/email-content/TZ sample.html (дата обращения: 10.11.2019).
- 34. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- 35. Reeves R. Power Dressing: Why Female MPs Have Faced a Century of Scrutiny // The Guardian. 2019. March, 2. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/02/female-mps-100-years-clothing-style-newspapers (дата обращения: 10.03.2019).
- 36. *Tambor Carol* To the «Does Fashion Matter?» by Vanessa Friedman// The New York Times. 2019. Oct., 17. URL: https://www.nytimes.com/2019/10/17/opinion/letters/russia-religion-humanities-fashion.html (дата обращения: 18.10.2019).
- 37. Bacharach A. We Need More Moms in Government. Here's How to Get Them // Huffingtonpost. 2018. March, 3. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/opinion-bacharach-moms-in-government_us_5abbd9aae4b06409775c836c (дата обращения: 25.04.2019).
- 38. *Gambino L.* We Will Keep Fighting': Inside the Push to Put Democratic Women in Power for the Long Haul // The Guardian. 2019. March, 3. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/03/women-politics-democrats-emergeamerica-virginia (дата обращения: 30.04.2019).
- 39. Salami M. Where are the West's Female Leaders? // The Guardian. 2014. Oct., 31. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/slowed-gender-equality-and-lack-of-female-leaders-in-the-west (дата обращения: 21.05.2019).
- 40. Wiseman Eva "Democracy is broken": Women's Equality Party Leader Tells Why she Quit // The Guardian. 2019. Jan., 26. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/26/sophie-walker-interview-resignation-womens-equality-party-leader-new-voices-next-generation (дата обращения: 20.04.2019).
- 41. Landler Mark U.K. to Hold Election in December, Opening New Phase in Brexit Odyssey // The New York Times. 2019. Nov., 1. URL: https://www.nytimes.com/2019/10/29/world/europe/brexit-election-corbyn.html?module=inline (дата обращения: 03.11.2019).
- 42. *Meisler S.* Biography Portrays Condoleezza Rice as Talented, Ambitious and Loyal to a Fault // Tribune Newspapers: Los Angeles Times. 2007. December, 22. URL:

http://articles.chicagotribune.com/2007-12-22/entertainment/0712200314_1_elisabeth-bumil-ler-condoleezza-rice-virtuoso-career (дата обращения: 15.05.2019).

- 43. Wallacejan N. Sarah Palin, Rage Whisperer // The New York Times. 2016. Jan., 26. URL: https://www.nytimes.com/2016/01/26/opinion/sarah-palin-rage-whisperer.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah (дата обращения: 27.03.2019).
- 44. Sharma D. How Hillary Clinton's 'Smart Power' Feminism Informs her Foreign Policy // The Conversation. 2016. June, 9. URL: https://theconversation.com/how-hillary-clintons-smart-power-feminism-informs-her-foreign-policy-60506 (дата обращения: 03.04.2019).

The Use of the Metaphor's Connotative Potential for Constructing a Woman Politician's Image (In English-Language Mass Media)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 92–108. DOI: 10.17223/19986645/65/6

Natalya N. Kislitsyna, Tatyana V. Melnichenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: nkislitsyn@rambler.ru / tanya.melnichenko@gmail.com

Keywords: metaphor, connotation, locus of attention, woman politician's image, external cluster, behavioral cluster, cognitive cluster.

The article examines the connotative potential of metaphors used for constructing a woman politician's image in the mass media of the USA, the UK and Australia. The linguistic analysis of political discourse has been conducted to study the regular patterns and specificity of the image-making process, with metaphor being the key tool of it. As a methodological decision for the creation of a holistic image of a person the authors developed three clusters: the external cluster, the behavioral cluster, and the cognitive cluster. The connotative potential of metaphors is studied with the help of the loci of attention which are understood as parts of an integral image, as fragments of a political leader's "portrait" the recipient's attention is intentionally focused on. As distinct from the target domain, which has a certain structural composition, locus of attention serves as a mark for a particular fragment in the integral structure of a woman politician's image. The material under research is represented by 346 metaphors, selected during the 2016-2019 period from the USA (The New York Times, Chicago Tribune, Los Angeles Times), the UK (The Guardian, The Time, The Economist), and Australian (The Conversation) newspapers. The theoretical and methodological principles of the research are based on the cognitive theory of metaphor, the linguopragmatic, discourse and contextual-interpretative analysis. The study shows the following distribution of metaphors according to the clusters: the external cluster has 28 metaphors (woman's appearance, fashion and clothes being the loci of attention); the behavioral cluster has 204 metaphors (woman's actions and behavior being the loci of attention); the cognitive cluster has 114 metaphors (woman's decision-making ability and other cognitive properties being the loci of attention). The metaphorical units describing a woman's behavior almost twice exceed the number of metaphors of the cognitive cluster. It shows that the women politicians' actions and deeds are most actively discussed and evaluated in the USA, the UK, and Australian media. The appearance and style of dress metaphors are four times fewer in number than metaphors describing the cognitive abilities of women politicians and more than seven times fewer than the number of metaphors of the behavioral cluster. The connotative potential of the metaphors is represented by metaphors with positive evaluative modality (166 units, 48%); metaphors with negative evaluative modality (140 units, 41%); metaphors with neutral evaluative modality (40 units, 11%). These figures testify to the positive transformations in people's attitude towards the phenomenon of a woman politician, their eagerness to recognize women's representation at the political podium as a norm. It is assumed that the analysis of the realization of the connotative potential of metaphors used for constructing the woman politician's image will contribute to the knowledge of mechanisms and patterns of political communication.

References

- 1. Inter-Parliamentary Union. (2019) *Gender equality*. [Online] Available from: https://www.ipu.org/our-impact/gender-equality. (Accessed: 18.10.2019).
- 2. World Economic Forum. (2016) *Global Gender Gap Report*. [Online] Available from: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/infographics/. (Accessed: 15.10.2019).
- 3. World Economic Forum. (2018) *Global Gender Gap Report*. [Online] Available from:http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/measuring-the-global-gender-gap/. (Accessed: 15.10.2019).
- 4. Inter-Parliamentary Union. (2019) *Percentage of women in national parliaments*. [Online] Available from: https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year=2019. (Accessed 11.10.2019).
- 5. New Parline. (2019) *Percentage of women in national parliaments*. [Online] Available from: https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year=2019. (Accessed: 13.10.2019).
- 6. Weisgerber, L. (1993) *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Mother tongue and formation of the mind]. Translated from German. Moscow: Moscow State University.
- 7. Danilenko, V.P. (2010) *Vvedenie v yazykoznanie: kurs lektsiy* [Introduction to Linguistics: A course of lectures]. Moscow: Flinta: Nauka.
- 8. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta: Nauka.
- 9. Korkonosenko, S.G. (2016) *Politicheskaya zhurnalistika* [Political Journalism]. [Online] Available from: https://studme.org/79322/zhurnalistika/politicheskaya_zhurnalistika. (Accessed: 10.10.2019).
- 10. Rusakova, O.F. & Gribovod, E.G. (2014) Political Media Discourse and Mediatization of Politics as Concept of Political Communicativistics. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.* 14 (4). pp. 65–77. (In Russian).
- 11. Chudinov, A.P. (2004) Political Metaphor: A Discourse-Cognition Approach. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 91–105. (In Russian).
- 12. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [The semiotics of political discourse]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
- 13. Pronina, E.S. (2014) Yazykovye sredstva formirovaniya obraza zhenshchiny-politika v angloyazychnoy presse [Linguistic means of forming the image of a woman politician in the English press]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- 14. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2013) Cognitive Theory of Metaphor: New Prospects. *Tribuna uchenogo Tribune of the Scientist.* 1. pp. 6–13. (In Russian).
- 15. Kondrat'eva, O.N. (2019) Features of Representing the Conceptual Metaphor in a Cycle of Political Jokes (On the Material of Jokes About Kseniya Sobchak's Running for President of the Russian Federation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 60. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/60/3
- 16. Dulesov, E.P. (2018) Metaphor Extension as an Instrument to Discredit an Opponent's Position (Based on Speeches in the State Duma of the Russian Empire). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 96–100. (In Russian).
- 17. Lakoff, G. & Jonson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.
  - 18. MacCormac, E.R. (1985) A Cognitive Theory of Metaphor. Cambridge: MIT Press.

- 19. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
- 20. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 21. Kobozeva, I.M. (2010) Lexico-Semantic Notes on Metaphor in Political Discourse. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 2 (32). pp. 41–46. (In Russian).
- 22. Karasik, V.I. (2015) Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Language manifestation of personality]. Moscow: Gnozis.
- 23. Rezanova, Z.I. (2010) Metaphorical Segment of Russian Linguistic Picture of the World: Ideas, Methods, Solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Filologiya Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (9). pp. 26–43. (In Russian).
- 24. Kobozeva, I.M. (2001) Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory [Semantic problems of the analysis of political metaphor]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Seriya 9. Filologiya Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 6, pp. 136–137.
- 25. Teliya, V.N. (1986) Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Institute of Linguistics.
- 26. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 27. Phillips, M. (2014) Condoleezza Rice: Now that's a Performer. *Chicago Tribune*. Nov. 4. [Online] Available from: http://articles.chicagotribune.com/2004-04-11/news/0404110001_1 con-doleezza-rice-narrow-war-smile. (Accessed: 20.04.2019).
- 28. Dowd, M. (2016) Sarah Palin Saves Feminism. *The New York Times*. Jan. 23. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2016/01/24/opinion/sunday/sarah-palin-saves-feminism.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah. (Accessed: 22.04.2019).
- 29. Lyons, K. (2019) Rise of the "Strongman": Dozens of Female World Leaders Warn Women's Rights Being Eroded. *The Guardian*. Feb. 28. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/politics/2019/feb/28/rise-of-the-strongman-dozens-of-female-world-leaders-warn-womens-rights-being-eroded. (Accessed: 20.04.2019).
- 30. Specia, M. (2019) Threats and Abuse Prompt Female Lawmakers to Leave U.K. Parliament. *The New York Times.* Nov. 1. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2019/11/01/world/europe/women-parliament-abuse.html. (Accessed: 02.11.2019).
- 31. Kislitsyna, N.N. & Novikova, E.A. (2017) Sports Discourse in the System of Institutional Types of Discourse. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2 (26). pp. 28–35. (In Russian).
- 32. Alter, C. (2018) How Women Candidates Changed American Politics in 2018. *Time*. Nov. 7. [Online] Available from: http://time.com/5446556/congress-women-pink-wave/. (Accessed: 20.05.2019).
- 33. Friedman, V. (2019) Open Thread. *The New York Times*. Nov. 8. [Online] Available from: https://static.nytimes.com/email-content/TZ_sample.html. (Accessed: 10.11.2019).
- 34. Vol'f, E.M. (2002) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. Moscow: Editorial URSS.
- 35. Reeves, R. (2019) Power Dressing: Why Female MPs Have Faced a Century of Scrutiny. *The Guardian*. March 2. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/02/female-mps-100-years-clothing-style-newspapers. (Accessed: 10.03.2019).
- 36. Tambor, C. (2019) To the "Does Fashion Matter?" by Vanessa Friedman. *The New York Times*. Oct. 17. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2019/10/17/opinion/letters/russia-religion-humanities-fashion.html. (Accessed: 18.10.2019).

- 37. Bacharach, A. (2018) We Need More Moms in Government. Here's How to Get Them. *Huffington Post*. March 3. [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.com/entry/opinion-bacharach-moms-ingovernment us 5abbd9aae4b06409775c836c. (Accessed: 25.04.2019).
- 38. Gambino, L. (2019) We Will Keep Fighting': Inside the Push to Put Democratic Women in Power for the Long Haul. *The Guardian*. March 3. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/03/women-politics-democrats-emerge-america-virginia. (Accessed: 30.04.2019).
- 39. Salami, M. (2014) Where are the West's Female Leaders? *The Guardian*. Oct. 31. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/slowed-gender-equality-and-lack-of-female-leaders-in-the-west. (Accessed: 21.05.2019).
- 40. Wiseman, E. (2019) "Democracy Is Broken": Women's Equality Party Leader Tells Why She Quit. *The Guardian*. Jan. 26. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/26/sophie-walker-interview-resignation-womens-equality-party-leader-new-voices-next-generation. (Accessed: 20.04.2019).
- 41. Landler, M. (2019) U.K. to Hold Election in December, Opening New Phase in Brexit Odyssey. *The New York Times*. Nov. 1. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2019/10/29/world/europe/brexit-election-corbyn.html?module=inline. (Accessed: 03.11.2019).
- 42. Meisler, S. (2007) Biography Portrays Condoleezza Rice as Talented, Ambitious and Loyal to a Fault. *Tribune Newspapers: Los Angeles Times*. December 22. [Online] Available from: http://articles.chicagotribune.com/2007-12-22/entertainment/0712200314_1_elisabeth-bumiller-condoleezza-rice-virtuoso-career. (Accessed: 15.05.2019).
- 43. Wallacejan, N. (2016) Sarah Palin, Rage Whisperer. *The New York Times*. Jan. 26. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2016/01/26/opinion/sarah-palin-rage-whisperer.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah. (Accessed: 27.03.2019).
- 44. Sharma, D. (2016) How Hillary Clinton's 'Smart Power' Feminism Informs her Foreign Policy. *The Conversation*. June 9. [Online] Available from: https://theconversation.com/how-hillary-clintons-smart-power-feminism-informs-her-foreign-policy-60506. (Accessed: 03.04.2019).

УДК 81-139

DOI: 10.17223/19986645/65/7

Д.В. Конер, А.Л. Макарова, С. Чиркович

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИВЕРГЕНЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИИ ТРАДИЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАЛКАН¹

Рассматривается методологический аспект создания и применения вопросника для полевых исследований в рамках международного научного проекта «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция». Экспериментальный и междисциплинарный характер нашей работы потребовал пересмотра методологии вопросников, которые применялись ранее в полевых исследованиях языков и культур Юго-Восточной Европы. В данном тексте обсуждаются результаты этой работы, а также первый опыт применения созданного нами инструмента в селах Западной Болгарии.

Ключевые слова: методология полевых исследований, торлакские говоры, лингвистические вопросники, диалектные корпусы, диалекты Западной Болгарии.

О проекте. Задачи, решаемые с помощью вопросника. В то время как конвергентные явления в языках и культурах Юго-Восточной Европы традиционно оказывались в центре внимания лингвистов и антропологов, параллельно проходящие процессы дивергенции остаются менее изученными. Современное языкознание стоит перед актуальным вопросом осмысления таких процессов, которые нередко бывают обусловлены появлением политических границ в ранее едином языковом континууме. В последнее десятилетие понятие границ становится фокусом многочисленных публикаций и исследуется с применением методов (социо-)лингвистики, (перцептивной) диалектологии, антропологии и социологии ([1–6] и др.).

Часто утверждают, что «балканский культурный ареал» сформировался под влиянием конвергентных процессов (см., например, [7]). Его особый характер проявляется в общих культурных традициях (см., например, [8, 9]) и в структурной близости балканских языков [10–12]. Начало дивергентным процессам в этих языках, постепенно усиливающимся в течение последних двух столетий, положили распад Османской империи и последующее формирование национальных государств и языков на Балканах. Недавние исследования показали, что эти процессы менее изучены, хотя и не менее важны [13, 14]. Чтобы иметь возможность отслеживать процессы конвергенции и дивергенции, необходимо установить определенные меры

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция».

для понятий сходства / различия и изменения, а также лежащую в их основе константу, на фоне которой эти понятия будут различимы [15].

Международный исследовательский проект «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция» (TraCeBa) призван восполнить пробел в изучении данного региона в трансграничной перспективе². Наша цель – определить, какую роль политические, географические, а также перцептивные границы играют в процессах дивергентного развития языков и культур вокруг сербскоболгарской государственной границы. Чтобы приблизиться к решению этой проблемы, были поставлены различные, но взаимосвязанные цели, достижение которых возможно благодаря сочетанию экспертиз участников научных групп из Сербии, Швейцарии и России:

- а) создание электронного диалектного корпуса, содержащего нарративы носителей торлакских (восточносербских и западноболгарских) говоров, разделенных государственной границей ^{3} ;
- б) анализ и прогнозирование культурной и языковой дивергенции в регионе; особое внимание уделяется тому, какое влияние природные, политические и культурные границы оказывают на генетически единые говоры Западной Болгарии и Восточной Сербии и на восприятие своего языка носителями этих говоров⁴;

⁴ Влияние географических, политических границ, а также границ восприятия на конвергенцию и дивергенцию традиционных культурных и языковых ценностей будет изучено на основе субъективных нарративов из региона Торлак конца XIX – начала XXI века. Сравнение их во времени и пространстве должно дать представление о преобразовании языковых структур и культурных традиций, а также об их восприятии действующими субъектами языка. Таким образом, настоящий проект направлен на документирование на двух описательных уровнях: на объективном уровне, на котором воспроизводятся язык и культура, и на субъективном уровне, на котором воспринимаются язык и культура [15].

¹ Реализуется в 2018–2020 гг. в рамках программы Horizon 2020 ERA.Net RUS Plus. Финансовая поддержка исследователей из России осуществляется РФФИ (ЭРА_а 18-512-76002). Работа швейцарской группы спонсируется фондом SNFS (IZRPZ0_177557/1), работа сербской группы — Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия (401-00-00642/2018-09).

² Министерство образования, науки и технологического развития Республики Сербии с 2011 по 2019 г. финансировало проект «Сохранение идентичности и национальных меньшинств в приграничных областях Восточной и Юго-Восточной Сербии». Данный проект имел в основном социологическую направленность, а его результатом стали многочисленные публикации, в фокусе которых были граница и ее актуальная роль в социальном, экономическом, демографическом и антропологическом контекстах (см., например, [16–18] и др.). Упомянем и статью Г. Горунович [19], написанную в рамках другого проекта, однако также исследующую актуальные для нашей работы вопросы саморепрезентации и коммуникации жителей торлакского села Стакевци в Болгарии, расположенного в нескольких километрах от границы с Сербией. Научная группа в составе участников проекта ТгаСеВа А.Н. Соболева, Б. Сикимич, А.Л. Макаровой и Д.В. Конер провела экспедицию в это село, а также в соседние села микрорегиона летом 2018 г.; по материалам экспедиции готовятся публикации.

³ Об этих говорах см.: [20–22].

в) создание инструментов количественной обработки (морфологического анализа, разметки) диалектной южнославянской речи.

Полевая работа в рамках проекта ведется по обе стороны современной сербско-болгарской границы сербскими и российскими лингвистами. В каждом из обследованных микрорегионов (районы городов Белоградчик и Трын в Болгарии, а также Тимок и Лужница в Сербии) задачей исследователей является сбор необходимого количества нарративов (минимум 200 000 словоформ), который осуществляется с использованием специально созданного вопросника 1.

Цель настоящей статьи — обсуждение методологических особенностей составления вопросника-инструмента параллельного решения нескольких разнонаправленных задач с учетом опыта его применения в экспедициях в Западную Болгарию в 2018–2019 гг. Основная часть вопросника будет приведена целиком (в п. IV), а две дополнительные части будут представлены в сокращенном виде (в пп. II и III).

Приведем основные требования, которыми руководствовались авторы вопросника в соответствии с целями проекта. Прежде всего, необходимо было создать инструмент, который позволит в условиях временных (экспедиции продолжительностью не более 7 дней), пространственных (в горной малонаселенной местности и при плохих дорогах трудно обследовать больше 10 сел за одну экспедицию) и фактических (относительно небольшое количество как активных носителей диалектной речи на исследуемых территориях, так и участников экспедиции) ограничений собрать достаточно большой объем репрезентативного материала. Отметим, что таковым мы считаем относительно пространные, связные нарративы, записанные² на варианте (болгарского или сербского) языка, как можно более приближенном к «идеальному» местному диалекту (подробнее об этом см. п. ІІ). Расширенный вопросник, охватывающий максимальное количество тем, релевантных с точки зрения как местных жителей-информантов, так и исследователей, способствует сбору значительного объема языковых данных. Вопросы в нем представлены в виде простого списка. В отличие от него основной вопросник организован по принципу «тематических блоков» (представлен в п. IV). Во-первых, таким образом оказалось удобно группировать вопросы по темам наших интервью в соответствии с шестью главными задачами исследователя в поле: 1) составить речевые портреты

² В будущем аудио- и видеозаписи из Болгарии будут частично опубликованы на сайте проекта www.traceba.net. Некоторые интервью, записанные в селах Восточной Сербии, доступны на youtube-канале «Terenska istraživanja» (URL: https://www.youtube.com/channel/UC4EpCSAnEb2RIsIRY7pfNdQ/feed). Полный полевой материал, документированный в Тимоке, Лужнице и Западной Болгарии, находится в электронном архиве Института балканистики САНУ.

_

¹ При составлении вопросника мы опирались на опыт коллег, работавших в славянских и балканских странах ранее. В частности, использовались анкеты ОЛА [23], ДАВСЗБ [22], МДАБЯ [13], этнолингвистические вопросники А. Плотниковой [24] и научной группы Б. Сикимич из Института балканистики САНУ.

информантов, основанные на автобиографии, часто включающей элементы устной истории села и региона; 2) выяснить роль границ между поколениями – внутри семьи и в обществе; 3) определить границы между материальным и духовным (выяснить роль церкви и религии в процессах языковой и культурной дивергенции); 4) определить границы между значимыми эпохами (впоследствии проанализировать языковую и культурную дивергенцию между сербским и болгарским населением в период изменения политической обстановки и установления и закрепления границ); 5) выяснить, как происходит дивергенция между носителями сербских и болгарских говоров в наше время; 6) проанализировать дивергенционные процессы в этих говорах, а также перцепцию родного языка самими носителями. Во-вторых, большинство вопросов, которые задаются информанту для получения актуального и соответствующего целям проекта материала, относятся к достаточно личным и/или деликатным, особенно с учетом того факта, что локус нашего исследования - «политически чувствительный» приграничный балканский регион, традиционно депрессивный в экономическом, а в последние десятилетия и в демографическом смысле. Постановка вопросов не «по списку», а в режиме живой беседы, с учетом (не)желания информантов говорить на те или иные темы является более свободным форматом, который, с одной стороны, оказывает меньше давления на последних, а с другой – требует большей гибкости и глубокого понимания темы интервью от исследователя.

Таким образом, вопросник по проекту «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция», используемый нами в экспедициях в Западную Болгарию, задумывался как состоящий из трех частей, которые будут приведены и описаны ниже: 1) тест на выявление диалектных различий (применяется в основном при предварительной оценке диалектных компетенций информанта, а затем – к полученным материалам нарративов); 2) «программа-минимум» (тематические блоки) – вопросы, ориентированные на основные задачи по проекту; 3) расширенный вариант вопросника.

Определение «диалектности». Диалектные характеристики и витальность исследуемых говоров определяются путем его сравнения как с «идеальным» торлакским говором ^{1} , так и с tertium comparationis – праславян-

 $^{^1}$ «Будем исходить из представления о том, что степень диалектной аутентичности спонтанной речи информанта может быть однозначно измерена на фоне гипотетического "идеального", "канонического" (в современной языковой реальности Восточной Сербии не существующего) тимокско-заглавакского говора южнославянской $\check{c}$, $d\check{z}$ -зоны. В таком говоре употреблялись бы те и только те члены соответственного явления (варианты реализации диалектного различия), которые локализуются именно в Тимокском крае, а их соответствия из других диалектных ареалов и из литературного языка не встречались бы ни в качестве "безразлично употребляемых в речи", ни в качестве "стилистически разграниченных" вариантов. "Степень диалектной аутентичности" такого говора по любому параметру составляет идеальные 100%» [25. C. 20].

ским состоянием. Также принимается во внимание влияние болгарского и сербского литературных языков¹ [25. С. 18–22].

	Выявить, как звучит лексема со значением «свеча»
	Late that is a second of the s
	(*světja).
	Выявить как звучит существительное со значением
Рефлексы * <i>tj</i> (* <i>kt</i>), * <i>dj</i>	«дом» (* <i>kǫtja</i>).
	Выявить, как звучит лексема со значением «чужой,
	иностранный» (*tjudje); ожидаются различные лекси-
	кализованные формы)
Рефлексы <i>l-epentheticum</i>	Выявить, как в говоре звучит лексема со значением
гефлексы і-ерепіненсит	«земля» (*zemja; ожидается zemlja, zemnja, zevnja)
	Выявить, как звучит существительное со значением
Рефлексы носовых	«уголь» (* $qglb$; ожидается $uglen$).
гефлексы носовых	Выявить, как звучат существительные со значениями
	«рука», «муж» (* <i>r</i> ǫ <i>ka</i> , * <i>m</i> ǫžь; ожидается <i>ruka</i> , <i>muž</i>)
	Выявить, как в говоре звучат существительные со
	значениями «кровь» ($*kr$ ъ v ь), «палец» ($*pr$ ь st ь),
Canadana anno anno anno anno anno anno an	«червь» ($*\check{c}$ ы rv ь), крест ($*kr$ ы t ь); ожидается сохране-
Слогообразующие сонанты	ние слогового r .
	Выявить, как в говоре звучит прилагательное со зна-
	чением «желтый» (*žъltъ; ожидается žlt)
Dodrama v	Выявить, как в говоре звучит существительное со
Рефлекс п	значением «дед» ($*d\check{e}db$)
	Выявить, как в говоре звучат существительные со
	значением «сон» (*sъn), «вошь» (*vъšъ), «доска»
Рефлексы редуцированных в	(* <i>dъsky</i>); ожидаются формы <i>sъn</i> , <i>vъška</i> , <i>dъska</i> ;
разных позициях (в том числе	Выявить рефлекс *ъ в причастии на -л: * <i>šъlъ</i> (он
разных позициях (в том числе	пришел; говорят, что он пришел).
вторичных)	Выявить, как в говоре звучат существительные со
	значением «день» ($*dьnь$), «легко» ($*lь(gь)kъ$); ожи-
	дается Іько, дьп
Папатангн га / н и	
палатальные і и п	значениями «огонь» (*ognь), «поле» (*pol'e)
	Выявить, сохранился ли j в окончаниях глаголов 3 л.
Согласицій і	мн. ч. наст. вр.; ожидается наличие j .
согласный ј	Выявить, как в говоре звучит существительное со зна-
	чением «виноград» и «гость» (ожидается grozje, gosje)
Don cynn herconno yr n c cono	Проверить род существительных со значениями «бо-
	лезнь», «радость», «вечер», «любовь», «память / ум»,
вон на согласный	«ладонь», «кость» (ожидается мужской род)
Постпозитивний аменич	Наличие артикля и состав системы артиклей опреде-
постпозитивный артикль	ляются по материалам нарративов
	На материале нарративов выявить, как в говоре зву-
Вепомогательная настина булу	
Вспомогательная частица будущего времени	чит частица будущего времени (ожидается граммати- кализованная форма $\check{c}e$)
Палатальные <i>l</i> и <i>n</i> Согласный <i>j</i> Род сущ. исконно ж. р. с основой на согласный	значением «день» (*dьnь), «легко» (*lь(gь)kъ); ожидается lьko, dьn Выявить, как в говоре звучат существительные со значениями «огонь» (*ognь), «поле» (*pol'e) Выявить, сохранился ли j в окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. наст. вр.; ожидается наличие j. Выявить, как в говоре звучит существительное со значением «виноград» и «гость» (ожидается grozje, gosje) Проверить род существительных со значениями «болезнь», «радость», «вечер», «любовь», «память / ум», «ладонь», «кость» (ожидается мужской род) Наличие артикля и состав системы артиклей опреде-

 $^{^1}$ «Если реализация диалектных различий совпадает с состоянием сербского литературного языка, то последний с изрядной долей обобщения признается источником влияния в данном случае» [25. С. 21].

Пример языкового признака	Пример задачи исследователя
Формы мн. ч., счетные и падежные формы существительных	Проверить, присутствует ли в говоре чередование <i>o / е</i> после шипящих во множественном числе односложных существительных: выявить форму множественного числа существительных «нож», «ключ» (ожидается <i>ključeve</i> , <i>noževe</i>). Выявить окончание множественного числа существительных женского рода на <i>-a</i> (примеры берутся из нарративов); ожидается окончание <i>-e: ovcete</i>
Род существительных исконно женского рода с основой на согласный	Проверить род существительных со значениями «болезнь», «радость», «вечер», «любовь», «память / ум», «падонь», «кость»; ожидается мужской род
Счетная форма	«Три сына», «три зятя»; ожидается наличие счетной формы
Аналитическое маркирование периферийных падежных отно- шений при имени существи- тельном	Ожидаются формы вроде ot svińu ostala samo glava 'от свиньи осталась только голова', orala sam səs pluk 'я пахала плугом'
Отсутствие частицы конъюнктива при модальных глаголах и в формах футура	Например, sad ču # pričam 'сейчас расскажу' (ср. sad ču da pričam)
Аналитический компаратив прилагательных	Например, <i>pomlad</i> 'моложе, более молодой, младший'

По результатам полевой работы в Западной Болгарии составляется речевой портрет информанта, содержащий индекс степени диалектности речи (в основном в области фонетики и морфологии)¹. Пример такого речевого портрета, или «паспорта», приведен ниже.

Дарья Конер

Название аудиофайла ²
Имя транскрибирующего
Продолжительность записи
Имя и год рождения информанта

гльность записи 58:45 ведения информанта Венка Живкова, 1941 г. р.

Достаточно пространные нарративы, содержащие рефлексию о прошлом и настоящем, о границе с Сербией, воспоминания из детства, описание некоторых обычаев и традиций.

Пометка о языке: степень диалектности сегмента (диал., болг. / рег. стандарт, смеш.)
Пометка о жанре: спонтанный монолог / диалог, чтение печатного текста. песня

Резюме интервью

Диал. Рекомендуется к полной расшифровке.

Спонтанный монолог, диалог.

Стакевци_12_ДК, АМ 26.07.18

¹ О критериях и особенностях этого процесса подробнее см. в недавно вышедшей в журнале «Вестник Томского государственного университета. Филология» статье «Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац)» [25].

² В формате «село_ порядковый номер записи инициалы интервьюирующих дата интервью».

Наличие таких профилей для каждого информанта значительно облегчает процесс отбора нарративов, релевантных для создания диалектного корпуса.

Культурология / антропология (расширенный вопросник). Расширенная версия вопросника была написана с опорой на обширный полевой опыт Б. Сикимич и С. Чиркович, которые с конца 90-х – начала 2000-х гг. разрабатывали и многократно применяли подобный инструмент при сборе языковой и культурологической информации в селах Восточной Сербии¹. Эта версия охватывает широкий круг вопросов, посвященных как традиционной материальной, так и духовной культуре. Важное место отведено автобиографиям интервьюируемых, а также историческому и краеведческому аспектам. В данной статье мы не будем приводить вопросник полностью, ограничиваясь лишь примерами в рамках каждой из тем. Необходимо подчеркнуть, что данные вопросы не обязательно задаются в полном объеме и определенном порядке; ход интервью и полученный материал во многом зависят от опыта и целей конкретного исследователя. В любом случае вопросы лишь открывают возможные направления разговора, формулируются как можно проще, но при этом так, чтобы на них сложно было бы ответить односложным «да» или «нет». Стараясь избегать пространных вопросов, мы предоставляем свободу интерпретации нашим консультантам (информантам).

- 1. Жизнь в селе:
- В каком году Вы родились? Какие события происходили в селе и в стране в Ваш год рождения и во время раннего детства?
- Как Ваше здоровье? Расскажите о Вашем дне, что Вы делаете сегодня, что делали вчера, что будете делать завтра?
  - Много ли стариков в селе? Уезжает ли молодежь?
  - Какова нынешняя молодежь?
- Опасные ли места вокруг? Чего опасаются местные жители? Чего стоит опасаться приезжему человеку, на что обратить внимание, чего остерегаться?
- Какие дикие звери водятся в горах? Помните ли Вы какой-нибудь связанный с этим случай (или рассказ старших)?
  - 2. Семья и родственники:
  - Как выглядела семейная жизнь когда-то и сейчас?
- Назовите близких и дальних родственников человека на вашем диалекте. Какую роль они играли / играют в жизни человека?
  - Каким образом поддерживались / поддерживаются связи с ними?
  - 3. Брак:

¹ Основные этапы и принципы развития исследовательских методов коллектива сербских балканистов, а также анализ роли исследователя в их работе приведены в [26, 27]. Авторы данного текста выражают глубокую благодарность Б. Сикимич, М. Мирич, а также А.Н. Соболеву за ценные советы и информационную поддержку как на этапе создания вопросника, так и в процессе написания настоящей статьи.

- Где знакомились молодые люди?
- Как выбирали / выбирают невесту / жениха?
- Как проходили заключение брачного договора и сватовство?
- В каких случаях невеста могла убежать из дома? Были ли такие случаи в Вашем селе?
- Сколько длилась свадьба и где она проходила? Расскажите о своей женитьбе / замужестве.
  - Как выглядит свадьба в наше время?
- Какие местные свадебные обычаи Вам известны? Чем они отличаются от обычаев у сербов? Других болгар?
- Помните ли Вы, какие песни пели на свадьбе в старые времена? Какие танцы танцевали? Знаете ли Вы, какие песни пели сербы, другие болгары?
  - Откуда приглашали музыкантов?
- Как проходят свадьбы сейчас, чем они отличаются от празднования в Ваше время?
- Какие угощения подавались на свадебном столе? Как они приготавливались? Есть ли особенности вашей кухни в селе? Регионе? Какие сербские традиционные блюда Вам известны?
  - А как и что Вы готовите сейчас?
  - Работа:
  - Чем Вы занимались ранее и сейчас?
  - Как работали при социализме? А в наше время?
- Каково основное занятие населения в селе и ближайших районах? Есть ли миграция в Ваш регион с целью поселиться и работать?
  - Почему люди уезжают и где и кем работают?
  - Какие культуры выращивали раньше? А в наше время?
- Занимаются ли жители села животноводством? А раньше? Как это было организовано? Есть ли у Вас или у Ваших соседей овцы, кони, коровы, козы, свиньи?
  - Что Вы производите сами, а что из продуктов покупаете?
  - Пасли ли Вы овец в детстве? Как это выглядело?
- Как Вы печете хлеб? Его пекут таким же образом в других регионах Болгарии?
- Как изготавливается «црепня» (глиняная форма для выпекания хлеба)?
  - Производите ли Вы ракию или вино? Опишите процесс.
- Производят ли жители села одежду или покупают в магазинах? Как производили одежду раньше?
  - Как происходила уборка и обработка конопли?
  - Существует или существовало ли в селе производство обуви?
- Как раньше строили новые дома? Как Вы строили свой дом? Как строят сейчас? Что изменилось? Есть ли особенности сельского дома в Вашем микрорегионе?
  - 5. Свободное время и обычаи:
  - Устраивали ли в Вашем селе вечерние посиделки? Как они проходили?

- Существуют ли подобные традиции в наше время?
- Какие обычаи были связаны с рождением и взрослением ребенка?
- Работали ли раньше дети? А сейчас?
- Расскажите о «славе» (празднике святого-покровителя) в Вашем селе, в Вашей семье?
  - Какие святые Вам известны, когда отмечаются их дни?
  - Как отмечали / отмечают Рождество в Вашем доме?
  - Какие обычаи существовали / существуют на день св. Георгия?
  - Какие обычаи существовали / существуют на Пасху?
  - Известна ли Вам традиция «мартеница»?
- Отмечают ли сейчас в Вашем селе новые «западные» праздники (Хелоуин, День всех влюбленных и т. п.)?
  - 6. Духовная жизнь:
- Во что верили Ваши старики? Умели ли предсказывать судьбу, погоду? Какие существовали приметы? Гадали ли женщины? Если да, в какие дни? Известны ли Вам случаи сглаза?
  - Есть ли в наше время люди, которые умеют ворожить?
  - Каких существ боялись люди?
  - Какие сказки рассказывали Ваши старики?
  - Какие песни, популярные сейчас и когда-то в Вашем селе, Вы знаете?
  - Существует ли школа в Вашем селе? Когда она была построена?
- В какую церковь Вы ходите? Как давно она была построена? На каком языке ведется служба? Откуда священник? Совершаются / совершались ли паломничества в монастыри?
  - Бывали ли Вы в сербской церкви?
  - 7. История села
  - Когда и кем было основано ваше село?
  - Откуда пришли Ваши предки? Как они жили?
- Известны ли Вам рассказы или предания, связанные с турками (османами)?
- О каких войнах Вам рассказывали родители / их родители? Участвовали ли Вы сами в военных действиях (проходили ли службу в армии)? Участвовали ли Ваши старшие родственники в антикоммунистических движениях?
  - Какое будущее, по Вашему мнению, ожидает Ваше село, Ваш регион?
  - 8. Окрестности:
  - Делится ли Ваше село на кварталы, и если да, то как они называются?
- Какие названия окрестных рек, озер, холмов, гор, долин, пастбищ, пашней Вам известны?
- Поддерживаете ли Вы отношения с жителями соседних сел (торговля, браки, совместные работы, паломничества, праздники)?
- Какие сходства и различия в обычаях и устоях вашего и соседних сел Вам известны? Можете ли Вы сравнить их с сербскими селами?
- Есть ли в Вашем селе или окрестностях рынок? Насколько он старый? Кто и что продает на нем? Есть ли торговля с сербами?

9. Язык:

- Какой Ваш говор? Трудный? Красивый? Красивее, чем стандартный язык? Легче, чем стандартный? «Неправильный»?
  - Понимаете ли Вы диалект соседних областей? Чем он отличается?
  - Понимаете ли Вы сербский язык? По радио? ТВ?
  - 10. Гранииы:
- Какой пограничный пункт является ближайшим? Часто ли Вы там бываете?
- Что Вам известно о жизни за границей? На каком языке там говорят? Отличаются ли стиль жизни, речь, одежда? Как было до и после войны, по рассказам ваших предков?
- Случаются / случались ли смешанные браки? Между женщинами и мужчинами с другой стороны границы (или из других регионов за границей)? Что говорят и думают о таких браках?
- Приезжают ли в Ваш микрорегион туристы с другой стороны границы? Есть ли оттуда рабочие?

Тематические блоки (основной вопросник). Основной вопросник состоит из тематических блоков (столбец 1 в таблице ниже), в которых объединены вопросы по центральным для проекта «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция» темам. Каждая тема состоит из ключевых дискурсообразующих понятий (столбец 2 – ключевые слова). Столбец 3 содержит отдельные методологические комментарии и некоторые примеры конкретных вопросов. Подразумевается, что при работе в поле исследователь может свободно переходить от одной темы к другой, используя ключевые слова. Как и расширенный вопросник, данный его вариант также не является ни упорядоченным руководством к действию, ни списком конкретных вопросов, которые необходимо задать информанту в полном объеме. Формулировка вопросов и порядок обсуждаемых тем могут спонтанно изменяться в зависимости от личных особенностей информанта и естественного хода беседы. Тематические блоки отражают пространство дискурсов, в которых должен ориентироваться исследователь. Его задача – стараться формулировать вопросы так, чтобы добиваться порождения информантом связных нарративов, которые обычно строятся не вокруг абстрактных тем, а вокруг конкретных событий.

Задачи исследователя	Ключевые слова	Примеры вопросов
Задачи исследователя		и комментарии
Задача 1. Познакомиться с	Имя	 Бывали ли Вы в других ме-
информантом. Составить	Фамилия	стах в Болгарии, в Сербии, За-
его речевой портрет и био-	Родной дом	падной Европе? Где вам (не)
графию ¹ .	Родители	понравилось и почему?
Жизнь	Мать	 Где родились ваши родители,
	Отец	бабушки и дедушки?

¹ Подробность сведений зависит от желания обсуждать их с исследователем в каждом конкретном случае. Имена информантов также раскрываются только с их согласия.

	<u> </u>	П	
Задачи исследователя	Ключевые слова	Примеры вопросов и комментарии	
Личность / знакомство	Брат	– Что происходило в селе и	
	Сестра	стране во времена Вашей моло-	
Возраст и память	Дедушка	дости?	
	Бабушка	 Как часто вы общаетесь с 	
	Муж	друзьями, родственниками?	
	Жена	Проводите ли Вы время с вну-	
	Путешествия	ками? Где и как живут Ваши	
	Жизнь вне села	дети? (Коммент. Это деликат-	
	Семья в других селах /	ная тема; вопрос задается толь-	
	за границей	ко после того как информант	
	Год рождения	сам упоминает о своих детях	
	Школа	или внуках)	
	Социализм		
	Детство		
	Армия		
	Юность		
Задача 2. Выяснить роль	Молодой	– Много ли стариков в селе?	
границ между поколениями	Старый	Уезжает ли молодежь?	
внутри семьи и в обществе.	Ребенок	 Как принято относиться к 	
	Юноша	старшим сейчас? Раньше? Как	
Различные поколения	Девушка	относились к женщинам? К	
	Молодая семья	мужчинам?	
Противопоставления моло-	Школа	Какая сейчас молодежь?	
дой / старый, раньше / сей-	Уважение	– Узнать о системе моральных	
час	Помощь старшим	ценностей. (Коммент. Здесь	
	Дети	лучше избегать прямого вопро-	
Отношения между людьми	Внуки	са, но поддерживать тему, если	
	Правильное поведение	речь пойдет о том, что «пра-	
Границы внутри села (меж-	Неправильное поведение	вильно» и «неправильно»).	
ду дворами, участками,	Хорошо	– Какие отношения у Вас с со-	
соседними домами)	Плохо	седями? Есть ли у Вас близкие	
	Дом	друзья в селе или других ме-	
	Соседи	стах? Есть ли родственники и	
	Участок	свойственники в селе и в мик-	
	Межа	рорегионе?	
Задача 3. Следует узнать,	Церковь	– Во что верили Ваши старики?	
где в сознании информанта	Монастырь	Какие существовали приметы?	
проходит граница между	Церковная служба	Гадали ли женщины? Если да, в	
духовным и материальным,	Свечи	какие дни? Умели ли предска-	
между мифом и реально-	Рождество	зывать судьбу, погоду? Извест-	
стью.	Пасха	ны ли Вам случаи, когда кого-	
	Гадание	то сглазили?	
Секуляризация	Сглаз	– Есть ли в наше время люди,	
D	Судьба	которые в этом разбираются?	
Роль церкви	Колдовство	– В какую церковь Вы ходите?	
,	Проклятие	Как давно она была построена?	
Роль верований		На каком языке ведется служба?	
Новые праздники		– Откуда священник? Совер-	
		шаются / совершались ли па-	
		ломничества в монастыри?	

Запаци исспелователя	Ключевые слова	Примеры вопросов
Задачи исследователя	KIIOTODDIC CIUBA	и комментарии
		 Бывали ли Вы в сербской
		церкви?
		– Отмечают ли в вашем селе и в
		вашем доме «новые» западные
		праздники (Хеллоуин, День Св.
		Валентина)?
Задача 4. Определить грани-	Османское господство	 Какие события из истории
цы между эпохами; опреде-	Турки	региона и страны Вы помните
лить, какое влияние эти	Жизнь села под турками	по рассказам старших? Что
границы оказывали на фор-	Санджак	рассказывали в школе?
мирование национального	Каза	 Как жилось во времена
самосознания в регионе.	Гайдуки	османского господства?
	Церковь	– Какие национальные герои
Дивергенция между серба-	Ислам	Вам известны?
ми и болгарами	Христианство	– Знаете ли Вы что-либо о серб-
	Васил Левский	ско-болгарской войне (войнах)?
Изменения политической	Тодор Живков	– Участвовал ли кто-то из Ва-
обстановки	Национальное возрож-	ших родственников в военных
	дение	действиях?
Установление и закрепление	Освобождение Болгарии	 Что происходило в Болгарии в
границ	Война	1990-е гг.? Что происходит
	Спор	сейчас?
Эпоха османского господ-	Граница	 Какие народы населяют Бол-
ства		гарию? Что вы о них знаете?
	Македония	
Оспаривание границ Сербией	Турция	
и Болгарией (1878–1919 гг.)	Первая Балканская война	
	Вторая Балканская война	
Первая мировая война и ее	Сербия	
последствия (1914–1919 гг.)	Сербы	
	Граница	
Вторая мировая война и	Турция	
социализм (1941–1990 гг.)	Македония	
	Бухарестский мир	
Падение социалистического	Россия	
режима, распад Югославии,	Наступление на Сербию	
европейская интеграция	и Македонию	
(1990 г. – н.в.)	Вторая мировая война	
	Румыния	
	Германия	
	Детство	
	Рассказы старших	
	Евреи	
	CCCP	
	Социализм	
	Коллективизация	
	Димитров	
	Турки	
	Помаки	
	Мусульмане	

Задачи исследователя	Ключевые слова	Примеры вопросов и комментарии
	Тито Югославия Тогда Сейчас Приватизация Новое время После социализма	
	Парламент Аграрная реформа Сельское хозяйство НАТО Европейский союз	
Задача 5. Дивергенция	Жизнь за границей	– Какой пограничный пункт
между сербами и болгара-	Сербы	ближе всего к Вашему селу?
ми, наше время.	Путешествия	Часто ли Вы его переходите?
	Туризм	– Что Вы знаете о жизни в се-
Политическая граница	Торговля	лах по ту сторону границы? На
	Граница	каком языке там говорят? От-
Смешанные браки Задача 6. Проанализировать	Переход Говор села	личаются ли одежда, язык, образ жизни от Вашего села? Как было до войны, по рассказам ваших стариков? — Случались ли в Вашем селе в прошлом / случаются ли в настоящем браки с серб(к)ами или другими иностранцами? Что говорят и думают люди о таких браках? — Приезжают ли в Ваш регион туристы с той стороны границы? Рабочие? Торговцы? — Какой ваш говор? Трудный?
дивергенционные процессы	овор села Отличия	Какои ваш говор? грудный? Красивый? Красивее чем стан-
	<u></u>	дартный язык? Легче чем стан-
в местных говорах, а также то, как их воспринимают	Сходства Красивый	дартный язык? Легче чем стан-
сами носители.	Сложный	дартный: – Понимаете ли Вы диалект
сами носители.	Простой	соседних областей? Чем он
Языковая дивергенция	простои «Твердый» «Мягкий»	отличается? — Понимаете ли Вы сербский
Перцепция ¹ языка	«мягкии» Болгарский язык Сербский язык	язык, когда слушаете радио? Смотрите ТВ?

¹ В рамках данной работы термин «перцепция (языка)» используется для обозначения процессов восприятия, понимания и оценки нашими информантами различных идиомов, с которыми они сталкиваются в своей жизни: а) местный диалект, переходящий в речи большинства в «региональный стандарт»; б) стандартный болгарский язык, звучащий по радио, телевидению и т.д.; в) язык населения по ту сторону сербскоболгарской границы, контакт с которым в основном ограничен. Понятие перцепции в более широком понимании и в связи с языковыми компетенциями рассматривается, например, в новейшей статье И. Фритц, Э. Милберн, В. Вулчанова и М. Вулчановой «Язык и восприятие» [28].

Заключение

Опыт применения вопросника выявил ряд достоинств и недостатков созданного нами инструмента полевого исследования; приведем в пример лишь некоторые из них. По сравнению с грамматическими анкетами, более эффективными в условиях повсеместного владения местным идиомом. обсуждаемый в данной статье вопросник удобен в условиях работы с немногочисленными оставшимися активными носителями западноболгарских диалектов. Лишь немногие из них обладают обширными знаниями в области народной культуры, поэтому выстраивание логики интервью вокруг жизненных, бытовых, а значит, близких всем жителям региона тем дает преимущество по сравнению с классическими этнолингвистическими вопросниками, «настроенными» на детальную фиксацию явлений фольклора. В случае сообществ, населяющих «чувствительные» приграничные регионы, такое дискурсивное пространство интервью позволяет преодолеть настороженность по отношению к исследователям-аутсайдерам, которая часто означает, помимо прочего, отказ говорить с ними на местном идиоме.

К более слабым сторонам вопросника можно отнести некоторую оторванность его краеведческой части от реального знания, которым обладают местные жители. Даже известная только со слов старших родственников устная история села и региона прерывается на 20–30-х гг. ХХ в. и почти не затрагивает один из ключевых для нас моментов — сербскоболгарских вооруженных конфликтов и установления новой границы между двумя балканскими государствами. Частичным преодолением этого недостатка могло бы стать проведение интервью с местными историкамилюбителями и краеведами, однако изучение историко-политического дискурса, бытующего в Западной Болгарии в настоящее время, выходит за рамки исследования устной спонтанной речи. Другой объективной проблемой является переход абсолютного большинства местных жителей с диалекта на некую форму «регионального стандарта», а значит, невозможность извлечения исчерпывающего списка диалектных черт из нарративов, полученных с помощью вопросника.

Тем не менее к настоящему моменту, когда проект «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция» переходит с этапа аккумуляции первичных данных к стадии создания электронных корпусов и анализа первых результатов, становится очевидно, что основные его задачи могут быть успешно решены с помощью созданного нами вопросника. Нарративы носителей торлакских говоров получены в количестве, достаточном для создания диалектного корпуса. В содержательном смысле полученные данные позволяют провести анализ культурной и языковой дивергенции в приграничных регионах Сербии и Болгарии.

Литература

- 1. Watt D., Llamas C. Language, Borders and Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 272 p.
- 2. Martinez G., Fishman J. Languages and borders: international perspectives. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. 224 p.
- 3. *Jańczak B*. German-Polish Border: Language Contact and Language Use on the Example of Forms of Address of Polish Vendors from Słubice Bazaar // D. Rellstab & N. Siponkoski (toim.) Rajojen dynamiikkaa, Gränsernas dynamik, Borders under Negotiation, Grenzen und ihre Dynamik. VAKKI-symposiumi XXXV 12–13.2.2015. VAKKI Publications 4. Vaasa. 2015. P. 117–126.
- 4. Стародубец С.Н., Пустовойтова В.Н. (ред.) Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: науч. докл. Междунар. форума русистов, 24–26 мая 2018 г. Брянск; Новозыбков; Гомель: Аверс, 2018. С. 40–46.
- 5. *Hawkey J.W.* The border as a site of sociolinguistic inquiry: Findings from Northern Catalonia // K. Horner, J. Dailey-O'Cain (eds.). Multilingualism and (im)mobilities: Language, Power, Agency. Bristol: Multilingual Matters, 2019. P. 19–38.
- 6. *Palliwoda N., Sauer V., Sauermilch S.* Politische Grenzen Sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum (Linguistik Impulse & Tendenzen, Band 83). Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. 269 s.
- 7. *Burkhart D.* Kulturraum Balkan: Studien Zur Volkskunde und Literatur Sudosteuropas. Berlin; Hamburg: Reimer, 1989. 327 s.
- 8. Schubert G. Volkskulturen / Alltagskulturen des Balkans // Књижевна историја. 2013. № 149. С. 213–239.
- 9. *Himstedt-Vaid P., Hinrichs U., Kahl Th.* (Hrsg.) Handbuch Balkan: Studienausgabe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014.
- 10. *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Савицкий П.Н. (ред.) Евразийский временник. 1923. Т. 3. URL: http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm
- 11. Sandfeld K. Linguistique balkanique, problèmes et résultats. Paris : Champion, 1930. 246 p.
  - 12. Асенова П. Балканско езикознание. Велико Търново : Фабер, 2002. 375 с.
- 13. *Малый* диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1: Лексика духовной культуры; Категории имени существительного / ред.А.Н. Соболев. Munich: Verlag, Otto Sagner, 2005. 432 с.
- 14. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М. : Индрик, 2004. 767 с.
  - 15. TraCeBa (2019). URL: https://traceba.net
- 16. *Тасић М., Здравковић Д., Крстић Д.* (прир.) Људи из пограничја говоре. Врање : Учитељски факултет, 2014. 377 с.
- 17. Крстић Д. Тимочко село: стање, проблеми, потенцијали. Ниш: Машински факултет Универзитета у Нишу, Нови Сад: Прометеј, Зајечар: Народни музеј, 2017. 203 с.
- 18. Тодоровић Д. Пирот: живети у пограничју. Ниш: Машински факултет Универзитета у Нишу и ЈУНИР; Нови Сад: Прометеј, 2017. 216 с.
- 19. *Горуновић Г*. Стакевци планинско село у пограничној зони: социо-културно стање села у процесу транзиције // Гласник Етнографског музеја. 2006. № 70. С. 195–214.
- 20. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика : Увод и штокавско наречје. Нови Сад : Матица српска, 1956. 218 с.
- 21. Стойков С. Българска диалектология. Доп. изд. / под ред. на М. Младенов. София : БАН, 1993. 425 с.
- 22. Sobolev A.N. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 3: Texte. Marburg: Biblion Verlag, 1998. 328 s.

- 23. *Общеславянский* лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи / отв. ред. Т.И. Вендина. М.: Нестор; СПб.: История, 2015. 276 с.
- 24. Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 1996. 72 с.
- 25. Конер Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С 17–33
- 26. Сикимий Б. Тимски теренски рад Балканолошког института САНУ. Развој истраживачких циљева и метода // Ивановић-Баришић М. (ур.) Теренска истраживања поетика сусрета. Београд: Етнографски институт САНУ, 2012. С. 167–198.
- 27. *Тирковић С.* Улога истраживача у креирању корпуса конверзационих наратива // Филолог. 2015. № 11. С. 267–280.
- 28. Fritz I., Milburn E., Vulchanov V., Vulchanova M. Language and perception: introduction to the special issue "Speakers and listeners in the visual world" // Journal of Cultural Cognitive Science. 2019. № 3. P. 103–112.

Creating a Questionnaire for a Field Study of Divergence and Convergence of Traditions in the Central Balkans: Methodological Issues and First Outcomes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 109–126. DOI: 10.17223/19986645/65/7

Daria V. Konior, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dsuetina@yandex.ru

Anastasia L. Makarova, University of Zurich (Zurich, Switzerland), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: abeatina@rambler.ru

Svetlana Ćirković, Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia). E-mail: svetlana.cirkovic@bi.sanu.ac.rs

Keywords: field research methodology, Torlak dialects, linguistic questionnaires, dialect corpora, Western Bulgarian dialects.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-512-76002 ERA a.

This article analyses the methodological aspect of creating and using a linguistic and anthropological questionnaire, which is to serve as an effective tool for the parallel solution of several multidirectional tasks in the framework of the international research project "(Dis-)entangling Traditions on the Central Balkans: Performance and Perception" (TraCeBa). The introduction describes the main objectives of this project, which are: (1) creation of an electronic corpus of dialect speech containing the narratives written down in the Torlak (East Serbian and West Bulgarian) dialects separated by the state border; (2) analysis and prediction of cultural and linguistic divergence in the region, taking into account the influence of natural, political and cultural borders on genetically unified Western Bulgarian and Eastern Serbian dialects, as well as on the native speakers' perception of their language; (3) creation of tools for quantitative processing (morphological analysis, annotation) of the Southern Slavic dialect speech. In the main part of the article, the questionnaire is presented in several versions, including or excluding such modules as: a test for identifying dialect competencies of a speaker; thematic blocks (main questionnaire); an extended (ethnolinguistic) version of the questionnaire. Substantially, thematic blocks overlap with the latter, but only in the part that correlates with the formal theoretical framework of the TraCeBa project. Unlike the extended version, the main questionnaire does not cover the entire spectrum of the studied communities' anthropological reality. There are also structural differences: in the thematic blocks, the way of presenting information differs from a simple list of questions and matches more precisely the format of a semi-structured interview, during which sensitive (or even problematic) topics can be discussed. In conclusion, the advantages and disadvantages of the created fieldwork tool are described, taking into account the experience of applying it during expeditions to Western Bulgaria in 2018–2019. Among the advantages, there are: high applicability in the modern-day situation, as it does not necessarily require deep and detailed knowledge in the field of traditional culture from interviewees (in comparison with classical ethnolinguistic questionnaires), as well as the ability to effectively work with a limited amount of informants who still actively speak the dialect. On the other hand, a certain detachment of the local history part of the questionnaire from the real people's knowledge should be mentioned. Even the oldest community members' memory interrupts on the 1920s–1930s, without getting closer to an important aspect of the project, i.e. the Serbian-Bulgarian armed conflicts and the establishment of a new border between the two Balkan states. All considered, the experience of using the questionnaire showed that multiple tasks can be successfully fulfilled with the help of the created fieldwork tool.

References

- 1. Watt, D. & Llamas, C. (2014) *Language, Borders and Identity*. Edinburgh University Press.
- 2. Martinez, G. & Fishman, J. (2014) *Languages and borders: international perspectives*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- 3. Jańczak, B. (2015) German-Polish Border: Language Contact and Language Use on the Example of Forms of Address of Polish Vendors from Słubice Bazaar. In: Rellstab, D. & Siponkoski, N. (toim.) *Rajojen dynamiikkaa, Gränsernas dynamik, Borders under Negotiation, Grenzen und ihre Dynamik.* VAKKI-symposiumi XXXV 12–13.2.2015. VAKKI Publications 4. Vaasa. pp. 117–126.
- 4. Starodubets, S.N. & Pustovoytova, V.N. (eds) (2018) *Kommunikativnye pozitsii russkogo yazyka v slavyanskom pogranich'e: dvuyazychie i mezh''yazykovaya interferentsiya* [The communicative position of the Russian language in the Slavic borderland: bilingualism and interlanguage interference]. Proceedings of the International Forum on Russian Studies. 24–26 May 2018. Bryansk; Novozybkov; Gomel': Avers. pp. 40–46. (In Russian).
- 5. Hawkey, J.W. (2019) The border as a site of sociolinguistic inquiry: Findings from Northern Catalonia. In: Horner, K. & Dailey-O'Cain, J. (eds) *Multilingualism and (im)mobilities: Language, Power, Agency*. Bristol: Multilingual Matters. pp. 19–38.
- 6. Palliwoda, N., Sauer, V. & Sauermilch, S. (2019) *Politische Grenzen Sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum* (Linguistik Impulse & Tendenzen, Band 83). Berlin; Boston: De Gruyter.
- 7. Burkhart, D. (1989) Kulturraum Balkan: Studien Zur Volkskunde und Literatur Sudosteuropas. Berlin; Hamburg: Reimer.
- 8. Schubert, G. (2013) Volkskulturen/Alltagskulturen des Balkans. *Књіzhevna istorija*. 149. pp. 213–239.
- 9. Himstedt-Vaid, P., Hinrichs, U. & Kahl, Th. (eds) (2014) *Handbuch Balkan: Studienausgabe*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- 10. Trubetskoy, N.S. (1923) Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov [The Tower of Babel and the mixing of languages]. In: Savitskiy, P.N. (red.) *Evraziyskiy vremennik* [Eurasian Chronicle]. Vol. 3. [Online] Available from: http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm.
  - 11. Sandfeld, K. (1930) Linguistique balkanique, problèmes et résultats. Paris: Champion.
  - 12. Asenova, P. (2002) Balkansko ezikoznanie [Balkan linguistics]. Veliko Tarnovo: Faber.
- 13. Sobolev, A.N. (ed.) (2005) *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya* [Minor dialectological atlas of the Balkan languages. The lexical series]. Vol. 1. Munich: Verlag, Otto Sagner.

- 14. Plotnikova, A.A. (2004) *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii* [Ethnolinguistic geography of South Slavia]. Moscow: Indrik.
  - 15. TraCeBa. (2019). [Online] Available from: https://traceba.net.
- 16. Tasić, M., Zdravković, D. & Krstić, D. (prir.) (2014) *Ljudi iz pograničja govore*. Vranje: Učiteljski fakultet.
- 17. Krstić, D. (2017) *Timočko selo: stanje, problemi, potencjali*. Niš: Mašinski fakultet Univerziteta u Nišu, Novi Sad: Prometej, Zaječar: Narodni muzej.
- 18. Todorović, D. (2017) *Pirot: živeti u pograničju*. Niš: Mašinski fakultet Univerziteta u Nišu i JUNIR; Novi Sad: Prometej.
- 19. Gorunović, G. (2006) Stakevci planinsko selo u pograničnoj zoni: socio-kulturno stanje sela u procesu tranzicije. *Glasnik Etnografskog muzeja*. 70. pp. 195–214.
- 20. Ivić, P. (1956) Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod u štokavsko narečje. Novi Sad: Matica srpska.
- 21. Stoykov, S. (1993) *Bylgarska dialektologiya* [Bulgarian dialectology]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.
- 22. Sobolev, A.N. (1998) Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 3. Marburg: Biblion Verlag.
- 23. Vendin, T.I. (ed.) (2015) Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksikoslovoobrazovatel'naya [Pan-Slavic linguistic atlas. The lexical and word-building series]. Vol. 10. Moscow: Nestor; Saint Petersburg: Istoriya.
- 24. Plotnikova, A.A. (1996) *Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan Slavic area]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
- 25. Koner, D.V., Makarova, A.L. & Sobolev, A.N. (2019) Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect from Berčinovac, Eastern Serbia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 58. pp. 17–33. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/58/2
- 26. Sikimić, B. (2012) Timski terenski rad Balkanološkog instituta SANU. Razvoj istraživačkih ciljeva i metoda. In: Ivanović-Barišić, M. (ur.) *Terenska istraživanja poetika susreta*. Beograd: Etnografski institut SANU. pp. 167–198.
- 27. Ćirković, S. (2015) Uloga istraživača u kreiranju korpusa konverzacionih narativa. *Filolog*. XI. pp. 267–280.
- 28. Fritz, I., Milburn, E., Vulchanov, V. & Vulchanova, M. (2019) Language and perception: introduction to the special issue "Speakers and listeners in the visual world". *Journal of Cultural Cognitive Science*. 3. pp. 103–112.

УДК 81-23 003.034

DOI: 10.17223/19986645/65/8

А. Соколова

ПЕРЕДАЧА РУССКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Поднимается вопрос о функционировании русских имен и фамилий в чешском языке, анализируются языковые нормы, в соответствии с которыми в чешских текстах встречаются разные варианты имени, например: Евгений Воробьев / Jevgenij Vorobjov / Yevgeny Vorobyov / Evgenii Vorobev / Jevgenij Vorob'jev. В отдельном разделе статьи анализируются юридические нормы Чешской Республики, регулирующие функционирование иностранных имен и фамилий, приводятся примеры из Чешского национального корпуса.

Ключевые слова: *транскрипция, транслитерация, практическая транскрипция, языковые нормы, юридические нормы.*

Постановка проблемы. О способах передачи русских антропонимов при помощи букв латинского алфавита написан ряд научных работ, например [1–6], также вопросы транслитерации русских антропонимов поднимаются в государственных нормах и стандартах [7–9], относящихся к сфере международных контактов. Особого внимания в ряду вышеперечисленных исследований, норм и стандартов заслуживают поздние работы Л.В. Щербы, в которых отмечается, что разнобой в фамилиях и именах является недопустимым и мешает международному общению [1, 2]. В статье 1940 г. приводится сравнительная таблица транслитерации русских антропонимов и географических названий согласно норме Академии наук (1906—1925 гг.), Географического общества (1911 г.), Наркомата связи, Внешторга и Всесоюзного комитета стандартизации ОСТ 8483 (1935 г.), на основе которых отдельные буквы русского алфавита транслитерируются диаметрально противоположным способом, например $w - \tilde{s}$, sh, ch, $w - \tilde{s}\tilde{c}$, stsh, sch [1, C. 120].

В контексте современных миграционных процессов передача русских имен и фамилий при помощи букв латинского алфавита является актуальной: с одной стороны, в нормативных актах решаются вопросы транслитерации при помощи букв английского алфавита (например, для заграничных паспортов), см. [8, 9], с другой – решаются вопросы передачи русских имен и фамилий на славянские языки, пользующиеся латиницей (напр. для оформления вида на жительство либо для перевода метрических документов). Данная статья обозначит проблематику передачи русских имен и фамилий на чешский язык и продемонстрирует функционирование транслитерированных вариантов в чешских текстах.

Русские имена и фамилии в чешском тексте: дискуссии чешских **лингвистов.** С конца 40-х гг. XX в. чешские ученые ведут активную полемику, касающуюся транслитерации и / либо транскрипции (практической транскрипции) русских имен и фамилий при помощи букв чешского алфавита. В 1949 г. в журнале Академии наук «Наша речь» (Naše řeč) выходит статья Б. Гавранека «Написание русских имен в чешском языке». где различается транслитерация для научных целей и транслитерация для культурного и повседневного общения (например в СМИ). Главным примечанием Б. Гавранека является то, что в общем контексте, не касающемся фонетики либо произносительных норм русского языка, невозможно передать правильное и точное произношение русских имен и фамилий, а скорее - можно получить соответствующее чешское произношение русских имен и фамилий, сохранив при этом чешское соотношение между графикой и фонетикой 1. Далее в статье Б. Гавранек определяет транслитерацию как переписывание букв русского алфавита буквами чешского алфавита с добавлением знака мягкости для обозначения буквы ь (мягкий знак), в качестве примеров приводятся следующие: Gogol' (Гоголь), Prokof jev (Прокофьев). Транслитерацию буквы е предлагается проводить двумя способами: Jelkin / Jelkin (Ёлкин), Fedorov / Fedorov (Фёдоров), однако далее в самой статье подобные имена транслитерируются иначе:

Прокофьев – Prokofjev, Prokofěv, Prokof jev Воробьев – Vorobjev, Vorobjev, Voroběv Потебня – Potěbňa, Potěbnja Батюшков – Baťuškov, Batjuškov Федоров – Fedorov, Fjodorov, Fedorov

В 1951 г. в этом же журнале выходят две статьи ведущих чешских ученых — Б. Илека «О переводе русских имен собственных на чешский язык» и М. Ромпортла «Произношение русских имен собственных в чешском языке». Б. Илек обращает внимание на русские женские фамилии на -ова/ева, а также на фамилии на -ая, которые предлагает транслитерировать двумя способами: наиболее точным и по-чешски (т.е. в соответствии с правилами чешской грамматики) — Somova / Somovová, Tolstaja / Tolstá, Makarenko / Makarenková. У женских фамилий, оканчивающихся на согласный, предлагается только чешский вариант транслитерации, например: Naděžda Klemmová [11, онлайн]. М. Ромпортл, будучи фонетистом, обращает внимание прежде всего на произношение русских женских фамилий типа Корабельникова: [karabjelňiková] либо [karabelňiková], т.е. поднимает вопрос о редукции русских безударных гласных, которая в то время (в 50-е гг. XX в.) отражалась при произношении русских фамилий в чешском языке [12].

¹ «Obecně zde platí totéž, co platí vůbec pro výslovnost nečeských slov, – pokud vcházejí v běžné české vyjadřování a nejde o pouhé citáty, – že je totiž vyslovujeme s českým přízvukem a intonací a pomocí těch hlásek, které čeština má; na př. nevyslovujeme francouzské ani polské nosovky <...>» [10].

Необходимо обратить внимание на формант -ová в чешских женских фамилиях. Согласно грамматике чешского языка при помощи форманта -ová образуются женские фамилии от мужских¹: Novák — Nováková, Smetana — Smetanová, Očko — Očková, Kaše — Kašová, Dítě — Dítětová. Фамилии на -ová однозначно определяют носительницу как лицо женского пола и, соответственно, женского рода, а также помогают склонять эти фамилии, относя их к определенному типу склонения: Nováková, (bez) Novákové, (k) Novákové, (vidím) Novákovou, (s) Novákovou, (o) Novákové [13, онлайн]. Формант -ová присоединяется и к иностранным фамилиям, включая женские фамилии на -osa/-esa славянского происхождения, а также фамилии, оканчивающиеся на гласный (например Ву, Ли); ниже приведем примеры из корпуса syn2015² в рамках Чешского национального корпуса:

- Provozovatelka školky **Wuová** (s vrahem není příbuzná) si od něho prostory na periferii Chang-čung pronajala, ale načerno, bez souhlasu úřadů (Týden, 20/2010).
- Tenistka Lucie Šafářová vstoupila suverénně do French Open, s Běloruskou Anastasií **Jakimovovou** ztratila jen dva gamy a po výhře 6:2, 6:0 je ve druhém kole. V něm se mohla utkat s Evou **Birnerovou**, jenže ta prohrála třísetovou bitvu se Španělkou Maríou José **Martínezovou** poměrem 6:8 v rozhodující sadě (Deníky Bohemia, 28.05.2012).
- Bylo to její nejhorší umístění v sezoně, v průběžném pořadí klesla ze šestého na osmé místo. Druhá za **Bergerovou**, která z dvaceti terčů minula jen jeden, skončila Běloruska Darja **Domračevová**. Třetí byla Ruska Olga **Zajcevová** (Deníky Moravia, 14.01.2013).
- Mezi nimi je například litevská prezidentka **Dalia Grybauskaitéová** nebo dánská premiérka **Helle Thorningová-Schmidtová** (Evropské noviny, 6/2014)³.

В новейших чешских исследованиях однозначно различаются термины mpanckpunuus и mpanckpunuus: mpanckpunuus определяется как перевод звуков, т.е. правильного произношения в конкретном языке, в оптически воспринимаемые знаки ^{4} , а mpancnumepauus — как перевод одной графиче-

¹ Чешский термин – přechylování.

² Здесь и далее примеры на чешском языке будут приводиться из корпусов серии SYN, содержащей беллетристические, специальные и публицистические тексты 2000–2017 гг., подр. см. [14, 15].

³ Как видно в последнем примере, образование наименований лиц женского пола/рода от лиц мужского пола/рода в чешском языке последовательно, поэтому грамматически и стилистически правильными являются образования типа prezidentka, premiérka, продолжим далее – docentka, profesorka, doktorka, děkanka, подр. см. [16, 17]. В новейших исследованиях на русском языке появляются термины феминитивы/феминативы, однако в лингвистических словарях данные термины пока не фиксируются, см. [18].

⁴ В отдельных исследованиях появляется термин *транскрипционные системы* (transkripční systémy), понимаемый как набор графических знаков для прямой и непосредственной передачи звуковой формы языка. В качестве примеров приводятся фонологическая и фонетическая транскрипции, основанные на знаках Международного фонетического алфавита (International Phonetic Alphabet) [19. S. 35–37].

ской системы в другую, без учета правильного произношения в языкеоригинале [20. S. 19–26; 21. S. 23]. М. Некула и М. Крчмова делают примечание о том, что в научных текстах (например, в библиографии) для кириллических алфавитов необходимо использовать транслитерацию, правила которой устанавливает чешская норма ČSN ISO 9 (010185) «Транслитерация кириллицы латиницей — славянские и неславянские языки», действующая с 2002 г. и касающаяся всех слов русского языка [22, 23]. Ниже приведем примеры транслитерации слов 1 согласно чешской норме ČSN ISO 9 (010185), имена / фамилии дополнены нами:

Таблица 1 Чешская норма ČSN ISO 9 (010185) Transliterace cyrilice do latinky – slovanské a neslovanské jazyky

Кириллица	Латиница	Пример	Кириллица	Латиница	Пример
A, a	A, a	adres, Adresov	P, p	R, r	ryba, Rybin
Б, б	B, b	baba, Boris	C, c	S, s	sestra, Sergej
В, в	V, v	vy, Viktor	Т, т	T, t	tovariŝ, Temnikov
Г, г	G, g	golova, Golovin	У, у	U, u	utro, Utkin
Д, д	D, d	da, Dar'â	Ф, ф	F, f	fizika, Fokin
E, e	E, e	eda, Epančin	X, x	H, h	himičeskij, Oholuev
E, e	E, e	elka, Fedor	Ц, ц	C, c	central'nyj, Cvetkov
Ж, ж	Ž, ž	žurnal, Žirnyj	Ч, ч	Č, č	časy, Čaŝin
3, 3	Z, z	zvezda, Zolin	Ш, ш	Š, š	škola, Ševelev
И, и	I, i	kniga, Irina	Щ, щ	Ŝ, ŝ	ŝit, Ŝukin
Й, й	J, j	pervyj, Tolstoj	Ъ	"	ob"âvlenie, Pod"emov
К, к	K, k	kak, Kudrin	Ы, ы	Y, y	byl, Krymskij
Л, л	L, 1	lipa, Lûbov'	Ь	,	al'bom, Kon'kov
М, м	M, m	muž, Maša	Э, э	È, è	èto, Èkranov
Н, н	N, n	nižnij, Nina	Ю, ю	Û, û	ûžnyj, Ûrij
O, o	О, о	obŝestvo, Ol'ga	Я, я	Â, â	âma, Âblokov
П, п	P, p	para, Pavel			

 $^{^1}$ Примеры транслитерации взяты с сайта кафедры славистики философского факультета Остравского университета: https://ff.osu.cz/ksl/4667/transliterace-azbuky-podle-csn-iso-9/.

Правила транскрипции (переписывания)¹, используемые, например, в СМИ, установлены в «Правилах чешской орфографии» (PČP – Pravidla českého pravopisu) [24. S. 77–79]:

Таблица 2 Буквы русского алфавита, которые всегда транскрибируются одинаково [24. S. 77]

A = a	K = k	C = s
P = P	$\Pi = 1$	T = t
B = v	M = m	y = u
Д = d	H = n	$\Phi = f$
Ж=ž	O = 0	Ц = с
3 = z	$\Pi = p$	$\mathbf{q} = \mathbf{\check{c}}$
M = i	P = r	Щ = š

Таблица3 Транскрипция букв русского алфавита, у которых наблюдается вариативность в зависимости от позиции в слове² [24. S. 77–79]

Буква русско-	Транскрипция	Примеры	Примеры тран-
го алфавита	т ранскрипция	Примеры	скрипции
	је (в начале слова, после гласных,	Есенин	Jesenin
	после букв b , b)	Вересаев	Veresajev
		Арсеньев	Arseňjev
e	$\check{e}$ (после ∂ , m , μ)	Державин	Děržavin
		Рождественский	Rožděstvenskij
		Теплов	Těplov
		Тургенев	Turgeněv
		Венера	Veněra
	<i>jo</i> (во всех случаях, кроме позиции	Королев	Koroljov
e	после ∂ , m , μ , $\mathcal{H}$, $\mathcal{H}$, $\mathcal{H}$, $\mathcal{H}$, $\mathcal{H}$)	Семенов	Semjonov
	после о, т, н, ж, ш, ч, щ)	Федоров	Fjodorov
де, те, не	ďo, ťo, ňo	Буденный	Buďonnyj
ое, те, не	u 0, 10, 110	Теркин	Ťorkin
2100 1110 110 1110	řa ča ža čás	Лихачев	Lichačov
же, ше, че, ще	20, 80, 60, 860	Щеголев	Ščogolev
Э	e	Эренбург	Erenburg
11	і (во всех случаях; только после	Иоффа	Ioffe
и	буквы $b - ji$	Иоффе	10110
ъ	не транскрибируется	Подъемов ³	Podjomov

¹ В «Правилах чешской орфографии» используется термин transkripce.

² Такую систему транскрипции русских слов предлагает использовать в качестве основной Палата судебных переводчиков Чешской Республики (Komora soudních tlumočníků a překladatelů ČR): http://www.kstcr.cz/cz. Согласно данным правилам переводятся официальные документы (например, свидетельства о рождении / браке, справки об отсутствии судимости, паспортные данные), которые далее передаются в чешские метрические учреждения и вводятся в государственные информационные системы.

 $^{^{3}}$ Пример наш. – A.C.

Буква русско- го алфавита	Транскрипция	Примеры	Примеры тран- скрипции
	транскрибируется только после букв	Горький	Gorkij
ь	д, m, н	Кольцов	Kolcov
		Аркадьев	Arkaďjev
дь, ть, нь	ď, ť, ň	Третьяков	Treťjakov
		Арсеньев	Arseňjev
ы	y	Быков	Bykov
Ю, Я	ји, ја (во всех случаях, кроме пози-	Юрий	Jurij
	ции после ∂ , m , μ)	Любовь	Ljubov
		Яковлев	Jakovlev
		Маяковский	Majakovskij
		Ляпунов	Ljapunov
дю, тю, ню	ďu, ťu, ňu	Дюр	Ďur
		Тютчев	Ťutčev
		Нюра	Ňura
		Володя	Voloďa
3	ďa, ťa, ňa	Тябликов	Ťablikov
дя, тя, ня	aa, ta, na	Ваня	Vaňa (Váňa)
		Зализняк	Zalizňak
г	g	Гайдар	Gajdar
х	ch	Шолохов	Šolochov
щ	šč	Щерба	Ščerba
кс	х (в словах греческого либо запад-	Александр(ов)	Alexandr(ov)
	ноевропейского происхождения)	Алексей	Alexej
	ks (в других случаях)	Аксаков	Aksakov

Ниже приведем сравнительную таблицу русских имен и фамилий, отображающую несоответствие между двумя нормами – нормой ČSN ISO 9 (010185), используемой для научных целей, и нормой, установленной в «Правилах чешской орфографии», используемой в повседневном общении.

Таблица 4 Примеры транслитерации и транскрипции русских имен и фамилий на чешский язык [22. S. 669]

Русский вариант	Транслитерация по ČSN ISO 9 (010185)	Транскрипция по РČР 2005
Белинский	Belinskij	Bělinskij
Тургенев	Turgenev	Turgeněv
Тютчев	Tjutčev	Ťutčev
Федор	Fedor	Fjodor
Горький	Gor'kij	Gorkij
Алексей	Aleksej	Alexej

Транскрипция в соответствии с «Правилами чешской орфографии» используется в публицистических текстах довольно последовательно:

- Tvrdí, že nestabilita by mohla dosáhnout stejné úrovně jako v roce 1996, kdy **Boris Jelcin** v boji o Kreml těsně porazil lídra komunistů **Gennadije Zjuganova** a nikdo nevěděl, co přesně bude (Hospodářské noviny. 27.12.2011).
- Do KHL totiž míří z Ameriky superhvězdy NHL Alexandr Ovečkin, který bude hrát za Dynamo¹ Moskva, Jevgenij Malkin, posila Magnitogorsku, a Ilja Kovalčuk <...> (Hospodářské noviny. 21.09.2012).
- Stejně jako na ulici těžko přehlédněte **Jurije**, odlišuje se od šedého brněnského davu i studentka psychologie **Julija** (Reflex, 21/2014).
- Rekonvalescenci po vesmírném letu v hotelu Schlosspark v roce 2011 absolvoval kosmonaut Fjodor Jurčichin, loni Sergej Volkov, Anton Škaplerov, Anatolij Ivanišin a Jurij Malenčenko, letos se v něm zotavovali Jevgenij Tarelkin, Oleg Novickij a Alexandr Misurkin (Deníky Bohemia. 27.12.2013).

Помимо двух приведенных выше норм в Чехии существует также норма, установленная Национальной библиотекой и предназначенная для каталогизации и записи библиографических данных², которой пользуются, например, издатели научных журналов. В Институте славистики философского факультета Университета им. Масарика был создан онлайнтранслитератор, основанный на данной норме (рис. 1). Ниже представим сравнительную таблицу трех норм, касающихся транслитерации русских имен и фамилий на чешский язык:

Русский вариант	Транслитерация по ČSN ISO 9 (010185)	Транскрипция по РČР 2005	Транскрипция по нормам Национальной библиотеки Чехии
Белинский	Belinskij	Bělinskij	Belinskij
Тургенев	Turgenev	Turgeněv	Turgenev
Тютчев	Tjutčev	Ťutčev	Tjutčev
Федор	Fedor	Fjodor	Fedor
Горький	Gor'kij	Gorkij	Gor'kij
Алексей	Aleksej	Alexej	Aleksej
Любовь	Lûbov'	Ljubov	Ljubov'
Подъемов	Pod"emov	Podjomov	Pod"jemov
Анастасия	Anastasiâ	Anastasija	Anastasija

Чешская исследовательница С. Шпачкова уточняет, что система, предложенная в «Правилах чешской орфографии», является *практической транскрипцией*, при которой для записи звуковой формы переписываемого слова (слова исходного языка) используется только набор знаков (алфавит) того языка, на который слово переписывается (целевого языка), отсут-

² Полную таблицу всех знаков и их транслитерации на чешский язык можно найти здесь: https://www.nkp.cz/o-knihovne/odborne-cinnosti/zpracovani-fondu/transliterace-nelatinkovych-pisem/cyrilice.

¹ Имена и фамилии российских спортсменов в данном примере представлены в соответствии с «Правилами чешской орфографии», однако название спортивного клуба *«Динамо»* написано по-чешски, т.е. *Dynamo*, вместо транскрипции *Dinamo*.

ствующие знаки заменяются диграфами, а из диакритических знаков используются только те, которые есть в целевом языке [25. S. 37].

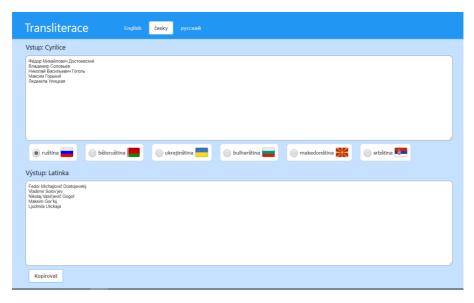

Рис. 1. Онлайн-транслитератор со славянских языков, использующих кириллицу, на чешский язык (согласно норме Национальной библиотеки Чехии)¹

Далее С. Шпачкова указывает, что в случае антропонимов наиболее приемлемой является именно практическая транскрипция, и приводит сравнительную таблицу практической транскрипции русских имен и фамилий при помощи букв чешского и английского алфавита [25. S. 107, 191–194]².

Пример на русском языке	Передача на чешский язык	Передача на английский язык
Евгений Гайдар	Jevgenij Gajdar	Yevgeny Gaidar
Сережа Шереметьев	Serjoža Šeremeť jev	Seryozha Sheremetyev
Оксана Королева	Oxana Koroljova/Koroljovová	Oksana Korolyova
Людмила Лихачева	Ljudmila Lichačova/Lichačovová	Lyudmila Likhacheva

¹ Онлайн-транслитератор находится в открытом доступе здесь: https://translit.slavis-tika.phil.muni.cz/.

² В оригинальной таблице кроме имен и фамилий приводятся также географические названия и нарицательные существительные, в статье мы представим только некоторые примеры транскрипции русских имен и фамилий. При передаче на английский язык С. Шпачкова опирается на Таблицы практической транскрипции с русского языка на английский Д. Ермоловича, подр. см. [4, 5].

Стоит отметить, что в источниках, написанных на русском языке, термины транскрипция, практическая транскрипция и транслитерация разграничиваются довольно четко. Так, Р.С. Гиляревский и Б.А. Старостин определяют транскрипцию как лингвистический термин, применяемый для передачи правильного произношения слов данного языка при помощи знаков, отличающихся от букв алфавита данного языка, практической транскрипцией авторы называют средство включения слов одного языка в текст другого с приблизительным сохранением облика этих слов, транслитерацию авторы определяют как передачу знаков одной письменности при помощи знаков другой письменности, причем в транслитерации, в отличие от практической транскрипции, можно использовать дополнительные знаки [3. S. 13–18]¹. Ср. со статьей в «Большой российской энциклопедии», где указывается, что транскрипция может быть научной, используемой в лингвистических исследованиях сегментных и супрасегментных элементов, и практической, осуществляемой на базе алфавита данного языка без использования дополнительных знаков, причем при практической транскрипции может фиксироваться неправильное или необычное для данного языка сочетание графем, в качестве примера приводится слово жюри, где графическое сочетание шипящий + ю является для русского языка неправильным. Далее отмечается, что практическая транскрипция используется при передаче собственных имен и терминов [24].

Транслитерация / транскрипция русских имен и фамилий: правовые нормы Российской Федерации.

Основными правовыми актами, в которых поднимаются вопросы транслитерации / транскрипции русских имен и фамилий, являются следующие:

- Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее ФЗ № 114)².
- Приказ МИД России от 29 марта 2016 г. № 4271 «Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспорта, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» (далее Приказ № 4271).

Согласно ФЗ № 114 (гл. 2, ст. 7) основными документами, удостоверяющими личность гражданина РФ, на основании которых граждане РФ осуществляют выезд из РФ либо въезд в РФ, являются паспорт, дипломатический паспорт и служебный паспорт. Состав, последовательность и

¹ В справочнике Р.С. Гиляревский и Б.А. Старостин также приводят примеры практической транскрипции имен и фамилий с чешского языка на русский [3. S. 263–269], которые в данной статье мы не будем рассматривать, так как нас интересует обратный процесс – передача русских имен и фамилий при помощи букв чешского алфавита.

² Последние изменения и дополнения от 19 февраля 2018 г.

сроки выполнения административных процедур государственной услуги по оформлению и выдаче паспорта устанавливает Приказ № 4271. Приложение № 7 Приказа № 4271 содержит транслитерацию кириллических знаков, рекомендуемую для использования в паспортах с машиносчитываемыми данными, которая, в свою очередь, основана на стандарте, утвержденном Международной организацией гражданской авиации [7. С. 32–34]¹:

A = A	K = K	$\Phi = F$
P = B	$\Pi = L$	X = KH
B = V	M = M	$\coprod = TS$
$\Gamma = G$	H = N	$\mathbf{H} = \mathbf{C}\mathbf{H}$
Д = D	O = O	III = SH
E = E	$\Pi = P$	Щ = SHCH
E = E	P = R	Ы = Ү
$\mathcal{H} = \mathcal{I}\mathcal{H}$	C = S	P = IE
3 = Z	T = T	$\Theta = E$
M = I	y = U	$\mathbf{HO} = \mathbf{IU}$
Й = I		AI = IA

Данная норма транслитерации русских имен и фамилий на английский язык предлагает одинаковый знак для букв е, е, э, не различает буквы и, й, а также выпускает при транслитерации букву ь, т.е. можем предполагать формы Ilia Eltsov (Илья Ельцов), Igor Konkov (Игорь Коньков), Daria Gus (Дарья Гусь), Natalia Remen (Наталья Ремень), Elena Eliashevich (Елена Эльяшевич), Ilia Podieemov (Илья Подъемов), Iuliia Zavgorodniaia (Юлия Завгородняя), Nikolai Zhirmunskii (Николай Жирмунский), Iurii Astafev (Юрий Астафьев), Fedor Boiarskii (Федор Боярский).

Помимо нормы ИКАО на территории России действует норма ГОСТ 7.79.2000 «Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом» [24], где ГОСТ А полностью соответствует международной норме ISO 9 (см. примеры в табл. 1) и разрешает транслитерацию с использованием диакритики, а ГОСТ Б устанавливает другие правила транслитерации, предполагающие использование букв и буквенных сочетаний²:

Русский вариант	ГОСТ А	ГОСТ Б
Федор Боярский	Fedor Boârskij	Fyodor Boyarskij
Илья Ельцов	Il'â El'cov	Ilya Elcov
Юрий Подъемов	Ûrij Pod"emov	Yurij Podyomov
Юлия Завгородняя	Ûliâ Zavgorodnââ	Yuliya Zavgorodnyaya
Дарья Гусь	Dar'â Gus'	Darya Gus
Артем Щукин	Artem Ŝukin	Artyom Shhukin

1 января 2015 г. вступил в силу новый ГОСТ 7.0.34-2014 «Правила упрощенной транслитерации русского письма латинским алфавитом», где

¹ В таблице приводятся знаки русского алфавита, т.е. другие алфавиты, основанные на кириллице, например украинский, сербский, в данной таблице (как и статье в целом) не рассматриваются.

² Примеры наши. – A.C.

четко разграничиваются термины *строгая*, *расширенная*, *ослабленная*, *упрощенная транслитерация*, а также *практическая транскрипция* [9]¹. Приведем несколько примеров: упрощенная транслитерация — *Chajkovskij*, *Yolkin*, *Novyj*, допустимая практическая транскрипция — *Chaikovskii* / *Chaykovskiy*, *Jolkin*, *Novyi/Novyy*.

Транслитерация / транскрипция русских имен и фамилий: правовые нормы Чешской Республики. Согласно закону № 326/1999 Свода законов «О пребывании иностранцев на территории ЧР»² иностранец удостоверяет свою личность на основании действующего заграничного паспорта либо заграничного паспорта, содержащего биометрические данные [27. Hlava II, § 4–5]. В соответствии с данными заграничного паспорта Отделение миграционной политики МВД Чехии вводит имя и фамилию иностранца в информационную систему иностранцев и выдает на это имя визу / разрешение на проживание.

В Постановлении Правительства Чешской Республики № 594/2006 «О переписывании знаков в такую форму, в какой они будут отображаться в информационных системах общественного управления», а также в дополнении №100/2007³ устанавливается официальная норма, касающаяся переписывания слов с кириллицы на чешскую латиницу, — эта норма идентична норме, указанной в «Правилах чешской орфографии» (см. раздел 1).

«Закон о метрике, имени и фамилии» № 301/2000 Свода законов⁵ устанавливает форму имени и фамилии, которые могут быть указаны в метрических документах (например, в свидетельстве о рождении, свидетельстве о заключении брака, паспорте). В случае получения иностранцем чешского метрического документа (например, свидетельства о браке) во всех государственных информационных системах имя и фамилия данного иностранца будут отображаться в соответствии с «Правилами чешской орфографии» (см. выше).

Таким образом, в чешских информационных системах имя и фамилия гражданина РФ могут быть представлены минимум в двух вариантах: согласно нормам ГОСТ либо Приказу № 4271, а также в соответствии с «Правилами чешской орфографии». Ниже приведем сравнительную таблицу с примерами:

¹ О причинах разработки нормы см. статью одного из ее авторов [6].

² Zákon č. 326/1999 Sb., o pobytu cizinců na území ČR [27].

³ Nařízení vlády č. 594/2006 Sb., o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy [28]; Nařízení vlády č. 100/2007 Sb., kterým se mění nařízení vlády č. 594/2006 Sb., o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy [29]. Текст обоих постановлений доступен на сайте МВД Чехии: https://www.mvcr.cz/clanek/narizeni-vlady-c-594-2006-sb-o-prepisu-znaku-do-podoby-ve-ktere-se-zobrazuji-v-informacnich-systemech-verejne-spravy-81.aspx (дата обращения: 02.05.2019).

⁴ В тексте постановления используется только термин *přepis*, т.е. *переписывание*.

⁵ Zákon č. 301/2000 Sb., o matrikách, jménu a příjmení [30].

Русский вариант	ГОСТ 7.79-2000 (ГОСТ Б)	Транслитерация по Приказу № 4271	Практическая тран- скрипция на чеш- ский язык (PČP)
Илья Ельцов	Ilya Elcov	Ilia Eltsov	Ilja Jelcov
Игорь Коньков	Igor Konkov	Igor Konkov	Igor Koňkov
Дарья Гусь	Darya Gus	Daria Gus	Darja Gus/Gusová
Наталья Ремень	Natalya Remen	Natalia Remen	Natalja Remeň/Remeňová
Елена Эльяшевич	Elena Elyashevich	Elena Eliashevich	Jelena Eljaševič/Eljaševičová
Илья Подъемов	Ilya Podyomov	Ilia Podieemov	Ilja Podjomov
Юлия Завгородняя	Yuliya Zavgorodnyaya	Iuliia Zavgorodniaia	Julija Zavgorodňaja
Николай Жирмун- ский	Nikolaj Zhirmuskij	Nikolai Zhirmunskii	Nikolaj Žirmunskij
Юрий Астафьев	Yurij Astafev	Iurii Astafev	Jurij Astafjev
Федор Боярский	Fyodor Boyarskij	Fedor Boiarskii	Fjodor Bojarskij
Артем Щукин	Artyom Shhukin	Artem Shchukin	Art'om Ščukin
Анастасия Мещеря- кова	Anastasiya Meshheryakova	Anastasiia Meshcheriakova	Anastasija Meščerjakova/Meščerj akovová

Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» устанавливает сферы обязательного использования государственного языка РФ, куда входит написание наименований географических объектов и оформление документов, удостоверяющих личность гражданина РФ [31. Ст. 3], в первую очередь паспорт гражданина РФ и загранпаспорт гражданина РФ, являющийся основным документом, удостоверяющим личность гражданина РФ за пределами РФ¹.

¹ Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 г. № 828 (ред. от 20.11.2018 г.) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 21.12.1996 г. № 1752 «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 19.10.2005 г. № 1222 (ред. от 07.12.2016 г.) «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронные носители информации»; Указ Президента РФ от 29.12.2012 г. № 1709 (ред. от 07.12.2016 г.) «О паспорте гражданина Россий-

Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» буква e пишется, когда необходимо предупредить неверное прочтение либо понимание слова (например, узнаем - yзнаем), в малоизвестных словах (например, $Олёкма^1$), в специальных текстах, а также словарях [32. §10]. Однако на практике буквы e и e часто не различаются, поэтому в текстах (как официальных, так и повседневных) появляются варианты типа Cemuh — Cemuh, $\Phiedop$ — $\Phiedop$, в Национальном корпусе русского языка буквы e и e тоже не различаются. Приведем некоторые примеры поиска по запросам Cemuh и Apmem:

- 1) На замену **Семин** выпустил нашего голкипера Алексея Рогачева (Кубарев Б. «Балтика» без Чепеля (2004) // Калининградские Новые колеса. 2004.11.11).
- 2) Главный тренер «Локомотива» Юрий Семин в интервью «Известиям» охарактеризовала жребий как "нормальный" <...> (Дмитрий Навоша, Юрий Дудь. Команду Семина можно поздравить с выходом в Лигу чемпионов // Известия. 2002.07.26).
- 3) Чижов, начальник научной части профессор Лордкипанидзе, комиссар Семин, старишна водолазов Скворешня и, наконец, Плетнев (Григорий Адамов. Тайна двух океанов. 1939).
- 4) И если раньше подобные состязания выигрывали зарубежные спортсмены, то в этом году отличился москвич **Артем** Нестеров, который стал победителем «Рашен Оупен» (Николай Зуев. Девчонки, которых клюшки не пугают // 100% здоровья. 2002.11.11).
- 5) Да и наши завистливые комментарии: «Ох как твой **Артем** хорош!» (Наталья Радулова. Красавчик в доме // Огонек. 2015)².

В письме Министерства образования и науки РФ от 3 мая 2007 г. $\mathbb{N}^{\circ}$ АФ-159/03 отмечается, что буква e содержится в более чем 2 500 именах собственных, и использование буквы e в именах собственных является бесспорным и обязательным³, однако, как видно в примерах выше, на практике эта рекомендация не соблюдается.

ской Федерации, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащем на электронном носителе информации дополнительные биометрические персональные данные его владельца».

¹ О нормализации употребления буквы e в российских топонимах см. [33], где исследуются данные Государственного каталога географических названий, в котором встречаются разные графико-фонетические варианты названия одного и того же топонима, например: Алешиха - Алешиха, Березо́вка - Березо́вка.

 ^{2} В примерах 1, 3, 5 буквы e и e не различаются, в примерах 2, 4 в фамилии Cemun пишется буква e, однако в примере 2 в названии источника / статьи наблюдается неразличение букв e и e.

³ «Около 3% граждан Российской Федерации имеют фамилии, имена или отчества, в которых содержится буква *e*, и нередко запись в паспорте оказывается искаженной. Причиной этого является несоблюдение установленного утвержденными в 1956 г. Правилами русской орфографии и пунктуации требования обязательно использовать букву *e* в случаях, когда возможно неправильное прочтение слов. Имена собственные (фамилии, имена, отчества, географические названия, названия организаций и предприятий)

Проследим за тем, как нерегулярное использование букв e и e в русских именах и фамилиях отражается в чешских текстах. Приведем примеры из корпуса syn7.

Запрос 1: Semin, всего 168 примеров:

- Trenérem Ruska se tak nejspíš stane **Jurij Semin**, kouč mistrovského Lokomotivu Moskva (Mladá fronta DNES. 09.04.2005).
- Bezprostředně po vyřazení ze Stanley Cupu přislíbily příjezd do Stockholmu washingtonské hvězdy Alexander Ovečkin a **Alexander Semin** (Právo. 14.05.2012).

Запрос 2: Sjomin, всего 411 примеров:

- Ruské fotbalisty povede **Jurij Sjomin** z Lokomotivu, post odmítl Vlastimil Petržela (Mladá frotna DNES. 19.04.2005).
- Rusko by měli na MS v hokeji reprezentovat útočníci Ovečkin a **Sjomin** (Washington) a Frolov (Los Angeles) (Mladá fronta DNES. 05.04.2007).

Как видно из примеров, вариативность, связанная с неразличением букв *е, е (е, jo)* наблюдается и в чешских текстах, к тому же в рамках одного источника (вариант *Semin* от 09.04.2005 и вариант *Sjomin* от 19.04.2005).

Запрос 3: Artem, всего 100 примеров:

- "Když nás nenechají létat, tak těch dvacet letadel potřebujeme", oznámil v Moskvě Lebeděvův mluvčí **Artem Artěmov** (Lidové noviny, 06.04.2009).
- Nejlěpší střelci kvalifikace Robert Lewandowski (Polsko) 13, Zlatan Ibrahimovac (Švédsko) 11, Thomas Müller (Německo) 9, **Artem Dzjuba** (Rusko) 8, Edin Džeko (Bosna a Herceg.) 8 (Sport. 19.11.2015).

Запрос 4: Art'om, всего 505 примеров:

- "Nejsme na šampionátu v pouliční bitce. Soustřeďme se na fotbal", dodal záložník **Arťom Dzjuba** (Právo. 15.06.2016).
- "Souvisí to s velkými ztrátami a také s neshodou s redakcí ohledně jeho koncepce", prohlásil **Art'om Art'omov**, generální ředitel Lebeděvovy společnosti Nacionalnaja Mediakompanija (Lidové noviny. 21.04.2008).

Запрос 5: Artjom, всего 25 примеров:

 Největší síla týmu spočívá v ofenzivě, kde září s dvanácti góly nejlepší střelec ruské ligy Artjom Dzjuba (Deníky Bohemia. 13.02.2014).

Запрос 6: Агтёт, всего 98 примеров:

Jeho skvělý potenciál dokážou využít Rusové Artěm Anisimov a Artěmij
 Panarin, nováček, jenž je považován za druhého Kanea (Nedělní sport. 5/2016).

В данных примерах представлены варианты *Artem* (транслитерация на английский язык либо транслитерация на чешский язык согласно норме ISO 9), *Art'om* (практическая транскрипция имени *Apmem* на чешский язык согласно «Правилам чешской орфографии»), *Artjom* (вариант транслитерации «буква – буква (комбинация букв)»", не учитывающий наличие в чешском алфавите буквы *t*'), *Artěm* (практическая транскрипция на чешский язык, отражающая неразличение в русском языке букв *e*, *e*, т.е. *Apmem* вместо *Apmem*).

как раз и относятся к этому случаю. Поэтому применение буквы e в именах собственных должно быть бесспорным и обязательным» [34].

Выводы:

- Неоднородность чешских норм, касающихся транслитерации русских имен и фамилий (норма ČSN ISO 9, норма Академии наук, норма Национальной библиотеки Чехии), приводит к появлению в текстах разных жанров нескольких вариантов одного и того же русского имени / фамилии, например: $F\ddot{e}dor Fjodor Fedor$, $L\hat{u}bov Ljubov Ljubov'$, Pod''emov Podjomov Pod''jemov.
- Неоднородность норм РФ, регулирующих транслитерацию имен и фамилий для паспортов (ГОСТ 7.79.2000, Приказ № 4271, ГОСТ 7.0.34-2014), приводит к тому, что в чешских текстах (например, официального стиля) кроме вариантов согласно чешским нормам (Fedor Fjodor Fedor, $L\hat{u}bov Ljubov'$, Pod''emov Podjomov Pod''jemov) появляются также варианты типа Fyodor, Lyubov, Liubov, Podyomov, Podieemov.
- Неразличение в русских текстах букв *e*, *ё* приводит к тому, что в чешских текстах повседневного общения появляются искаженные варианты русских имен / фамилий с буквой *ё* (напр. *Semin, Artem* вместо правильных и ожидаемых *Sjomin, Artom*). На наш взгляд, необходимо последовательно различать на письме буквы *ё*, *e*, что значительным образом упростит и унифицирует транслитерацию / практическую транскрипцию с русского языка на другие (в частности, на чешский).
- По нашему мнению, как в России, так и в Чехии не хватает транслитератора имен и фамилий (инструмента), который занимался бы сравнением существующих норм (всех возможных либо зафиксированных вариантов написания) и предлагал инвариант (т.е. оригинальное русское имя / фамилию). Инструменты типа https://translit.ru/ не учитываются, так как работают с тезаурусом русского языка.

Литература

- 1. *Щерба Л.В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1940. Т. 1. С. 118–126.
- 2. *Щерба Л.В.* Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 153–162.
- 3. *Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена и названия в русском тексте : справочник. М. : Высш. шк., 1985. 303 с.
- 4. *Ермолович Д.И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: P-Валент, 2005. 416 с.
- 5. $\it Ермолович$ Д.И. Методика межьязыковой передачи имен собственных. М. : ВЦП, 2009. 86 с.
- 6. *Белоозеров В.Н.* Латинский алфавит для русских слов // Проблемы современного образования. 2014. № 2. С. 89–95.
- 7. Doc 9303. Машиносчитываемые проездные документы. Ч. 3: Спецификации, общие для всех МСПД. 7-е изд. 2015. URL: https://www.icao.int/ publications/pages/publication.aspx?docnum=9303
- 8. ГОСТ 7.79-2000 (ИСО 9-95) СИБИД. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200026226.
- 9. ГОСТ Р 7.0.34-2014 СИБИД. Правила упрощенной транслитерации русского письма латинским алфавитом. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200113788/.

- 10. Havránek B. Psaní ruských jmen v češtině // Naše řeč. 1949. Ročník 33, číslo 3–4. S. 41–46. URL: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4110
- 11. *Ilek B.* O převodu ruských vlastních jmen do češtiny // Naše řeč. 1951. Ročník 35, číslo 1–2. S. 7–12. URL: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4212
- 12. Romportl M. Výslovnost ruských vlastních jmen v češtině // Naše řeč. 1951. Ročník 35, číslo 7–8. S. 131–134. URL: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4247
- 13. Knappová M., Sloboda M. Příjmení // CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL: https://www.czechency.org/slovnik/PŘÍJMENÍ
  - 14. Corpus SYN2015. URL: http://wiki.korpus.cz/doku.php/en:cnk:syn2015
- 15. Hnátková M., Křen M., Procházka P., Skoumalová H. The SÝN-series corpora of written Czech // Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14). Revkjavik: ELRA, 2014. P. 160–164.
- 16. *Ziková M.* K podstatě slovotvorného procesu přechylování // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2003. Ročník 52, číslo A51. S. 125–132.
- 17. Ziková M. Přechylování // CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL: https://www.czechency.org/slovnik/PŘECHYLOVÁNÍ.
- 18. Sokolova A. Русские и чешские отглагольные существительные со словообразовательным значением «лицо» // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII / S. Koryčánková (ed.). 1., elektronické. Brno: Masaryková univerzita, 2018. S. 386–395. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018. URL: https://munispace.muni.cz/library/catalog/book/1018
- 19. *Volín J.* Fonetika a fonologie // Mluvnice současné češtiny. 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček a kol. Praha : Karolinum, 2010. S. 35–64.
- 20. *Krčmová M.* Fonetika a fonologie. 3. vydání. Elportál, Brno: Masarykova univerzita, 2009. URL: https://is.muni.cz/do/1499/el/estud/ff/ps09/fonetika/tisk 2009/index.html
- 21. *Krčmová M.* Fonetika a fonologie // Příruční mluvnice češtiny / Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. S. 21–64.
- 22. *Nekula M.* Text // Příruční mluvnice češtiny / Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.). Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2012. S. 652–698.
- 23. *Krčmová M.* Transliterace // CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL: https://www.czechency.org/slovnik/TRANSLITERACE
- 24. *Pravidla* českého pravopisu. Vydání 2. (s Dodatkem Ministerstva školství, mládeže a tělovýchovy ČR). Praha : Academia, 2005. 392 s.
- 25. *Špačková S.* Rusko-česká ekvivalence propriálního lexika: vlastní jména v překladu. Brno: Masarykova univerzita, 2017. 205 s. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.M210-8688-2017.
- 26. *Транскрипция* // Большая российская энциклопедия. 2017. URL: https://bigenc.ru/linguistics/text/4199684 (дата обращения: 30.11.2018).
- 27. Zákon č. 326/1999 Sb. O pobytu cizinců na území ČR. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326
- 28. *Nařízení* vlády č. 594/2006 Sb. Nařízení vlády o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-594
- 29. *Nařízení* vlády č. 100/2007 Sb. Nařízení vlády, kterým se mění nařízení vlády č. 594/2006 Sb., o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2007-100
- 30. Zákon č. 301/2000 Sb. Zákon o matrikách, jménu a příjmení a o změně některých souvisejících zákonů. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-301
- 31. *Федеральный* закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-Ф3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 53749/

- 32. Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
- 33. Дамбуев И.А. К вопросу о нормализации употребления буквы е в российской топонимии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 239–262. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.024
- 34. *Письмо* от 3 мая 2007 года № АФ-159/03. Рекомендации по употреблению при написании имен собственных буквы е. URL: http://docs.cntd.ru/document/902230280

Converting Russian Names and Surnames to the Czech Language: Theory and Practice Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 127–145. DOI: 10.17223/19986645/65/8 Anastasija Sokolova, Masaryk University (Brno, Czech Republic). E-mail: sokolova@ped.muni.cz

Keywords: transcription, transliteration, practical transcription, linguistic norms, legal norms.

The article deals with the conversion of Russian names and surnames to the Czech language, which is an urgent topic in terms of current migration processes. The first part of the article analyzes the linguistic works in Czech (from the 1950s) that deal with the transliteration/transcription of Russian names and surnames, define the terms transcription, practical transcription, and transliteration. Examples of transliteration are given in accordance with the international standard ISO 9, examples of practical transcription in accordance with the "Rules of Czech Orthography". The first part of the article analyzes the norms of transliteration of the National Library of the Czech Republic. This part of the article contains comparative tables of transliteration/transcription of Russian names and surnames to the Czech language according to three aforesaid norms/standards, e.g., Fëdor Tjutčev (ISO 9), Fjodor *Ťutčev* (Rules of Czech Orthography), Fedor Tjutčev (National Library of the Czech Republic). The second part of the article analyzes legal acts of the Russian Federation that govern the coversion of Russian names and surnames using the letters of the Latin alphabet, the results of transliteration are compared according to three norms: ICAO, GOST 2000, GOST 2014. The third part analyzes the Czech legal acts that govern the conversion of Russian names and surnames into the Czech language and their display in the Czech state information systems. Transliteration is compared according to the Russian GOST and ICAO standards and the Czech standards, as a result of which various electronic systems of Czech ministries and departmental divisions (driver's license register, foreigners register, marriage register) can display the same name/same surname in several variations, for example: Jevgenij Vorobjov / Yevgeny Vorobyov / Evgenii Vorobev / Jevgenij Vorob'jev, which causes both problems with the identification of a specific person and problems associated with contacting a specific person. Special notes relate to female surnames that in accordance with the grammar of Czech acquire the formant -ová (irrespective of occurrence/absence of this formant in Russian), e.g. Darja Gusová (Dar'ya Gus'), Olga Zajcevová (Ol'ga Zaytseva), Jelena Meščerjakovová (Elena Meshcheryakova). The last part of the article is devoted to the need to distinguish the Russian letters e and ë in writing, examples from Czech journalistic texts are given, in which the conversion of names and surnames with $\ddot{e}$ (e.g., Sëmin, Artëm) is presented differently because these two letters are not distinguished in Russian. At the end of the article conclusions are drawn.

References

1. Shcherba, L.V. (1940) Transliteratsiya latinskimi bukvami russkikh familiy i geograficheskikh nazvaniy [Transliteration of Russian surnames and geographic names by Latin letters]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka.* 1. pp. 118–126. (in Russian)

- 2. Shcherba, L.V. (1958) Transkriptsiya inostrannykh slov i sobstvennykh imyon i familiy [Transcription of foreign words and proper nouns and surnames]. In: Matuusevich, V.I. (ed.) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected issues of linguistics and phonetics]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad University. pp. 153–162.
- 3. Gilyarevskiy, R.S. & Starostin, B.A. (1985) *Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste : spravochnik* [Foreign names and titles in Russian text: Handbook]. Moscow: Vyssh. shk.
- 4. Ermolovich, D.I. (2005) *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh"yazykovoy peredachi* [Proper nouns: theory and practice of interlingual conversion]. Moscow: R-Valent.
- 5. Ermolovich, D.I. (2009) *Metodika mezh"yazykovoy peredachi imen sobstvennykh* [Method of of interlingual conversion of proper names]. Moscow: VTsP.
- 6. Beloozerov, V.N. (2014) Latin Alphabet for Russian Words. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2. pp. 89–95. (In Russian).
- 7. ICAO. (2015) *Doc 9303. Mashinoschityvaemye proezdnye dokumenty* [Doc 9303. Machine-Readable Travel Documents]. Pt. 3. 7th ed. [Online] Available from: https://www.icao.int/publications/pages/publication.aspx?docnum=9303.
- 8. GOST 7.79-2000 (ISO 9-95) SIBID. (2002) *Pravila transliteratsii kirillovskogo pis'ma latinskim alfavitom* [Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/1200026226.
- 9. GOST R 7.0.34-2014 SIBID. (2015) *Pravila uproshchennoy transliteratsii russkogo pis'ma latinskim alfavitom* [Rules of simplified transliteration of Russian characters into Latin characters]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/1200113788/.
- 10. Havránek, B. (1949) Psaní ruských jmen v češtině. *Naše řeč*. 33 (3–4). pp. 41–46. [Online] Available from: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4110.
- 11. Ilek, B. (1951) O převodu ruských vlastních jmen do češtiny. *Naše řeč.* 35 (1–2). pp. 7–12. [Online] Available from: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4212
- 12. Romportl, M. (1951) Výslovnost ruských vlastních jmen v češtině. Naše řeč. 35 (7–8). pp. 131–134. [Online] Available from: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4247
- 13. Knappová, M. & Sloboda, M. (2017) Příjmení. In: Karlík, P., Nekula, M. & Pleskalová, J. *CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny*. [Online] Available from: https://www.czechency.org/slovnik/PŘÍJMENÍ.
- 14. *Corpus SYN2015*. [Online] Available from: http://wiki.korpus.cz/doku.php/en:cnk:syn2015.
- 15. Hnátková, M., Křen, M., Procházka, P. & Skoumalová, H. (2014) The SYN-series corpora of written Czech. *Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation* (LREC'14). Reykjavik: ELRA. pp. 160–164.
- 16. Ziková, M. (2003) K podstatě slovotvorného procesu přechylování. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 52 (A51). pp.125–132.
- 17. Ziková, M. (2017) Přechylování. In: Karlík, P., Nekula, M. & Pleskalová, J. (eds) *CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny.* [Online] Available from: https://www.czechency.org/slovnik/PŘECHYLOVÁNÍ.
- 18. Sokolova, A. (2018) Russkie i cheshskie otglagol'nye sushchestvitel'nye so slovoobrazovatel'nym znacheniem "litso" [Russian and Czech verbal nouns with a wordformation meaning "person"]. In: Koryčánková, S. (ed.) *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku XIII* [Current Issues of the Russian Language Teaching XIII]. Brno: Masaryková univerzita. pp. 386–395. [Online] Available from: https://munispace.muni.cz/library/catalog/book/1018. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018.
- 19. Volín, J. (2010) Fonetika a fonologie. In: Cvrček, V. et al. *Mluvnice současné češtiny.* 1. Jak se píše a jak se mluví. Praha: Karolinum. pp. 35–64.
- 20. Krčmová, M. (2009) *Fonetika a fonologie*. 3. vydání. Elportál, Brno: Masarykova univerzita, [Online] Available from: https://is.muni.cz/do/1499/el/estud/ff/ps09/fonetika/tisk 2009/index.html.
- 21. Krčmová, M. (2012) Fonetika a fonologie. In: Karlík, P., Nekula, M. & Pleskalová, J. *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. pp. 21–64.

- 22. Nekula, M. (2012) Text. In: Karlík, P., Nekula, M. & Pleskalová, J. *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. pp. 652–698.
- 23. Krčmová, M. (2017) Transliterace. In: Karlík, P., Nekula, M. & Pleskalová, J. (eds) *CzechEncy Nový encyklopedický slovník češtiny.* [Online] Available from: https://www.czechency.org/slovnik/TRANSLITERACE.
- 24. Hlavsa, Z. (2005) *Pravidla českého pravopisu*. Vydání 2. (s Dodatkem Ministerstva školství, mládeže a tělovýchovy ČR). Praha: Academia.
- 25. Špačková, S. (2017) Rusko-česká ekvivalence propriálního lexika: vlastní jména v překladu. Brno: Masarykova univerzita. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.M210-8688-2017.
- 26. Big Russian Encyclopaedia. (2017) *Transkriptsiya* [Transcription]. [Online] Available from: https://bigenc.ru/linguistics/text/4199684 (data obrashcheniya: 30.11.2018).
- 27. Czech Republic. (1999) *Act No. 326/1999 Coll. on the stay of foreigners in the Czech Republic*. [Online] Available from: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326. (In Czech).
- 28. Czech Republic. (2006) Government decree No. 594/2006 Coll. on transcription of characters into the form in which they appear in public administration information systems. [Online] Available from: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-594. (In Czech).
- 29. Czech Republic. (2007) Government decree No. 100/2007 Coll. that amends government decree No. 594/2006 Coll. on transcription of characters into the form in which they appear in public administration information systems. [Online] Available from: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2007-100. (In Czech).
- 30. Czech Republic. (2000) *Act No. 301/2000 Coll. on registries, name and surname.* [Online] Available from: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-301. (In Czech).
- 31. Russian Federation. (2005) Federal Law on the state language of the Russian Federation No. 53-FZ. of 01.06.2005. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 53749/.
- 32. Barkhudarov, S.G. et al. (1956) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii* [Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Moscow: Uchpedgiz.
- 33. Dambuev, I.A. (2018) Revisiting the Standardization of the Use of the Letter ë in Russian Toponymy. *Voprosy onomastiki*. 15 (2). pp. 239–262. (In Russian). DOI: 10.15826/vopr_ onom.2018.15.2.024
- 34. RF Ministry of Education and Science. (2007) Letter No. AF-159/03 of 3 May 2007. Recommendations for the use of \(\vec{e}\) when writing proper names. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/902230280.

УДК 811.511.21

DOI: 10.17223/19986645/65/9

А.Ю. Урманчиева

О ВОЗМОЖНЫХ КОНТАКТАХ МАНСИЙСКОГО И СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКОВ (ПО ДАННЫМ ЭТНОНИМИКИ) $^{ m 1}$

Рассматривается возможность этимологизации одного из селькупских этнонимов — шёшкуп, исходя из данных мансийского языка: возможно, данный этноним восходит к мансийскому словосочетанию со значением 'здешний, местный человек'. Так как мансийский и селькупский языки не соприкасаются на современной лингвистической карте Западной Сибири, в статье приводится ряд «сепаратных» селькупско-мансийских лексических изоглосс, наличие которых обосновывает правомерность такого сопоставления.

Ключевые слова: *селькупский язык, мансийский язык, енисейские языки,* языковые контакты, этнонимы, этимология.

Введение

В статье предлагается новая этимология одного из селькупских этнонимов: шёшкуп / сюссэгум. Рассматриваются предлагавшиеся ранее этимологии этнонима шёшкуп: представляется, что этот этноним не вполне надежно может быть этимологизирован с опорой на самодийские данные (как будет показано, обе существующие самодийские этимологии имеют свои слабые стороны). В статье предлагается альтернативная этимология данного этнонима с опорой на мансийский язык (На возможность особых лингвистических связей манси и селькупов впервые обратил внимание Г.Н. Прокофьев, корректность сопоставления мансийского и селькупского материала будет подтверждена также другим лингвистичесим материалом).

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе дается обзор самоназваний селькупов (как хорошо известно специалистам по селькупам и селькупскому языку, таких этнонимов несколько: селькуп, чумылькуп, тюйгум и шёшкуп / сюссэгум). В данном разделе приводится их диалектно-территориальное распределение и критически рассматирваются возможные этимологии всех перечисленных этнонимов (в частности, попутно предлагается енисейская этимология этнонима *тюйгум*). Во втором разделе предлагается альтернативная — мансийская — этимология этнонима шёшкуп / сюссэгум. Рассмотрение этого вопроса предваряется перечислением ряда сепаратных селькупско-мансийских лексических изоглосс: их

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00329).

наличие обосновывает правомерность сопоставления материала этих двух языков, расположенных дистантно на современной лингвистической карте Западной Сибири. В этом же разделе предлагается мансийская этимология одного из родовых названий селькупов, зафиксированных Г.Н. Прокофьевым на реке Парабель — родового названия *maş qul*.

1. Самоназвания селькупов

Хорошо известно, что различные локальные группы селькупов имеют разные самоназвания: селькуп, чумылькуп, тюйгум и шёшкуп / сюссэгум. Ниже я вкратце напомню территориально-диалектное распределение этих самоназваний, далее будут рассмотрены предлагавшиеся для них этимологии:

- этноним селькуп (śöl' kum [1. Сл. ст. 2422]) используется представителями северной группы селькупов, проживающими в среднем и верхнем течении р. Таз, на р. Пур, на Турухане, Баихе и Елогуе (в XIX в. также на р. Вах);
- этноним чумылькуп (с́ūmməl' kum [1. Сл. ст. 1467]) используют носители говоров, представляющих центральную диалектную группу тымского, васюганского, нарымского;
- этноним тюйкум (ćuwəj (ćujəj?) kum [Там же. Сл. ст. 1527]) использовался на Чулыме, в материалах Алатало и Кастрена он зафиксирован также для кетского диалекта; впрочем, ряд информантов Я. Алатало по кетскому диалекту затруднялись объяснить, к кому применяется данный этноним, не считая его, следовательно, самоназванием;
- этноним шёшкуп / сюссэгум (śōśə kum [Там же. Сл. ст. 2656]) используется носителями среднеобского диалекта (Обь в районе Колпашева; этот говор относится к центральной диалектной группе, однако Е.А. Хелимский [2] отмечал его переходный характер между южными и центральными говорами), на Оби в районе Сондорово, а также в пределах южной диалектной группы носителями кетских говоров и чаинского говора.

Существует несколько этимологических трактовок данных этнонимов. Наиболее устойчивыми являются интерпретации этнонима с́шmməl' kum как 'земляной человек', а этнонима śōl' kum как 'таежный человек'. По поводу второй этимологии Е.А. Хелимский пишет следующее: «Объяснение самоназвания северных селькупов śöl' qup, śöl'qup, (śöl' qum, śöl'qum) как словосложения с буквальным значением «таежный человек», в первой части которого опознается основа наречий С šóttə 'в лес, в тайгу' (Lat), śötqən 'в лесу, в тайге' (Loc), šötqənə 'из лесу, из тайги' (Elat), повторено вслед за Г.Н. Прокофьевым (1935: 3, 10–11) в таком множестве селькуповедческих, самоедологических и уралистических монографий и статей, что давно уже, по-видимому, воспринимается как прописная этимологическая истина. (Это толкование содержится и в моих публикациях. Кроме того, его придерживаются и многие северные селькупы, причем сейчас уже вряд ли можно установить, идет ли речь о собственной традиционной трактовке

или об усвоении объяснения из научно-популярной и учебной литературы.) [3. С. 41] Далее Е.А. Хелимский отмечает, что, по-видимому, объяснение этнонима šöl' qup через основу šöt- 'лес, тайга' является «народноэтимологическим (если Прокофьев следовал в данном случае толкованию своих информантов-селькупов) или просто ошибочным» [3. С. 43]. Дело в том, что с формальной точки зрения такое толкование невозможно: в этом случае этноним выглядел бы как * šötəl' qum (что достаточно сильно отличается от śöl' ķum, в том числе и долготой гласного). Обе эти характеристики — народно-этимологический характер толкования этнонима и общепринятый характер такой трактовки — применимы в равной степени и к этнониму сūmməl' ķum: его нельзя связять ни с сельк. cū 'земля' (невозможно объяснить, по какой модели могло бы быть образовано данное слово), ни с сельк. cimə 'глина' (из-за разницы в вокализме).

Этноним симај (сијај?) кит иногда рассматривается как вариант этнонима ситта (кит, ср., напр., [4. С. 6–7]. Однако эти этнонимы несводимы друг к другу: несмотря на то, что второй этноним часто записывается с одиночным -m- (как чумылькуп), не только ряд фиксаций с -mm- (приведенных в словаре Я. Алатало), но и сохранение во всех центральных говорах интервокального -m- (который в ряде говоров должен был бы дать -w-) свидетельствует о геминированном -m- в данном слове, который либо а) восходит к консонантному кластеру вида *Ст / *jm, либо б) возник при заимствовании (в том случае, если ситта предсхадит к какому-то экзоэтнониму), ср. в качестве примера подобного фонетического освоения заимствования сельк. «lümmə 'Setzangel¹ <...>' [< jen. (W) И ¹ло м, С ¹лом]» [1. Сл. ст. 2800], где интервокальный -m- представлен не только в северных, но и в центральных и южных говорах. Таким образом, в обоих случаях интервокальный -mm- не дал бы -w-, представленный в сиwај (сијај?) кит.

С другой стороны, этноним *ćuwaj kum* (в силу того, что в южных говорах интервокальный -m- переходит в -w-) можно возводить к праформе **ćumal' kum* (где l' – атрибутивный показатель). Несмотря на то, что в селькупском в виде исключения могут встречаться колебания -m-/-mm-, ср. $k\bar{a}m(m)il'a$ 'линь' [Там же. Сл. ст. 1829], отмеченное Я. Алатало различие в долготе корневого гласного в этнонимах *ćūmmal' kum* и *ćuwaj kum* (<**ćumal' kum*) не позволяет отождествить их друг с другом. Однако для второго этнонима можно предложить этимологию с учетом этнической истории селькупов, включавшей в себя миграцию из районов исходного расселения в треугольнике «Томск – Красноярск – Енисейск» (см. Хелимский 2000: 28), т.е. в верхнем и среднем течении Кети и Чулыма, в низовья этих рек (выделено мной. – A.У.) и далее вниз по Оби [3. С. 44]. Близкой точки зрения на миграционные пути селькупов придерживается и Н.А. Тучкова (с той разницей, что она считает, что селькупский этнос в основе своей был двухкомпонентным): «Таким образом, опираясь на линг-

¹ Перемет.

вистические, исторические и фольклорные материалы, автор предлагает картину формирования селькупов, в основе которой лежит идея о двух самостоятельных древних группах в составе прасамодийцев (будущих "центральных" и"южных" селькупов). Обе группы разными миграционными путями осваивали Приобье: южные селькупы продвигались с верховий **Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма** (выделено мной. – A. V.); центральные, напротив, с истоков Чижапки. Чузика и Кенги через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада» [5. С. 155]. Для нас существенно, что в обоих случаях предполагается движение селькупов с верховий Кети по направлению к Оби. Верховья Кети при этом были освоены одним из енисейских народов – пумпокольцами. В работе [6. С. 29] отмечено югское название пумпокольцев: «юг. Túmieng: обозначает людей, живущих при Кети, поскольку Кеть они называют Тüm» [М РГАДА пф507-2-321г]. Напомню, что пумпокольцы жили в верхнем течении Кети, и кажется возможным предположить, что селькупы изначально могли заимствовать этот гидроним v носителей енисейских языков (запись Tüm v Миллера отражает, вероятнее, ен. Tum; далее *eн. Tum > ск. cum). Далее этот гидроним был оформлен селькупским атрибутивным суффиксом - 1' и вошел в состав этнонима *ćumal' kum, который в таком случае интерпретировался бы как 'люди р. Кеть'¹. (Вероятно, учитывая достаточно точные в фонетическом отношении записи Миллера, ен. Tum 'Кеть' не следует отождествлять с другим енисейским названием Кети, кетским и югским *Tim*, *Timses*.) Ареал распространения этого селькупского этнонима (в словаре Я. Алатало он зафиксирован для верхнеобского и кетского диалектного арелов) в точности совпадает с реконструированным Н.А. Тучковой миграционным путем одной из групп селькупов – «с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма». Неудивительно и то, что этот архаичный этноним, не имеющий поддержки в современной селькупской гидронимии, выходит из употребления, и хотя некоторые информанты Я. Алатало переводили его как 'селькуп', другие отмечали, что это «какие-то люди», но затруднялись дать его привязку к конкретной этнической группе.

Таким образом, относительно этнонимов *ċūmməl' kum* и *ċuwəj kum* можно сказать, что ни один из них не имеет общепринятой удовлетворительной этимологии (этимология второго топонима была предложена выше).

Что касается этнонимов $\dot{sol}'$ $\dot{k}um$ и $\dot{soso}$ $\dot{k}um$, им были предложены этимологические объяснения Я. Алатало и Е.А. Хелимским. Я. Алатало связывает первый этноним со словом $\dot{sol}'$ хозяин' [1. Сл. ст. 2422] (т.е. $\dot{sol}'$ $\dot{k}um$ – 'хозяйский человек, человек при хозяине, господине'), второй этно-

¹ Сам по себе заимствованный характер основы не гарантирует появления геминаты и сохранения -m- в интервокале, ср. слово $k\bar{a}məlko$ [1. Сл. ст. 1834], представляющее собой заимствование из хантыйского. В словаре Я. Алатало дается его фиксация для тымского и тазовского диалектов с интервокальным -m-, однако к этому можно прибавить следующие данные из словаря [7. С. 35, 61]: қавалқо /вас./ ~ қавулго /об. С/ ~ қавулго /об. Ч/ ~ қаулқо /об. С, Ч/ ~ кавылго /об. Ш/ сущ. − 1) жук; 2) букашка (с крыльями, но не летает).

ним он приводит в качестве самостоятельной словарной статьи [1. Сл. ст. 2656], не приводя ни внутренней, ни внешней этимологии.

Принципиально иную трактовку этих двух этнонимов предлагает Е.А. Хелимский [3]. Опирясь на то, что Г.Ф. Миллер зафиксировал у северных селькупов этноним в виде «Schöselgub, в этом слове последние буквы сильно проглатываются и почти не слышны (in welchem Worte die letzten Buchstaben starck verschlucket worden daß sie kaum zu hören sind)» [Там же. С. 42], он предлагает рассматривать форму $\dot{sol}'$ *kum* как возникшую путем контракции из формы типа $\dot{s}\bar{o}\dot{s}\partial$ kum: «Вполне очевидно, что приведенная Миллером форма очень близка южноселькупским šöšqup, sūssə qum, отличаясь от них лишь присутствием адъективного суффикса и, возможно, качеством второго сибилянта (см. ниже). Важное замечание о "сильно проглатываемых буквах" относится, видимо, не к концовке слово-(-gub = qup 'человек', хорошо известное Миллеру и вычленяемое слово), а к группе -se(1)- и в этом случае фиксирует начало фонетического процесса, который привел к контракционному (гаплологическому) преобразованию» [Там же. С. 42–43]. Таким образом, Е.А. Хелимский возводит оба этнонима к единой праформе, принимая в качестве исходного вариант, зафиксированный Г.Ф. Миллером. Он предлагает для этого этнонима две альтернативные этимологии – в зависимости от того, представлен ли второй сибилянт звуком -s- или $-\dot{s}$ -.

Если считать первичным вариант с -s-, этимологию можно согласовать с «упомянутой выше этимологической версией Алатало, рассматривая форму *śōsə как производное имя с реципрокно-конверсивным суффиксом (самод. *-sə, ср. нен. – sə, эн. -so, нган. – sə/-d'ə, сельк. С -sə-qāqı Du., -sə-t Pl., кам. -zə-gəj Du.; см. Најdú 1975: 71-114, Helimski 1997: 134) от *śō 'хозяин, господин' и реконструировать ее исходное (доэтнонимическое) значение как 'один из подчиненных / сородичей хозяина / господина / вождя'» [Там же. С. 44].

Если же считать первичным вариант с ś, «[д]ля основы *śōśə заслуживает внимания возможность сопоставления с нган. kińśi-: kińśini 'ниже по реке', kińśi?ia 'вниз по реке' (почему не *kińd'i?ia с ожидаемой слабой ступенью градации?), kińśiə 'низовской, область нижнего течения реки'. Основа известна и в этнонимическом употреблении: kińśiə? (Pl. к kińśiə) 'вадеевские нганасаны' (вадеевские нганасаны живут в низовьях р. Хатанги). Общесамодийская праформа может быть реконструирована в виде *künsi или *künsə (к фонетике ср. самод. *küń > нган. kiŋ, kīŋ, сельк. *śōń, T śön см. Helimski 1997: 294, SkWb 2573; *ns > сельк. *ś регулярно), хотя отсутствие градации в нганасанском соответствии и оставляет почву для сомнений в надежности этой реконструкции» [Там же].

Из двух предложенных вариантов первый ('один из подчиненных / сородичей хозяина / господина / вождя') кажется ненадежным как с семантической точки зрения, так и с точки зрения морфологической и синтаксической структуры этнонимического сочетания: учитывая многократные фиксации этнонима в виде $\dot{so}\dot{so}$ $\dot{k}um$, принятие предложенной этимологии

означало бы, что первое слово в данном сочетании оканчивается показателем реципрокно-конверсивного суффикса, не имея более никакого морфологического оформления; однако указанный суффикс подобного оформления не допускает, требуя показателей двойственного или множественного числа.

Второй вариант выглядит существенно более приемлемым с точки зрения этнонимической семантики (хотя определение 'низовской' обычно легко применяется в этнонимии для какой-то части этноса, но, насколько мне известно, не для этноса в целом – вместе с тем, как будет показано ниже со ссылкой на [1], рассматриваемый этноним зафиксирован во всех частях селькупского диалектногоконтинууму). Однако и этот вариант встречает определенные формальные трудности. Во-первых, основа śōśa не представлена собственно в селькупском в значении 'низовья реки'; данная трактовка предлагается только с опорой на возможные нганасанские соответствия. При этом селькупские основы, использующиеся для ориентации относительно течения реки, имеют надежные самодийские параллели. Основы *takki* 'вниз по реке' [Там же. Сл. ст. 1167] и *tāmmi* 'вверх по реке' [Там же. Сл. ст. 1167] имеют надежные самодийские параллели: первая восходит к PS $*t^1$ $\hat{a}$ kä- [8. С. 146] и представлена в энецком *tos'i* 'низ', в ненецком вья', вторая – к PS *tät³m $\hat{a}$ - ~ *tät³w $\hat{a}$ - [Там же. С. 155] и представлена в эн. te i 'верх', в ненецком $tyuq \partial y^{\circ}$ 'верхний', камасинском (С) $th \hat{a}wa$ 'вверх по течению'. С другой стороны, на общесамодийском фоне изолятами выступают нганасанские основы, использующиеся для ориентации в пространстве в целом и относительно течения реки в частности: бонтуо 'верх', нячини 'наверху' (по течению), кинсио 'нижний (по течению)'.

Во-вторых, предлагая данную этимологию, Е.А. Хелимский опирается прежде всего на северный вариант этнонима, однократно зафиксированный $\Gamma.\Phi$. Миллером, в котором содержится атрибутивный суффикс -l', однако этот суффикс отсутствует во всех записях южного варианта этого этнонима, а в этом случае трактовка элемента $\dot{sos}$ как слова со значением 'низовской' становится более затруднительной, так как синтаксическая структура этнонима в этом случае требовала бы по нормам селькупского языка атрибутивной формы.

2. Возможная мансийская этимология этнонима śöśə kum.

Ниже я попытаюсь обосновать возможность рассматривать селькупский этноним $\dot{s}\bar{o}\dot{s}\dot{\sigma}$ kum как имеющий мансийское происхождение. Прежде всего, следует обосновать, насколько правомерно предполагать наличие «сепаратных» мансийско-селькупских связей: учитывая, что на современной лингвистической карте Западной Сибири из обско-угорских народов селькупы соседствуют только с хантами, этот вопрос требует специального обоснования.

Первым на возможность селькупско-мансийских связей обратил внимание Г.Н. Прокофьев. Говоря о языках, которые могли в качестве субстратного компонента участвовать в формировании современного селькупского

языка, он отмечает: «...среди этих языков был, по-видимому, язык, который явился компонентом также в формировании современного нам мансийского (вогульского) языка. К такому заключению нас приводит целый ряд весьма глубоких и подчас любопытнейших связей, обнаруживаемых между селькупским языком и мансийским (мы не имеем здесь в виду связей финно-угро-самоедского порядка).

Дать развернутую картину этих связей в настоящей работе не представляется возможным. Такого рода задача составляет тему специального исследования.

Здесь мы ограничимся тем, чо приведем ряд характерных примеров, иллюстрирующих указанные связи между селькупским языком и мансийским.

В области словаря прежде всего обращает на себя внимание селькупское слово qum, qup 'человек', 'мужчина'. Слово это не встречается ни в одном из известных нам самоедских языков $\langle \dots \rangle$.

Слово qum, qup 'человек' мы находим в мансийск. hum 'человек' $\langle ... \rangle$ » [9. С. 12].

Не претендуя на полноту списка, можно указать некоторые сепаратные мансийско-селькупские лексические изоглоссы (мансийские данные цит. по [10], после // – по [11]) ^{1} :

- 1. уже упоминавшееся сельк. kum 'человек' [1. Сл. ст. 1858] РТНОК сопоставимо с манс. *kum > N хит [=хит], LM LU P khum, K khom, T khom ~ khum // TJ TČ kom, KU хom, KM kom, KO kum, P kum, kim, VN VS kum, LU LM kum, LO ^{k} хит, So хит 'мужчина, человек'. Учитывая производный характер основы в мансийском [12. С. 16], следует предполагать заимствование из мансийского в селькупский.
- 2. сельк. рісі 'топор' [1. Сл. ст. 514] РТНОК. С этим словом предположительно можно сопоставить манс. *päćt > Т рøist ~ pøst ~ päst ~ päist // ТЈ ТС реѕt с тем же значением. Как указал мне М.А. Живлов, вопреки [13. С. 416] историческая фонетика не позволяет считать мансийское и селькупское слово восходящими к единой праформе. Соответсвенно, если перед нами не результат случайного сходства, и в этом случае мансийский является донором, а селькупский реципиентом. Примечательно, что в мансийском это слово представлено только в тавдинском диалекте, что, возможно, служит косвенным указанием на то, какие диалекты мансийского входили в контактную зону.
- 3. сельк. śāķ 'соль' [1. Сл. ст. 2579] PTHOK< іг. Такое же название соли представлено и в мансийском, *ćāk > LM śä $\chi \sim$ śe $\chi \sim$ šä χ , LU šä χ , P śä χ , K śä χ (śäk-), T či $\chi \sim$ či $\chi \sim$

_

¹ Приношу глубокую благодарность М.А. Живлову, оказавшему мне неоценимую помощь при обсуждении приводимого ниже списка сепаратных мансийско-селькупских лексических соответствий. Благодаря ему в список добавлены также мансийские праформы и данные из [11].

- só; Я. Алатало [устное сообщение] указал мне также на возможность сопоставления с названием соли в югском и кетском: «The Selkup word śāķ is identical with Yeniseic *ćĕy (only Ket te', Yug če', lacking in the southern languages). The inetymological ś before back vowel points to a borrowing from Yeniseic, while culturally it is more natural to assume the opposite direction» (Alatalo, личное сообщение). Тем не менее, фонетическая форма мансийского и селькупского слов допускает возможность заимствования из мансийского в селькупский (предположение об этом, как указал мне М.А. Живлов, высказано также в [14. С. 78]). В конечном итоге, каков бы ни был путь распространения этого культурного термина, примечательно, что он указывает на то, что селькупский и мансийский в определенный период находились в одном культурном ареале (в который при этом не входил, с одной стороны, хантыйский, с другой самодийские языки помимо селькупского).
- 4. сельк. ńагә 'болото' [1. Сл. ст. 1690] РТНОК. Я. Алатало предлагает сопоставление с эвенкийским няру, но допустимо и сопоставление с манс. *ń $\bar{r}$ гə > N ń $\bar{r}$ r [= $\hat{n}$ ār], LM ń $\bar{r}$ r $\hat{n}$ är, LU ń $\bar{r}$ r, P ń $\bar{r}$ r, K ń $\bar{r}$ r, T ń $\bar{r}$ r $\hat{n}$ är $\hat{r}$ $\hat{n}$ är, KM ń $\bar{r}$ r, KO ń $\bar{r}$ r, VNZ VS ń $\bar{r}$ r, VNK ń $\bar{r}$ r, $\bar{r}$ r, LU LM ń $\bar{r}$ r, LO So ń $\bar{r}$ r 'болото (с неглубокой прозрачной водой, с деревьями и цветами)'.
- 5. сельк. sirkə 'pастение' [Там же. Сл. ст. 2692] РТНОК находит параллель в мансийском N śirkä $\sim$ śirki, LM śirkä $\sim$ širk, LU širk, K śėrk 'pастение, цветок'.
- 6. сельк. pār 'раз (в значении «сколько раз?»)' [Там же. Сл. ст. 619] РТНО можно сопоставить с мансийским N P por2, LM por $\sim$ poår, LU por $\sim$ pår $\sim$ pår, K por ($\sim$ porė) с тем же значением.
- 7. сельк. колинлоқ /ел./ 'изредка' [7, С. 177]; колык/ӈ 'редко' [15. С. 41]. Ср. манс. *kaləŋć > N ҳaliŋiś // ТЈ ҳалә̂¬ңҳіѕ, ТČ ҳалә¬ңҳіѕ, КU ҳалә¬ѕ́, КМ ҳалә¬ѕ́, Р каҳл¬ѕ́, VNK каl¹¬ѕ́, LU ҳālanѕ́, LO ҳаl ¬ѕ́ 'редко'. В мансийском это слово, вероятно, связано с *kal > N ҳal [=ҳal], LM LU Р khal, K Т khal // ТЈ ҳал, TČ ҳал, KU ҳал, KM ҳал, KO ҳаl, P VN кал, VS каl, LU ҳал, LO ҳаl, So ҳal '1. промежуток 2. середина 3. средний, находящийся в середине'. В таком случае следует говорить о том, что в селькупском представлено за-имствование.
- 8. сельк. įгэŋ 'почти, едва' [1. Сл. ст. 275] РТ допустимо сопоставлять с мансийским N ēriŋ [ērəŋ], LM jēriŋ, P jērėn 'может быть, возможно'.

Перейдем к селькупскому этнониму $\dot{sos}$ $\dot{kum}$. Следует уточнить ареал его распространения. Несмотря на то, что данное сочетание как этноним используется носителями обского диалекта, а также в пределах южной диалектной группы, в словаре Я. Алатало отмечается его общеселькупский характер (что подтверждает и обсуждавшаяся выше фиксация этого словосочетания Г.Ф. Миллером у северных селькупов):

«śöśə-kum / śūśśə-kum 'Mensch':

Ty. šöžəyob, šöžəgub ihminen / Mensch [Antonym lösə 'Geist']¹, 3s šöžəyob | ТуМ šöžəyob id. | NC šöšyub | Iv.K. šöškup, šöškuM остяки, мы | OOS šÿšsə-yum samojedi | OSA şüşşəGum остяк | KeU süssə-yum | KUS süssə'yum | KeM sÿssəГum | KM süssəyum, süsseyum, KMA auch süsfum, Koll. süssəyüla, Pred.1s man süssə'yuvunan я остяк, Pred.2s tan süssəGuvunandə | KeO sÿşşə-k'um, süssə'yum | Ka. šöžə-gum ostjakki-samojedi» [1. Сл. ст. 2656].

Это двухкомпонентное селькупское сочетание находит параллель в мансийском: * $\dot{s}$ 35 $\dot{s}$ 7 ~ * $\dot{s}$ 35 $\dot{s}$ 7 > N sossä ~ såssä [sossa], LM šås $\dot{s}$ 8 ~ $\dot{s}$ 8 $\dot{s}$ 8 ; LU $\dot{s}$ 8 $\dot{a}$ 8, K s $\dot{a}$ 8, коренной, здешний, исконный, ср. в особенности сочетания: N taw tit $\dot{a}$ 1 lnè * $\dot{s}$ 0 ssä $\dot{s}$ 2 um '0н – обитающий здесь коренной житель'; P tau t'it' * $\dot{s}$ 8 $\dot{s}$ 1, khum, pė $\dot{s}$ 5-vuil täkw møyät t'it' $\dot{s}$ 1 i' oh – здешний человек, он живет на своей земле от рождения'; K * $\dot{s}$ 8 $\dot{s}$ 8 kh $\dot{o}$ 7, tēlėm m $\dot{o}$ 7 tėt $\dot{s}$ 1 i' oh здешний человек, место его рождения здесь'.

На эксклюзивную паралелль селькупского kum и мансийского χum (не представленного ни в хантыйском, ни в других самодийских языках), как было указано выше, обращал внимание еще Г.Н. Прокофьев. Сопоставление селькупского $s\bar{o}s\bar{o}$ -kum и манс. $soss\ddot{a}$ χum , $s\ddot{a}s\dot{g}$ khum, $s\ddot{a}s\dot{g}$ khom выглядит приемлемым и с формальной и с семантической точки зрения. Ср., например, этимологию самоназвания эвенов, предложенную К.А. Новиковой: «Относительно происхождения самоназвания "эвен" существуют различные предположения. Так, В.И. Цинциус связывает самоназвание "эвен" с глаголом $gar{h}$ (спускаться с гор'. По нашему мнению, более вероятным является предположение о близости этого названия к эвенскому слову эвън $\sim$ эвун 'местный, здешний'» [16. С. 11].

Соответствующее мансийскому слово есть и в хантыйском, ср.: «DN $t \not x \not a \not D \not x$ 3, Kr s $\not x \not x$ 4 ($\not x \not x$ 3, Kam. $\not x \not x$ 4, Ni. š $\not x \not x$ 5, Kaz. $\not x \not x$ 6, Vaz. $\not x \not x$ 6, Vaz. $\not x \not x$ 7, Vaz. $\not x \not x$ 8, Vaz. $\not x \not x$ 8, Vaz. $\not x \not x$ 9, Vaz. $\not$

- а) зафиксировано в диалектах, географически далеких от селькупского;
- б) хантыйские диалектные формы восходят к прототипу ~šăčə; учитывая практически полный изоморфизм хантыйской и селькупской консонантных систем, хантыйский с должен был бы сохраниться в селькупском, ср., например, сельк. осъ 'нарост на березе' [1. Сл. ст. 85] Т К, для которого Я. Алатало указывает хантыйское соответствие ос;
- в) оба компонента селькупского этнонима имеют параллель в мансийском.

Интересно также обсудить приведенное Г.Н. Прокофьевым название селькупского рода с реки Парабель *maş qul* [9. С. 12]. Г.Н. Прокофьев переводит его как 'земляные люди', это же словосочетание с этим же переводом

 $^{^1}$ Это словосочетание имеет не только этнонимический характер, но и значение 'настоящий (обычный) человек', являясь, как написано в процитированной словарной статье, антонимом $l\bar{o}s\bar{o}$ 'дух'. Самоназвания с такой семантикой (характерные, видимо, для этапа, предшествовавшего формированию этнического самосознания,) представлены у северных самодийцев, а также, например, у чукчей.

повторено в [11. С. 263] в статье *maye 'земля'. Однако в селькупском отсутствуют морфологические средства, которые позволили бы получить от гипотетической селькупской основы *ma производную maś со значением 'земной'. С другой стороны, сельк. maş является хорошим формальным соответствием манс. *māńćī > N mańśi [māńśi], LM måńś ~ moåńś, LU P mańś, K måńś ~ mańś, T mäńši ~ mä 'nči 'манси', что может указывать на мансийское происхождение данного селькупского рода. Что касается исторической фонетики, сельк. -ś- регулярно восходит к п-сам. *-ns- (фонетически, видимо, [-ńć-]), ср., например, бесспорно этимологически соответсвующие друг другу сельк. küśə 'моча' [1. Сл. ст. 2212] < п.-сам. *kunsə [8. С. 77] и манс. N ҳuńśi, LM khuńśi (kuńśi), LU P khuńši, T khuńśånt 'мочиться'.

Литература

- Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004.
- 2. *Хелимский Е.А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.
- 3. Хелимский Е.А. Schöselgub у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hrsg. von Eugen Helimski. Hamburg, 2005. С. 41–46.
- 4. *Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головнев А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П.* Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Издво Том. политехн. ун-та, 2012.
- Тучкова Н.А. Этногенез селькупов с лингвистических и этноисторических позиций // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 153– 156. DOI: 10.17223/19988613/53/28.
- 6. *Хелимский Е.А.* Этнонимия уральских и сибирских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3) // Hrsg. von Eugen Helimski. Hamburg, 2005. С. 19–40.
- 7. *Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005.
- 8. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki : Б. и., 1977.
- 9. *Прокофьев Г.Н.* Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.
- 10. Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.
- 11. *A. Moisio (ed.).* Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Vuokko Eiras. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXXIII. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, Kotimaisten kielten keskus, 2013.
- Aikio A. Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies, Linguistica Uralica LI 2015 1.
- Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986– 1991
- 14. Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.

- 15. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010.
- 16. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- 17. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y.N. Toivonen. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae X). Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. 2.

On the Possible Links of the Mansi and Selkup Languages (Based on Ethnonymic Data)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 146–157. DOI: 10.17223/19986645/65/9

Anna Yu. Urmanchieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: urmanna@yandex.ru

Keywords: Selkup language, Mansi language, language contacts, ethnonyms, etymology.

The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00329).

The article proposes a new (Mansi) etymology of the Selkup ethnonym śōśa kum. Different Selkup groups use different self-names: śōl' kum, ćūmməl' kum, ćuwəj (ćujəj?) kum, and $\dot{s}\ddot{o}\dot{s}\dot{a}$ kum. The interpretations of the ethnonym $\dot{c}\ddot{u}mm\partial l'$ kum as 'soil man' and $\dot{s}\ddot{o}l'$ kum as 'taiga man' are the most stable. E.A. Helimsky showed the failure of the second etymology (from a formal point of view, this interpretation is impossible: in this case, the ethnonym would look like *šötəl' kum). The interpretation of the ethnonym ćūmməl' kum as 'soil man' is also erroneous: it can be connected neither with the Selkup $\dot{c}\bar{u}$ 'earth, soil' (there is no derivational model to form $c\bar{u}mmal$ from $c\bar{u}$, nor with the Selkup $c\underline{i}ma$ 'clay' (due to the difference in vocalism). The author supposes that the ethnonym ćuwaj (ćujaj?) kum can be associated with the Yeniseic name of the river Ket. Thus, Georg F. Miller recorded the Yugh name for the Pumpokol people (who inhabited the upper Ket). It seems possible to assume that the Selkup could initially borrow this hydronym from the speakers of the Yeniseic languages (*en Tüm> sk. cum), and it became part of the ethnonym *cumal' kum > cuwaj kum * 'people of the river Ket'. The distribution of the ethnonym (Upper Ob and Ket dialects) coincides with the migration route of one of the Selkup groups from the upper Ket to the Ob and along the Ob up to the mouth of the Chulym. E.A. Helimsky traces back śōl' kum and śōśa kum to a single protoform recorded by G.F. Miller as Schöselgub. He proposes two alternative etymologies for this ethnonym. If the underlying form was $\dot{s}\bar{o}s\partial kum$ he considers it to be a derivative meaning 'one of the subordinates/relatives of the host/master/leader'. If the underlying form was $\delta \bar{\delta} \delta a kum$, he compares it with the Nganasan kińśi- 'down the river'. The first option is unreliable from the semantic point of view and from the point of view of morphological structure (the suffix -sə presumed in in śō-sə requires plural marking). The second option is more acceptable from the point of view of ethnonymic semantics. However, the stem $\dot{s}\bar{o}\dot{s}\dot{\sigma}$ is not represented in Selkup proper in the meaning of the "lower reaches of the river". This interpretation is offered only on the basis of possible Nganasan correspondences, but the Selkup stems used for orientation according to the flow of the river have reliable Samoyed parallels, whereas the Nganasan stem is an isolate. The author supposes the Selkup ethnonym śōśa kum has a Mansi origin. She also lists a number of lexical isogloss, linking only Selkup and Mansi, which substantiates the validity of comparing the material of these two languages. The Selkup śōśa kum can be compared with the Mansi N sossa yum, P šaši khum, K sase khom 'native inhabitant'. The word corresponding to the Mansi sossä / šåšė also exists in Khanty, but if the word had been borrowed from Khanty, the Selkup word would have had ć, not ś.

References

1. Alatalo, J. (2004) Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne.

- 2. Khelimskiy, E.A. (1985) K istoricheskoy dialektologii sel'kupskogo yazyka [On the historical dialectology of the Selkup language]. In: *Leksika i grammatika yazykov Sibiri* [Vocabulary and grammar of languages of Siberia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 42–58.
- 3. Khelimskiy, E.A. (2005a) Schöselgub u G.F. Millera i samonazvanie sel'kupov [Schöselgub of G.F. Miller and the self-name of the Selkups]. In: Helimski. E. (ed.) *G.F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [G.F. Miller and the study of the Uralic peoples (round table materials)]. (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hamburg: University of Hamburg. pp. 41–46.
- 4. Tuchkova, N.A. et al. (2012) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Essays on traditional culture and the Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
- 5. Tuchkova, N.A. (2018) The ethnogenesis of the selkup people from the linguistic and ethnohistorical points of view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya Tomsk State University Journal of History.* 53. pp. 153–156. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/28
- 6. Khelimskiy, E.A. (2005b) Etnonimiya ural'skikh i sibirskikh narodov v rukopisnom nasledii Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [Ethnonymy of the Ural and Siberian Peoples in the Manuscript Heritage of the Second Kamchatka Expedition]. In: Helimski. E. (ed.) *G.F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [G.F. Miller and the study of the Uralic peoples (round table materials)]. (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hamburg: University of Hamburg. pp. 19–40.
- 7. Bykonya, V.V., Kuznetsova, N.G. & Maksimova, N.P. (2005) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
- 8. Janhunen, J. (1977) Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki: [s.n.].
- 9. Prokof'ev, G.N. (1935) *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR.
- 10. Kálmán, B. (Hg.) (1986) Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- 11. Moisio, A. (ed.) (2013) Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Vuokko Eiras. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXXIII. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, Kotimaisten kielten keskus.
- 12. Aikio, A. (2015) Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies. *Linguistica Uralica* LI.
- 13. Rédei, K. (1986–1991) *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai kiadó
- 14. Korenchy, É. (1972) *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- 15. Kazakevich, O.A. & Budyanskaya, E.M. (2010) *Dialektologicheskiy slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [The dialectological dictionary of the Selkup language (northern dialect)]. Yekaterinburg: Basko.
- 16. Novikova, K.A. (1960) *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Evenki language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 17. Karjalainen, K.F. (1948) *Ostjakisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae X). Bd. 2 Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

УДК 811.161.1-115'373+811.581-115'378:82-84 DOI: 10.17223/19986645/65/10

О.Г. Щитова, А.Г. Щитов

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ЛАКУНАРНОСТЬ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проанализированы явления межъязыковой фразеологической эквивалентости и лакунарности в русском и китайском языках на материале фразеологизмов с компонентом-колоративом. Выявлены полные, неполные эквиваленты, а также безэквивалентные фраземы, коррелирующие с абсолютными и относительными языковыми лакунами. Выделены типы межъязыковых лакун и лакунарных фразеологических единиц; обнаружены абсолютные, векторные и ассоциативные межъязыковые лакунарные фразеологизмы, несущие этноспецифическую информацию.

Ключевые слова: фразеология, межъязыковая фразеологическая эквивалентность, лакунарность, этнокультурная специфика, русский язык, китайский язык.

Введение

Язык отражает окружающий мир разными средствами, в него проецируются архетипы, уклад, история, верования и особенности культуры этноса. В этноязыковом сознании человека оформляется концептуальная картина мира, национальная специфика которой представляет интерес для современной лингвистики [1]. Сопоставительное изучение лингвокультур позволяет определить сферы межкультурной коммуникации и национальное своеобразие языка и культуры в разных областях деятельности [2-6]. Сопоставительная фразеология направлена на выявление этноспецифики в выражении фразеологической семантики [7-10] и осмыслении ценностной картины мира [11, 12]. Сопоставительное исследование фразеологии в лингвокультурологическом аспекте представляется своевременным и актуальным, поскольку межъязыковые и межкультурные контакты разных народов носят устойчивый характер. Фразеология сохраняет в языке живые образы и метафоры, воспроизводящие картину мира, унаследованную от предков, аккумулирует культурный потенциал народа. Центром внимания исследователей становятся явления фразеологической эквивалентости и лакунарности как выражение этнокультурной специфики сопоставляемых фразеологических систем.

Поскольку цветовая картина мира является одной из базовых универсалий любой культуры, сравнительно-сопоставительный аспект исследования актуален также для решения проблемы выявления универсального и

национально-специфического в цветовой картине мира разносистемных языков, таких как русский и китайский. Возросший интерес к китайскому языку обусловлен масштабностью контактов и необходимостью эффективной коммуникации, важным условием которой становится расширение знаний о культуре партнера. Русские и китайские фразеологические единицы с компонентом-колоративом в аспектах межъязыковой эквивалентности и лакунарности еще не были предметом специального рассмотрения и требуют углубленного сопоставительного анализа.

Объект изучения в данной работе составляют фразеологические единицы с компонентом-колоративом в русском и китайском языках. Предметом исследования являются межъязыковая эквивалентность и лакунарность русской и китайской фразеологии в аспекте национально-культурной самобытности. Цель данной работы – выявление и описание универсальных ценностей и этнокультурной специфики в межъязыковых фразеологизмах, находящихся в отношениях эквивалентности и лакунарности. Материалом для послужили фразеологические елиницы колоративом, почерпнутые из фразеологических и толковых словарей, справочников названий цветов русского и китайского языков, информационных ресурсов Интернета, Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и др. Всего анализу подвергнуто около 300 фразеологических единиц русского и китайского языков; к фразеологизмам в широком смысле отнесены семантически связанные устойчивые выражения номинативного и коммуникативного характера, в том числе идиомы, пословицы, поговорки.

Задача выявления этнокультурных особенностей русской и китайской фразеологии определяет методику исследования, которое состоит из нескольких этапов.

Первый этап работы заключался в составлении глоссария на основе фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков и других источников: публицистических материалов, художественной литературы и живого общения носителей языка.

На втором этапе исследования производилась верификация семантики и внутренней формы фразеологических единиц китайского языка и выявлялся круг ассоциативных реакций на русские и китайские фразеологические единицы путем лингвистического и ассоциативного экспериментов, респондентами которых были носители русского и китайского языков.

Следующий этап — сопоставление собранного материала и его интерпретация в русском и китайском языках: а) выявление межъязыковых фразеологических эквивалентов и их классификация; б) обнаружение и лингвокультурное описание межъязыковых лакун и лакунарных фразеологических единиц разного типа.

Проблемы исследования

Обратимся к проблеме межъязыковой фразеологической эквивалентности. Эквивалентом в лингвистике называется «единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что другая

единица речи» [13. С. 522]. Под фразеологическими эквивалентами понимаются фразеологические обороты, совпадающие «и по смыслу, и по образной основе» [14. С. 10]. Эквивалентные отношения языковых единиц наблюдаются как внутри одного языка, так и при сопоставлении разных языков. В контрастивной лингвистике и переводоведении под межъязыковыми лексическими эквивалентами понимают межъязыковые синонимы — постоянные равнозначные соответствия, которые до определенного времени и места уже не зависят от контекста [15]. Проблема межъязыковой эквивалентности «является критерием и мерилом сопоставительного анализа, поскольку выявление сходств и различий между единицами языков — основную задачу контрастивной лингвистики — можно иначе обозначить как исследование факторов, создающих и нарушающих эквивалентные отношения» [16. S. 67].

Проблемы межъязыковой фразеологической эквивалентности и лакунарности занимают особое место среди круга задач контрастивной фразеологии. По мнению Ю.А. Долгополова, впервые употребившего термин «межъязыковые фразеологические эквиваленты», так называются «фразеологизмы, совпадающие по своей семантике, образу, стилистической окраске» [17. С. 207]. Таким образом, анализ отношений фразеологической эквивалентности строится на основе сопоставления фразеологической семантики, образного строя и стилистических свойств разноязычных фразеологических единиц (аналогичное понимание см. в работе [18]). В дальнейшем в процессе разработки проблемы межъязыковой эквивалентности фразеологических единиц внимание ученых привлекает также структурнограмматический и компонентный состав разноязычных фразеологизмов [19]. Кроме этого, разрабатываются аспекты анализа денотативносигнификативного, коннотативного компонентов семантики фразеологических единиц [20, 21].

К межъязыковым фразеологическим эквивалентам относятся фразеологические единицы в сопоставляемых языках, совпадающие друг с другом по семантике (фразеологическому значению), это межъязыковые равнозначные соответствия. С точки зрения структурно-типологических и семантических сходств и различий фразеологических единиц в сопоставляемых языках лингвистами выделяются следующие виды эквивалентов: полные и неполные / частичные / ограниченные.

Под полными фразеологическими эквивалентами понимают фразеологизмы, «имеющие одинаковые сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочную, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию, структурно-грамматическую организацию и компонентный состав. При этом совпадение структурно-грамматической организации... фразеологических единиц подразумевает учет специфики типологических признаков, присущих одному языку и не характерных для другого» [19. С. 97–98]. Помимо названных характеристик, полные фразеологические эквиваленты обладают идентичной внутренней формой. Под внутренней формой фразеологической единицы принято понимать

«...диахроническую связь фразеологического значения оборота и его этимологию» [20. С. 42]; внутренняя форма фразеологизма выводится из прямых значений входящих в него компонентов. *Неполные (частичные) фразеологические эквиваленты* при общности семантики имеют незначительные различия в плане выражения и внутренней форме (ср.: [22]).

Разработка теории языковой лакунарности восходит к трудам В.Л. Муравьева, Ж.П. Вине. Ж. Дарбельне. Е.М. Верешагина. Е.Г. Костомарова, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, Г.Д. Ю.С. Степанова, Л.Г. Золотых, С.Г. Тер-Минасовой, И.Ю. Марковиной, Г.В. Быковой и др. В переводе с латинского lacuna, ае, f значит 'пропуск, яма'. В компаративной лингвистике лексической лакуной считается отсутствие в лексической системе языка слова для значения, выраженного в других языках [23; 24. С. 120-121].

Под межъязыковой (интерлингвистической) лакуной понимается пробел, пустота, отсутствие полного эквивалента в одном языке по отношению к определенной языковой единице сопоставляемого языка. По мнению В.Г. Гака, интерлингвистические лакуны – это межъязыковые лакуны, т.е. «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют специальное вербальное обозначение в другом языке» [25. С. 261]. Интерлингвистическая лакуна в одном языке коррелирует с лакунарной языковой единицей в сопоставляемом языке. Вслед за Л.К. Байрамовой мы определяем «межъязыковую лакунарную единицу как такую, которая в другом языке имеет пробел, пропуск, пустоту, т. е. лакуну – нулевой коррелят лакунарной единицы» [26. С. 22]. Соответственно, под межъязыковой лакунарной фразеологической единицей понимается фразеологизм, который в сопоставляемом языке имеет лакуну, пробел во фразеологической системе языка. Межьязыковая фразеологическая лакунарность - это свойство фразеологических систем языков при их контрастивном описании, отсутствие эквивалентного фразеологизма в сопоставляемом языке. Изучение данного явления позволяет выявить этнокультурную специфику фразеологических систем сопоставляемых языков.

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность

Среди эквивалентных фразеологических единиц русского и китайского языков выделяются полные и неполные (частичные) фразеологические эквиваленты. Под полными межъязыковыми фразеологическими эквивалентами понимаются фразеологические единицы в сопоставляемых языках, совпадающие по семантике, внутренней форме и стилистическим свойствам. Неполные (частичные) межъязыковые фразеологические эквиваленты — фразеологические единицы, имеющие в сопоставляемых языках идентичную / близкую семантику и различающиеся внутренней формой, компонентным составом и/или стилистической окраской. Внутренняя форма выражает «первоначальное денотативное значение, вытекающее из

совокупности реальных значений слов-компонентов» [27], поэтому внутренняя форма китайской фразеологической единицы, как правило, определяется ее дословным переводом. Прозрачную внутреннюю форму имеют фразеологизмы, способные функционировать в речи как свободные словосочетания (называть черное белым; виноград зелен; черная кошка пробежала; рисовать черными красками; черным по белому; белая ворона). Именно во внутренней форме фразеологической единицы, которая является образным представлением о мире, хранится культурная информация, которая придает фразеологизму культурно-национальный колорит (ср.: [28. С. 82]).

К полным межъязыковым фразеологическим эквивалентам можно отнести следующие: *средь бела дня* 'в светлое время суток'; 'днем, при ясном дневном свете' [29. С. 200] — 大天白日 dàtiān-báirì 'белый день, среди бела дня, днем' [Там же]; данные фразеологические единицы семантически соотносятся со светлым временем суток, компонент-колоратив *белый* — 白имеет значение 'светлый' [30]; *с белого листа* — 白纸 báizhǐ.

Русское устойчивое сочетание с белого листа, синонимичное выражению с чистого листа, имеет значение '(начать) что-либо заново, сначала'; приведем примеры употребления фразеологической единицы с компонентом-колоративом белый: «Какой женщине не хочется счастья! Решили начать с белого листа. Да только недолго продолжалось то призрачное счастье» (Ольга Шило. Предаст ли еще раз единожды предавший? // Семья. 2001.11.14); «Девушка бросила мать, дочку и решила начать жизнь сначала, так сказать, с белого листа» (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)); «Много происходит чего-то такого каждого / в жизни каждого из нас / когда кажется / что вот табула раса абсолютно / ты начинаешь с белого листа» («Декабрьские диалоги» на Медузе, которые проводит «Открытая библиотека». Дискуссия журналистов Романа Супера и Екатерины Кронгауз. 19 декабря 2015) (выделено мною. – О.Щ.) и т.д. [31]. Русский фразеологизм с белого листа полностью эквивалентен китайскому 🖯 纸 báizhǐ (дословно: «белый лист бумаги, белая бумага») 'чистая бумага', имеющему внутреннюю форму в соответствии с дословным переводом «белый лист бумаги, белая бумага» и зафиксированному в китайскорусских словарях в образном значении 'с чистого листа; с нуля': «在美术 方面他是一张白纸,得从头学起/рус. он ничего не знает об искусстве, поэтому ему приходится обучаться с нуля, с чистого листа [30]. Таким образом, становится очевидным, что проанализированные разноязычные коррелятивные фразеологические единицы идентичны по семантике, внутренней форме, стилистическим свойствам и, следовательно, являются полными (абсолютными) межъязыковыми фразеологическими эквивалентами.

Фразеологизмы рус. *черная душа* 'злой человек' и кит. 黑良心 hēiliángxīn (*дословно*: «черная совесть») 'злодей' [30] также являются полными межъязыковыми эквивалентами, поскольку совпадают по образной фразеологической семантике; при этом они идентичны своей внутренней

формой и компонентным составом: рус. *черный* и кит. 黑 hēi имеют тождественную семантику 'отрицательный, плохой, злобный'. Рус. *душа* и кит. 良心 liángxīn обозначают внутренний мир, характер человека: слово *душа* отмечено в значениях 'психический мир человека, человек с теми или иными свойствами характера' [32], кит. 良心 liángxīn зафиксировано в словарях со значениями 'совесть, честь; честность, добросовестность, сознательность' и включает в себя семантический компонент 心 xīn 'душа' [30].

К числу неполных межьязыковых фразеологических эквивалентов относятся русская фразеологическая единица называть черное белым [29. С. 392] 'искажать или извращать истину, перевирать факты' и китайский фразеологизм 颠倒黑白 diāndǎo hēibái, имеющий внутреннюю форму «переворачивать, переставлять черное и белое» и образную семантику 'извращать истину, подменять правду неправдой; передергивать факты' [30]. Данные разноязычные выражения идентичны по фразеологическому значению и при этом частично различаются внутренней формой и компонентным составом: в состав русского фразеологизма входит глагол говорения называть, а в китайском эквиваленте использован глагол пространственного перемещения объекта — 颠倒 diāndǎo 'переворачивать, поставить вверх дном, перевернуть верх ногами' [Там же].

К этой же группе неполных межъязыковых эквивалентов относятся фраземы: с одной стороны, рус. черный день — экспрес. 'очень трудное в жизни кого-нибудь время' [29. С. 190], с другой — кит. 黑暗的时光 hēi'àn de shíguāng (дословно: «черное время») 'в расчете на самое трудное время' [30]; компоненты рус. черный — кит. 黑暗 hēi'àn употреблены в одном и том же переносном значении 'мрачный'; неполнота межъязыковой фразеологической эквивалентности связана с семантической дифференциацией компонентов: рус. день и кит. 时光 shíguāng 'время, времена [Там же].

Таким образом, в анализируемой фразеотематической группе выделены полные и неполные межъязыковые фразеологические эквиваленты, которые выражают преимущественно универсальные ценности русского и китайского этносов. Фразеологические единицы, не имеющие соответствий в сопоставляемом языке, называются безэквивалентными и служит проявлением межъязыковой фразеологической лакунарности.

Межъязыковая фразеологическая лакунарность

Явление межъязыковой лакунарности связано с несовпадением, возникающим в результате сравнения языковых, понятийных и иных категорий нескольких лингвокультур [33]. Межъязыковая фразеологическая лакунарность заключается в несовпадении фразеологических категорий разных лингвокультур, в частности в отсутствии эквивалентных фразеологизмов в сопоставляемых языках; межъязыковая лакунарная фразеологическая единица — это фразема, имеющая во фразеологическом пространстве другого языка нулевой коррелят. В рамках данного исследования межъязыковая эквивалентность / лакунарность фразеологических единиц с компонентом-колоративом устанавливается при помощи русских и китайских фразеологических и толковых словарей, а также лингвистических экспериментов с участием носителей китайского языка (см. также: [34. С. 81–87]).

Во фразеологической лакунарности находит выражение этноспецифика фразеологии. При этом следует иметь в виду этнокультурные различия русских и китайцев, проявляющиеся в сложной метафористике и символике образов, заключенных во фразеологизмах. В лакунологии особое внимание уделяется типологии лакун; В.Л. Муравьев и его последователи выделяют следующие типы лакун: абсолютные, относительные, идеографические, ассоциативные [35]. В соответствии с типами лакун производится классификация лакунарных языковых единиц [26], в том числе и фразеологических. В результате компаративного изучения фразеологизмов русского и китайского языков были выявлены следующие группы межъязыковых лакунарных фразеологических единиц.

1. Абсолютно лакунарные межъязыковые фразеологические единицы этноспецифической символики. Эту группу составили безэквивалентные фразеологизмы, т.е. те, по отношению к которым в сопоставляемом языке отсутствуют фразеологические эквиваленты. Абсолютно лакунарные фраземы являются следствием невозможности у носителей сопоставляемого языка выразить фразеологической единицей какое-либо понятие / суждение, фразеологически зафиксированное в другом языке.

Китайское выражение 白包 bái bāo 'белый конверт' ассоциируется с траурными событиями: белый конверт с деньгами в Китае преподносится семье умершего. В то же время устойчивое сочетание 红包 hóngbāo, дословно «красный конверт», имеет значение 'денежный подарок, конверт с деньгами', который обычно дарят на свадьбу, к празднику, в качестве вознаграждения [30]. Данные единицы выражают этноспецифическую символику цвета в китайской лингвокультуре: белый цвет в сознании носителей китайского языка символизирует траур, смерть, в то время как в русской культуре белый цвет связан с праздником, свадьбой, невинностью невесты. В то же время праздник, любовь, счастье, свадьбу, благополучие в китайской культуре символизирует красный цвет.

Русские фразеологические единицы *белая кость* и *голубая кровь* 'человек знатного происхождения' [29. С. 317, 323], а также антонимическое выражение *черная кость* 'человек незнатного происхождения, не дворянин' [Там же. С. 318] являются лакунарными фразеологическими единицами, для которых не существует эквивалентных фразеологических единиц в китайском языке, поскольку в китайском языке и китайской культуре отсутствуют маркеры принадлежности к знатному роду или благородному происхождению, связанные с колоративами *белый* или *голубой*.

Китайская фразеологическая единица 黄袍加身 huáng páo jiā shēn, *дословно*: «надели на него желтый халат», имеет образное значение 'провозгласили императором'. В словарях китайского языка данная фразема зафиксирована в значениях 'стать императором; одержать победу, завоевать

первый приз; вступить на престол; прийти к власти' [29]. В китайской культуре желтый цвет в одежде долгое время символизировал принадлежность к императорской власти и являлся исключительной собственностью феодальных императоров. В современной китайской речи данный фразеологизм употребляется для выражения более широкого значения — достижения победы, вершины в какой-либо сфере деятельности человека. Фразеологическую единицу 黄袍加身 huáng páo jiā shēn (дословно: «надели на него желтый халат») следует считать безэквивалентной лакунарной единицей, поскольку этот статус вытекает из культурно обусловленной этноспецифической символики желтого цвета: это цвет власти, победы.

Лакунарным является и китайский фразеологизм 戴绿帽子 dài lùmàozi, который имеет внутреннюю форму «носить зеленую шапку» и выражает значение 'рогоносец, обманутый муж'. Анализируемая фразеологическая единица несет отрицательную эмоционально-экспрессивную коннотацию, связанную с культурными традициями китайского этноса, и обусловлена тем, что в Древнем Китае закон требовал от публичных женщин (проституток), их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зеленые головные уборы) [Там же]. Вследствие этого зеленый цвет в Китае символизирует супружескую неверность.

Данная символика зеленого цвета отсутствует в русской картине мира, в ней зеленый цвет символизирует усталость, болезнь, высокую степень проявления негатива, недовольства или раздражения, алкоголь, пьянство: в глазах позеленело, допился до зеленого змия, позеленел от злости, зеленая тоска, зеленый змий, зелено вино на пагубу дано. Отсутствие у сопоставляемых в русском и китайском языках идентичных по семантике и внутренней форме фразеологизмов позволяет включить их в разряд абсолютно лакунарных. Названные китайские и русские безэквивалентные фразеологические единицы отражают этнокультурную символику цвета (белого, красного, черного, голубого, желтого, зеленого цветов).

- 2. Относительно лакунарные межсьязыковые фразеологические единицы. В эту группу вошли разноязыковые фразеологизмы, хотя и коррелирующие друг с другом по семантике, но различающиеся либо понятийным объемом, либо ассоциативной коннотацией. В соответствии с этим выделены векторные и ассоциативные лакунарные межъязыковые фразеологизмы.
- 2.1. *Векторные* относительно лакунарные межъязыковые фразеологизмы различаются понятийным объемом и/или структурой фразеологического значения. Они соотносятся с векторными лакунами, выделяемыми В.Л. Муравьевым, И.А. Стерниным, Б. Харитоновой, Г.В. Быковой и другими лингвистами на основе несовпадения понятийных объемов разноязычных единип.

Сопоставим две фразеологические единицы: русскую *черные времена* и китайскую 黑暗时期 hēi'àn shíqī, *дословно*: «черные времена». Русское устойчивое словосочетание *черные времена* употребляется в значении 'тя-

желые, мрачные времена', о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка:

«Через много лет после этого, когда минули тяжкие, *черные времена* для Кулиева и его народа, он писал Симонову: «Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную звезду» (Лазарь Ильич Лазарев. «Для будущих историков нашего времени» (последняя работа Константина Симонова. 1989);

«Попечительство у нас издавна принято понимать весьма своеобразно. Для университета настали *черные времена*. Все, что было в университете молодое, свободное, мыслящее, подверглось преследованиям» (Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003);

«Даже в те *черные времена*, когда многие падали духом, потому что партия громила космополитов» (Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии. 2000); «И он отыгрался — при нем для оперетты в эфире наступили *черные времена*, настоящий «мертвый сезон» (Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... 2000) (курсив мой. — $O.\mathcal{U}$.) [30].

Китайский фразеологизм 黑暗时期 hēi'àn shíqī (дословно: «черные времена»), в отличие от русского, является многозначным и зафиксирован в значениях: 1) 'мрачные времена'; 2) ист. 'Темные века (раннее Средневековье)' [30]. Поскольку анализируемые русский и китайский фразеологизмы различаются понятийным объемом и структурой фразеологического значения, их можно квалифицировать как векторные относительно лакунарные межъязыковые фразеологизмы, которые совпадают только в одном значении – 'мрачные, тяжелые времена'. Китайское выражение имеет дополнительное значение, отсутствующее в русском языке: ист. 'Темные века (раннее Средневековье)'; в этом значении находит отражение характерное для китайской культуры содержание. В истории Китая Темные века связаны с определенным периодом его развития, отличающимся от одноименного периода в европейской истории (VI-X вв.). «В Китае Темные века начались с восстания «Желтых повязок» и гибели династии Хань (183 г.) и закончились с появлением национальных китайских царств (Бэй Чжоу и Бэй Ци) в середине V в.» [36. С. 180]. В русском языке словосочетание «темные века» является метафорой и не связано с определенным периодом истории России. Таким образом, в межъязыковой фразеологической векторной лакунарной единице 黑暗时期 hēi'àn shíqī заключена этнокультурная специфика.

Русская фразеологическая единица *белая горячка* 'алкогольный делирий' (последствие запоя) является лакунарной, которой в китайском языке соответствует векторная относительная лакуна, обусловленная несовпадением понятийных объемов разноязычных фразеологических единиц [35]. Русский фразеологизм *белая горячка* 'алкогольный психоз' [29]] обозначает последствие запоя, возникающее «у больных хроническим алкоголизмом на фоне похмельного синдрома, который развивается вслед за прекращением запоя» [37], в то время как китайское выражение 酒狂病 jiǔ

kuáng bìng 'белая горячка; <u>запой</u>' [30] имеет более широкое значение – 'ал-коголизм'.

Таким образом, «понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. оказываются родовыми относительно видовых понятий другого языка» [35].

2.2. Ассоциативные относительно лакунарные межьязыковые фразеологизмы — это разноязычные фразеологические единицы, имеющие нетождественные ассоциативные коннотации; в данном случае лакунарные фразеологические единицы одного языка коррелируют с ассоциативными лакунами сопоставляемого языка [38]. По мнению В.Л. Муравьева, ассоциативные лакунарные единицы — это «слова или словосочетания, вызывающие у большинства носителей языка стойкие ассоциации, порожденные... национальным мышлением, и отсутствующие в иной цивилизации» [35]. Ассоциативные лакуны проявляются в нетождественности ассоциаций, закрепленных в сознании людей за разноязычными языковыми единицами. Эти нетождественные ассоциации во многом обусловлены внутренней формой разноязычных фразеологических единиц. Прозрачная внутренняя форма фразеологических единиц китайского языка определяется обращением к их дословным переводам.

Для выявления ассоциативных лакунарных фразеологических единиц был проведен ассоциативный лингвистический эксперимент, в котором приняли участие носители русского и китайского языков, около сорока человек. Русским и китайским респондентам было предложено подобрать ассоциации к межъязыковым фразеологизмам, соответственно русским и китайским. В результате сопоставления полученных ассоциативных рядов выявлялись ассоциативные лакуны — нетождественные ассоциативные реакции на межъязыковые фразеологические соответствия.

Приведем примеры ассоциативных лакунарных фразеологизмов.

Ассоциативными относительно лакунарными фразеологическими единицами являются китайский фразеологизм 背黑锅 bēi hēiguō — дословно: «нести на спине черный котел», обозначающий 'нести ответственность за чужие проступки' [30], и русская фразеологическая единица козел отпущения 'человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, несущий ответственность за других' [39. С. 272]. В ней находит отражение специфика русской фразеологической картины мира. Данная единица имеет библейское происхождение и восходит к ритуалу, описанному в Ветхом Завете: козел отпущения — это животное, которое после символического возложения на него грехов всего народа обрекали на гибель, отпуская в пустыню.

Прозрачная внутренняя форма обусловливает различие ассоциативных коннотаций анализируемых фразеологизмов: у носителей китайского языка, кроме прочих, отмечены следующие устойчивые ассоциации: 黑 'черный', 锅 'горшок, кастрюля', 背 'нести', 有罪的 'виноватый', 无罪的 'не-

виноватый', 倒霉 'невезение', 骗局 'мошенничество' и подобные. Носители русского языка назвали такие ассоциации, как козел, простак, виноватый, обвиняемый, невиновный, заброшенный, ненужный, наказанный ни за что, жертва, жертвоприношение, религия. Очевидно, что различие ассоциативных реакций связано прежде всего с внутренней формой предложенных пословиц: на китайскую фразему — 黑 'черный', 锅 'горшок, кастрюля', 背 'нести'; на русскую — жертва, жертвоприношение, религия.

Китайская фразеологическая единица 白璧无瑕 báibì wúxiá (дословно: «на белом нефрите ни пятнышка») 'совершенный, безупречный, без изъяна; кристально-чистый, непорочный' [30] и русская ни сучка ни задоринки 'без каких-либо изъянов, недостатков' [29. С. 669] также являются ассоциативными лакунарными единицами, в которых внутренняя форма вызывает культурно обусловленные ассоциации. Так, в древнем Китае нефрит считался царем камней и ценился выше золота и серебра. Об этом свидетельствует китайское изречение: «Золото имеет цену, нефрит же бесценен»; нефритовый цвет воспринимался как очень красивый, чистый цвет. Белый нефрит ценится в культуре Китая выше нефрита других оттенков, он издавна служил олицетворением всего благого и символизировал власть императора; хотанский молочно-белый нефрит цвета «бараньего жира» с матовым оттенком мог принадлежать только императору – «Сыну Неба» [40]. Поэтому в китайском языке существуют специальные обозначения оттенка нефритового цвета, включающее иероглиф 🖯 'белый', – колоративы 白玉色 báiyù sè, 白壁色 báibì sè 'цвет белого нефрита' [30]. Китайское 壁 ві служит обозначением не только нефрита, но и яшмы; яшмовой регалии'. Кольцеобразная яшмовая регалия являлась драгоценным атрибутом, знаком власти китайской знати, например: 壁琮 bì cóng – восьмигранная яшмовая регалия князя и княгини [30].

Русская фразема ни сучка ни задоринки 'без недостатков, идеальный, совершенный отражала национальное своеобразие русской фразеологической / языковой картины мира. Данное выражение зафиксировано в первом выпуске словаря В.И. Даля (1863 г.) в словарной статье к слову задирать с указанием производных на его базе: «Задор, задирка также задраное место на чем, заноза на дереве, задора, задорина, зацепа, зацепина, защепа, заструга. Тут ни сучка, ни задоринки, все гладко» (подчеркнуто мною. – О.Ш.) [41. С. 513] и употреблено скорее в прямом значении при оценке поверхности дерева – 'гладко, без изъяна', а не в переносном. Фразеологическая единица в переносном значении 'без недостатков, идеально' отмечена, по данным Национального корпуса русского языка, в это же время: («Все в порядке. Ни сучка, ни задоринки!» К.М. Станюкович. Василий Иванович. 1866) и сохраняется в дальнейшем, выступая в функции наречия, категории состояния, прилагательного: «Надя внимательно проверила домашнее задание брата и даже ахнула – все чисто, аккуратно, ни сучка ни задоринки!» (2016 г.) [42].

Фразеологизм ни сучка ни задоринки восходит к профессиональному языку столяров, краснодеревщиков: слово задорина 'неровность, задранное место на гладкой поверхности выструганного дерева' имеет помету «спец.» в словарях Д.Н. Ушакова, Малом академическом словаре [43; 44. С. 517]; сучок – «часть ветви, заключенная в древесине ствола» [45]. Столярное дело занимало значимое место в русской культуре, мастера в этой сфере деятельности ценились очень высоко. На всей территории России испокон веков лес являлся основным строительным материалом, и топливом, и источником различных дикоросов, поэтому все, связанное с лесом, становилось важным содержанием жизни всех слоев населения. Высоко ценился корабельный лес, из леса строили и боярские хоромы, и крестьянские избы, из дерева делали сани и телеги, изысканную барскую и незатейливую крестьянскую мебель. Таким образом, обработка древесины в России стала одним из самых распространенных ремесел. Мастера предъявляли высокие требования к деловой древесине: лес должен был хорошо пилиться и строгаться ручным инструментом – это трудоемкая работа. Кроме этого, имелся постоянный спрос на прямой и гладкий лес, лишенный сучков, особенно придирчивы были краснодеревщики, которые изготовляли красивую салонную мебель с инкрустацией и мягкой обивкой; поверхность дерева высокого качества обработки должна быть гладкой, без сучков и шероховатостей. Работа по обработке дерева с таким результатом уподоблялась любому виду деятельности, достигшему совершенства. От строителей и столяров выражение ни сучка ни задоринки вошло в общеупотребительную лексику с метафорическим значением - как показатель высокого качества любой работы и идеального состояния, совершенства предмета речи. Например: «Я так напишу челобитенку или другое, что ни сучка, ни задоринки не будет». 1896–1912 [46]; «Его отличный русский язык (ни сучка, ни задоринки) был воспитан именно в России, в Москве...». Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964 г.) [31]. Таким образом, во фразеологической единице ни сучка ни задоринки сохранились представления об одной из традиционных форм труда, составляющих специфику русской культуры.

По итогам ассоциативного эксперимента выявлены различия в ассоциативных реакциях на анализируемые фраземы; эти различия свидетельствуют об ассоциативных лакунах: на стимул 白璧无瑕 báibì wúxiá (дословно: «на белом нефрите ни пятнышка») 'совершенный, безупречный, без изъяна' китайские студенты привели ассоциации, отсутствующие в ответах русских респондентов: 白色'белый', 玉壁 'лучший самоцвет', 壁 'нефрит', 无暇的 'совершенный', 十全十美 'полностью и без изъяна', 瑕 'изъян; пятно на яшме'; на стимул ни сучка ни задоринки русские респонденты назвали следующие ассоциации, не приведенные китайцами: гладкий, ровный, строганый, строевой лес, хорошая доска и под. Данные ассоциативные лакуны обусловлены внутренней формой межъязыковых фразем и подтверждают их статус как ассоциативных относительно лакунар-

ных, отражающих национальную специфику русской и китайской лингвокультур.

Русская фразеологическая единица вынашивать черные мысли 'затаить зло' в китайских источниках переводится двумя фразеологизмами, которые идентичны по семантике, но различны по внутренней форме и в соответствии с ней вызывают абсолютно разные ассоциации: 1) 吃了煤炭 — 黑了心了 chīle méitàn — hēile xīnle (дословно: «сьел уголь — почернел нутром») [47. С. 133]; 2) 猴儿拉稀 — 坏了肠子 hóu er lāxī—huàile chángzi (дословно: «мартышку прохватил понос — испортилась утроба») 'задумать зло; затаить коварный умысел; вынашивать черные замыслы' [48. С. 180]. Очевидно, что в межъязыковых ассоциативных лакунарных фразеологизмах используются различные образные средства для выражения одного и того же смысла.

В результате проведенного ассоциативного эксперимента носители русского языка на стимул вынашивать черные мысли отреагировали следующими ассоциативными реакциями: зло, предательство, навет, донос, черная душа, скверный поступок, испорченные отношения, ссоры.

Носители китайского языка на стимул 吃了煤炭 — 黑了心了 chīle méitàn — hēile xīnle 'задумать зло' выдали следующие ассоциативные реакции, отсутствующие у русских респондентов на русскую пословицу: 木炭 'древесный уголь', 心 'сердце', 坏心肠 'бессовестный, подлый', 生病 'заболеть', 良心 'совесть', 缺德 'бесстыжий'; вторая фразеологическая единица 猴儿拉稀—坏了肠子 'вынашивать черные замыслы' вызвала следующие ассоциации: 猴子 'обезьяна', 拉稀 'слабить', 坏肚了'испортить желудок', 肠子 'кишки, нутро, сердце', 肚子 'брюхо', 疼痛 'боль', 狡猾 'лукавый'. Различия в ассоциативных реакциях, т.е. ассоциативные лакуны, в данном случае обусловлены различной внутренней формой фразеологических единиц.

К ассоциативным относительно лакунарным фразеологизмам относятся также следующие пары разноязычных единиц: 近朱者赤,近墨者黑 jìnzhūzhě chì, jìnmòzhě hēi — c кем поведешься, от того и наберешься; 王八 瞅绿豆 — 对了眼了 wángbā chǒu lǜdòu yī duìle yǎnle — прийтись по сердиу. Остановимся на каждом из них.

Китайская фразема 近朱者赤, 近墨者黑 jìnzhūzhě chì, jìnmòzhě hēi дословно переводится следующим образом: «тот, кто близок к киновари, красен, кто близок к туши – черен»; «имеющий дело с киноварью пачкается в красный цвет, имеющий дело с тушью – в черный», ее образное значение идентично русской пословице с кем поведешься, от того и наберешься [30; 47. С. 119]; фразеологическое значение анализируемых единиц – 'с кем начинаешь общаться, дружить, с того и берешь пример'; «от человека, с которым общаешься, дружишь, с которым часто встречаешься, невольно перенимаешь его взгляды, привычки, начинаешь подражать ему в чемлибо» и неодобрительную оценочную коннотацию [48]. Выражение меж-

личностных отношений в русской и китайской фразеологии имеет различную сферу прототипических ситуаций. В китайском языке прототипическая ситуация анализируемого выражения связана с ремеслом, изобразительным искусством в Китае, в котором частым является сочетание красного и черного цветов, в русском же языке во фразеологических соответствиях ассоциативная связь с цветом практически не встречается (ср. у В.И. Даля: Возле пылу постой, раскраснеешься; возле сажи — замараешься [49], в современных словарях русского языка данная пословица отсутствует).

Анализируемые фраземы имеют прозрачную внутреннюю форму, вытекающую из семантики слов-компонентов, входящих в состав фразеологических единиц. Это приводит к различным ассоциативным коннотациям, выявленным в ходе ассоциативного эксперимента. Так, ассоциативные лакуны обусловлены следующими реакциями на китайскую фразему: 赤 'красный', 墨 'чернила', 黑 'черный', 颜料 'краска', 外部环境 'окружающая среда', 近 'рядом', отсутствующими среди ассоциаций русских респондентов на фразеологическую единицу с кем поведешься, от того и наберешься: выбирать, дружить, друг, увлечение, хобби, плохой, компания, брать пример, подражать и др.

Китайское 王八瞅绿豆 — 对了眼了 wángbā chǒu lùdòu yī duìle yǎnle (дословно: «черепаха уставилась на зеленую горошину — пришелся глаз на глаз») 'приглянуться' и русское прийтись по сердцу [47. С. 133]. Ассоциативная лакунарность данных фразеологических единиц также нашла доказательство в результате интерпретации ассоциативного эксперимента. Китайское 王八瞅绿豆一对了眼了 'приглянуться' позволило выявить следующие ассоциативные лакуны: 鳖 'черепаха', 王八 'черепаха', 豆 'бобы', 绿豆 'зеленая фасоль', 瞅 'смотреть', 眼 'глаза', 兴趣爱好相同 'взаимная симпатия'. Русская идиома прийтись по сердцу вызвала отличающиеся от предыдущих ассоциативные реакции: полюбить, влюбиться, сердечный, искренний, сердечные дела.

Таким образом, по данным ассоциативного эксперимента с участием русских и китайских респондентов, рассмотренные выше сопоставляемые относительно лакунарные фразеологические единицы при их семантическом сходстве вызывают разные ассоциативные и культурные коннотации, вытекающие из различий во внутренней форме. Кроме того, внутренняя форма китайских фразеологических единиц зачастую является более конкретной по сравнению с внутренней формой соответствующих русских фразеологизмов и когнитивная особенность формирования их фразеологической семантики в китайском языке заключается в движении от конкретной ситуации к абстрактному выводу.

Заключение

Компаративный анализ фразеологических единиц с компонентом-колоративом в русском и китайском языках, проведенный в аспектах фра-

зеологической эквивалентности и лакунарности, позволяет выявить этнокультурные характеристики сопоставляемых лингвокультур.

Среди разноязычных фразеологических единиц с элементом-цветообозначением выявлены полные и неполные эквиваленты, которые выражают универсальные черты фразеологических картин мира русской и китайской культур, связанные с символикой цвета и отражающие общечеловеческие ценности.

Изучение межъязыковой фразеологической лакунарности дает богатый материал для описания особенностей мировосприятия и культуры соответствующих этносов. Выявление и анализ лакунарных межъязыковых фразеологических единиц, содержащих национально-культурную информацию, и соответствующих межъязыковых лакун, свидетельствующих об отсутствии данной информации во фразеологической картине мира сопоставляемого языка, приводят к выводу о национальной специфике лингво-культур. Во фразеологическом пространстве единиц с компонентом-цветообозначением обнаружены следующие типы межъязыковых лакунарных фразеологических единиц: абсолютно и относительно лакунарные фраземы; среди относительно лакунарных фразеологических единиц русского и китайского языков имеются межъязыковые векторные и ассоциативные фразеологизмы.

Наибольшую информацию об этнокультурной специфике содержат межъязыковые абсолютно лакунарные фраземы, не имеющие фразеологических эквивалентов в сопоставляемом языке. Ассоциативные относительно лакунарные межъязыковые фразеологизмы, выявленные в результате проведенного ассоциативного эксперимента, коррелируют в сопоставляемых языках с ассоциативными лакунами, которые вызваны различной внутренней формой фразем. Именно во внутренней форме данных единиц содержится культурная семантика, составляющая специфику национальной культуры. Сравнительно менее информативны в этом отношении векторные межъязыковые относительно лакунарные фразеологические единицы, имеющие различную структуру или понятийный объем фразеологического значения. Тем не менее данные различия также зачастую обусловлены своеобразным видением мира, менталитетом, традициями, историей носителей сопоставляемых языков.

Разработанная методика сопоставительного изучения межъязыковых фразеологизмов с компонентом-колоративом может быть применена для изучения межъязыковой эквивалентности и лакунарности единиц иных фразеосемантических групп и языков с целью выявления универсалий и этноспецифики лингвокультур.

Литература

1. Золотых Л.Г. Формирование лингвокультурологической компетенции при изучении фразеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 1. С. 29–35.

- 2. *Мишанкина Н.А., Деева А.И*. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 29–37.
- 3. *Митяева А.П., Щитова О.Г.* Языковая объективация концепта *бизнес* в русской и английской лингвокультурах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (168). С. 53–58.
- 4. *Трофимова Н.А., Щитова О.Г.* Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 48–53.
- 5. *Щитова О.Г.*, *Дам Т.Н.Ч*. Неисконная экологическая терминология в русском и английском языках // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3 ч. Ч. 3. С. 170–172.
- 6. Deniko R.V., Shchitova O.G., Shchitova D.A., Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. № 215. P. 107–111.
- 7. *Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С.* Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 5–16.
- 8. Щитов А.Г., Айдынли М.А. Вариативность смыслов и образов в турецкой и русской фразеологии // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. № 7, ч. 2. С. 209—211.
- 9. *Щитов А.Г.* Жизнь семьи в русских и вьетнамских пословицах: к проблеме фразеологической эквивалентности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. 1. С. 213–216.
- 10. *Щитов А.Г., Мао Ч.* Язык в культуре русских и китайских пословиц // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26), ч. 2. С. 211–215.
- 11. Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58.
- 12. *Краснобаева-Черная Ж.В.* Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 98–116.
- 13. Ахманова O.C. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 608 с.
  - 14. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
- 15. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_l_l_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf (дата обращения: 02.02.2020).
- 16. Которова Е.Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике: сопоставительное исследование русского и немецкого языков // Berliner slavistische Arbeiten. Band 5. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien; Lang, 1998. Europäischer Verlag der Wissenschaften. 415 s.
- 17. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале рус., англ. и нем. языков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1973. 263 с.
- $18.\ Coлoдухо\ Э.М.\ Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань: Изд-во КГУ, 1977. 158 с.$
- 19. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 126 с.

- 20. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
- 21. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- 22. Матвеева Ю.О. Межъязыковые соответствия фразеологических единиц с компонентом музыкальным термином в английском и русском языках // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-sootvetstviya-frazeologicheskih-edinits-s-komponentom-muzykalnymterminom-v-angliyskom-i-russkom-yazykah (дата обращения: 27.01.2020).
- 23. Опарина Е.О. Основные понятия переводоведения: (Отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник. М., 2010. URL: https://gufo.me/dict/translatology (дата обращения: 02.02.2020).
- 24. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учеб. пособие. М.: Едиториал, 2003. 360 с.
- 25. Γ ак B. Γ . Сравнительная типология французского и русского языков. Л. : Просвещение, 1977. 300 с.
- 26. *Байрамова Л.К.* Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 25 (240). Филология и искусствоведение. Вып. 58. С. 22–27.
- 27. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 20.02.2020).
- 28. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php (дата обращения: 02.02.2020).
- 29. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL (дата обращения: 02.02.2020).
- 30. 大 БКРС (Большой китайско-русский словарь). URL: https://bkrs.info/ (дата обращения: 02.02.2020).
- 31. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.02.2020).
- 32. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения: 02.02.2020).
- 33. *Марковина И.Ю.*, *Сорокин Ю.А*. Культура и текст. Введение в лакунологию : учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
- 34. *Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа К.* Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып 6 (195). С. 81–87.
- 35. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. Владимир: ВГПИ, 1980. 106 с.
- 36. Журавлева И.А. Всемирная история. История средних веков: учеб. пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та, 2007. 214 с. URL: https://alpan365.ru/istoriya-zhuravlyova/(дата обращения: 02.02.2020).
- 37. *Медицинская* энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/4410/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 02.02.2020).
- 38. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: АСМ, Помовский и партнеры, 1994. 120 с.
- 39. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. 668 с.
- 40. *Нефрит* в культуре Китая // Об истории изделий из нефрита. URL: https://geosro.ru/ob-istorii-izdelij-iz-nefrita (дата обращения: 02.02.2020).
- 41. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1863. Т. 1. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/236774 (дата обращения: 02.02.2020).
  - 42. Знания. URL: https://znanija.com/task/20154037 (дата обращения: 02.02.2020).

- 43. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/804354 (дата обращения: 02.02.2020).
- 44. *Словарь* русского языка : [в 4 т.]. Т. 1: А-Й / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А.П. Евгеньева ; ред. А.П. Евгеньева и Г.А. Разумникова]. М. : Рус. яз., 1981. 696 с.
- 45. Строительная терминология // Gufo.me коллекция словарей и энциклопедий. URL: https://gufo.me/dict/building_terms/ (дата обращения: 02.02.2020).
- 46. *Михельсон М.И.* Большой толково-фразеологический словарь русского языка. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/mich 1.htm (дата обращения: 02.02.2020).
- 47. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка: учеб. М.: ACT: Восток Запад, 2007. 509 с. URL: https://nashol.com/tag/voicehovich/(дата обращения: 02.02.2020).
- 48. Викисловарь: Открытая энциклопедия: Многоязычный открытый словарь. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/ (дата обращения: 02.02.2020).
- 49. *Пословицы* русского народа / В.И. Даль. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ Пословицы русского народа (Даль) (дата обращения: 02.02.2020).

Interlingual Phraseological Equivalence and Gaps: An Ethnocultural Aspect (Based on the Russian and Chinese Languages)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 158–179. DOI: 10.17223/19986645/65/10

Olga G. Shchitova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Alexandr G. Shchitov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitovtomsk@mail.ru

Keywords: phraseology, interlingual phraseological equivalence, lacunarity, ethnic and cultural specificity, Russian, Chinese.

The article is devoted to the analysis of interlingual equivalence and gaps in the Russian and Chinese phraseology in relation to ethnocultural specificity. The aim is to identify and describe national-specific features of the phraseological picture of the world in the phenomena of interlingual phraseological equivalence and gaps of Russian and Chinese. The material for the study includes Russian and Chinese phraseological units with a colour component, which is drawn from dictionaries of collocations, explanatory dictionaries, Internet information resources, the Russian National Corpus, and reference books of colour names in Russian and Chinese. The methodology is based on works on the theory of linguistic equivalence and gaps, contrastive phraseology, and linguistic culturology. The article uses descriptive and comparative methods of scientific research. Along with these methods, the authors also use linguistic methods of definitive, semantic, component, and linguoculturological analysis as well as methods of linguistic and associative experiments. The respondents in the experiments are Russian and Chinese students from Tomsk universities. The experiments are aimed at verifying semantics, connotative and stylistic properties of multilingual phraseological units, and at identifying the associations they caused. The article defines the conceptual apparatus referring to problems of contrastive phraseological equivalence and gaps. The typology of interlingual phraseological equivalents is based on the comparison of multilingual units in terms of phraseological semantics, stylistic properties, and the internal form. On the basis of the developed criteria, the classification of interlingual phraseological equivalents is made and their main types are determined: full, partial equivalents, as well as non-equivalent phrasemes. The section on interlingual phraseological gaps reveals absolute and partial language gaps. Among partial gaps, varieties of vector and associative gaps are identified. In accordance with this typology of interlingual gaps, the typology of phraseological units with interlingual gaps is made. The typology is based on a comparison of correlative units of different languages in terms of the conceptual scope, the structure of a phraseological meaning, and associative connotation. From these positions, phraseological units with interlingual absolute and relative

gaps are classified. The latter are further subdivided into phraseological units with vector and associative gaps. The article reveals ethnospecific information contained in the given phraseological units and determines the degree of informativeness depending on the type of the phraseological unit in relation to gaps. Phraseological units with interlingual absolute gaps are considered to be the most informative in terms of national-cultural identity. Relative gap associative and vector units contain a little less informative ethnospecific data.

References

- 1. Zolotykh, L.G. (2007) The formation of the linguacultural competence while studying phraseology. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya RUDN Journal of Russiand and Foreign Languages Research and Teaching.* 1. pp. 29–35. (In Russian).
- 2. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2013) Oil and gas metaphorical terminology: equivalence and asymmetry of translation (based on Russian and English languages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 6 (26). pp. 29–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/26/3
- 3. Mityaeva, A.P. & Shchitova, O.G. (2016) Language objectivization of business concept in Russian and English linguocultures (on the basis of the associative experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 3 (168). pp. 53–58. (In Russian).
- 4. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) Foreign naming units for advanced construction technologies in Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2 (208). pp. 48–53. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-49-54
- 5. Shchitova, O.G. & Dam, T.N.Ch. (2017) Inorganic environmental terminology in Russian and English. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 5 (71) Pt. 3. pp. 170–172. (In Russian).
- 6. Deniko, R.V. et al. (2015) Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 107–111. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.582
- 7. Arsent'eva, E.F. & Arsent'eva, Yu.S. (2017) Extended metaphor as one of the types of occasional use of phraseological euphemisms: an experimental study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/1
- 8. Shchitov, A.G. & Aydynli, M.A. (2015) Variability of meanings and images in the Turkish and Russian phraseology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 7. Pt. II. pp. 209–211. (In Russian).
- 9. Shchitov, A.G. (2015) Family life in the Russian and Vietnamese proverbs: On the problem of phraseological equivalence. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 9 (51). Pt. I. pp. 213–216. (In Russian).
- 10. Shchitov, A.G. & Mao, Ch. (2013) Language in culture of Russian and Chinese proverbs. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8 (26). Pt. 2. pp. 211–215. (In Russian).
- 11. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F. (2018) Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 54. pp. 42–58. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/3
- 12. Krasnobaeva-Chernaya, Zh.V. (2018) Experience of understanding the axiological world image in phraseology: a structural organization (based on Russian, Ukrainian, English and German). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology.* 54. pp. 98–116. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/6

- 13. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- 14. Kunin, A.V. (1984) *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 15. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka. [Online] Available from: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_l_l_tolkovyy_pere-vodovedcheskiy_slovar.pdf. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
- 16. Kotorova, E.G. (1998) Mezh"yazykovaya ekvivalentnost' v leksicheskoy semantike: sopostavitel'noe issledovanie russkogo i nemetskogo yazykov [Interlanguage equivalence in lexical semantics: a comparative study of Russian and German languages]. In: *Berliner slavistische Arbeiten*. Vol. 5. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften.
- 17. Dolgopolov, Yu.A. (1973) Sopostavitel'nyy analiz somaticheskoy frazeologii (na materiale rus., angl. i nem. yazykov) [Comparative analysis of somatic phraseology (based on Russian, English and German languages)]. Philology Cand. Diss. Kazan.
- 18. Solodukho, E.M. (1977) *Voprosy sopostavitel'nogo izucheniya zaimstvovannoy frazeologii* [Issues of Comparative Study of Borrowed Phraseology]. Kazan: Kazan State University.
- 19. Arsent'eva, E.F. (1989) Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits (na materiale frazeologicheskikh edinits, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh) [Comparative Analysis of Phraseological Units (based on phraseological units semantically oriented to a person in English and Russian)]. Kazan: Kazan State University.
- 20. Kunin, A.V. (2005) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of Phraseology of Modern English]. Dubna: Feniks+.
- 21. Teliya, V.N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
- 22. Matveeva, Yu.O. (2016) Interlanguage counterparts of phraseological units with the component musical term in the English and Russian languages. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev.* 3. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-sootvetstviya-frazeologicheskih-edinits-s-komponentom-muzykalnym-terminom-v-angliyskom-i-russkom-yazykah. (Accessed: 27.01.2020). (In Russian).
- 23. Oparina, E.O. (2010) Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt). Terminologicheskiy slovar'-spravochnik [Basic Concepts of Translation Studies (domestic experience). Terminological dictionary]. Moscow. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/translatology (Accessed: 02.02.2020).
- 24. Stepanov, Yu.S. (2003) *Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoy)* [French Stylistics (in comparison with Russian)]. Moscow: Editorial.
- 25. Galk, V.G. (1977) Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of French and Russian Languages]. Leningrad: Prosveshchenie.
- 26. Bayramova, L.K. (2011) Linguistic Lacunary Units and Gaps. *Vestnik Chelya-binskogo gosudarstvennogo universiteta CSU Bulletin*. 25 (240). pp. 22–27. (In Russian).
- 27. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed. Nazran: Piligrim. [Online] Available from: https://lingvistics dictionary.academic.ru. (Accessed: 20.02.2020). (In Russian).
- 28. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).

- 29. Fedorov, A.I. (n.d.) Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. [Online] Available from: http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL. (Accessed: 02.02.2020).
- 30. 太BKRS (Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar') [大BKRS (Large Chinese-Russian Dictionary)]. [Online] Available from: https://bkrs.info/. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
- 31. Russian National Corpus. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 02.02.2020).
- 32. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/ozhegov. (Accessed: 02.02.2020).
- 33. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text. Introduction to Lacunology]. Moscow: GEOTAR-Media.
- 34. Shchitova, O.G., Shchitov, A.G. & Khua, K. (2018) Cognitive modeling of color naming in Russian and Chinese. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (195). pp. 81–87. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-81-87
- 35. Murav'ev, V.L. (1980) *Problemy vozniknoveniya etnograficheskikh lakun: posobie po kursu tipologii russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Problems of the Emergence of Ethnographic Gaps: A Manual on the Typology Course of the Russian and French Languages]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute.
- 36. Zhuravleva, I.A. (2007) *Vsemirnaya istoriya. Istoriya srednikh vekov* [The World History. History of the Middle Ages]. Tula: Tula State University. [Online] Available from: https://alpan365.ru/istoriya-zhuravlyova/. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
- 37. Akademik. (n.d.) *Meditsinskaya entsiklopediya* [Medical encyclopedia]. [Online]. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/4410/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F. (Accessed: 02.02.2020).
- 38. Dobrovol'skiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Associative Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ASM, Pomovskiy i partnery.
- 39. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1960) *Krylatye slova* [Winged Words]. Moscow: Gosudarstvennoye. Izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- 40. Geosro.ru. (2019) *Nefrit v kul'ture Kitaya* [Jade in the culture of China]. [Online] Available from: https://geosro.ru/ob-istorii-izdelij-iz-nefrita. (Accessed: 02.02.2020).
- 41. Dal', V.I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Saint Petersburg; Moscow: [s.n.]. Vol. 1. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/236774. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
- 42. Znaniya. (2016) *Pridumayte predlozheniye s frazeologizmami: kak s gusya voda, ni suchka ni zadorinki* [Male a sentence with phraseological units: kak s gusya voda, ni suchka ni zadorinki]. [Online] Available from: https://znanija.com/task/20154037. (Accessed: 02.02.2020).
- 43. Ushakov, D.N. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/804354. (Accessed: 02.02.2020).
- 44. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
- 45. Gufo.me. (2020) *Stroitel 'naya terminologiya* [Construction Terminology]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/building_terms/. (Accessed: 02.02.2020).
- 46. Mikhel'son, M.I. (2004) *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory and Phraseological Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: http://www.ets.ru/pg/r/dict/mich_1.htm. (Accessed: 02.02.2020).

- 47. Voytsekhovich, I.V. (2007) *Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* [Practical Phraseology of the Modern Chinese Language]. Moscow: AST: Vostok Zapad. [Online] Available from: https://nashol.com/tag/voicehovich/. (Accessed: 02.02.2020).
- 48. Vikislovar'. Otkrytaya entsiklopediya. Mnogoyazychnyy otkrytyy slovar'. [Wiktionary. The free encyclopedia. The free multilingual dictionary]. [Online] Available from: https://ru.wiktionary.org/wiki/. (Accessed: 02.02.2020).
- 49. Dal', V.I. (2018) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. [Online] Available from: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D1880%D1%83%D1881%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C). (Accessed: 02.02.2020).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-6

DOI: 10.17223/19986645/65/11

А.Ю. Горбенко

ОВИДИИ С ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ БЕРЕГОВ: АВТОМИФОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.¹

На материале художественной прозы, публицистики, эпистолярных текстов и мемуарных свидетельств исследуются автомифотворческие самопроекции на фигуру Овидия, предпринимавшиеся знаковыми сибирскими литераторами рубежа XIX и XX вв. — Н.М. Ядринцевым и Г.Д. Гребенщиковым. Обосновывается, что оба автора (при всех различиях дискурсивных механизмов) в процессе конструирования своих мифо-биографических нарративов реципировали овидиевский изгнаннический сюжет, используя в качестве посредника (жизне)творческий опыт А.С. Пушкина.

Ключевые слова: Овидий, Н.М. Ядринцев, Г.Д. Гребенщиков, областничество, литература эмиграции, автомифотворчество, жизнетворчество, ролевая модель.

На протяжении последней четверти века в исследованиях, посвященных литературе русской эмиграции «первой волны», интенсифицировалось обсуждение насущной потребности поэтов и писателей диаспоры в разного рода автоописаниях. Так, И. Паперно показала, что для художников первой трети XX в. центральной поведенческой моделью стал жизнетекст А.С. Пушкина [1]. Из последних работ, написанных на эту тему, можно назвать монографию Е.Е. Анисимовой, в центре которой находится исследование механизмов и прагматических задач рецепции творческого наследия и биографических образов «классиков» (на примере В.А. Жуковского) представителями литературы диаспоры в рамках концепции завершения культуры золотого века, свидетелями которого они стали (см.: [2]).

Разумеется, вопрос не ограничивается самопроекциями на писателей-«классиков». В качестве ориентиров в процессе самоопределения могли выступать фигуры музыкантов, живописцев или даже святых (в первую очередь – Сергия Радонежского). При этом образцы для самоопределения регулярно трансформировались в ролевые жизнестроительные модели. Эта

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

характерная взаимосвязь четко просматривается в случае Георгия Гребенщикова, сибирского писателя, который в 1920 г. покинул Советскую Россию. В эмигрантский период Гребенщиков активно конструировал идентичность, основанную на сочетании двух понятий - «изгойничества» и «вестничества». Причем в первые годы эмиграции в его публицистике и эпистолярии преобладала идея изгойничества. Так, в очерке 1923 г. «Саркофаг Наполеона» встречается следующая самоаттестация: «...скромный чужеземец, изгнанник своей родины» [3. Т. 3. С. 448]. Однако уже через год, в очерке «Русский жемчуг», Гребенщиков находит эффектную метафору русской эмиграции, рассуждая о рассыпанных «жемчужинах русского искусства», собирающихся затем в «неслыханно чудесное ожерелье со значением всемирной миссии», в силу чего «становится осуществимой единая для всех русских людей мечта о родине, которая родиною нашей делает весь мир» [Там же. Т. 4. С. 415] В 1926 г. в лекции под названием «О Красоте» писатель еще более решительно переосмысливает значение эмиграции (и. соответственно, собственное место внутри нее).

Нам необходимо знать, что бессмертные вестники всероссийской культуры, дети нашей русской красоты, разлетелись по всему земному шару и всюду на разные лады прославляют и возвеличивают русское имя, всюду без слов поют гимны России.

Так что Красоту и силу Русской Культуры теперь нельзя истребить до скончания веков, ибо эти вестники, посланники России, тайно или явно ушедшие во все концы земли: картины, ноты, книги, песни, артисты, искусные руки рабочих, гениальные мысли ученых, и даже просто всероссийское великое страдание и терпение — разве это не самая лучшая весть миру о том, что Россия не только не умрет, но что, напротив, русские границы расширяются до беспредельности [5. Л. 5]².

Как отмечает Г. Тиме, в литературе русской эмиграции 1920-х гг. изгнание, как правило, концептуализировалось как путешествие, т.е. времен-

¹ Необходимо, однако, отметить, что и до, и после 1924 г. подобная концептуализация феномена эмиграции соседствовала в текстах Гребенщикова с резко негативными описаниями диаспоры. Так, в письме Горькому от 29 марта 1922 г. читаем: «...с ручкой за помощью не хожу, с кабашной эмиграцией не общаюсь, да и "коммунистической" недолюбливаю. Живу особняком и жду хорошей поры в России» [3. Т. 3. С. 478]. Ср. в письме И.Г. Савченко (7 декабря 1926 г.): «...как-то эмигрантщина становится невыносимой. Никаких достижений, распад, грызня, "яма" и − умирание. Мне очень хотелось бы, чтобы Ты постепенно уходил от этих людей прошлого. Наше с тобой дело − будущее. <...> Посмотрим просто в будущее и перешагнем все пороги и препятствия. Сибирь − вот где мы можем развернуться. Или же Америка, хотя бы в Европе, но Америка − американская энергия, находчивость, подвижность где бы мы ни очутились. И тогда мы вечно будем молоды, свободны и богаты духом» [Там же. Т. 4. С. 474]. Ср. также отзыв об эмигрантской литературе в очерке «Русские в далеком Уругвае (Из переписки с в рассеянии сущими)» (1937): «...если быть беспристрастным и добросовестным, можно отобрать не мало и жемчужных зерен в этом беспочвенном навозе» [4. Л. 2].

² Текст приведен в соответствие современным нормам орфографии.

ное отсутствие в «своем» пространстве с последующим возвращением в него [6]. В случае Гребенщикова дело обстояло сложнее. Вторая жена писателя Т.Д. Гребенщикова (Стадник) в 1934 г. свидетельствовала, что отъезд писателя из России состоялся «добровольно, на свой счет, вне эвакуации с намерением издать свои труды за границей и затем проехать на Дальний Восток и в Сибирь, на Родину, но развернувшиеся события задержали его за границей» (цит. по: [7. С. 33]. Однако в начале 1920-х гг. Гребенщиков описывал свой добровольный отъезд как изгнание, а несколько позднее, в рамках общей парадигмы, это изгнание характеризовал как путешествие, наделенное высоким телеологическим смыслом. «Нас выгнали в узкие двери из России, – писал он в одном из очерков, – а мы войдем в нее через широкие ворота чудесной и всемирной славы красоты русского не умирающего духа» [3. Т. 4. С. 415].

Итак, интерпретируя феномен собственной эмиграции и — шире — русской эмиграции вообще как мессианскую культурную экспансию, Гребенщиков использовал парадигмальный для эмиграции «первой волны» способ самоопределения, афористически выраженный в известных словах (атрибутируемых то З.Н. Гиппиус, то Д.С. Мережковскому, то Н.Н. Берберовой): «Мы не в изгнании, мы в послании».

С другой стороны, писатель усложнял эту ключевую тенденцию. В 1926 г. он начал работать над публицистической книгой, составленной из посланий к адресатам, рассредоточенным по разным континентам, и озаглавил ее «Гонец. Письма с Помперага». Это название содержит в себе отчетливую фоно-семантическую аллюзию на овидиевские «Письма с Понта». Оба заглавия построены по идентичной модели и содержат гидроним (Помпераг – небольшая река в штате Коннектикут). Как нам представляется, Гребенщиков использует эту отсылку к изгнанническому опыту Овидия, автора «Писем с Понта», для усиления риторической и поведенческой позы изгнанника, которую он, как уже говорилось, активно разрабатывал в середине 1920-х гг.

Хорошо известно, что Овидий вошел в историю европейской культуры как поэт-изгнанник, который несправедливо пострадал от власти в лице императора Октавиана Августа и создал «традицию стихов об изгнании» [8. С. 203]. Гребенщиков же в письме к И.А. Бунину от 31 марта 1939 г. объяснял свой отъезд в Америку кампанией «собратьев в Европе», направленной против него.

Куприн, если Вы заметили, первый написал обо мне в "Возрождении" ошеломивший меня пасквиль. Некая Даманская, которой я не мог устроить карьеру в Холливуде [sic! $-A.\Gamma$.] с ее пьесой, открыто вела против меня кампанию. Γ -жа Γ иппиус писала обо мне явно недоброже-

¹ Анализ гипотез о том, в чем именно состояла вина Овидия, см.: [8. С. 199–200]. М.Л. Гаспаров придерживается версий, возникших в XX в. и сводящихся к тому, что Овидий был наказан не только несправедливо, но и без объявления какой-либо вины [Там же. С. 200].

лательные строки в "Совр<еменных> записках". Милюков не принял моего рассказа в "Посл<едние> нов<ости>". Алданов уклонился от участия в журнале, который я здесь затевал, правда к лучшему, т<ак> к<ак> здесь ничто порядочное долго существовать не может. <...> Словом, много причин для замкнутой (курсив наш. – $A.\Gamma$.), упорной работы [9. С. 249–250].

Как видно, Гребенщиков создает образ Поэта-изгнанника, пострадавшего от литературной элиты¹, в свою очередь, согласно концепции П. Бурдье, являющейся средоточием символической власти [10. С. 24 и сл.]. Это позволяет рассматривать сюжет персонального мифа Гребенщикова как структурно и функционально изоморфный сюжету овидиевской биографии.

Тот факт, что, кроме содержащейся в названии реминисценции, проекция на Овидия никак не эксплицирована в тексте «Гонца», может быть объяснен тем, что Гребенщиков зачастую предпочитал скрывать многие важнейшие источники своих жизнетворческих стратегий. С другой стороны, интертекстуального сигнала, содержащегося в названии, как представляется, вполне достаточно для интерпретации интересующего нас жизнестроительного сюжета в перспективе овидиевского мифа.

Сложно с уверенностью сказать, насколько хорошо Гребенщикову были известны понтийские элегии Овидия — читал ли он их или знал лишь название книги и был отдаленно знаком с ее содержанием. Во всяком случае, это знакомство вполне вероятно, если учесть, что первые (прозаические) переводы «Писем с Понта» на русский язык были выполнены еще в конце XIX в.

Кроме того, в самом начале «Писем с Понта» возникает мотив «пришлых книжек», нуждающихся в приюте. Первое письмо книги Овидия, адресованное Бруту, начинается так:

Публий Назон, давно в отдаленных Томах осевший, С гетских глухих берегов шлет тебе эти стихи. Если удастся тебе, приюти эти пришлые книжки, Где-нибудь в доме твоем место для них отыщи. Скованы страхом, они сторонятся общественных зданий, Воображая, что я им этот путь преградил. Сколько я им не твержу: «Ваше слово нечестью не учит, Ваш целомудренный стих вам отворит эту дверь!» Слушать они не хотят и к тебе с надеждой стремятся: Ларов домашних покой им безопасней всего. Спросишь: «Куда их деть, чтоб никто не остался в обиде?» Пусть эти книги займут место забытых «Наук».

¹ Между тем описания «травли» существенным образом расходились с реальным положением дел: Гребенщиков переехал в Америку в качестве сотрудника музея Н.К. Рериха по личному приглашению последнего.

«Что им здесь делать?» - вопрос твой растерянный явственно слышу.

Их без вопросов прими – слово их чуждо любви. Сразу тебе скажу: хоть нет в их названии скорби, Не веселее они книг, что я прежде писал. Ново названье одно, а суть неизменной осталась, Но не скрываю имен тех, кому это пишу. Вас испугают стихи, но от них никуда не укрыться, И на порог ваш придет робкая Муза моя. К прежним стихам приложи и эти: изгнанника детям В город вход не закрыт, если закон соблюден [11. С. 86].

Этот овидиевский мотив книг - «детей изгнанника» отчетливо перекликается с часто встречающимся в сочинениях Гребенщикова 1920-х гг. мотивом книг-вестников, усвоенным автором «Писем с Помперага» из сочинений семьи Рерихов и их круга. Любопытно в этой связи, что Н.К. Рерих, безусловно, знал об Овидии: имя римского поэта встречается в одном из «листов дневника» Рериха, носящем название «Русский язык» [12. С. 155].

В конечном счете для того, чтобы сконструировать отмеченную интертекстуальную связь, досконального знакомства с полным текстом книги Овидия Гребенщикову не требовалось - вполне достаточно было лапидарного пересказа или даже знания ключевых фактов биографии римского поэта и того, что он был автором «Писем с Понта».

Вместе с тем Гребенщиков мог адаптировать «овидиевский» изгнаннический сюжет не только напрямую, но и сквозь призму пушкинского мифа. Это предположение поддерживается общей ориентацией Гребенщикова на пушкинский жизнетекст, с разной степенью отчетливости эксплицировавшейся на протяжении всей его полувековой писательской карьеры.

В таком случае овидиевское влияние уже практически невозможно отличить от пушкинского: обе прототипические ситуации («Овидий в изгнании» и «Пушкин в изгнании») соединяются в гребенщиковском жизнетексте до полного неразличения².

По словам Ю.М. Лотмана, «отождествление себя с Овидием, а Александра I - с лукавым деспотом Августом <...> давало Пушкину и жизненную роль, и масштаб для измерения собственной личности». «Для Александра I <...> Пушкин был ничтожным чиновником, подвергшимся правительственному взысканию. Пушкин предлагал сам себе и читателям другое объяснение: он - Овидий, поэт, сосланный тираном» [14. С. 66]. Кроме того, как показывает И.В. Немировский, Пушкин обратился к образу Овидия именно в момент сдвига в автоинтерпретациях «южной» ссылки: от

² Такой способ рецепции овидиевского текста («через Пушкина») стал в русской

литературе (особенно - в поэзии) ХХ в. традиционным, ярче всего реализовавшись в

случаях О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского.

¹ Подробнее об этом см.: [13. C. 76–79].

добровольного отъезда к изгнанию [15. С. 19]. Сходным образом, как это явствует из приведенных примеров, поступал и Гребенщиков.

Наконец, автор «Гонца», активно сотрудничавший в сибирских (в частности, томских) журналах и хорошо знакомый с областническим наследием, вполне мог учитывать также более близкий ему и в хронологическом и в географическом смысле прецедент — литературный опыт «старшего» областника Н.М. Ядринцева, испытавшего (подобно Пушкину, но в более суровой форме) политические репрессии.

Ядринцев, побывавший вместе с другим лидером областнического движения Г.Н. Потаниным в тюрьме и ссылке по громкому «Делу об отделении Сибири от России», при разработке проблемы русских переселенцев в Сибирь использовал множество псевдонимов, одним из которых был «Овидий с Томи» (см.: [16. С. 103]).

В письме к Потанину от 4 марта 1873 г. Ядринцев, приводя фрагмент из овидиевских «Писем с Понта» по книге знаменитого британского антрополога Э.Б. Тайлора, признавался: «Я давно уже хотел избрать себе псевдоним Овидия с Томи, употребляя его при случае <...>». Любопытно, что на тот момент Ядринцев еще не был знаком с книгой Овидия. Процитировав «Письма с Понта», он спрашивает: «Где бы достать этого Овидия? Там, наверное, есть драгоценности, судя по этим стихам» [17. С. 199]¹.

Одну из причин, побудивших Ядринцева обдумывать псевдоним «Овидий с Томи», он называл сам: «...даже мой родственник поп сравнивал мою посельщицкую тоску с грустью Овидия» [Там же].

Вообще говоря, «Овидий с Томи» не был единственным «изгнанническим» псевдонимом Ядринцева. Использовавший, по его собственным словам, «бесчисленное количество» псевдонимов [18. Т. 4. С. 330], «старший» областник «дебютировал в "Искре" под именем Дант Семилужной волости…» [Там же. Т. 5. С. 247]².

Оба этих псевдонима Ядринцева были пронизаны самоиронией, прекрасно осознаваемой литератором. Так, в письме к Потанину, своему соавтору по работе над неоконченным романом «Тайжане», Ядринцев пояснял: «А ргороз – и я с Томи. Каламбур о Томи и стихи Овидия я думал вложить в уста Бронислава в романе. Это был бы свифтовски-классический каламбур» [17. С. 199]. Заметим, что позиция Гребенщикова в «Письмах с Помперага», напротив, была напрочь лишена самоиронии.

Принадлежавшие к разным поколениям, Н.М. Ядринцев и Г.Д. Гребенщиков были связаны не только типологически, но и напрямую. Дело в том, что Гребенщикова нередко причисляют к генерации «младших» областни-

¹ Текст письма приведен в соответствие современным нормам орфографии.

² Об актуальности фигуры Данте для Ядринцева свидетельствует также упоминание автора «Божественной комедии» применительно к встреченным спустя четверть века «вне Сибири» друзьям юности и товарищам по университету: «С болью в груди, с ноющим сердцем они походили на тени Дантова ада, в безмолвных муках они протягивали руки и ожидали от бегущих волн ответа на неразгаданный вопрос их жизни» [18. Т. 4. С. 286].

ков, которые более или менее последовательно развивали и с помощью разных средств реализовывали идеологическую программу областничества В часто цитируемом мемуарном очерке «На склоне лет его», посвященном Г.Н. Потанину и впервые опубликованном в пражском альманахе «Вольная Сибирь» в 1927 г., Гребенщиков писал: «Лишь значительно позже я стал догадываться, почему Григорий Николаевич относился ко мне с таким вниманием, т.е. почти с отеческой заботливостью. Быть может, он уловил во мне ту первобытную нетронутость народной почвы, на которой лучше прорастают его семена. Я был моложе всех, я был настоящий выходец из простой среды и, по его мнению, мог вспыхнуть настоящим пламенем его идей» [20. С. 129]. «И наконец, когда вышли мои первые книги сибирских рассказов, я получаю в Петербурге письмо от Г.Н. Потанина, из которого отчетливо помню взволновавшие и смутившие меня строки: "Знамя Ядринцева лежит неподнятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее"» [Там же].

Это потанинское желание сделать из Гребенщикова «нового Ядринцева» начинающий прозаик интерпретировал как стремление сделать его своеобразной «инкарнацией» самого Потанина — «новым Потаниным», а не Ядринцевым. По словам Гребенщикова, Потанин надеялся, что тот поднимет «ядринцевское, то есть его, потанинское, знамя <...>» [Там же].

Гребенщиковское истолкование интенции Потанина необходимо сопоставить с тем, как Потанин и Ядринцев описывали свое отношение друг к другу как лидерам сибирского областничества. В «Сибирских литературных воспоминаниях» (1884) Ядринцева читаем: «В беседах с Потаниным я не только сходился, но увлекался его умом, его планами, и он был для меня первым ментором, наставником; он же определил мое призвание. Я фанатически последовал его патриотической идее <...>» [18. Т. 4. С. 298]. Потанин, в свою очередь, оставил в своих «Воспоминаниях» такую характеристику Ядринцева: «Я почувствовал, что он пойдет во главе сибирского движения, которым уже веяло в воздухе, и что мне предстоит сделаться только его помощником» [Там же. Т. 6. С. 119].

Так или иначе, Ядринцев и Гребенщиков, связанные общим контекстом сибирской (нео)областнической мысли, в процессе автомифологизации ориентировались на Овидия в качестве ролевой модели, осложненной и «русифицированной» А.С. Пушкиным.

При этом в случаях Пушкина и Ядринцева самопроекциям на Овидия, кроме опыта репрессий разной степени травматичности, способствовала (или даже провоцировала эти самопроекции) семиотически насыщенная географическая «аура». Пушкинская «южная» ссылка проходила относительно недалеко от городка, куда был сослан римский поэт. По точному замечанию М. Мейлаха, «Пушкин, хорошо зная, что и "проклятый город Кишинев", и Одесса находятся довольно далеко от городка Томы, куда

¹ Специально о взаимоотношениях Гребенщикова с оказывавшим ему покровительство Г.Н. Потаниным см., например: [19].

был сослан римский поэт, тем не менее охотно с ним отождествляет места своей ссылки» [21. С. 719]. В свою очередь, Ядринцев, биографически вообще никак не связанный с Бессарабией и некоторое время живший на берегах Томи, без труда сконструировал интертекстуальную отсылку к жизнетексту Овидия, находившегося в ссылке в городке Томы, воспользовавшись созвучием топонимов и позиционируя себя с помощью псевдонима как очередную литературно-политическую «инкарнацию» Овидия.

Основания говорить о разнообразных влияниях творчества Пушкина на Ядринцева отыскиваются в обширном наследии лидера областничества без особого труда. Важно, что у Ядринцева, как и впоследствии у Гребенщикова, рецепция Пушкина поддерживалась жизнетворческой установкой на восприятие и осмысление жизни сквозь призму словесности. Так, в его автобиографическом рассказе «Калмычка» читаем:

Я стал помнить себя в барском доме своего отца с раннего детства на дворянском положении. Нас окружала домашняя прислуга: дворня, няня, горничные и прочие. Мы жили в маленьком пограничном городе Сибири, когда-то бывшей крепости... Но полуразрушенная крепость и заржавленные пушки, в которые мы совали тряпки и камни, уверенные, что сколько ни заряжай их, так и не выстрелят, напоминали мне впоследствии крепостцу в «Капитанской дочке» Пушкина [18. Т. 4. С. 204].

Кроме того, в мемуарной книге «Детство» (написанной предположительно между 1884 и 1888 гг.) Ядринцев вспоминает о «поэте-самородке» Мешалкине: «[Он] учил меня в детстве стихам Пушкина, Лермонтова, которых я знал множество наизусть» [Там же. С. 255]. О рано привитой ему любви к Пушкину и интенсивном чтении его произведений Ядринцев писал также в «Сибирских литературных воспоминаниях»: «У нас, гимназистов, был небольшой кружок, так же чуткий к литературе. Мы уже ранее кое-что читали, любили Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева <...>»; «Дух романтизма веял и на нас при всходах нашей жизни, мы усвоили любовь к искусству: хорошие стихи, прекрасные образы доставляли нам наслаждение. Мы зачитывались с детства Пушкиным, Гоголем, Тургеневым» [Там же. С. 305, 312].

Кроме того, сочинения Ядринцева содержат прямые самопроекции на образ автора «Капитанской дочки», вложенные, правда, в уста матери. В письме своему гимназическому товарищу Д.А. Поникаровскому от 29 марта 1879 г. Ядринцев писал: «Моя мать за мои юношеские литературные произведения называла меня не иначе, как "мой Пушкин"» [18. Т. 5. С. 247]. Несколько лет спустя в «Детстве» Ядринцев воспроизводит этот эпистолярный пассаж, добавив описания собственных переживаний по поводу материнской оценки его ранних литературных опытов: «Когда я начал, лет двенадцати, писать дневники и сочинять стихи, мать меня всегда с

 $^{^{1}}$ Первая публикация: Восточное обозрение. 1897. № 3, 5. Дата написания не установлена, предположительно рассказ создан между 1885 и 1890 гг. [18. Т. 4. С. 209].

нежной гордостью называла "мой Пушкин", чего я ужасно стыдился, ибо само уже преувеличение было подобием сатиры» [Там же. Т. 4. С. 264].

Характерная связь между матерью протагониста и Пушкиным содержится и в итоговой книге Гребенщикова «Егоркина жизнь», жанр которой оформляется напряженным соотношением автобиографической повести и автоагиографии. Здесь Пушкин выполняет провиденциальную функцию «небесного покровителя» Егорки, а его образ контаминируется в сознании героя с фигурой его матери, в «буранливую ночь» читающей в избе пушкинское стихотворение «Буря мглою небо кроет...»: «...постучался кто-то столь родной и близкий и столь великий, столь все понимающий и знающий все подробности их жизни, что он никогда-никогда их не оставит, а Егорку поведет через тернистые пути его будущей жизни и поможет, поможет все перенести, все вытерпеть» [3. Т. 6. С. 141].

Здесь необходимо сделать оговорку. Разумеется, ни Ядринцеву, ни Гребенщикову не было свойственно систематическое «жизненное пушкинианство», т.е. «принятие образа Пушкина как образца человека, на который следовало ориентироваться в построении собственной личности», в той степени, в которой оно было характерно для множества литераторов эпохи русского модернизма [1. Р. 33]. Кроме того, подчеркнем, что все приведенные примеры не являются основаниями утверждать факт пушкинского «посредничества» в процессе автомифологизации Ядринцева и Гребенщикова. Однако тот факт, что оба литератора были хорошо знакомы с сочинениями Пушкина, неоднократно возвращались к ним в своем воображении и активно использовали в процессе «олитературивания» собственной жизни, делает это посредничество весьма вероятным. Иными словами, отсутствие прямых доказательств ориентации не только на Овидия, но и на Пушкина в процессе формирования сибирскими интеллектуалами «изгнаннических сюжетов», не отменяет значимости «пушкинской» оптики, с помощью которой они осмысляли и презентовали собственное (жизне)творчество.

Ситуация Гребенщикова, писавшего «Гонца» в Америке, вдали и от родной Сибири, и от «овидиевских» мест, предоставляла меньшие, нежели это было с Ядринцевым, возможности для автомифотворчества. Однако в американский период жизни он имел опыт решения проблемы самоидентификации с топонимами, находившимися на огромном расстоянии. Так, например, живя в деревне Чураевка, он регулярно риторически отождествлял ее со своей родиной Алтаем¹. Любопытно, что в обеих ситуациях мифотворческим усилиям Гребенщикова, кроме созвучия топонимов, способствовали географические реалии: ландшафтно-климатические условия Чураевки были действительно схожи с алтайскими, а название реки Помпераг оказалось отдаленно созвучно Понту.

¹ Ср. другой содержащийся в «Письмах с Помперага» пример работы Гребенщикова с созвучиями топонимов: «Война помешала мне построить что-нибудь на Белом озере. За то во время войны, на Карпатах, на левом берегу речки Пиркулап (чуть не Помпераг!) вместе с солдатами построили мы маленькую деревеньку» [22. С. 21].

Несколько иначе обстояло дело в случае Ядринцева. Как отмечает К.В. Анисимов, «в интеллектуальных построениях» Ядринцева «роль климата оказалась достаточно скромной» [23]. В этом состоит еще одно отличие подхода «старшего» областника от позиции Гребенщикова, уделявшего большое внимание концептуализации географии и климата.

Автопроекции на жизнетекст Овидия (через вероятное «посредничество» Пушкина), предпринятые Ядринцевым, осложненные и дополненные у Гребенщикова отсылкой к автомифологии «старшего» областника, в обоих случаях никоим образом не сводились к некоторой интертекстуальной «игре», а имели отчетливую инструментальную природу: эти автопроекции были призваны оформить сюжет о литераторе-изгое. Ключевое различие состояло в том, что в жизнетексте Ядринцева этот сюжет занял достаточно скромное место, тогда как Гребенщиков сделал его одним из центральных в структуре созданного им еще в сибирский период (1900–1910-е гг.) персонального мифа о «писателе из народа», находящемся в непрерывной конфронтации с враждебно настроенной интеллигенцией. Инкорпорируя в собственный овидиевско-пушкинско-ядринцевский мифо-биографический нарратив субстрат, Гребенщиков репрезентировал частную историю литератораэмигранта (одну из десятков подобных) как вариацию архетипического сюжета о несправедливо гонимом властью Поэте.

Мифотворческий потенциал биографии Овидия, сделавший его парадигмальной фигурой для формирования традиции самоописания отечественных литераторов (как минимум — от А.С. Пушкина через О.Э. Мандельштама до И.А. Бродского), волей или неволей оказавшихся за пределами метрополии, был, как мы увидели, задействован и литераторами с сибирской окраины Российской империи.

Литература

- 1. *Паперно И*. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age / ed. by B. Gasparov, R. Hughes, and I. Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. P. 19–51.
- 2. *Анисимова Е.Е.* Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: СФУ, 2016. 468 с.
- 3. *Гребенщиков Г.Д.* Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул: Издательский Дом «Барнаул», 2013.
  - 4. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/147.
  - 5. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2.
- 6. *Тиме* Γ . Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века : сб. ст. / под ред. В.-С. Кисселя, Γ . Тиме. М., 2010. С. 235–246.
  - 7. Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. 237 с.
- 8. Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1979. С. 189–224.
- 9. *И.А. Бунин* и Г.Д. Гребенщиков: Переписка / вступ. ст., публ. и примеч. В.А. Росова // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / под ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 220–276.

- 10. *Бурдъе П*. Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- 11. Публий Овидий Назон. Письма с Понта // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1979. С. 86–160.
- 12. *Рерих Н.К.* Русский язык // Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 155–156.
- 13. Горбенко А.Ю. Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.
- 14. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2000. С. 21–184.
- 15. Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб. : Гиперион, 2003. 352 с.
- 16. Макарова Е.А. Формирование переселенческого дискурса в публицистическом творчестве Н.М. Ядринцева // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010. С. 92–115.
- 17. *Письма* Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1 (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918. 234 с.
- 18. Литературное наследство Сибири : в 8 т. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969–1988.
- 19. *Черняева Т.Г.* «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., вступ. ст., примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 5–44.
- 20. Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008. С. 120–140.
- 21. *Мейлах М.* Поэзия и власть // Лотмановский сборник. [Вып. 3] / ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М., 2004. С. 717–743.
- 22. Гребенщиков Г. Гонец. Письма с Помперага. М.: Международный Центр Рерихов: Фирма БИСАН-ОАЗИС: МАСТЕР-БАНК, 1996. 215 с.
- 23. *Анисимов К.В.* Климат как «закоснелый сепаратист»: Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. URL: http://magazines.rusnlo/2009/99/an8.html (дата обращения: 22.04.2019).

Ovids from the Province: Self-Myth-Making of Siberian Writers of the End of the 19th to the First Third of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 180–192. DOI: 10.17223/19986645/65/11

Aleksandr Yu. Gorbenko, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation), Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Keywords: Ovid, N.M. Yadrintsev, G.D. Grebenstchikoff, regionalism, emigration literature, self-myth-making, life-creating, role model.

The study is supported by the grant of the Government of the Russian Federation for state support of research conducted under the supervision of leading scientists (No. 075-15-2019-1884).

The article deals with the life-creating self-projections to Ovid, an exiled Roman poet, that N.M. Yadrintsev and G.D. Grebenstchikoff, significant Siberian writers of the 19th and 20th centuries, made. The research material includes the book *Gonets*. Letters from Pom-

peraug by Grebenstchikoff, some of his publicist articles, including those previously unpublished, Yadrintsey's and Grebenstchikoff's letters and memoirs, and their correspondence. The author referred to the methodology of life-creating studies by Yu.M. Lotman, I. Paperno, and I. Nemirovskiy, of P. Bourdieu's sociology of literature; to works on Siberian literature and culture by K.V. Anisimov, T.G. Chernyaeva, and E.A. Makarova; to works on the literature of Russian emigration by G. Time, E.E. Anisimova. The aim of the article is to examine the mechanisms of poetics and pragmatics of Yadrintsev's and Grebenstchikoff's life-creating strategy and their self-identification with Ovid. As a result of the research, the author came to the following conclusions. In emigration, Grebenstchikoff complicated the structure of his own biographic myth as a "common people" writer by the exile motif. By entitling his main publicist book Gonets. Letters from Pomperaug, which explicitly refers us to Ovid's Epistulae ex Ponto (Letters from the Black Sea), Grebenstchikoff coded his biographic narrative by using the biographic plot of the exiled Roman poet. Self-mythologization included mediators. A.S. Pushkin could be a mediator, since he was paradigmatic for the "Ovid text" of the Russian culture of the modern history. Yadrintsey was another mediator for Grebenstchikoff. Like Pushkin, Yadrintsev experienced political repressions and thus had substantial grounds for his self-projection to Ovid, which he expressed in his pseudonym—Ovid from the Tom River. Ovid's biography in Yadrintsev's perception and viewed through the prism of Pushkin's personal mythology had a high life-creating potential. Associations with Ovid's biography for both Yadrintsev and Grebenstchikoff had a clear instrumental nature, arranging and intensifying the plot about an exiled writer. The main difference was that this plot played a minor role in Yadrintsev's biography, while Grebenstchikoff made it one of the central parts in the structure of his personal myth, created during his Siberian period (1990s-1910s): a myth of the writer from "common people" who was under continuous pressure of the hostile intelligentsia.

References

- 1. Paperno, I. (1992) Pushkin v zhizni cheloveka Serebryanogo veka [Pushkin in the life of a Silver Age man]. In: Gasparov, B., Hughes, R. & Paperno, I. (eds) *Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press. pp. 19–51.
- 2. Anisimova, E.E. (2016) Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoy literatury pervoy poloviny XX veka [V.A. Zhukovsky's works in the receptive consciousness of Russian literature of the first half of the 19th century]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
- 3. Grebenshchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul".
- 4. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). OF. Item 56739/147.
- 5. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). OF. Item 699/2.
- 6. Time, G. (2010) Izgnanie kak puteshestvie: russkiy vzglyad Drugogo (1920-e gody) [Exile as a Journey: The Other's Russian View (1920s)]. In: Kissel, V.S. & Time, G. (eds) Beglye vzglyady: Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoy treti XX veka [Quick Looks: A New Reading of Russian Travelogues of the First Third of the 20th Century]. Moscow: NLO. pp. 235–246.
- 7. Sumatokhina, L.V. (2013) *M. Gor'kiy i pisateli Sibiri* [M. Gorky and the writers of Siberia]. Moscow: INFRA-M.
- 8. Gasparov, M.L. (1979) Ovidiy v izgnanii [Ovid in exile]. In: Publius Ovidius Naso. *Skorbnye elegii. Pis'ma s Ponta* [Tristia. Epistulae ex Ponto]. Translated from Latin. Moscow: Nauka pp. 189–224.
- 9. Rosov, S.A. (ed.) (2002) I.A. Bunin i G.D. Grebenshchikov [I.A. Bunin and G.D. Grebenstchikoff: Correspondence]. In: Davis, R. & Keldysh, V.A. (eds) S dvukh beregov:

- Russkaya literatura XX v. v Rossii i za rubezhom [From two shores: Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow: IWL RAS. pp. 220–276.
- 10. Bourdieu, P. (2000) Pole literatury [The literary field]. Translated from French by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie New Literary Observer*. 45. pp. 22–87.
- 11. Publius Ovidius Naso. (1979) Pis'ma s Ponta [Epistulae ex Ponto]. In: Gasparov, M.L. & Osherov, S.A. (eds) *Skorbnye elegii. Pis'ma s Ponta* [Tristia. Epistulae ex Ponto]. Translated from Latin. Moscow: Nauka pp. 86–160.
- 12. Rerikh, N.K. (1974) *Iz literaturnogo naslediya* [From the literary heritage]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. pp. 155–156.
- 13. Gorbenko, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel'stvo G.D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [G.D. Grebenstchikoff's Life-Building: Genesis, Mechanisms, Semantics, Context]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
- 14. Lotman, Yu.M. (2000) *Pushkin*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 21–184. (In Russian).
- 15. Nemirovskiy, I.V. (2003) *Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poeta* [Pushkin's oeuvre and the problem of the poet's public behavior]. Saint Petersburg: Giperion.
- 16. Makarova, E.A. (2010) Formirovanie pereselencheskogo diskursa v publitsisticheskom tvorchestve N.M. Yadrintseva [The Formation of Resettlement Discourse in the Publicistic Works of N.M. Yadrintsev]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [The regionalism trend in Russian philosophical and social thought: On the 150th anniversary of Siberian regionalism]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 92–115.
- 17. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potaninu]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Izdanie redaktsii zhurnala "Sibirskie Zapiski".
- 18. Trushkin, V.P. et al. (eds) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 8 t.* [The literary heritage of Siberia: In 8 vols]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
- 19. Chernyaeva, T.G. (2008) "Obnimayu Vas kak predannyy syn Vash": Georgiy Grebenshchikov i Grigoriy Nikolaevich Potanin ["I embrace you as your faithful son": Georgy Grebenstchikoff and Grigory Potanin]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii)* [G.D. Grebenstchikoff and G.N. Potanin: A dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. Barnaul: Altai State University. pp. 5–44.
- 20. Grebenshchikov, G.D. (2008) Na sklone dney ego [In the latter days of his life]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii)* [G.D. Grebenstchikoff and G.N. Potanin: A dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. Barnaul: Altai State University. pp. 120–140.
- 21. Meylakh, M. (2004) Poeziya i vlast' [Poetry and power]. In: Kiseleva, L.N., Leybov, R.G. & Frayman, T.N. (eds) *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman Collection]. Vol. 3. Moscow: OGI. pp. 717–743.
- 22. Grebenshchikov, G. (1996) *Gonets. Pis'ma s Pomperaga* [Gonets. Letters from Pomperaug]. Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov: Firma BISAN-OAZIS: MASTER-BANK.
- 23. Anisimov, K.V. (2009) Klimat kak "zakosnelyy separatist": Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo moroza [Climate as an "Inveterate Separatist": Symbolic and Political Metamorphoses of Siberian Frost]. *Novoe literaturnoe obozrenie New Literary Observer*. 99. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/an8.html. (Accessed: 22.04.2019).

УДК 82.09

DOI: 10.17223/19986645/65/12

Б.П. Иванюк

«ДЕРЖАВИН. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ» С. ПЕТРОВА – «ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ» Г. ДЕРЖАВИНА: ДИАЛОГ С ПРОТОТЕКСТОМ

Предлагается вариант сравнительно-сопоставительного анализа стихотворных произведений Г. Державина «Евгению. Жизнь званская» и С. Петрова «Державин. Жизнь званская», написанных в форме персонажного монолога хозяина Званки. Исследование их поэтики и мотивики приводит к выводу о диалогическом характере восприятия прототекста, о его иронической интерпретации, о травестировании образа Державина, в целом о полемике Петрова с официальным жизнеописанием классика и с завещанной им «единой правдой» о себе.

Ключевые слова: «Державин. Жизнь званская» С. Петрова, «Евгению. Жизнь званская» Г. Державина, диалог, ирония.

Проблема отношения к традиции, как известно, актуальна в любых обстоятельствах литературного процесса, в особенности в его переходные периоды, обостряющие коллизию выбора: либо подражание ей, чреватое эпигонским вырождением, либо пародийная дискредитация для прописки ее в «абсолютном прошлом» (Й.В. Гете). Оба эти, по сути, типологически сходные варианты, одинаково бесперспективны для нее самой. Сохранение, а тем более творческое продолжение традиции обеспечивается ее диалогическим обсуждением, возможным при условии ее мнемонической репродукции и предполагающим ее субъектное (авторское или цеховое) релактирование.

Современная литературная практика ведет активный и тотальный диалог с традицией, и ее обращение к Державину вполне обоснованное, хотя и спорадическое, и в этом плане фраза Б. Ахмадулиной «с Державиным в уме» [1. С. 351] воспринимается установочной для многих стихотворцев разных поколений. Обозначились различные варианты прочтения творческого наследия поэта и переосмысления его традиционного образа. Приведем несколько примеров.

Д. Самойлов в стихотворении с названием-цитатой «Старик Державин» (1962) создает хрестоматийный образ поэта и адаптирует к авторскому заданию («...И старик Державин / Нас не заметил, не благословил...» [2. С. 56]) реминисценцию, ставшую, по сути, рефлекторной при упоминании Г.Р. – «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» из «Евгения Онегина» А. Пушкина [3. С. 198].

В контексте традиции ведется диалог с Державиным и в упомянутом стихотворении Б. Ахмадулиной «Я встала в шесть часов. Виднелась тьма

Б.П. Иванюк

во тьме...» (1983) с аллюзиями на А. Пушкина (посредника между нею и Державиным), на пребывание сенатора-поэта в Калуге и др., вероятность затекстового продолжения которых предопределена последним стихом «...и целый день о нем мне предстояло помнить» [1. С. 351].

В обоих случаях отсутствует межтекстовой диалог с Державиным. Иное дело державинский текст, отрефлектированный не в традиционном, а в чужом контексте, как, к примеру, цитируемый в цикле Т. Кибирова «Памяти Державина» (1992–1996), в главе «Вечернее размышление», и спроецированный на профанную современность последний стих («общей не уйдет судьбы») последнего стихотворения поэта («Река времен в своем стремленьи...») [4. С. 462] с сохранением рифмы прототекста — «трубы» [5. С. 47], но уже апокалиптической (химкомбината), которая является аллюзией на опять же последний стих державинской «Арфы» («Отечества и дым нам сладок и приятен») [4. С. 370].

Ироничное напряжение в межтекстовом диалоге с традицией создает М. Сухотин в стихотворении «Литературные памятники», травестирующим Державина, как, впрочем, и других авторов «Памятников» – Ломоносова и Пушкина – в их диалогическом споре по мотивам горацианского «Exegi monumentum...» [6].

Как объект литературной интенции Державин инициировал необъявленный полилог между своими интерпретаторами. В нем участвует еще один голос, самый диалогичный в отношении к Державину как традиционному образу отечественной поэзии.

О своей установке на развернутый диалог с прототекстом заявляет название стихотворения С. Петрова «Державин. Жизнь званская» [7]. Проблема же заключается в том, что С. Петров не берет на себя роль партнера по диалогу. Он всячески избегает рецептивной визуализации своего образа. Поэтому деперсонифицированный образ С. Петрова воспринимается исключительно имплицитным, сохраняющим за собой неотъемлемое право на авторскую модальность.

Она опосредованно реализуется в традиции персонажной лирики, представленной в поэтической практике разнообразными жанровыми вариантами — как диалогическими, так и монологическими. Монолог стихотворного персонажа завершается пуантом — «собственноручной» подписью «Державина»¹, которая, помимо его именной самоидентификации и подтверждения сказанного, указывает на самоустранение С. Петрова, а именно на самоотстранение от написанного и его автора и на возложение ответственности за эпистолу и ее содержание на «Державина» («Умываю руки», как сказал бы Понтий Пилат, цитируемый в сфрагиде). Но это, конечно же, игровое отчуждение, тем более локализованное текстом. По умолчанию оно, наоборот, инициирует выход за мнимые границы стихотворного тек-

 $^{^1}$ Чтобы избежать возможной путаницы, петровского «Державина» закавычим, биографическому сохраним инициал (Г. Державин), а Державина (образ) в стихотворении Г. Державина оставим без инициалов.

ста и определяет повестку обсуждения: структурно-смысловые отношения между участниками треугольника: биографический Г. Державин – державинский Державин – петровский «Державин».

Начнем с первого. Наличие реального прототипа обеспечивает реципиенту коммуникативную возможность его аналитического сопоставления с текстовым персонажем, кстати, как и для типологически сходных между собой в этом плане – стихотворных автопортрета и автобиографии, меньше – исповеди и жития, требующих соотнесения исходного материала и жанрового целого. Мотивы каждого из них в разной степени участвуют в стихотворении, создавая миметическую грунтовку для узнавания прототипа и для осмысления читателем степени его авторской интерпретации. Отметим, что не всегда удается идентифицировать прототип, поэтому в ходе литературоведческого расследования приходится, так сказать, вместо феноменального анфаса довольствоваться его типажным или мнемоническим профилем. Примером типажного прототипа может служить стихотворение Г. Державина «Пени. Достигнул страшный слух ко мне...» [4. С. 300–302]¹. Прототип же в стихотворении С. Петрова биографический, к тому же обогащенный и даже в чем-то канонизированный мнемонической традицией. С. Петров в своем стихотворении отсылает не к парадному, а к живому Г. Державину, тем самым как бы исполняя волю самого пиита в выборе портрета С. Тончи, а не В. Боровиковского. Не случайно С. Петров разрабатывает периферийный в контексте официальной биографии поэта эротический мотив, робко засвидетельствованный его домочадцами, тем самым инициирует читателя на сопоставление своего «Державина» с автором и летописцем жития в Званке.

Оба Державина эксплицированы персонажными монологами, оформленными в эпистолярном жанре. Наличие общего адресата синхронизирует послания, а потому петровское воспринимается, хотя и апокрифическим, но вероятностным. Эта мнимая достоверность обусловливается эмпатическим вживанием в объект, которое репрезентировано в риторической практике таким известным приемом, как этопея, определяющая общую поэтику персонажной и ролевой (диалогической) лирики. Сама по себе этопея не может ни идеализировать объект, ни дискредитировать его, но в зависимости от целевой установки ритора приобретает тот или иной стилевой модус. К примеру, упомянутое выше заказное стихотворение Г. Державина «Пени», подражая логике покинутой женщины, поочередно являет признаки жанрового стиля инвективы, жалобы и мольбы. Образ петровского «Державина» создается также с помощью этопеи, но иронической и в этом смысле типологически сходной с метафорой с ее двойным видением явления — изнутри его и извне, а также с брехтовской техникой актерской игры,

¹ Как следует из комментария Я. Грота, «это послание к изменившему любовнику, написанное, как сообщает Державин в своих *Объяснениях*, по просьбе одной дамы, находится в старейшей рукописи его (1776 г.) между 19-ю любовными песнями, но там не имеет заглавия и содержит много стихов, впоследствии исправленных» [8].

Б.П. Иванюк

основанной на вживании в драматического героя, с одной стороны, и на отчуждении от него – с другой.

Именно ирония, совмещающая трех Державиных – петровского, державинского и биографического в едином образе поэта, обеспечивает произведению художественную целостность. Ее же конкретное значение заключается в травестировании как державинского Державина, так и его реального прототипа. Не упуская из виду биографического, но следуя титлологическому указанию С. Петрова на межтекстовой диалог, сопоставим двух Державиных - державинского и петровского. Последний предстает пародийным двойником первого, узнаваемым, но другим «Державиным», в сравнении с державинским - обремененным геронтологическими заботами. Этому есть подтверждения как в изображенной, так и в текстовой реальности. Героями первой являются Державины-персонажи, субъектами второй – Державины-сочинители. Причем форма монолога как способа существования обоих, с одной стороны, минимизирует условное различение обеих реальностей, а значит, сближает персонажа и сочинителя, по сути, отождествляет их, поскольку подает изображенное через сказанное, тем самым берет на себя всю ответственность не только за второе, но и за первое. С другой же стороны, форма монолога соблюдает рефлективную дистанцию сочинителя по отношению к персонажу и его реальности, и в этом плане отличие двух державинских монологов заключается в их модальности, в отношении, прежде всего, сочинителя к себе – изображенному. Это различие обусловлено осмыслением времени вне себя и в себе.

У Державина развернуты все три грамматических времени. Личного прошлого у него нет, от служебного он освободился. К коллективному же обращается трижды на протяжении всего дня (утром, днем и вечером).

Первый эпизод – память (устная и портретная) о славном национальном прошлом и его участниках, обрамленная в тексте, с одной стороны, кофеили чаепитием, а с другой – женским рукоделием («разные полотна, сукна, ткани, / Узорны образцы салфеток, скатертей, / Ковров, и кружев, и вязаний» [4. С. 262]) и вызванная в контексте застольных сплетен («...и тут-то раздобар / О снах, молве градской, крестьянской» [Там же]). Такое мнемоническое обмирщение героического свидетельствует о новой, домашней, аксиологии Г. Державина и эпохи.

Второй эпизод – в кабинете («Оттуда прихожу в святилище я муз» [Там же. С. 263]). Здесь прошлое, также вплетенное в настоящее, представлено двумя противоположными вариациями – духовной, персонализированной (Гораций, Пиндар) и профанной, деперсонализированной (безнравственная история человечества). Аксиологический выбор Γ . Державина как преемника античных поэтов очевиден.

Третий эпизод – на балконе («Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» [Там же. С. 267]). В мысленном переходе от «века минувшего» к «веку нынешнему» упоминаются две династические эпохи в жизни поэта и государства («лучи Екатерины», «Павловы дела»). Повтор же оценочного эпитета «красный», заключенного в авторский вопрос-ответ, как и его ло-

кальный контекст, охватывает и эти, и современную, хотя и с оговорками, эпоху Александра I, человекоориентированного императора.

Три эпизода мнемонического разворота к коллективному прошлому организуются в восходящую градацию, соответствующую трем частям суточного цикла. Она фиксирует меняющееся отношение к прошлому, которое можно определить как отчужденное, избирательное и участливое. Это подтверждается выражающим авторскую модальность речевым стилем – описательным, контрастным и риторическим. Таким образом, поэтическое сознание Державина, причащенное времени, с каждым разом все сильнее проникается прошлым, при этом все настойчивее увязывает его с коллективным настоящим.

Приватное же настоящее время в отличие от коллективного – прошлого и настоящего – получает пространственное расширение, которому более всего соответствуют диапозитивная композиция и описательный стиль. Собственно пространство организуется экскурсионной презентацией Званки, так сказать, усадебным травелогом, опространственное время – бытовыми заботами, праздничными утехами и т.п., т.е. всеми теми реалиями поместного существования, которые так или иначе ассоциируются с названиями произведений его известных предшественников и современников («Труды и дни» Гесиода; «Круглый год» Авсония Децима, «Времена года» Дж. Томпсона, «Софиевка» С. Трембецкого, 1806; «Записки» А.Т. Болотова), а также самого поэта («Приглашение к обеду», 1795; сновидческая «Свобода», 1804; «Крестьянский праздник», 1807; и др.).

Идиллическая жизнь Державина в Званке, ограничена, с одной стороны, эклогой как отказом от недолжного («столичного») существования и изображением должного - в согласии с окружающим миром и с собой, а с другой – по сути, валетой, ее жанровым вариантом конже. Не случайно с эклогой связан мотив пробуждения, а с конже – сна, каждый из которых имеет не только автологическое значение. Лейтмотивной же мыслью, контрастирующей с идиллией, является мысль о ничтожности жизни. Она дважды посещает Державина. Впервые после 2-го эпизода возвращенного, а именно неприемлемого, прошлого: строфа начинается фразой из книги Экклезиаста («Все суета сует!») и завершается созерцательным восклицанием «прекрасен мир!» и жизнелюбивым славословием Богу-демиургу. Однако эта цитата, уместная в роли эпиграфа к большому обсуждению проблемы, здесь воспринимается сугубо риторической, как тезис к антитезису. что придает небольшому солилоквиуму, тем более закавыченному, жанровый характер антистрофы. Во второй раз мысль о «жизни ничтожной» возникает после (!) рассуждений о божественном провидении и перед мыслью о смерти – вполне логичной – собственной и пророческой – Званки («Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей» [4. С. 267]). Представление поэта о посмертном будущем в целом сплетено из тематических мотивов, разработанных в жанре «стихотворения-"Памятника"» (1795) и «последнего стихотворения» «Река времен в своем стремленьи...» (1816). Подчеркнем другое: ответственным исполнителем державинского тестамента, па**Б.П. Иванюк**

тетического по пафосу и решенного в традиции частной эсхатологии, призван стать священник Евгений, персонажное введение которого в текст позволяет интерпретировать все стихотворение в жанровом ракурсе предсмертной исповеди, в которой жизнь в Званке изображается невинной и праведной в сравнении с греховным, обозначенным эклогой, существованием, что придает Званке значение земного чистилища, а авторскому тексту агиографические признаки. Суть же самого завещательного распоряжения заключается в воскрешении «единой правды» о поэте и в сохранении о нем доброй в отличие от злой памяти захороненного в Званке Злогора («холм тот страшный» [4. С. 268]). Об этом он и просит своего биографа и поверенного Евгения (Болховитинова), которому доверяет произнести эпитафиальный пуант о своем поэтическом служении: «Здесь бога жил певец, Фелицы» [Там же].

А теперь обратимся к тексту С. Петрова, напомнив о монологическом (голосовом) бытии его «Державина», требующем от внутреннего чтеца персонажного перевоплощения, которое и позволит востребовать все смысловые ресурсы стихотворения.

В целом текст не является ни парафразой, ни стилизацией, ни «непародийной пародией» [9. С. 290], предполагающей соблюдение поэтической формы, прежде всего, жанрового контура прототекста. Инкрустация же лексическими, аллюзивными и реминисцентными вкраплениями из державинской «Званки», начиная с названия и заканчивая обращением к «архимандриту»-«игумену», лишенному имени, играет роль мнемонической маркировки тематических мотивов и стилевой феноменологии прототекста.

Что касается первых, то они востребуются избирательно и представлены в иной, нежели у Державина, таксономической композиции, и это объяснимо их жизненной переоценкой. Из всего представительного набора державинских мотивов, воспроизводящих ежедневные заботы и забавы, эллиптированы филантропический, героический, хозяйственный, книжный, праздничный; к политическому — циничное равнодушие («Европа ропщет? Ну, ропщи!») в сравнении с развернутыми и отнюдь не любительскими размышлениями о войне с Наполеоном [4. С. 267]; отсутствует мотив игры, устойчивый и вариативный у Державина (карточная, баталистическая, театральная, музыкальная), а также исключены многие фактурные подробности, как, например, заглядывание в волшебный фонарь («стекла оптики» [Там же. С. 264]) и камеру-обскура («мрачный фонарь» [Там же]) и др.

Из повторяемых и обсуждаемых державинским и петровским Державинами — мотивы придворного прислуживания и поэтического служения. Первый подается Державиным в жанре инвективы, риторические вопросы в которой утверждают авторскую правоту (первая часть вступительной эклоги), у С. Петрова же инвектива рефлективная, ее риторический зачинсомнение («А может, правы те чинуши?..»), полемизирующий с Державиным, образует тем самым интертекстуальную палинодию, а завершающий ее ответ («На них управы нету, Боже / О чем ты ведаешь и сам») — апокрисис, признающий не только человеческое бессилие перед бюрократами, «кото-

рым вечность суждена». В этом смысле С. Петров поддерживает и пролонгирует актуальность державинского мотива.

Столь же неоднозначен мотив поэтического служения. У Державина оно одухотворено в живом и посмертном времени («отзывы от лиры» – единственный залог памяти потомков). У С. Петрова державинская Муза отелеснена: «приблудная», «оборванка», на правах приживалки живущая во флигеле (место же встречи с ней у Державина – кабинет – «святилище муз»). Но при изначально заданном травестировании прослеживается меняющееся отношение к Музе. Оно выражено убывающей градацией, т.е. антиклимаксом (любовь-Камена – «дура»), составляющие которого образуют антитезу.

Персонифицированная Муза явлена в трех ипостасях, каждая из которых снабжается архетипическим характером и соответствующим ему занятием. Музе-помощнице пристало рукоделие, прочитываемое не только как бытовой досуг, но и как авторская аллегория в ряду традиционных представлений об искусстве-ремесле¹, вышивание же «апостолов, орлов и львов» – как метонимия псалмо- и одописания (для последнего характерны, как известно, имперские зооаллегории). Муза-хозяйка, наделенная властным характером, уподобляет стихотворчество механизму, а поэта – жерновам²: «Крути, Гаврила, / и перемалывай стихи!». Упоминание второй жены поэта, Дарьи Алексеевны («Дашенька»), придает трем образам Музы, включая следующий, биографическое правдоподобие.

Третья Муза приходится двойником «Дашеньки», прежде всего, потому, что обе смиренницы (!) воплощают и вводят в стихотворение сквозной, хотя и прерывный, эротический мотив, отсутствующий у Державина. Вначале он самодостаточный и развернутый, затем утрачивает связь с поэтическим мотивом, также снижающимся, и трансформируется в конце концов в возвышенный «Державиным» мотив чревоугодия³, который в державинском тексте не скрещивается с другими, тем более высокими (поэтическим), находится с ними в аксиологическом равновесии, а его содержание — гедонистически умеренное и даже патриотическое. Иначе говоря,

³ Сходство между поеданием пищи и занятием любовью закреплено архетипической метафорой. См., в частности, комментарии Я. Заковича к метафорам о еде в Библии [10].

¹ От выстрагивания лодки Вяйнямейненом из «Калевалы» до этимологической памяти «текст – значит ткань» в стихотворении Л. Лосева «Ткань. Докторская диссертация»; в этом плане С. Петров конкретизирует используемый им эпиграф из И. Г. Гердера: «Энергия – высший закон поэтического искусства, однако она не выражает его в полной мере».

² (умолчанная анаграмма имени «Державин»).

⁴ Биографы же отмечали иное. Как пишет Я. Грот, «у Гавриила Романовича были две слабости <... > это была, во-первых, его слабость к прекрасному полу, возбуждав-шая ревность в Дарье Алексеевне, а во-вторых – его неумеренность в пище» [11. С. 644–645]. Об этом же и В. Ходасевич: «Начиная примерно с 1797 года старость Державина овеяна любовными помыслами и исканиями» [12. С. 164], «Аппетит Гавриила Романовича доходил даже до неумеренности» [Там же. С. 196].

200 Б.П. Иванюк

гастрономические увлечения Державина воспринимаются как проявление жизнелюбия, а «Державина» – как гротескное сладострастие.

Можно проследить вербальный сюжет профанирования эротического мотива в контексте смены мнемонизированного прошлого (вступительная часть) кризисным настоящим, заметив, что все вкрапленные в цитаты слова – женского рода, а соответствующие им понятия – персонифицированные: «Ни в чем пииту не переча, / оне (жена и Камена. – $\hat{E}.M$.) ложились на кровать», «И если все еще я жаден, / так вот уж не до райских гадин», «и я Российскою державой, / как бабой доброю, объят», «Устрою нынче я смотрины / для полнотелой осетрины», «На должно тут же сядет место / и белорыбица-невеста»¹. Добавим, что перед воображаемым яственным вожделением, иронически оправданным диетой «Державина» («хлебаю живописны щи» и «дожди меня поят»; ср. кулинарные и винные изыски гурмана Державина, в частности «зелены щи с желтком» [4. C. 264]), произносится бравада как симптом эротического бессилия (кстати, в отличие от предыдущих примеров в этом, наоборот, происходит метафорическое овеществление живого существа): «Я в иноческий чин не лезу, / и все мое еще при мне. / Да уподоблюсь я железу / и звездному огню в кремне!». (Последние стихи намекают на охотничьи ружья, висевшие над диваном Державина [11. С. 645], теперь уже местом эротических грез.)

В целом новая конфигурация избранных, а также введенного, державинских мотивов и их смысловое редактирование С. Петровым объяснимо его намерением «состарить» авторский образ Державина в «Званке». Косвенная экстериоризация жизненного бессилия подтверждается неоднократно и прямой, к примеру, локализованной в стихах: «Покой мой дряхлый мне отраден»; «И доживаю допоздна я / хозяйски жизнью запасной»; «Живу во Званке я под старость».

Именно Званка остается единственной утешительницей в старости («Но Званка, Званка, крепостная / моя красавица со мной!») после вынужденного возрастом или добровольного отчуждения от прошлой жизни в Званке, эротическая и творческая кульминация которой приходится на вступительную часть стихотворения. Нынешняя Званка в сравнении с державинской состарилась вместе с хозяином, лишенным «личных связей с будущим» (В. Вернадский) и посмертной памяти. Уменьшилось и стало нежилым усадебное пространство, из него изъяты дом с интерьером и жильцами, из поместных артефактов упомянуты условный механизм типа молотилки и фонтаны («Внемли же стук колес и гумен, / и песнь, что бьет ключом из дев!»). Состарилась и природа, в сравнении с державинской уже не заселенная живностью, лето сменилось осенью, эпитетные приметы

¹ Рыба в предлагаемом архимандриту меню имеет христианскую семантику, но она же «олицетворение нижнего уровня в вертикальной модели мироздания, и в этом качестве она противопоставляется птицам как представителям верха» [13. С. 500]; снижение образа Державина обозначено именно таким противопоставлением: «Я без воззваний жил во Званке, / Где звонки соловьи поют» в начале стихотворения и рыбный мотив − в конце.

которой, обусловленные возрастным самочувствием, прежде всего одиночеством «Державина», сообразуются с традиционной метафорой «осень жизни»: «По осени брожу по ржавой, / когда дожди меня поят», «Шагаю по стерне шершавой». Эти стихи контрастируют с другими – «где звонки соловьи поют», «очами гладя волховскую / всегда пременную струю?» и «блещут зори в нивах / и стелят шелком по воде!», но первые из них атрибутированы прошлому, а последние – адресату.

В целом же возрастное (шире – экзистенциальное) самочувствие поэт диагностирует антитезой «покой» и «ярость» 1. Надежда на преодоление личностного разлада возлагается на адресата «державинской» эпистолы, от него как от облеченного в священнический сан ожидается желанное примирение христианской души и языческой натуры (анафорический глагол «приди» имеет не только автологическое значение «посети», но и металогическое – «явись»). Это раздвоение и в двух настойчивых и завлекающих, но напрасных и по-разному мотивированных приглашениях: первое («Приди, отец архимандрит») – с риторической просьбой («И за меня молись, игумен, молебен, яко длань, воздев!»), второе («Приди же, отче») – с бредовым сочинением искусительного застолья. Завершается приглашение комментируемым угасанием несостоявшегося Анакреона («пиит уже не вяжет лык»), а эпистола – смыслообособленным и ироническим пуантом – риторическим и ритуальным славословием Бога встрепенувшимся «Державиным» и его собственноручной подписью-сфрагидой с перевранной цитатой-фразеологизмом из евангельского текста, удостоверяющей подлинность написанного: «о сем писах, еже писах».

Таким образом, С. Петров с соизволения своего «Державина», с одной стороны, восполняет официальное жизнеописание Г. Державина, а с другой – полемизирует с ним, а заодно и с завещанной Державиным в своем стихотворении «единой правдой» о себе, в чем и усматривается основной повод пригласить биографа в Званку для ознакомления с другим «Державиным», отличным от «словарного», созданного Евгением Болховитиновым по материалам автобиографии пиита и при его редакторском участии [11. С. 583-585]. Полемику с державинским Державиным инициирует и сам петровский «Державин» при переходе от изложения прошлого (вступительная часть) к изображению настоящего, переходе, начинающемся словами «Да что пиит! (Будь он неладен!) / Висит промежду перекладин!». Эти, равно как и последующие слова, имитирующие ворчливый характер персонажной речи и отсылающие к смысловой оппозиции «живое – мертвое» («Но невозможно жить без жертв. / Воистину тот жив, кто гладен, / кто сыт да гладок - полумертв» и т.д.), можно истолковать как произносительное обращение к висящему перед петровским «Державиным» держа-

¹ Нельзя не усмотреть возрастную проекцию С. Петрова на Γ. Державина, тем более что в год написания своих текстов они были без малого сверстниками, в частности, в одном из стихотворений многолетнего цикла, помеченного датой «7 апреля 1973, на 62-й день рождения», есть такие стихи: *Кипит моя старость ключом*, / и не спит / былое [14].

202 Б.П. Иванюк

винскому портрету, своему мемориальному двойнику¹. Полемический вектор определяет и предпосланный стихотворению державинский эпиграф «Собой не может быть никто», обосновывающий реализованное С. Петровым право на иные возможные версии освещения и осмысления жизнетворчества Г. Державина, шире — любого поэта, история прочтения которого образует временной палимпсест.

Литература

- 1. Ахмадулина Б. Избранное. Стихи. М.: Сов. писатель, 1988. 478 с.
- 2. *Самойлов Д*. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Худ. лит., 1989. 559 с.
  - 3. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 5. 318 с.
  - 4. Державин Г.Р. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958. С. 261–268.
  - 5. Кибиров Т. Избранные стихотворения. М.: Эксмо, 2011. 479 с.
- 6. Иванюк Б. «Литературные памятники» М. Сухотина, или Ярмарка поэтического тщеславия // Б.П. Иванюк. Диалоги с г-ном Текстом. Елец, 2017. С. 54–64.
- 7. *Петров С.* Державин. Жизнь званская. URL: http://rvb.ru/np/publication/01text/01/petrov.htm (дата обращения: 18.05.2018).
- 8. *Гром Я*. URL: http://philolog.petrsu.ru/derzhavin/arts/peni1772/peni1772.htm#_ftnref1 (дата обращения: 18.05.2018).
- 9. *Тынянов Ю.Н.* О пародии // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284–310.
  - 10. Закович Я. URL: http://www.breadsalt.ru/articles/3100/ (дата обращения 18.05.2018).
  - 11. Грот Я. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1977. 685 с.
  - 12. *Ходасевич В.* Державин. М.: Книга, 1988. 328 с.
- 13. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М. : Эксмо ; СПб. : Милгард, 2006. 603 с.
- 14. *Петров С.* URL: http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/ (дата обращения 20.05.2018).

Sergey Petrov's "Derzhavin. Life in Zvanka" and Gavrila Derzhavin's "To Yevgeny. Life in Zvanka": A Dialogue with the Proto-Text

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 193–203. DOI: 10.17223/19986645/65/12

Boris P. Ivanyuk, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation). E-mail: odinal47@mail.ru

Keywords: Russian literature, Gavrila Derzhavin, dialogue, irony.

The article presents a comparison of two poems, "To Yevgeny. Life in Zvanka" by Gavrila Derzhavin and "Derzhavin. Life in Zvanka" by Sergey Petrov. The purpose of the comparison is to determine the means and character of Petrov's interpretation of the image of the poet in Derzhavin's masterpiece. Apart from the two poems as the main material of the study, the discussion of the problem of the dialog with Derzhavin and his heritage involves works by such Russian poets of the 20th and 21st centuries as D. Samoylov, B. Akhmadulina, M. Sukhotin, and T. Kibirov. The comparison of the two poems is performed with the use of a comparative-juxtapositional method, and their analysis employs structural-semantic and contextu-

¹ В. Ходасевич об интерьере в Званке: «... а также круглая гостиная. Здесь висел огромный портрет Державина, жестко, но выразительно писанный итальянцем Тончи...» [12. С. 204].

al methods. The methodological bases of the study are the concept of dialogical being of literature developed by M. Bakhtin and the theory of the work of art's integrity by the Donetsk philological school (M. Girshman et al.). The course of the research, with its object of revealing similarities and dissimilarities between the two Derzhavin images, is set to solve the specific problems concerned with the themes and poetics of the two texts. The poems are Derzhavin's epistolary dialogs whose addressee is his biographer and confidant Yevgeny Bolkhovitinov. By pretendedly (histrionically) dodging from the poem's scene as its architect, Petrov manages to create an objectivized, as that of a play character's, image of Derzhavin, reinforced by quotational insertions from the latter's "Life in Zvanka" that mark its thematic motifs. These are introduced selectively, in an axiological configuration that is different from that of Derzhavin's poem. Among all the set of Derzhavin's motifs, many are left out (e.g., that of posthumous fame), others are preserved, but presented in a different, predominantly polemical vein, such as courtly subservience and poetic service. In a bathetic tone, an erotic motif is introduced, peripheral in memoirs and absent in Derzhavin's poem. This motif is additionally mingled with that of gluttony, only casually recalled by the old poet's household members and touched upon in his "Life in Zvanka" but in a moderately hedonistic way. Petrov's ironic treatment of the motifs he selected and introduction of some new ones travesty the poet's image making it a parodical double of both Derzhavin as an image created in "Life in Zvanka" and the real, biographical Derzhavin as imprinted in the memoristic literature. This summary of the two poems' analytical comparison quite correlates with the mode of the present day's dialog with the literary tradition. The originality of Petrov's poem consists in the circumstance that, here, the aged Derzhavin creates a new version of "Life in Zvanka", in this manner engaging, as it were, in a polemic with his own proto-text and "personally" participating in the debunking of the time-honored image of himself as it has formed over the centuries in the literary consciousness.

References

- 1. Akhmadulina, B. (1988) *Izbrannoe. Stikhi* [Selected works. Poems]. Moscow: Sov. pisatel'.
- 2. Samoylov, D. (1989) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khud. lit.
- 3. Pushkin, A.S. (1969) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 vols]. Vol. 5. Moscow: Khudozh. lit.
  - 4. Derzhavin, G.R. (1958) Stikhotvoreniya [Poems]. Moscow: GIKhL. pp. 261–268.
  - 5. Kibirov, T. (2011) Izbrannye stikhotvoreniya [Selected poems]. Moscow: Eksmo.
- 6. Ivanyuk, B. (2017) *Dialogi s g-nom Tekstom* [Dialogues with Mr. Text]. Yelets: Yelets State University. pp. 54–64.
- 7. Petrov, S. (1976) *Derzhavin. Zhizn' zvanskaya* [Derzhavin. Life in Zvanka]. [Online] Available from: http://rvb.ru/np/publication/01text/01/petrov.htm. (Accessed: 18.05.2018).
- 8. Grot Ya. (1864) *Sochineniya Derzhavina* [Derzhavin's oeuvre]. [Online] Available from: http://philolog.petrsu.ru/derzhavin/arts/peni1772/peni1772.htm#_ftnref1. (Accessed: 18.05.2018).
- 9. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 284–310.
- 10. Zakovich, Ya. (2018) *On food metaphors in the Bible*. [Online] Available from: http://www.breadsalt.ru/articles/3100/. (Accessed 18.05.2018). (In Russian).
  - 11. Grot, Ya. (1977) Zhizn' Derzhavina [Derzhavin's Life]. Moscow: Algoritm.
  - 12. Khodasevich, V. (1988) Derzhavin. Moscow: Kniga. (In Russian).
- 13. Korolyov, K.M. (2006) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard.
- 14. Petrov, S. (2016) *Oskolki Serebryanogo veka* [Silver Age Shards]. [Online] Available from: http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/. (Accessed 20.05.2018).

УДК 812.16+ 812.161-1 DOI: 10.17223/19986645/65/13

С.М. Климова

«Я ПОТЕРЯЛ ПАМЯТЬ ВСЕГО, ПОЧТИ ВСЕГО ПРОИСШЕДШЕГО... КАК НЕ РАДОВАТЬСЯ ПОТЕРЕ?» (РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕТЫРЕХ БИОГРАФИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО В СЕРИИ ЖЗЛ)¹

Исследуются 4 биографии Л.Н. Толстого в серии ЖЗЛ. Первая, прижизненная, биография появилась в 1894 г., последняя — в 2017 г. Предметом анализа стал создаваемый биографами «массовый» образ Толстого, рассмотренный сквозь призму конкретного, идеологически заряженного времени, отражающего исторический запрос на героический образ. Специфической задачей стало рассмотрение «общественной», отражающей специфику времени и «публичное» мнение массового читателя биографии, как реальной, так и вымышленной, созданной по законам авторского творчества, зачастую носящего мифологический характер.

Ключевые слова: ЖЗЛ, Толстой, общественное мнение, мифология, биографические парадигмы.

В название статьи вынесено автопризнание Л.Н. Толстого из дневниковой записи от 23 октября 1910 г. До окончательного земного ухода оставалось совсем немного, и он уже давно не имел своей, автономной от публики, биографии. Разговору о такой «общественной биографии», отражающей пристрастия времени и мнение массового читателя, и посвящена работа.

Исследовательский интерес сосредоточен на четырех биографиях Л.Н. Толстого в издательской серии Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ). Первая, прижизненная, появилась в 1894 г., последняя – в 2017 г. В стороне осталось огромное количество мемуарных и биографических исследований, дневниковых и автобиографических записей, существующих помимо этой серии. В ней же нам интересен не столько литературоведческий анализ, достоверность или строгость аргументации, сколько создаваемый биографами серии «массовый» образ Толстого, преломленный в контексте конкретного, идеологически заряженного времени, отражающего исторический (политический) запрос на героический образ.

Введение. Идеология ЖЗЛ в интерьере истории

Безусловно, издательское дело направлено, помимо прочего, на формирование общественного мнения и развитие общественного вкуса. В 1890 г. просветитель-демократ Ф.Ф. Павленков решил организовать издание серии дешевых книг, руководствуясь гуманистической идеей просвещения и

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

воспитания самых широких слоев общества. Главным критерием отбора «замечательных людей» стал исторический и прогрессистский уклон деятельности героя [1].

Целевой аудиторией была рабочая и разночинная молодежь. Павленков стремился к созданию *биографических очерков* в своей серии, стараясь максимально отдалить авторскую позицию биографа от жизни его героя. Тем не менее идеология народничества превалировала, как и их идея вдохновлять толпу героями [2. С. 5]. Первая биография Л.Н. Толстого, написанная Е.А. Соловьевым в 1894 г., убедительно подтверждает это.

Прерванная известными историческими событиями в 1915 г. серия была возобновлена в 1933 г. М. Горьким и носила явно выраженный воспитательно-идеологический характер; целевая аудитория — младшие школьники и юношество. Вполне закономерно, что в 1936 г. незадолго до смерти Горький просит генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева взять под опеку серию («Молодая гвардия» была издательством ЦК ВЛКСМ). «Можно сказать, что Горький следовал в русле русской педагогической мысли, которая искала путей к направленному воспитанию нового поколения на жизнях и образах великих. Но он связывал с биографией, массой биографий — еще более дерзкие надежды, на духовное и социальное преображение России, ибо надеялся с ее помощью способствовать формированию "новорожденных людей"» [3. С. 81].

Между биографическими проектами Павленкова и Горького, с одной стороны, наблюдалась преемственность, характерная для научнопопулярной серии, направленной на просвещение / воспитание народа через образцы для подражания. С другой стороны, произошла смена биографической парадигмы. Вместо биографических очерков стали создаваться научно-популярные биографии воспитательного характера. В расчет новой ЖЗЛ входила сознательная ориентация на тривиализацию жанра биографии, причем как исторической, так и литературной [4. С. 442–443]. Возникло то, что позже будет названо «щадящая» или идеализированная шаблонная биография.

Горький настаивал на том, чтобы в биографиях везде, где можно, сближать прошлое с настоящим, делать любую историю актуальной. В такой установке как минимум два прочтения. Первое – идеологическое, при котором вся история человечества превращается в предысторию «грядущего» – социалистического строительства, а все герои серии становятся невольными «борцами» за это светлое будущее. Второе – мифотворческое: герой биографии становился объектом особой конструкции с целью воздействия на массы. Идеологическое и мифотворческое, как правило, тесно связаны.

Интенции горьковской ЖЗЛ разнятся во времени. В 1930-е гг. биографии были ориентированы на эпоху (главными персонажами были герои революции), в начале 1950-х — на дело, которым занимался герой (главными персонажами стали деятели науки), а в начале 1960-х — на индивидуальность, на неповторимость самой личности во всем многообразии ее жиз-

206 С.М. Климова

ненных и творческих обстоятельств [3]. Эти годы, особенно оттепель, стали и всплеском, и концом гуманистической веры в социализм с человеческим лицом. «Будет дан голос и пропагандистам индивидуализма, и оппонентам его. Во главу угла окажутся поставлены вопросы совести и долга, смысла жизни, потому что социальная отзывчивость, как и взгляд внутрь себя, одинаково свойственны этим людям» [Там же. С. 202].

Именно в это переходное время В.Б. Шкловский пишет вторую биографию Толстого, воспроизводя в ней некоторые приемы формальной школы, пытаясь написать жизнь замечательного человека сквозь призму конкретно-исторического, а не только идеологического, времени.

В 1990-е — начале 2000-х, когда в одночасье распалась целая эпоха и страна оказалась не только в политическом, но и в жестком ценностно-антропологическом кризисе, имя Толстого вновь оказалось востребованным в серии ЖЗЛ. В 2006 г. вышла биография, написанная двумя учеными-литературоведами — А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым. Судьба авторов оказалась трагичной — оба не дожили до выхода книги из печати. В разговоре о Толстом так и не было поставлено окончательной точки.

Последняя биография вышла в 2017 г. в малой серии ЖЗЛ. Ее автор — известный современный писатель П.В. Басинский, издавший своеобразную трилогию о Толстом [5–7], которая принесла ему славу «ученоготолстоведа». Его имя давно стало залогом высоких продаж. Он — идеальный ретранслятор представлений о замечательной личности с точки зрения «новейших» общественных вкусов и общественного мнения.

Данные отступления важно учитывать при размышлении о четырех толстовских биографиях в ЖЗЛ.

Первая биография Толстого: Евгений Андреевич Соловьев (1863–1905)

Первая биография была написана известным в свое время литературным критиком Е.А. Соловьевым¹. Соловьев отстаивал позицию сословного (классового) подхода с явно марксистским уклоном; рассматривал литературу сквозь призму освободительных идей «личности и личностного начала» [8. С. V]. В духе своей сословной теории он объясняет значимость русской литературы, в том числе и толстовской «Войны и мира», наличием крепостнической системы и рабского труда в России, благодаря чему «русская литература за какие-нибудь полстолетия стала классической» [Там же. С. 35].

Соловьевская идейная позиция и стала определяющей в первой прижизненной биографии Л.Н. Толстого в ЖЗЛ² (автор напечатал ее под псевдонимом В. Смирнов). Следует напомнить и о его личном фрагментарном

¹ Псевдонимы писателя: Ан., Анд., Андреевич., Мирский, Скриба, В. Смирнов.

² Соловьев был автором ЖЗЛовских биографий И.А. Гончарова, Осипа Сенковского, А.И. Герцена, Гегеля, Ф.М. Достоевского, Д.И. Писарева, Д. Мильтона, Н.М. Карамзина, О. Кромвеля, Ротшильдов, И.С. Тургенева, Генри Томаса Бокля.

знакомстве с Толстым ^{1} . В библиотеке Толстого есть ЖЗЛовская биография Е.А. Соловьева издания 1905 г. ^{2}

Важно помнить, что перед нами *первая прижизненная биография* в серии ЖЗЛ. Это означало суженную исследовательскую базу; поэтому Соловьев описал, еще не выкристаллизованный и идеологически не обработанный образ героя *своего времени*. Его «замечательный Толстой» – плоть от плоти идеалов и идолов начала XX в., продукт вкуса и оценок общества, концентрированное выражение сути общественного сознания, расколотого, противоречивого и тяготевшего к героизации личности в форме индивидуального подвига.

Для Соловьева главным исследовательским источником стали «Исповедь» и крупные художественные произведения писателя. Строго следуя за логикой художественного, он в личной биографии Толстого повторил факты литературной. Детство, Университет, Кавказ, Севастополь и т.д. — не только последовательные точки на его хронологической «карте»; это почти дословный пересказ соответствующих произведений, снабженный общеизвестными фактами из жизни писателя и авторским комментарием. «Биографию Толстого можно смело написать по его собственным произведениям, и она выйдет полной, особенно во всем, что касается душевной жизни великого писателя» [9. С. 154].

Во многом повторяя методологию биографического метода Ш. Сент-Бева со всеми его недостатками, Соловьев, по сути, соединил биографического автора и автора-творца, осуществляя вульгарную прямолинейность в перенесении биографических сюжетов при объяснении художественных. «В большинстве произведений Толстого героем является он сам, его душевное настроение, несомненно им пережитое и перечувствованное. На эти произведения мы можем смело положиться, как на автобиографические документы из области духовной жизни писателя» [Там же. С. 13].

При этом Соловьев уловил как особенность толстовской стилистики принцип искренности, превративший каждое его слово в почти религиозное исповедальное откровение. Он верно заметил, что толстовская сила в том, что писатель пишет и говорит из собственного убеждения. Искренность сделала Толстого открытым для всевозможных интерпретаций. Соловьев точно заметил не только влияние Руссо на писателя, который «научил быть искренним», но и страстность самой натуры писателя, сделавшего его самого совестью своего времени. Откровенность Толстого стала самым подкупающим фактором его восприятия для публики, сделав его кумиром и «объектом» для подражания.

«Исповедь» предстала как самое искреннее произведение переходного времени, «духовная автобиография» и важнейший источник для биографического отождествления обстоятельств жизни Толстого – автора «Испо-

 $^{^1}$ Двухчасовая беседа в 1903 г. в Ясной Поляне отражена в «Одесских новостях» (1903, 13, 17, 22 июля).

² В приложении книги впервые на русском языке был напечатан ответ Л.Н. Толстого на печально знаменитое постановление Синода.

208 С.М. Климова

веди» с Толстым — ее героем. Этот подход стал для Соловьева психологической основой снятия покровов «приличия» с интимной сферы — не только в разговоре о личной жизни Толстого, но и о мире его внутренних субъективных переживаний. В то же время Соловьев декларирует такую особенность литературного гения, как детский взгляд на вещи. Гений видит не так, как мы, задает не те вопросы, т.е. действует отстраненно от описываемых событий в непосредственной оптике восприятия. Так был почти предугадан, но, конечно, только интуитивно, метод остранения, сближающий Соловьева с будущими формалистами и отдаляющий от собственной биографической методики описания.

Соловьев как социальный «сейсмограф» отразил интенции общественного мнения разночинного читателя, увидевшего в Толстом символ трагического разрыва и классовых противоречий в обществе. Это было время трагической безысходности, так как даже Толстой не смог ни в чем примирить аристократическую интеллигенцию и трудовой народ. Это, с точки зрения биографа, оказалось не в его власти, так же как и преодоление своего собственного происхождения («дрожжи старого барства», по выражению Соловьева, невозможно изъять из замеса истории новой жизни).

Марксистская установка сказывается и на итоговых оценках писателя: «Крестьянским трудом вспоен и вскормлен великий художественный талант земли русской, слава и гордость нашей литературы и нашего народа. Говорю все это я без малейшей тени упрека кому и чему бы то ни было... Благодаря даровому крепостному труду русская литература за каких-нибудь полстолетия стала классической, и ничего подобного ее быстрым успехам в период между созданием "Руслана и Людмилы" и "Анной Карениной" мы не видим даже на Западе» [9. С. 35–36]. Отсюда очевиден «сословный» вывод об исторической ограниченности «времени» Толстого и его закономерной смене «временем» Горького и других пролетарских писателей.

Таким идеологическим «плодом» предстала перед нами первая биография Л.Н. Толстого.

Советская биография Толстого: Виктор Борисович Шкловский (1893–1984)

Понадобилось более полувека, включившего две мировые войны, две революции, смену курсов партии, тоталитаризм и оттепель, чтобы вновь возникла потребность в написании биографии Толстого в серии ЖЗЛ. Идеализированная биография и советская поучительная литература «от КПСС» требовали коррекции самой идеологической системой. Необходим был новый тип биографии для популяризации новых идей (а может быть, и старых, но в новых обертках). Наиболее успешным стал тип научно-художественной биографии, рождаемый на стыке факта и стилистики (манеры) описания. Здесь явно шло усиление личностного начала как с точки зрения роли автора, так и образа героя.

В 1959 г. – за несколько лет до выхода биографии Толстого в ЖЗЛ – В.Б. Шкловский в журнале «Знамя» написал заметку о серии ЖЗЛ, указав

на необходимость нового подхода к биографии и пониманию «замечательного человека». «Мы должны создавать биографию, исследуя события, а не беллетризуя их» [10. С. 221]. Отсюда – прямой выход на очень схожие с формальным методом требования «отбора фактов» и «способа анализа» [Там же]. По сути, Шкловский в разговоре о биографии вводит нас в свою собственную творческую лабораторию [Там же]. Ее особенность – в очевидном противоречии между следованием за научными фактами и отнюдь не научной стилистикой их описания.

Отбор фактов и способ их анализа становятся определяющими в описании героя биографии. Способ анализа Шкловский отождествил со стилем изложения. Декларируя метод соцреализма, он понимал его не как отражение, не как типизацию образа, даже не как мышление образами, но как совмещение плана жизни героя и исторической картины мира.

Данная биография, несмотря на все старания автора презреть вкусы толпы, сиюминутное, в каком-то смысле провоцирует / формирует «беллетристическое» – общественное мнение, в том числе и шестидесятников.

Здесь возникает подход литературоведческого перформанса — «перевоплощения» автора в героя. Еще в 1928 г. Шкловский показал «технику работы» автора со своими героями. «Герой делается из материала, он составляется из него как библиотека из книг...» [11. С. 104]. Насколько бы материал не был задан заранее, он не имеет объективной ценности вне авторского творения. Биография Толстого, изданная Шкловским в 1963 г., демонстрирует приверженность автора данной установке. Дело в сознательном или невольном смешении автора и героя, биографии и автобиографии, представлении биографии писателя как романа. По признанию самого Шкловского, он «составляет, как умеет жизнь Толстого», опираясь на его романы, дневники, письма. Характерно, что биографические факты рассмотрены в разряде «прочего»; с его точки зрения, они «тоже нужны», но факультативно, так как «кладут жизнь человека на карту его времени, говоря о том, что было у человека его личное, а что в нем общее, но им самим пережитое» [12. С. 250–251].

В основании толстовской биографии, с точки зрения Шкловского, лежит *творческий акт*. В литературе жизнь как бы очищается от текучего, неуловимого, сюжеты таят «богатый автобиографический материал... Шкловский не проецирует свою жизнь на конкретные события толстовской биографии, а использует литературное осмысление Толстым собственной жизни как повод задуматься над своим писательским творчеством» [13. С. 89–90].

Биография для формалистов – это текст, стилизованная биография, то, что Б.В. Томашевский называл «биографической легендой», предпосылаемой автором своему произведению [14. С. 28]. Ян Левченко назвал это эгалитаризмом [15. С. 194]. Под последним следует понимать экспертное присвоение исследователем языка литературы как «родного», собственного. По сути, это означает субъективное присвоение себе писателя как «объекта». Но это возможно, например, тогда, когда исследователь «уроднен» своему герою «профессионально» и эмоционально, т.е. когда писатель пишет о писателе, которо-

го он любит и хорошо чувствует. В данном случае перед нами биографияроман, написанная одним писателем о другом.

Рассуждая о Толстом, он говорит не столько о нем, сколько «через него» о себе, своих переживаниях и одновременно о судьбе своего поколения [12. С. 190]. Фигура великого русского писателя должна была спасти общество шестидесятников от начавшихся разочарований, доказать возможность жить в переходное / смутное время достойно благодаря высокой миссии идеального, способности увидеть вещи отстраненным взглядом, так, как это делал сам Толстой. Не последнюю роль играла искренность — субъективный подход к истории, в том числе и к своей собственной.

Фактически Толстой Шкловского становится необходим советской интеллигенции так же сильно, как когда-то российской, для которой он всегда был и оставался «зеркалом». При этом Шкловский почти не входит в область критического анализа гражданской позиции Толстого. Писатель остается на своей «романно-мифологической почве» обоснований, не уставая утверждать, что только художественное творчество — истинный ключ к биографии великого человека. «Конечно, Нехлюдов не Толстой, но Толстой гдето рядом и Нехлюдов может оказаться Толстым» [Там же. С. 95].

Из творчества Толстого он понемногу убирает героя-Толстого и подменяет его автором-Шкловским. Он пишет биографию-драму, ведь, если биография не драматична, то она «не может быть реалистичной» [Там же. С. 226].

Прием остранения помог автору открыть определяющие сознание героя «узловые точки» творчества, когда «художник вымышляет образ, исследуя его через события. События могут быть и не выдуманы» [Там же. С. 222]. Эти слова написаны о «Хаджи Мурате», но вполне применимы к биографии Толстого. Шкловский вымышлял своего Толстого, опираясь на невыдуманные факты его жизни.

Перефразируя самого Шкловского, можно сказать, что он представил судьбу Толстого, не только зная все обстоятельства его жизни, но и найдя возможность их художественного воплощения. «Вымышлять в биографии – значит выделять главное, существенное и открывать причины событий, связывать явления» [Там же]. Таким образом, биография строится на специальном приеме, делающим повествовательный нарратив остраненным, отличным от описываемой действительности, вымышленным, по словам автора.

Позиция формализма налицо; Шкловский не заново открывает своего Толстого, но через него продолжает борьбу за свой метод, вводя социологическое (историческое) в творческое (биографическое). Мы словно возвращаемся к дискуссиям 1920-х гг. о природе социологического и формального в литературе [16].

Для формалистов принципиальна идея взаимодействия (сцепления, говоря языком Толстого) различных факторов, в том числе литературных и бытовых. Человек (биографически) живет в истории, но его творчество внеисторично, эволюционно. Поэтому «необходимо принципиальное раз-

граничение самих этих понятий – эволюции и истории» [17], следует отказаться от вульгарного параллелизма биографии и творчества.

Во времена дискуссий это выглядело как борьба марксистов и формалистов за определение сути «диалектики базиса и надстройки».

Марксисты были категоричны. «Конечно... никакой перевод эстетической системы с языка искусства на язык социологии, никакое вычитывание базиса из эстетической системы является невозможным... Но представить себе отношение эстетической системы к базису как отношение вещи к материалу — значит ровно ничего не понимать в марксизме» [16. С. 15–16]. Марксизм, в свою очередь, также немногое понял в формализме, в требовании преломить факты с художественной точки зрения. Реальность же художественного формалисты понимали как способ вскрытия через литературное творчество противоречий самой действительности. Метод остранения позволил превратить текст в самостоятельную, прямо не связанную с фактами, реальность. Главной интенцией марксистов был вопрос *почему*, формалистов — *как*.

Формализм Шкловского не помешал ему, однако, мифологизировать фигуру Толстого, осмысляя природу мифа в духе отечественных исследований 60-х гг. ХХ в. Высокий миф о Толстом оказался востребован для «смягчения удара» при смене идеологий и ценностного диссонанса в обществе. Толстой Шкловского и функционально и универсально вобрал в себя всю мощь мифообраза, символизируя собой абсолютную нравственность и идеал, но главным образом став символом искусства в целом. Он, по словам Шкловского, «выразил гений своего народа», а почему именно он – «трудно постижимо» [12. С. 87]. Искусство, выраженное через его творчество, – вечно, «оно идет и не проходит, потому что в сцеплении понятий постигает сущность явлений» [Там же. С. 667].

Попутно Шкловский решал и иную задачу, показав, механизмы работы общественного мнения, разъедающие высокий миф. Важнейшим, как нам показалось, из них стал механизм пошлости – противоположный высокому творческому мифу и идущий от низменного обывательского здравомыслия. Его олицетворением в книге предстала Софья Андреевна Толстая. Толстой боролся со здравым смыслом своего времени, а следовательно, и с ней. «Софья Андреевна была средним человеком, обладающим здравым смыслом, то есть суммой предрассудков своего времени... В одном доме жили люди с разными самосознаниями... она виновата была перед мужем в том, что обращала его мысли в деньги» [12. С. 653–654].

Шкловский, с одной стороны, назвал ее «послом от действительности», с другой – представительницей среднего сословия, принципиально чуждого Толстому, знавшему лишь «помещика и мужика» [Там же. С. 548]. Под здравомыслием жены писателя Шкловский имел в виду сумму предрассудков обывателей, которые, с его точки зрения, присуще были прежде

 $^{^1}$ В это время складывается целое направление исследований по мифу и мифологии. К нему относятся труды А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, С.А. Токарева, М.А. Лифшица, О.М. Фрейденберг и др.

212 С.М. Климова

всего чиновникам, разночинцам, городским люмпенам. Несмотря на дворянские корни, она «жила как все» [Там же. С. 653], «приперев» дверь толстовского дома «вовнутрь» своим благоразумием. Жена гения оказалась символом мещанского сознания и до конца жизни не сумела, по его мнению, освободиться от своего «близорукого благоразумия» [Там же. С. 846]. Самое печальное, что именно она, по мнению Шкловского, плела все самые грубые интриги и распускала самые нелепые слухи, в том числе о его сумасшествии, называя при этом своего мужа лицемером. «Софья Андреевна невольно и безумно лжет» [Там же. С. 706].

По сути, он пишет занимательную приключенческую историю из жизни аристократа-Толстого, гения, имевшего несчастье прожить жизнь с гораздо менее аристократичной супругой — банальной Софьей Андреевной, которая стала в данной оптике его зеркальным альтер-эго.

Логика обвинений Шкловского вполне понятна и во многом обоснованна, но он как будто забыл о тех противоречиях, которые сам же обнаружил у Толстого, как у всякой «замечательной личности». Достаточно предвзято и формально, с нашей точки зрения, рассматривать целое – семью – как механическое соединение плюса и минуса – гения и мещанки. Дело не в том, что Софья Андреевна – мещанка, а в том, что Лев Николаевич пережил свой идеал женщины-матери и хозяйки, как и свою роль мужа и отца, встав на путь преодоления земного эгоистического субъективного Я своей «животной личности», в поиске интеграции своего всечеловеческого Я с Богом и миром. Она не поняла и не разделила его жизненную философию – в этом ее правда / право и в этом подлинная трагедия этих двух любящих людей.

В финале Шкловский вводит в разговор о Толстом устойчивый архетип дороги, движения, бегства, ухода, наполненного мифопоэтическими обобщениями. Этот архетип станет доминантным для всех последующих описаний биографий Толстого. «Главная тема – уход от мира, безумие которого обнаружено, в крестьянство или хотя бы в городскую бедноту» [Там же. С. 546]. В понимании Шкловского дорога становится единственным пространством для аккумулирования личного времени жизни, отличного от публичности, – времени для себя и времени к «своим».

Биография времен перестройки: Алексей Матвеевич Зверев (1939–2003), Владимир Артемович Туниманов (1937–2006)

В биографии, написанной А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым, Толстой вновь предстает героем *переходной* эпохи. Она написана в период распада уже советской империи, когда у миллионов людей появилась надежда (вера) увидеть обновленную Россию, свободную и духовно возрожденную. Но увидели они иную картину нарождающегося капиталистического общества со всеми его «довесками»: люмпенизацией населения, разложением нравов, ростом пьянства, воровства, проституции, нищей старостью и многим другим. Толстой, подзабытый и невостребованный, вновь стал необходим русскому читателю [18. С. 271], так же как и поиск ответа на его сакраментальный вопрос: «Так что же нам делать»?

В отличие от биографии Шкловского, который через увеличительное стекло вещей (вещества) мира стремился увидеть душу писателя, здесь многочисленные примеры реконструкции душевных переживаний Толстого даны через аналитику художественных образов его героев. Авторы умело использовали прием слияния жизненного и творческого, обнаружив зародыши философских и религиозных идей в художественных образах, интимных жанрах писем, дневников, записных книжек.

Перед нами научно-художественная биография, которая воссоздается через автобиографического героя и формирование единого нарратива при слитности художественных и интимных дискурсов. «Толстой как будто постоянно смотрит на себя: самоанализ писателя в письмах и дневниках проверяется и дополняется самоанализом его героя» [Там же. С. 274]. Это, пожалуй, первая биография, в которой Толстой представлен в эволюции его творческого мышления, развивающегося от художественного к философскому и от философского к религиозному и духовно-практическому. Формируясь в полемике с сотнями мыслителей прошлого и настоящего, Толстой, как верно заметили авторы, оказался вне историософского пространства XIX в., формируя в ходе скрытой или явной полемики с современниками идею «жизни как пути», включая свой собственный опыт.

Не трудно заметить, что в ЖЗЛ-овской серии каждый биограф Толстого выбирает для демонстрации своей доминантной идеи «репрезентативный» текст. Если для Евгения Соловьева это была «Исповедь», для Виктора Шкловского – письма к тетушке Т.А. Ергольской, то здесь таким корпусом идентичности оказалась переписка Толстого с «бабушкой» – А.А. Толстой, фрейлиной царского двора, настойчивой последовательницей православия и близким другом писателя. Поиск «вечного», главная тема жизни Толстого – «основание новой религии, религии Христа», которая «овладеет его сознанием уже до самого конца жизни» [19. С. 109], оттачивается в бесконечной полемике, прежде всего, с ней – главной представительницей традиционной веры. В каком-то смысле обращение именно к их переписке становится основой рефлексивного понимания природы и сути толстовской религиозности, ее схожести и несхожести с церковной.

Есть у этой книги еще одна изюминка. Она заключается в относительной автономии двух частей. Первая часть, написанная Зверевым, воссоздает духовный образ героя в эволюции его жизненной и творческой биографии, вторая погружает нас скорее в политический и полемический контекст биографии. Туниманов, будучи известным специалистомдостоевистом, невольно зачастую именно Ф.М. Достоевского делает незримым арбитром, в том числе религиозных и политических воззрений Толстого. Нередко в первой и второй части оценки персон и событий представлены весьма контрастно, например фигура Софьи Андреевны или Н.Н. Страхова. В первой части они прописаны сдержанно, зачастую нейтрально, во второй – оба заклеймены как «злые гении» Толстого, его оппоненты и «враги».

214 С.М. Климова

Несмотря на указанные нюансы, биография внутренне соединена двумя ипостасями Толстого. В этом, может быть, ее уникальность и удача. Нам даны два ракурса, два образа Толстого-художника и мыслителя и Толстого – гражданина и оппозиционера, объединенные единым внутренним стержнем – идеей его изначальной целостности личности. Целостность определена *творчеством*, как процессом и результатом данного уникального соединения. Книга это прекрасно иллюстрирует.

Аналитический язык книги создавал риск «потери» читательской аудитории, не привыкшей читать академические исследования в ЖЗЛ, пусть и занимательно написанные. Ситуацию спасло переходное время. Толстой оказался необходим не просто как писатель. Впервые за многие десятилетия он вновь стал символом активной личности, призывающей к совести и гражданской позиции наших граждан. Его убедительность – в его искренности, которая делает Толстого злободневным и актуальным. Например, один из символов рассказа «Хозяин и работник» - чернобыльник – вызывает у современного читателя ассоциацию с Чернобылем, а «Хаджи Мурат» - с современной чеченской войной. Размышления о героизме воина-Толстого, как и анализ его пацифизма и антимилитаризма, приобретают совсем иную интонационность в контексте этой самой братоубийственной войны, бесславно завершившей ХХ в. Авторам данной биографии стал жизненно необходим его голос для осуждения этой кавказской бойни и одновременно – для поддержки сотен тысяч русских (и не только) солдат, честно выполнявших свой воинский долг в новой «гражданской войне».

Главным героем этой биографии стал XX в. Он прошел сквозь толстовскую биографию со всем своим глобальным социальнополитическим трагизмом и экзистенциальными страхами, межличностными конфликтами и ценностными пертурбациями. Толстой, как мог,
пытался предотвратить его кровавый расцвет, был очень мало кем понят
в этом.

Цитируя Б.П. Вышеславцева [20], авторы напомнили о самом главном – его религиозно-философском учении о непротивлении злу и неучастии в нем: «Каждый студент юридического факультета умел опровергать "непротивление злу насилием", и во всех курсах государственного права фигурировал соловьевский "злодей, насилующий ребенка". Нежели Толстой не понимал, что хорошо и похвально спасти ребенка от злодея при помощи государства? Но он предвидел, что государство займется не только этим, не только борьбой с индивидуальными преступлениями, а вступит неизбежно на противоположный путь, на путь совершения социальных преступлений... самое страшное зло... совершаемое в форме социально организованной, "совершаемое именем закона"... воображающее себя добром» [19. С. 506].

В этой биографии также все завершается дорогой, которая, по мнению биографов, всегда символизирует yxod... Для них — это путь в иной мир: «уйти можно только в смерть» [Там же. С. 658]. Но, как известно, для Тол-

стого смерти нет. И для него уход был скорее выходом - nepexodom (метанойей) действительно в иной мир света, истины и любви.

Биография, написанная Павлом Валерьевичем Басинским

Последняя биография в ЖЗЛ вышла в малой серии в 2017 г. П.В. Басинский нашел, казалось бы, еще один неординарный способ рассказать о Толстом. Он решил описать его жизнь в форме романа, сделав Толстого произведением, которое тот, как выясняется, «создавал сознательно» [21. С. 5]. Делал он это, по мысли биографа, прежде всего, в дневниковых откровениях, а также в письмах и записных книжках, в которых, с первой до последней записи, его жизнь была представлена как сочинение — роман под названием «Лев Толстой» [Там же. С. 6].

Такой замысел весьма любопытен и внешне схож с интенциями Шкловского. Однако, будучи еще и ученым-исследователем, а не только писателем, Шкловский не забыл про великое художественное наследие гения, про «упрямые факты» биографии, которые обладают статусом неизменных законов, которые нельзя сочинить или проигнорировать в биографии, про методологию изучения творческого наследия на основе творческого метода, про исторический план и т.д. Здесь все это отсутствует, да и ни к чему. Требование Шкловского отказаться от «вульгарного» параллелизма биографии и творчества было с легкостью доведено до полного отказа от «творчества» в построении «новой» биографии Толстого.

Книга написана в публицистической манере. В ней множество фактов и дат, событий и героев, всем вроде бы известных и в то же время как будто сочиненных самим биографом. В ней есть все, кроме Льва Николаевича Толстого — гениального писателя, религиозного мыслителя, страстного оппозиционера, счастливого и несчастного, а самое главное — искреннего человека нашей эпохи. Откровенность Толстого обернулась перформансом его жизни, место искренности заняло сочинительство, вместо личности возник вымышленный персонаж по имени «Лев Толстой».

В 50-е гг. XX в. издательство ЖЗЛ утвердило три главных принципа, на которых должна строиться любая биография: научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. В рассматриваемой биографии Толстого последнее требование явно превалирует над первым и вторым.

Вымысел как прием, безусловно, важен в создании биографии, ибо он «один из основных моментов литературно-художественного творчества, состоящий в том, что писатель, исходя из реальной действительности, создает новые, художественные факты» [22. С. 1069]. Вымышляя факты, Басинский одновременно вымышляет и реальную действительность, превращая ее в фантазию, т.е. создавая беллетризованную биографию. Метод, который был им избран, отвечает одному из принципов ЖЗЛ: максимальной беллетризации всех фактов биографии, развлекательности, тенденциозности и занимательности, максимальной простоте суждений и выводов. Писатель-Басинский становится носителем истинного знания о фактах

216 С.М. Климова

жизни и мыслей своего вымышленного *героя-Толстого*. В художественном романе это вполне правомерный прием, который, однако, может ввести в заблуждение читателя серии ЖЗЛ.

Какой же он, Лев Толстой Басинского? Человек, прямо скажем, не симпатичный, не имеющий ничего заветного, самобытного, своего. *Подражание* — его главная черта. При этом, как известно, «подражая, всегда делаешь хуже» [21. С. 37]. Следовательно, Толстой все делал хуже других, а стал «супергероем».

Кому же подражал и что делал хуже других герой-Толстой? Как выясняется, *многим* подражал и *многое* делал хуже. Он постоянно подпитывался чужими флюидами (влиянием). Подражал матери, которая оказала «мистическое влияние» [Там же. С. 17]; отцу, который подарил «неверие в смерть» [Там же. С. 27]; душевные основания религии были «заложены в нем Татьяной Александровной Ергольской» [Там же. С. 33]; Сергею подражал в стремлении быть сотте il faut; Николаю – в писательстве, Мите в идее опрощения [Там же. С. 39–40]. Даже с Тургеневым он рассорился, так как «просто боялся в очередной раз попасть под влияние более успешного и удачливого человека» [Там же. С. 89]. Ко всему прочему, Толстой Басинского, с юности был развратный эротоман [Там же. С. 97], человек, с ранним развратом души и тела, что никак не прибавляет симпатии к нему. Что же в нем было от себя? Да, ничего, кроме того, что «он – Лев Толстой» [Там же. С. 41].

После этого Басинский ставит задачей *разоблачить* мифотворчество, каким окружена была жизнь Толстого. Он весьма оригинально «очищает» Толстого от одной мифологии, погружая своего героя в иную — художественную (авторскую) мифологию. В качестве приема в изложении материала используется своеобразная триада: а) «миф о Толстом»; б) его «разоблачение»; в) рассказ, как это было «на самом деле» (весьма частотное выражение в книге).

В книге так много мифо-сюжетов, что трудно выбрать что-то определенное. Ограничимся одним рассуждением, например о религиозности Толстого. Сначала приводится известное утверждение о Толстом как основателе новой религии, о которой он «мечтал» с юности. Затем оно опровергается другим утверждением о том, что знаменитая дневниковая запись 1855 г. «разговора о божественном» «на самом деле» была сделана после церковной исповеди во время перерыва в военных действиях: «...при этом не замечают, что, перед тем как делать эту запись, Толстой, по-видимому (курсив наш. - C.К.), причастился у армейского священника (отсюда разговор о божественном и вере). Так считает исследователь религиозных взглядов Толстого священник Георгий Ореханов» [21. С. 76]. В итоге война, смерть и ужас подсказали ему идею некой «практической религии», которая была отнюдь не порождением рационалиста и пустого эгоиста, но будущей религией спасения [Там же. С. 77]. О чем же идет речь и чем «практическая религия» – христианство не удовлетворила его, неясно. Герой Басинского вымышлен от начала и до конца. Автору, кажется, удалось

возбудить читательский интерес к жареным фактам, «одиозности и странностям» писателя и одновременно «возвысить» читателя над героем. Окупаемость книг, безусловно, возрастает пропорционально занимательности и легкости чтения.

Симптоматично, что Басинский, подобно Шкловскому, главным «эмпирическим источником» биографии считал письма Толстого к тетушке Т.А. Ергольской, в которых последний якобы дал проектирование своей жизни как романа. Получается, что и здесь Толстой – подражатель... самому «себе»: своей собственной вымышленной / сочиненной семье, которую он хочет воссоздать в яснополянском раю и тем самым «исправить ошибку Бога» [21. С. 91].

При этом Басинский не прочь и сам стать корректором жизненного проекта Толстого. У писателя на это есть все права. Так, в главе *Роковая ошибка* он уверенно находит истоки семейной трагедии Толстого в том, что тот показывал Дневники невесте. «Он сразу давал ей понять, что она выходит замуж за мужчину с достаточно богатым сексуальным опытом. На самом деле этика XIX века такое положение вещей не только не осуждала, но даже приветствовала. Опытный в сексуальном отношении муж – лучше, чем ничего не знающий в этих вопросах юноша. И конечно, Берсы (наверное, и сама Сонечка) догадывались, что у Толстого были связи с женщинами. Возможно, что они знали, что в Ясной Поляне живет внебрачный сын Толстого» [Там же. С. 112]. Под этикой, скорее всего, понимается все то же пресловутое общественное мнение, которое автор не упускает из своей оптики ни на минуту.

О внутреннем мире Толстого, о его беспощадной саморазоблачительности, бесконечных переживаниях и саморефлексии в дневниках Басинский пишет в явно ироническом стиле. Толстой, который непрерывно следил за своим ростом, внутренним развитием, двигаясь от предчувствий истин к самим истинам и обратно — в сомнение и переживание, превратился в «шпиона» и «согладатая» за собой. Данные метафоры вносят экспрессивно-негативный оттенок в сложнейшую задачу дневников — передать все нюансы внутреннего мира — переживания, сознания, амбивалентных эмоций, искренних слов человека о себе на протяжении пятидесяти лет жизни, превращая трагедию в комедию выжившего (в итоге) из ума писателя.

В этой «аналитике» нет размышлений о «расслоении "я" на героя и повествователя, действующих в разное время» в дневниковых записях [23. С. 27]. «Смотритель, теоретик» (выражение В.В. Бибихина [24]) легко превратился в «шпиона», а смотрение, которое было основой творческой рефлексии, превратилось в данной биографии в водевильную насмешку над бесконечной работой ума и совести Толстого, шпионившего за своим хозяином (что-то похожее на шварцевскую «Тень»).

Хотелось бы завершить обзор этой последней биографии в ЖЗЛ словами Л.Н. Толстого из позднего дневника: «Я потерял память всего, почти всего происшедшего... Как не радоваться потере?»

218 С.М. Климова

Заключение

На отдельном примере мы стремились понять, как и для чего издаются биографии великих людей, что такое людская память и насколько она производна от профессиональной или исторической. Издательство как чуткий барометр улавливает ход времен, сохраняя в своих публикациях ориентацию на общество и общественное мнение. Каждая биография Толстого позволяет нам заглянуть в историко-социологический контекст ее формирования. Прижизненная биография Соловьева наглядно демонстрирует сословно-классовый подход, отражая не только позицию автора, но и тенденции самого издательства, ориентированного на массового читателя и образовательную парадигму. Е.А. Соловьев пишет о Толстом, уже захватившем умы человечества, уже ставшем пророком, великим учителем, совестью не только для России, но и для всего мира. Соловьевская биография Толстым. Советская биография, таким В.Б. Шкловским, являет собой демонстрацию «остранения» особого рода. Сквозь текст и советские языковые клише читатель почти художественно погружается в особый жизненный мир Толстого, вне и помимо идеологии соцреализма с его материалистической «победой» бытия над сознанием. В биографии, написанной А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым, мы узнаем не только Толстого – художника и философа, но и собственную эпоху, нуждаювшюся в толстовской правде и беспощадной критической рефлексии по поводу утраты самых важных человеческих ценностей в процессе утилитаризации и капитализации нашего времени. Авторы наглядно показали, что нам нужен Толстой-гуманист, духовный учитель и идеолог непротивления злу насилием. Биография, написанная В.П. Басинским совсем по-иному возвращает нас к дню сегодняшнему, становится правдой об обществе, живущем слухами, анекдотами, мифами, стремящемся к простоте восприятия и понимания, даже если речь идет о научной биографии.

Четыре биографии Л.Н. Толстого оказались не только репрезентантами публичного – общественного времени, общественного вкуса, но и своеобразным отражением его особенностей на протяжении более чем столетия. Биографии отразили историческую динамику страны. На каждом витке Толстой оказывался «зеркалом» русской, советской и постсоветской интеллигенции. Толстой был и совестью, и великим писателем и мыслителем, и гражданином, и даже «пустяшным малым». Все биографии объединяет склонность к идеализации и одновременно мифологизации его образа.

Не стоит сравнивать, какая биография лучше или хуже. Каждая, посвоему, уникальна и информационно насыщена. И дело не только в фактах, методах или путях анализа, но и в уникальной способности говорить о вечном на языке времени, раскрывать всеобщее через мнения, интересы и язык, доступные обществу.

Толстой всегда таков, каково общество, его почитающее или судящее. Как видно, и авторы биографий, и обыватели любят Толстого, как преданная жена, и предают его, как она же — «горестно, завистливо и тщеславно» (Шкловский).

Обессилить же его образ нельзя никакими наветами, мнениями и биографиями. Подобно Заратустре через века он будет возвращать человека в радостное дело самопознания, самооткровения, «переоценки ценностей», а его книги продолжат приносить подлинное наслаждение и радость приобщения к русской культуре. Биографическая «жизнь» Л.Н. Толстого продолжается.

Литература

- 1. Непомнящая Т.Ф. Книги о замечательных людях как тип издания: (Серия ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия»): автореф. дис. .... канд. филол. наук. М., 1969. 17 с.
- 2. *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф. Павленков. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. 108, [2] с.
- 3. Померанцева Γ .Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М. : Книга, 1987. 335 с.
- 4. *Тун-Хоенштайн* Ф. В лаборатории советской биографии: серия «Жизнь Замечательных Людей», 1933–1941 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX XX век. History and subjectivity in Russia: материалы международного коллоквиума: Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. СПб., 2013. С. 437–452.
  - 5. Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2010. 636 с.
- 6. Басинский П.В. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. 572 с.
  - 7. Басинский П.В. Лев в тени Льва: история любви и ненависти. М.: АСТ, 2014. 509 с.
  - 8. Соловьев Е.А. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905. 418 с.
- 9. Соловьев Е.А. Л.Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность : биогр. очерк. ЖЗЛ. СПб., 1894. 160 с.
  - 10. Шкловский В.Б. Жизнь замечательных людей // Знамя. 1959. № 3. С. 218–223.
- 11. Шкловский В.Б. Гамбургский счет. СПб. : Изд. писателей Ленинграда, 1928. 490 с.
  - 12. Шкловский В.Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с.
- 13. Томэ Д, Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни: Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 336 с.
- 14. *Томашевский Б.В.* Литература и биография // Книга и Революция. 1923. № 4. С. 130–145.
- 15. Левченко Я.С. Другая наука : Русские формалисты в поисках биографии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 304 с.
- 16. *Переверзев В.Ф.* «Социологический метод» формалистов // Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы. 1929. Кн. 1. С. 1–26.
- 17. *Эйхенбаум Б.В.* Вопрос о литературной эволюции // На литературном посту. 1927. № 10. С. 42–48.
- 18. Гродецкая A.Г. Живая жизнь в контексте вечности // Русская литература. 2008. № 1. С. 271–274.
  - 19. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. 782 с.
- 20. Вышеславцев В.П. Лев Толстой / Вышеславцев // Русская земля: альманах для юношества (ко Дню русской культуры). Paris : Изд. религ.-пед. кабинета : Ymka Press, 1928. С. 92–97.
- 21. Басинский П.В. Лев Толстой: Свободный человек. М.: Молодая гвардия, 2017. 302 с.
  - 22. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 1.
- 23. Паперно И. «Кто, Что Я?» : Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / пер. с англ. Ирина Паперно. М. : НЛО, 2018. 232 с.
  - 24. Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. М.: Изд. Ивана Лимбаха, 2012. 478 с.

220 С.М. Климова

"I Have Lost the Memory of Everything, Almost Everything That Has Been... How Can One Not Rejoice at the Loss of Memory?" (Reflections on Leo Tolstoy's Four Biographies in the ZhZL Series)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 204–221. DOI: 10.17223/19986645/65/13

Svetlana M. Klimova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sklimova@hse.ru

Keywords: Tolstoy, public opinion, mythology, biographical paradigms.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00100.

The research interest in the article is focused on Leo Tolstoy's four biographies in the Lives of Remarkable People (ZhZL) publishing series. The first lifetime biography appeared in 1894, and the last one in 2017. Emphasis is placed on the "public" biography, which reflects the specificity of time and the "public" opinion of the general reader. This biography includes both real and fictional components. It was written according to the laws of any creative work often with a mythological touch. The subject-matter of the study was the "mass" image of Tolstoy created by the biographers of the series. The image is analyzed through the prism of a specific ideologically loaded time that reflects the historical demand for a heroic image. The article consistently shows the transformation of this heroic image that occurs due to the change in the genre features of the biography, due to historical collisions and literary methods the biographers used, their attitudes to the public (ideological) and subjective (mythmaking) reading of Tolstoy's biography. The change of genres is described: from biographical essays to popular scientific biographies. The relationship and features of the ZhZL series published by F.F. Pavlenkov and M. Gorky are shown. Each biography is constructed according to the author's methodology, becoming its peculiar "result". E.A. Solovyov relied on the biographical method, V.B. Shklovsky relied on the formal one, whereas A.M. Zverev and V.A. Tunimanov reconstructed Tolstoy's spiritual experiences through the analysis of his artistic images. P.V. Bassinsky created Tolstoy's biography maximally fictionalizing its facts and using the method of fiction. A special attention is paid to the time of the creation of Tolstoy's biographies in the ZhZL series. Apart from the pre-revolutionary edition, the publishing house addressed to Tolstoy at the critical moments of history: the Thaw, the Perestroika, and in our time. Tolstoy was always in demand during the periods of spiritual crises and the devaluation of values. Telling about Tolstoy, his biographers tried to speak "through" him about their times, about their worship of the intelligentsia. At each turn of history, Tolstoy turned out to be a "mirror" of the Russian, Soviet and post-Soviet intelligentsia. Tolstoy was both a conscience, a great writer and thinker, a citizen, and even a "trivial little man". All the biographies have a common tendency to idealize and, at the same time, to mythologize his image. Tolstoy's four biographies turned out to be not only the representatives of the public and social time and taste, but also a kind of their reflection for more than a century. One should not compare which biography is better or worse. Each, in its own way, is unique and informative. And it is not just a question of genre, facts, methods or ways of analysis, but a question of the ability to speak about the eternal through the prism of the time, to reveal the universal through facts, opinions, interests, and language accessible to society. The ZhZL series is a unique edition that demonstrates not only a certain level of development of society, but also allows us to understand social interests and needs in a particular historical layer.

References

- 1. Nepomnyashchaya, T.F. (1969) *Knigi o zamechatel'nykh lyudyakh kak tip izdaniya (Seriya ZhZL izdatel'stva "Molodaya gvardiya")* [Books about remarkable people as a type of publication (ZhZL Series of the Molodaya Gvardiya publishing house)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- 2. Rassudovskaya, N.M. (1960) *Izdatel' F.F. Pavlenkov* [Publisher F.F. Pavlenkov]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznov knizhnov palaty.

- 3. Pomerantseva, G.E. (1987) *Biografiya v potoke vremeni. ZhZL: zamysly i voploshcheniya serii* [Biography in the flow of time. ZhZL: Plans and embodiments of the series]. Moscow: Kniga.
- 4. Tun-Khoenshtayn, F. (2013) [In the laboratory of Soviet biography: The series Lives of Remarkable People, 1933–1941]. *Chelovek i lichnost'v istorii Rossii, konets XIX–XX. History and subjectivity in Russia.* Proceedings of an international colloquium Saint Peterburg. 7–10 June 2010. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 437–452. (In Russian).
- 5. Basinskiy, P.V. (2010) *Lev Tolstoy: begstvo iz raya* [Leo Tolstoy: Flight from Paradise]. Moscow: AST.
- 6. Basinskiy, P.V. (2013) *Svyatoy protiv L'va: Ioann Kronshtadtskiy i Lev Tolstoy: istoriya odnoy vrazhdy* [Saint versus Leo: John of Kronstadt and Leo Tolstoy: A story of one enmity]. Moscow: AST.
- 7. Basinskiy, P.V. (2014) Lev v teni L'va: istoriya lyubvi i nenavisti [Lev in Leo's Shadow: A Story of Love and Hate]. Moscow: AST.
- 8. Solov'ev, E.A. (1905) *Opyt filosofii russkoy literatury* [An experience of the philosophy of Russian literature]. Saint Petersburg: Znanie.
- 9. Solov'ev, E.A. (1894) *L.N. Tolstoy, ego zhizn'i literaturnaya deyatel'nost'. Biograficheskiy ocherk* [Leo Tolstoy, his life and literary activity. A biographical essay]. Saint Petersburg: Bankovskaya skoropechatnya inzh. I. G. Gershuna. ZhZL series.
- 10. Shklovskiy, V.B. (1959) Zhizn' zamechatel'nykh lyudey [The Lives of Remarkable People]. *Znamya*. 3. pp. 218–223.
- 11. Shklovskiy, V.B. (1928) *Gamburgskiy schet* [Hamburg reckoning]. Saint Petersburg: Izd. pisateley Leningrada.
  - 12. Shklovskiv, V.B. (1963) Lev Tolstov. Moscow: Molodaya Gyardiya. (In Russian).
- 13. Thomä, D., Schmid, U. & Kaufmann, V. (2017) *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [The March of Life: Theory as Secret Autobiography]. Translated from German by M. Mayatskiy. Moscow: HSE.
- 14. Tomashevskiy, B.V. (1923) Literatura i biografiya [Literature and biography]. *Kniga i Revolyutsiya*. 4. pp. 130–145.
- 15. Levchenko, Ya.S. (2012) *Drugaya nauka. Russkie formalisty v poiskakh biografii* [A different science. Russian formalists in search of a biography]. Moscow: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
- 16. Pereverzev, V.F. (1929) "Sotsiologicheskiy metod" formalistov [Formalists' "sociological method"]. *Literatura i marksizm. Zhurnal teorii i istorii literatury*. 1. pp. 1–26.
- 17. Eykhenbaum, B.V. (1927) Vopros o literaturnoy evolyutsii [The issue of literary evolution]. *Na literaturnom postu*. 10. pp. 42–48.
- 18. Grodetskaya, A.G. (2008) Zhivaya zhizn' v kontekste vechnosti [Living life in the context of eternity]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 271–274.
- 19. Zverev, A.M. & Tunimanov, V.A. (2006) *Lev Tolstoy*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
- 20. Vysheslavtsev, V.P. (1928) Lev Tolstoy. In: Chernyy, A.M. & Zen'kovskiy, V.V. (eds) *Russkaya zemlya: al'manakh dlya yunoshestva (ko Dnyu russkoy kul'tury)* [Russian land: An almanac for youth (On the Day of Russian culture)]. Paris: izd. relig.-pedagogich. kabineta: Ymka Press. pp. 92–97.
- 21. Basinskiy, P.V. (2017) *Lev Tolstoy: Svobodnyy chelovek* [Leo Tolstoy: A Free Man]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- 22. Surkov, A.A. (ed.) (1967) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 t.* [Concise Literary Encyclopedia: In 9 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- 23. Paperno, I. (2018) "Kto, Chto Ya?". Tolstoy v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh ["Who, What Am I?" Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Translated from English by Irina Paperno. Moscow: NLO.
- 24. Bibikhin, V.V. (2012) *Dnevniki L'va Tolstogo* [Diaries of Leo Tolstoy]. Moscow: Izd. Ivana Limbakha

УДК 821.161.1+82.0

DOI: 10.17223/19986645/65/14

А.Е. Козлов

«ОЧЕРК ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»: РЕФЛЕКСИЯ И НАРРАТИВ В РОМАНЕ Н.Д. АХШАРУМОВА «МУДРЕНОЕ ДЕЛО»¹

Анализируется нарративная организация памфлетного романа критика и писателя Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» (1864), выявлены параллели, возникающие между сюжетными линиями и действительными происшествиями в истории русской журналистики. Отдельно рассматриваются социальное проектирование писателя, направленное на коррекцию сюжетных коллизий романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», специфика прогнозирования и «предвосхищения» в свете авторского самосознания. В приложении помещены письма Н.Д. Ахшарумова к братьям Достоевским.

Ключевые слова: русская литература XIX века, беллетристика, «Время», «Эпоха», «Современник», альтернативность и вторичность, нарратив, роман, Ахшарумов, Достоевский.

В 1864 г. в журнале братьев Достоевских «Эпоха» был опубликован роман «Мудреное дело. Очерк из летописей русской словесности». Судя по сохранившимся письмам, роман предназначался для журнала «Время» и хранился в портфеле редакции с весны 1863 г.² Тем не менее в отличие от повести И.С. Тургенева «Призраки» и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского он был опубликован не сразу после разрешения «Эпохи» и появился в печати только в летних номерах журнала. Сам автор устами своего героя констатировал: «...летом никто не читает журналов, потому что редакторы и подписчики все разъезжаются. Летом сбывают обыкновенно всю шушеру, которую боятся печатать зимой, в ту пору, когда подписка идет горячо» [1. С. 78]³.

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (МК-841.2020.6 «Искра» (1859–1873) как энциклопедия русской жизни: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации»).

² По данным Т.И. Орнатской, автор романа Николай Дмитриевич Ахшарумов был, наряду с Н.Н. Страховым, Д.В. Аверкиевым, П.В. Быковым, Л.А. Меем и А.Н. Майковым, завсегдатаем кружка вернувшегося из ссылки Ф.М. Достоевского [2]. Нам не удалось найти подтверждающих эти отношения документов: в частности, в 1860-е гг. Ахшарумов сторонился писательских кругов. В Приложении приводятся два письма, адресованные М.М. Достоевскому и Ф.М. Достоевскому, по которым можно восстановить первичную хронологию.

³ Судя по многочисленным замечаниям фельетонистов, такая оценка является общим местом. Так, М.А. Антонович писал: «Летом бывает жарко, а жар, как известно, вообще, имеет свойство расслаблять, размягчать, растягивать, от жару все делается

Как известно, в реальности весна и лето 1864 г. выдались для главного редактора «Эпохи» катастрофическими: смерть М.Д. Достоевской и М.М. Достоевского, необходимость выплачивать постоянно растущие долги, многочисленные проволочки и задержки издания. Вместе с тем продолжалась необыкновенно интенсивная и жесткая журнальная полемика: «Современник», «Русское слово» и «Искра» с азартом вели спор с редакцией Достоевских, высмеивая их в серии фельетонов¹. Критика нигилистических изданий настолько была занята дискуссией с главными полемистами журнала Н. Страховым, Н. Соловьевым и Ф. Достоевским, что большинство беллетристических произведений, опубликованных в «Эпохе» летнего периода, не получило сколько-нибудь развернутых оценок [5–10]. Вероятно, по этой причине памфлетный роман «Мудреное дело», в том же году вышедший отдельным изданием, остался практически не замеченным².

Подзаголовок «Очерки из летописей русской словесности» свидетельствует о том, что роман должен быть воспринят как *true story*: у большинства героев обнаруживались прототипы, а коллизии, объединяющие сотрудников описанной редакции, могли проецироваться на действительные события и происшествия. Однако в отличие от прецедентных антинигили-

податливее и эластичнее, от жару человек теряет бодрость и энергию, раскисает, предается неге и лени, от жару, говорят, даже мозг разжижатся. Все эти действия жара и должны были бы обнаруживаться на летних литературных произведениях, которые в таком случае представляли бы в себе следы расслабления, вялости и разжижения» [3. С. 27]. Вероятно, намекая на сюжет «Зимних заметок о летних впечатлениях», критик продолжал: «Есть еще другая точка зрения, с которой можно рассматривать литературный летний сезон. Этот сезон отличается от зимнего тем, что в течение его литература, особенно периодическая, позволяет себе некоторую распущенность и небрежность, и вообще слабеет в своих совершенствах. <...> Летом оканчивается подписка и не начинается до глубокой осени, и потому литература менее сильно заботится о развитии и обнаружении своих совершенств и угощает читателей произведениями, какие попадутся и какие зимою были бы забракованы. Наконец, наши читатели летом бывают менее взыскательны, да и вообще меньше читают, чем зимой. Вследствие всего этого летний сезон в своих качествах значительно должен уступать зимнему» [3. С. 29].

¹ В полемической статье «г. Щедрин, или Раскол в нигилистах» Достоевским был помещен «отрывок из романа «Щедродаров», больно задевший редакцию «Современника» и вызвавший не менее болезненный «переход на личности» – «Посланье оберстрижу, господину Достоевскому». Изменение тона полемики, фактически отбрасывание маски фельетониста, наблюдаемое в «Необходимом заявлении», где Достоевский осознанно ставил знак равенства между карикатурным Стрижовым и собой, свидетельствовало об отсутствии сколько-нибудь значительных сил для продолжения споров.

² Жалуясь на «печальное бесплодие» современной беллетристики, обозреватель «Русского слова» заметил: «Что беллетристика наша падает — это дело очевидное. За последнее время по этой части мы не встречаем ничего такого, чем бы похвастать было можно, что бы пробуждало в обществе новые мысли и удовлетворяло его современным потребностям. В журналах сплошь да рядом печатаются или пасквильные романы, наполненные разными мелочными сплетнями, унижающими литературу, или бесцветные повести, которые самый терпеливый читатель с трудом одолеть может — или, наконец, разные "воспоминания" и "очерки", в которых редко есть даже содержание, а так — только одни коротенькие строчки» [4. С. 64].

стических произведений («Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Некуда» Н.С. Лескова, «Марево» Н.П. Клюшникова), «Мудреное дело» оказалось лишено тенденциозного политического содержания. Роман беллетриста, в равной мере далекого от консерваторов, почвенников, прогрессистов и нигилистов, не был программным высказыванием редакции и, несмотря на авторитетное утверждение В.С. Нечаевой, во многом противоречил «идейной направленности» «Эпохи» [5].

Для сюжета Ахшарумов избирает достаточно традиционные схемы авантюрного романа и романа карьеры¹. Российский Люсьен де Рюбампре, Василий Григорьевич Бубнов, молодой человек из провинции (как и в повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело»), выступает в классической роли простака, *отсталого*, по оценке его петербургского окружения. Повествование в романе строится на основе дневника главного героя, который в первых же строках признается:

Кто был сен-симонист или фурьерист, или гегелист, тот так себя и называл фурьеристом или гегелистом. А теперь нет; никто не сидит у себя на пороге и не отстаивает домашних богов; всякий предпочитает идти набегом в чужие земли, уступая другим без боя свои, и от этого разрушение страшное. А что касается до тех строгих разграничений, до тех катехизисов, на которые намекал Касимов, то, может быть, они и есть, но я их не видал. Если и есть, то должно быть их прячут от непосвященных. Говорят, в литературном кругу есть партии?.. К несчастью, я с литераторами, по крайней мере, с отъявленными, до сих пор не сталкивался и потому не могу судить; но в обществе, в обыкновенных кружках, все это скользко и гибко до крайности. Не разберешь, кто что думает, и кому что нужно... [1. С. 26].

Отчасти это соотносимо с позицией самого Ахшарумова, который, несмотря на сотрудничество с А.А. Краевским и М.Н. Катковым и тяготение к консервативным кругам, стремился создать себе репутацию «внепартийного» писателя [11, 12]. Кроме того, он достаточно поздно вступил на литературное поприще: первое произведение, подписанное его настоящим именем, — статья «О порабощении искусства» — вышла в журнале «Отечественные записки» в 1858 г. Бубнов постоянно жалуется на свою необразованность: он чувствует себя как в тумане, как в лесу.

¹ Динамика сюжета и нарратива отражена в названиях частей романа. Первая часть романа называется «Отсталый» и демонстрирует статику (позволяя соотнести потерявшегося Бубнова с Обломовым, о котором Ахшарумов писал специально в критической статье). Вторая часть «Между словом и делом», как и у Гончарова, демонстрирует постепенный переход от статики к динамике (Бубнов инициирует журнальное дело = Обломов пробуждается для жизни). В третьей части, «На деле», герой, бросив поприще журналистики (близко к четвертой части романа Гончарова), обретает счастье в семейной жизни (нереализованный сюжетный вариант романа Гончарова).

Столько всякого рода новых идей и высших воззрений, что голова идет кругом. А как станешь соображать да приводить к одному знаменателю, так тебе дико, странно станет, точно ты в лес забрел, или в город какой незнакомый, в котором кривые улицы вбегают, черт знает откуда и уводят тебя неизвестно куда, а кругом люди толкутся, собаки лают, лошади ржут, вывески разные лезут в глаза, разносчики орут тебе под ухо во все горло [1. С. 28].

Основательное знакомство автора романа с политической экономией (Прудон, Маркс, Сисмонди) ставит в центр повествования рефлексию о символической роли и значении журнальных институций¹. Так, меценат и «патрон» Бубнова Касимов² поучает своего молодого друга:

Ни мы, ни они пороху до сих пор не выдумали, а то что они за ум выдают, просто товар, такой же товар, как вот шляпа или сапоги, и продается в таких же лавках, и стоит не больно дорого. Вся разница в том, что они его продают, а мы покупаем, причем, разумеется, по русскому обычаю, нас обмеривают и сбывают нам всякую гниль [Там же. С. 76].

Я тут из кожи вон лезу, забочусь о его выгоде, а он мне толкует о пользе литературы!.. Да черт ли тебе от нее?.. Не все тебе равно, кто из этих шутов и в какого цвета обертке выйдет на площадь тешить народ?.. Еще новый журнал!.. Право, можно подумать, что мы помешались на журналистике!.. Мало у нас этой дряни валяется по столам!.. Мостовой не умеем порядочно намостить, воды провести, а лезем туда же, – лите-

¹ Близким другом Н.Д. Ахшарумова долгое время оставался Ю.Г. Жуковский – специалист в политической экономии, прошедший путь от эстетика-либерала до социалиста.

² Сюжетная функция этого героя, пребывающего в вечном движении и руководящего несколькими предприятиями, соотносима с функцией героя-наставника Штольца. В своем разборе романа И.А. Гончарова Ахшарумов писал: «Какое нам дело до того, что Штольц занимался своими делами и, не встретив больших неудач, нажил себе деньги; что он участвует в какой-то компании, что ему поручают писать какие-нибудь проекты или приспособлять какие-то новые идеи к каким-то делам; что он так занят, что неизвестно, когда успевает и проч.? А далее что?» [13. С. 604). В частности, именно Ахшарумову принадлежит идея сравнения друга Обломова с Мефистофелем [14]: «В конце первого акта, или лучше сказать, в начале второго, Обломову является Штольц - его Мефистофель, его двойник, его парадоксальное и неумолимое противоречие, которое штурмом берет все баррикады Гороховой улицы и выводит Обломова на чистую воду» [13. С. 610]. Тождество Штольца и Касимова усиливается в некоторых репликах. Например: «Брось ты свои филантропические химеры и живи запросто, не натуживаясь через силу. Ну ты подумай только: ну что толку на стену лезть?.. Ну если б еще мы с тобой были гиганты какие-нибудь, тогда и гигантскую глупость сделать нам было под стать; а то ведь и этого даже не сделаешь, а только надсадишься, да шишку себе на лбу наколотишь... Ну куда нам с тобой людей переделывать? Да и зачем?» [1. С. 193]. В конце романа Бубнов наносит пощечину Касимову – через этот жест писателем устанавливается тождество между Штольцем (ложным помощником) и Тарантьевым (этическим антагонистом Обломова).

ратуру нам подавай. Очень нужна нам литература, когда наш народ не умеет читать?..» ^{1} [1. C. 78].

В этих поучениях отчетлив ориентир на статью Шевырева «Словесность и торговля»². Касимов предлагает смотреть на журнал как на товар, а на писателей и критиков — как работников при хозяине. Подобную позицию разделяет и журналист Святухин:

- Да, душечка, продолжал он; дело-то наше не очень красиво... Я про себя говорю, - про нашего брата, труженика... Ведем мы вперед поколение, гм... мысль вырабатываем... куды, как подумаешь, важно звучит!.. а поди-ка поближе взгляни, что это за наше положение?.. Завален работой по горло; – оно бы еще ничего, – да работа-то какова? Это не то что поденщик, носильщик какой-нибудь там или каменотес, который одну свою грубую силу тратит... Нет, тут не то у тебя берут... Тут всю свою душу подай!.. Он ударил себя в грудь... – Выжми весь лучший сок из себя, до последней капли и сделай это на срок, и смотри чтобы каждый месяц было у тебя готово листов до пяти мельчайшей печати, и чтобы все это было свежо, бодро, живо; - чтоб тут и намеки на все современное были, и полемика и политика, и рецензии на такие книги, которые прочитать, в которые заглянуть в другой раз физически не успеешь!.. С одними ругайся, грызись, как притравленный пес, а другим льсти; перед всякой минутной прихотью, перед всякой дурацкой модой гни как холоп свою спину!.. Работай без отдыха и все-таки знай, что дела по совести сделать ты не успеешь, а что должен его свалять какнибудь на живую нитку... Знай, что дан тебе от природы талант, и что мог бы ты с ним доработаться до чего-нибудь путного, если б была у тебя возможность опомниться да заняться не торопясь и знай что все это должно сгибнуть, потому что тебя, как почтовую лошадь загонят, загонят да и спасибо не скажуг, потому не за что ты воду толчешь, что от всех твоих тяжких трудов строки не останется, которую кто-нибудь после припомнил бы с удовольствием!.. [Там же. С. 85].

Закономерным итогом такой речи становится сравнение журналистики с каторжной работой, «проституцией мысли и сердца», журналиста – с ра-

¹ Соотносимо со словами самого Ахшарумова: «Кто нужен для общества? Солдат нужен, чтобы нас не убили и не ограбили, хлебопашец нужен, чтобы не умереть с голода, ремесленник и фабрикант нужны, чтобы не замерзнуть нам без платья и не ободрать себе ноги о жесткий щебень дорог, ученые <...> но что касается поэтов, драматиков и романистов, то это уже неоспоримо-лишние люди, это все васильки, случайно вырастающие на ниве между колосьями ржи» [15. С. 300]. По-видимому, к 60-м годам такие фразы приобретают характер общего места.

² В романе упоминается «История» Шевырева, при этом Касимов подтверждает свое незнакомство с этим именем:

[«]Гость посмотрел на меня с любопытством и усмехнулся.

[–] Шевырев? – продолжал Дмитрий Петрович. – О чем это?

[–] Это история русской словесности, – отвечал я, вздохнув» [1. С. 115].

бом и продажной женщиной. В представленном в романе мире действуют законы иерархии: наряду с поденщиками, «пролетариями журнальных фабрик», отдающими самое себя для заработка, существуют и немногие, имеющие авторитет и заработавшие признание читателей [16–19].

В центре романа история создания, расцвета и упадка нового журнала «Дело». Меиенатом здесь выступает Касимов, обеспечивающий реальный капитал изданию. Издателем и поручителем (заложившим имение) -Бубнов. Простак-провинциал справедливо опасается: «Ну как я скажу об этом Святухину? Он, пожалуй, подумает, что я хочу воспользоваться их (сотрудников издания. -A.K.) бедностью, чтобы загребать их руками жар, что я рассчитываю приобрести их трудами литературное имя»¹ [1. С. 106]. При согласовании такого порядка дел сотрудники издания Розанов и Святухин выговаривают свои условия: «Основной капитал предприятия состоит не из одних денег: тут требуются труд, опытность, знание дела и некоторая степень литературной известности» [Там же. С. 108]. Однако решающее слово остается за капиталистом Касимовым: «Но есть веши в литературной собственности, которые невозможно делить. Так, например, вы не можете ему уступить часть вашей литературной известности и вашего дарования; вы можете только поделиться с ним долею тех материальных выгод, какие связаны с этого рода собственностью. Так же точно и он не может вам уступить капитала, который он жертвует на расходы издания и связанного с ним права распоряжаться этими расходами. Другими словами, чистый доход он считает возможным делить, но основной капитал с правом распоряжаться той долей выручки, какая потребуется на покрытие оборотной суммы, он считает своею собственностью» [Там же. С. 109]. Этот диалог, построенный на разъяснении основ «реального» и «символического» капитала, значим на рефлексивном уровне романа. Очевидно, что литература выступает одним из видов товара и сама по себе является базисом, в то время как идеология и направление, традиционно считающиеся определяющими, становятся надстройкой, незначительно влияющей на реальную капитализацию².

¹ Знаменательно, что занятие журналистикой в романе Ахшарумова во многом связано с деятельностью «лишнего человека»: «Я начинал считать: хлебопашество мимо, промышленность мимо, служба мимо, — всякое занятие, в котором необходим капитал, — все это мимо... Что ж остается? Часа два я ломал себе голову и никак не мог отыскать, что остается?..» [1. С. 96]. С этой позиции Бубнов — сниженный и травестированный вариант лишнего человека.

² В дальнейшем, предлагая Бубнову публиковать статьи об откупах и «по части промышленной и толковой», Касимов замечает: «Дух – это оттенок личного настроения в мозгу у пишущего или читающего, – привычка мысли идти известным путем, не более важная как привычка гулять по Невскому или по Набережной. Дух только там играет какую-нибудь роль, где нет дельного содержания, где речь идет о фантазиях, не о фактах, где имеют в виду не цель с ее положительными выгодами, а тенденцию с ее романтическим увлечением, – короче сказать, где любят игру для игры, а не для выигрыша» [Там же. С. 180].

На этом уровне особенно значимыми становятся параллели с журнальным делом в России 40–60-х гг. XIX в. Роман Ахшарумова буквально населен «двойниками» известных русских критиков и писателей. При этом реальные имена и названия вступают в определенную конкуренцию с вымышленными. Как отмечает Е.Н. Дрыжакова, «в описании отдельных персонажей довольно прозрачно угадываются Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Тургенев и др. Радикальные идеи "Современника" и ультранигилистические идеи "Русского слова", споры западников и почвенников, даже пресловутый "Роковой вопрос" Страхова – все это нашло отражение в романе. Нигилисты всех мастей, материалисты, реалисты и т.д. присутствуют в романе в большом количестве, спорят и нападают друг на друга» [20. С. 25].

Для верификации этого утверждения обратимся к центральному событию романа – открытию журнала:

Вчера окрестили наше издание. Провозились за этим с семи до двенадцати. Розанов целую речь говорил в доказательство, что 3aps, — имя слишком неопределенное и может дать повод к двусмысленностям; потому что есть две 3apu: утренняя и вечерняя, из которых одна служит эмблемою возрождения, а другая — упадка, кончины, и что, следовательно, для ясности нужно бы было назвать не просто 3aps, а утренняя или вечерняя 3aps, но y утренняя y утренняя или вечерняя — неприлична журналу, который должен открыть новую эру в нашей литературе... Потом предложили y утреник... y утреник... y утреник с этим названием; y утрением y утр

В приведенном фрагменте, как можно убедиться, действительно, отражена в предельно редуцированном виде история русской журналистики от изданий Полевого до журналов Каткова и Кушелева-Безбородко. Одну из главных коллизий романа составляет «исход» журналистов из надоевшей им «Выставки» в новый журнал, инициируемый Бубновым, — «Дело». Именно «Выставка» заставляет Розанова, Святухина и семинариста Иверского чувствовать себя литературными поденщиками; «Дело» строится на принципиально иных основаниях: «Все это затевается на самую широкую ногу и на совершенно новых началах. За толщиной нумеров уже больше не

¹ Сборники «Утро» и «Весна» вышли в один — 1859-й — год. Среди статей славянофильского «Утра» особенно примечательно литературное обозрение Б. Алмазова, признавшего высокий уровень статьи «О порабощении искусства». Вышедшая следом «Весна» была инициирована Н.Д. Ахшарумовым, поместившим в ней три критические статьи. «Утро» и «Весна» были негативно встречены в «Русском слове» (А. Григорьев) и «Современнике» (Н.А. Добролюбов) и не стали сколько-нибудь значимым событием в литературном мире.

будут гоняться, а примут за образец английский магазин и будут печатать одни только первостатейные вещи» [1. С. 88]. Репутация нового издания усиливается тем, что «Тургенев, Островский, Писемский и Гончаров дали слово печатать у них свои вещи» [Там же].

Безусловно, в этом упоминании содержится аллюзия к действительным событиям, о которых Ахшарумов, не будучи их активным участником, мог узнать из мемуарных текстов, очевиднее всего – из «Литературных воспоминаний» И.И. Панаева. Скандализировавший свое имя серией очерков, освещающих историю литературы 1830–1840-х гг., Панаев назвал издателя «Отечественных записок» эксплуататором: «Вот отчего разного рода Краевские торжествуют в сем мире и преспокойно загребают жар чужими руками, еще прикидываясь подчас либералами и толкуя о гуманизме!» [21. С. 228]. В «Воспоминаниях о Белинском» Панаев писал: «Все эти приготовления, толки об новом издании, мысль, что он, освободясь от неприятной ему зависимости, будет теперь свободно действовать с людьми, к которым он питал полную симпатию, которые глубоко уважали и любили его; наконец довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «О<течественными> з<аписками>» - все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его!» [Там же. С. 303]. Очевидно, что журнал нового «делового» направления, ориентированный на тенденции западноевропейской журналистики и предполагающий наличие обязательного соглашения, - это «Современник». С этой позиции Бубнов (чьи инициалы полностью совпадают с инициалами знаменитого русского критика1) и слабовольный Панаев оказываются практически тождественными².

К началу 1860-х гг., когда писался роман, история создания «Современника» обросла легендами, став притчей во языцех. Неоднократно под сомнение ставился источник происхождения капитала, которым воспользовались Панаев и Некрасов. С одной стороны, существовала версия о значительно превышающем вклады партнеров вкладе казанских помещиков Толстых. С другой — было немало сплетен о деньгах Н.А. Огаревой-Тучковой, якобы присвоенных и потраченных А.Я. Панаевой и Н.А. Некрасовым. Наконец, сам Некрасов воспринимался многими как капиталист, эксплуатирующий журнальных работников (и в этом отноше-

_

¹ Одновременно упомянута посмертная маска Белинского на стене в комнате Розанова: «На стене маска Белинского, вся закопченная дымом и покрытая пылью. Кругом полки с книгами; под полками с полдюжины фотографических карточек, прибитых гвоздями; окна без сторы; в углу за плевательницей мокрые чайные листья в смеси с разным сором...» [1. С. 92].

² Вероятная отсылка к литературным воспоминаниям Панаева содержится и в следующем диалоге:

^{«-} Вы ведь славянофил?

[–] Это с чего вы взяли?

[–] Да так говорят. Скажите, вы коротко знакомы с Аксаковым?

[–] Помилуйте, – я с ним совсем не знаком.

[–] Да ведь вы из Москвы?

⁻ Heт» [21. С. 145].

нии близкий к цинику и специалисту по откупам Касимову) [18, 22–24]. Ахшарумов работает с этим ресурсом слухов и устных преданий, сокращая и редуцируя десятилетнюю историю «Современника» до краткого очерка¹.

Центральный эпизод, определивший репутацию «Современника» в 1860-е гг.: поражение либерально-эстетического лагеря и приход новой, молодой редакции революционных демократов, буквально отражается в сюжете романа через историю отношений Розанова, Святухина и семинариста Иверского. В определенный момент уставшие от мягкости и бесхарактерности Бубнова Розанов и Святухин требуют полного расчета — всю библиографию, критику и статьи на злобу дня берет Иверский².

Осмысление этого эпизода из истории русской журналистики в художественном тексте давало возможность отказаться от единственного прототипа. Пожалуй, для редакции «Эпохи» могло быть небезынтересным то, что многие фикциональные события вокруг «Дела» повторяют историю «Времени». Во-первых, журнал начинает издаваться Бубновым при поддержке брата в 1861 г. – то время, когда дебютировали Достоевскиежурналисты. Во-вторых, описанный выше выбор имени издания отражает колебания Достоевских, первоначально предполагавших назвать новый журнал «Правда». В-третьих, перечисляя содержание будущих номеров, Бубнов постоянно упоминает повесть Т...: «Сцены Островского, поэма Квашнева, эта статья о Земских банках, и Гуманизм Розанова, и, наконец, обещана *повесть Т*... Чего же им еще? Какого рожна?» [1. С. 112], «И Т... повести нет до сих пор, а теперь было бы оно очень кстати, чтобы этак... поддать аппетиту» [Там же. С. 175], «...и все остальные нас бросят!.. и о повести Т... теперь уж и думать нечего...» [Там же. С. 196]. Как говорилось выше, обещанная повесть Тургенева была опубликована в первом номере «Эпохи» – с ней, по утверждению многочисленных мемуаристов, Достоевский связывал особый успех своего издания. Наконец, неопределенное положение «Дела», занимающего пограничную позицию между славянофилами и западниками, также отражает взгляды редакции этого журнала. Особенно важно в этом контексте упоминание статьи Иверского «Славянский вопрос». Несмотря на то, что вопрос национальной идентичности

¹ Ахшарумов был практически домашним человеком в семье А.В. Никитенко. Как известно, бывший недолгое время редактором «Современника», Никитенко тяготился этой обязанностью, о чем оставлял характерные записи в дневнике. О 60-х гт. в истории «Современника» автор «Мудреного дела» мог узнать от Ю.Г. Жуковского. Жуковский неоднократно выступал против Некрасова, поддерживая Антоновича, Решетникова и Левитова. В 1868 г. эти обвинения будут опубликованы в отдельной книге, «Материалы к истории русской словесности», заставляющей вспомнить подзаголовок романа Ахшарумова.

² Знаменательно, что Бубнов снимает Иверскому отдельную комнату – ни для кого не было секретом то, что Добролюбов некоторое время проживал вместе с Некрасовым и Панаевыми, при этом все расходы брала на себя редакция «Современника». Более того, Иверский поддерживает репутацию человека, свободного от плотских соблазнов [25–27]: «Аскет какой-то! Женщин дичится, водки не пьет, смотрит на все как-то искоса, ощетинившись» [1. С. 129].

составлял нерв толстожурнальных изданий после Крымской кампании, логично предположить, что это указание содержит очевидный намек на статью H.C. Страхова «Роковой вопрос».

Как видно из проведенных параллелей, Ахшарумов не только использовал реальные события и слухи из истории и репутации «Современника», но, пользуясь возможностями художественного текста, «соединял», «сплавлял» две отстоящие друг от друга по идеологии и драматизму истории. Таким образом, рифмуя «Время» и «Современник», беллетрист, возвращаясь к прошлому, «пересобирал» уже сложившуюся историю литературы по принципу qui pro quo: «Ты им о Сидоре, они тебе о Прудоне, ты им о Саратове, они тебе – об английских пролетариях!.. Это похоже на Дон-Кихота, который видел везде свои рыцарские фантазии, дрался с мельницами и врубался в стада баранов!..» [1. С. 137].

Вероятные прототипы романа «Мудреное дело»		
«Дело»	Журнальный орган	«Современник» / «Время»
Бубнов	Издатель, редактор	Иван Иванович Панаев, Виссарион Григорьевич Белинский
Касимов	Меценат, соперник Бубнова	Николай Алексеевич Некрасов, Василий Алексеевич Слепцов
Розанов и Святухин	Критики-эстетики	Павел Васильевич Анненков, Александр Васильевич Дружинин ¹
Иверский	Критик-разночинец	Николай Гаврилович Чернышевский, Николай Александрович Добролюбов / Николай Николаевич Страхов

Для создания эффекта достоверности Ахшарумов вводит описание реакции оппозиционных изданий: в романе упоминаются и приводятся развернутые оценки вымышленных журналов «Вожак», «Знамя» и «Краснобай»². Таким образом, нарратив романа, задействуя многочисленные ресурсы устных и письменных преданий, оказывается буквально «сгущен» постоянными рефлексивными высказываниями вокруг реального и смыс-

¹ Нам представляется недостаточно обоснованным предположение Е.Н. Дрыжаковой о том, что Чернышевский может быть соотнесен со Святухиным. С одной стороны, описание семейного быта и жены, манерой «напоминающей русских актрис» [1. С. 68], действительно, провоцирует к таким сближением. С другой – эстетическая позиция Святухина отличается от взглядов автора «Эстетических отношений искусства к действительности». Логичнее выглядит соотнесение этого характера с кем-то из «старой» редакции «Современника», в первую очередь с теоретиками изящного искусства.

² Здесь же описана реакция «Искры» на новый журнал: «Искра сделала глупую выходку против нас. Нарисовали Святухина, по правде сказать, так смешно, что я сам хохотал. Святухин идет по Невскому, у него кислая, недовольная мина, а навстречу какой-то другой господин, который его останавливает и спрашивает: Г-н: Оттуда вы? Святухин: С выставки. Г-н: Разве она еще не закрыта? Святухин: Нет. Г-н: Ну а что ваше дело? Святухин: Да что! Дело плохо. Я не сержусь. Это так пошло, что и сердиться смешно» [Там же. С. 152]. Отметим, что Ахшарумов довольно точно воспроизводит манеру сатирического еженедельника.

лового капитала литературы и ее главных агентов: издателей, писателей и журналистов [28, 29].

«Журнальный сюжет» этим исчерпывается; вторую сюжетную линию составляет мелодраматическая коллизия, заключающаяся в постепенном превращении «нигилистки» Лидии Рулевой, сотрудницы издания, в добродетельную мать и жену (эта линия будет продолжена фантастической повестью «Натурщица») 1. Ахшарумов использует популярные сюжеты английского романа об эмансипации: «Руфь» Э. Гаскелл и «Мельница на Флоссе» Дж. Элиот и некоторые вариации на эту тему из русской женской беллетристики 2.

Как и в случае с «журнальным сюжетом», сюжет мелодраматический предполагает специфическое обрамление: знакомство Бубнова с будущей женой происходит через рукопись книги, в героях которой он постепенно начинает узнавать реальных людей.

Эта Рулева у меня из головы не выходит. Всю ночь видел ее во сне, и — странная вещь! Каждый раз в тесной связи с романом Марьи Петровны! При этом фигурка ее героини, Нади, то совершенно сливалась с лицом моей новой знакомой, то отделялась в виде особого экземпляра или какого-то двойника, материально-самостоятельного, но всем остальном тождественного... [1. С. 186].

Теперь как я на него посмотрю... ну Суровский да и только! Как есть – Суровский! Шельма эта Марья Петровна! Пари держу, что она вывела их обоих на сцену, без всякой жалости. Ну, да на что не решится художник, чтобы придать интереса своей работе!.. Отца родного не пощадит – вытащит на подмостки!.. [Там же. С. 196].

Разумеется, в самом усложнении сюжетной и повествовательной конструкции «Мудреного дела» отразилось чтение Ахшарумовым романа Чернышевского «Что делать?». Борьба со взглядами Чернышевского, выраженными в его диссертации и «Очерках истории гоголевского периода литературы» началась для него с программной статьи-манифеста «О порабощении искусства», но приобрела новое значение после публикации рассказов о

¹ Согласимся с разысканиями В.С. Нечаевой, предположившей, что прототипом Рулевой могла быть Александра Григорьевна Маркелова (ей посвящена повесть В.А. Слепцова «Питомка) [5]. В глазах Ахшарумова «ряженый разночинец» Слепцов мог быть, скорее, антигероем-искусителем (вроде Касимова), нежели честным семинаристом Иверским.

² При всей стандартности фабулы нельзя не констатировать сходство этого романа с беллетристической повестью «Евгения» Е. Сальяновой (см. приложение). В обоих случаях героиня из-за своей непродолжительной связи с мужчиной становилась парией и изгоем, в обоих случаях единственным человеком, оказывавшим поддержку, становился разночинец (Карницын у Сальяновой, Иверский у Ахшарумова). Наконец, подлинный триумф для Евгении составляет ее литературный дебют – подобным образом заканчивается и роман, прочитанный героем.

новых людях. На протяжении 1860-х гг. Ахшарумов, как *слабый автор*, подверженный *сильным* идеям современников, будет оспаривать идеи своего идеологического оппонента (повести «Натурщица» и «Граждане леса», статьи о романах «Преступление и наказание», «Война и мир», «Алина Али» А. Лео и др.). Предположительно, в то время, когда литература предлагала все новые жизненные сценарии кардинального переустройства мира, Ахшарумов через ретроспективный сюжет о русской журналистике и интроспективный сюжет о *нигилистке*, *любовью исправленной*, предлагал свой вариант влияния на действительность [22, 26, 27, 30–32].

Так, в конце романа изящный ménage à trois a la Чернышевский оказывается полностью несостоятельным в сравнении с нормативными институтами семьи и брака. Показательно, что решающее слово в этом споре произносит семинарист Иверский (выполняющий функцию Рахметова — посредника и «волшебного помощника), внезапно обрывая Бубнова:

Весь вопрос в том: что вы любите больше: Лидию Алексеевну или идею, для которой она собой жертвует? Если идею, то больше и говорить не о чем, но если вам дорого счастье женщины, то вы бросьте идею и не беспокойтесь о ней чересчур² [1. С. 232].

Именно здесь и происходит корректировка истории литературы бытовой историей, обычно скрытой зоной приватности. Реальная практика, предполагающая рост фиктивных браков, и мелодраматическая вариация на общеизвестную тему ожидаемо расходятся: счастливый Бубнов уезжает с Рулевой в Зевск, а журнальная работа переходит к Иверскому, который перестает тем самым быть «пролетарием» и становится хозяином журнального «Дела».

Такой happy end, разрешающий конфликт в социальной и публицистической сферах и во многом корректирующий историю русской журналистики, разумеется, является данью «буржуазному читателю» — основному адресату произведений Ахшарумова. Автор при этом избегает радикальных развязок в

Все они боятся этого как чумы» (цит. по: [5. С. 349]). Е.Н. Дрыжакова справедливо полагает, что последующие наброски статьи Достоевского о нигилистических романах с характерным упреком в сторону «Современника» («.ваши романисты выдумали только разврат в браке»), вдохновлены романом Ахшарумова [20]. Не менее интересна гипотеза В.С. Нечаевой о влиянии «Мудреного дела» на замысел «пассажа в пассаже» «Крокодил» [5]. В то же время Достоевский никак не отреагировал на памфлетную сторону романа.

¹ В частности, после знакомства с Рулевой, Бубнов записывает: «...Рулева меня удивляет. Она верит серьезно в близкую полную перемену всех отношений житейских, в великий кризис, который должен быть скоро и после которого наступит какой-то миллениум, золотой век!..»; «...Какие-то горы перед ней расступаются, какие-то крылья у ней вырастают, и далекое чудится близко, и недоступное под рукой!» [1. С. 205].

² Знаменательно, что именно эта линия вызвала реакцию Достоевского: «В романе Ахшарумова, 3-я часть. Осел-герой не знает, жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

[–] Не хочу жить на твой счет, – говорит героиня герою.

духе антинигилистических романов (дуэль, насильственная смерть; самоубийство совращенной девушки или ее падение) [31, 33]. Отталкиваясь от социальных сюжетов романов Гончарова и Тургенева, он, с одной стороны, низводит нигилизм до циничного повседневного отношения к вещам и людям, с другой – предпринимает попытку «устроить» счастье своего героя, изъяв его из числа «лишних» и «ненужных». Наконец, автор «воскрещает» ушелших из жизни полемистов и современников, точнее – демонстрирует вариант освобождения (представленный в романе в широком спектре от Розанова до Иверского, в историях которых угадываются отдельные эпизоды жизни Белинского. Чернышевского и Добролюбова). В то же время двойственность диегетической ситуации сохраняется практически до конца повествования¹. Профанный читатель, как зевский житель, может радоваться благополучному разрешению сюжетных коллизий, в то время как читатель компетентный может увидеть «материал», из которого строится роман, и получить своеобразный «ключ», открывающий возможность прочтения его характеров через прототипы известных издателей, журналистов и беллетристов, хлопочуших о чистоте своего имени и утверждении собственной литературной репутации.

В этом свете наиболее любопытным выглядит своеобразное предвосхищение: рассуждая о символической роли издателя и его агентов, Ахшарумов «предсказал» появление двух толстожурнальных изданий — «Дела» и «Зари». Более того, романная ситуация, выстраиваемая вокруг номинального редакторства Бубнова, обнаруживает поразительное сходство с историей самого Ахшарумова, спустя год ставшего номинальным редактором демократической и левой газеты «Народная летопись».

Как и большинство русских газет 1860-х гг., «Народная летопись» оставалась полем анонимности – имя Ахшарумова было единственным, которое указывалось в газете; остальные материалы выходили без подписи или подписывались криптонимами. Таким образом, груз реальной ответствен-

¹ На наш взгляд, последние страницы произведения обобщают его дискурсивную специфику. Так, в частности, роман завершается застольем в провинции, куда возвращаются Бубнов и его молодая супруга. Бубнов произносит речь, в которой соединяются злободневные сюжеты русской журналистики: «Он говорил с полчаса и с большим эффектом... говорил о прогрессе, крестьянской реформе и положении, о женском труде, о свободном труде и наемном труде, об ассоциации, общине, о народных школах, воскресных в особенности, и о славной роли, какую играла литература во всех этих важных вопросах...» [1. С. 310]. Адресат Бубнова – провинциальная публика не воспринимает и не слышит его речей: «К сожалению, эта интересная часть его речи была так часто и так безрассудно перебиваема рукоплесканиями, что никто из присутствующих не успел ничего расслышать путем)» [Там же]. В этом буквальном и метафорическом шуме рассказанная история пересказывается еще раз в регистре слухов и сплетен: «Говорили о нем, например, что деньги, употребленные им на издание, он получил от какого-то золотопромышленника или откупщика в виде вознаграждения за то, что женился на старой его любовнице, и что будто за него работали другие, а он сам не только не писал, но не способен и написать ничего; наконец, что, прожив целый год в теснейшей связи с передовыми людьми нашего времени, он в корне души и в сущности убеждений был и есть человек отсталый...» [Там же. С. 311].

ности за каждую «выходку» газеты ложился на плечи ее «номинального издателя», игравшего страдательную роль «человека, который был бы угоден правительству и не мешался бы в дела редактора» [34]. В выборе такой роли мы видим своеобразную декларацию писателя о выходе за пределы существующих партий. Как и романный Бубнов, он полностью доверяет издательское дело Розанову, Святухину и Иверскому, также при первой возможности уступает свое издание другу-разночинцу Жуковскому. Роль, занятая им в газете «Народная летопись» (вскоре закрытой), давала возможность не только встать на место своего персонажа (не-героя), но попробовать себя в совершенно ином качестве — в роли издателя передовой левой газеты, к тому же ведущего полемику со своими «патронами» — Краевским, Катковым, Достоевскими [35].

По-видимому, интуитивное понимание основных законов журнального рынка и «внепартийность», т.е. не включенность в литературные группы и кружки, давали почву для такого рода обобщений и прогнозов. Речь, таким образом, идет не сколько о предвосхищении, сколько о логике памфлета: затрагивая реальных людей и их реальную деятельность, памфлетный роман становится универсальной формой для разговора о современности 60-х гг. XIX в.

Таким образом, «Мудреное дело» является одним из самых рефлексивных и злободневных произведений Ахшарумова. После постромантических экспериментов в духе «Двойника» и «Игрока», которыми писатель начал свой путь, и совершенно далекого от российской действительности авантюрного романа в булгаринском духе «Чужое имя» «Мудреное дело» ознаменовало новый этап в эволюции творчества писателя, претендуя стать провокацией, направленной в сторону существующих журнальных фракций, и социальным проектом, осуществляющим преображение действительности и «форматирование» нигилистического сюжета.

Тем не менее читательская жизнь романа (в сравнении с пародирующим Ахшарумова «Дневником провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина) оказалась недолгой, и к началу XX в. «очерк из летописей русской словесности» мог привлечь внимание только историков литературы. Судя по всему, роман читался и обсуждался в кругу формалистов. Так, Б.М. Эйхенбаум, вспоминает о проводимых им параллелях:

Я думал о том, что повторяются в новом виде 60-е годы. Тенденциозная, «идеологическая» беллетристика, с одной стороны («пролетарская»), а с другой — Тынянов, как Толстой, Веня «Каверин. — A.K.» — вроде Ахшарумова — от авантюрного романа («Чужое имя») к памфлетному — «Мудреное дело» [36. С. 202].

В приведенном высказывании, носящем частный характер и не имеющем отношения к научным обобщениям, Ахшарумов-памфлетист, с одной стороны, оценивается как беллетрист, пишущий тенденциозные романы с другой — оказывается далек от «идеологической» или (в новую эпоху —

пролетарской) беллетристики. Напряженно рассуждающие о литературном быте формалисты, вполне вероятно, могли видеть характерную параллель, возникающую между «Мудреным делом» и «Скандалистом» В. Каверина или «Козлиной песней» К. Вагинова. Во всех случаях литература выходила за нормативные пределы и предполагала фамильярное заигрывание с внелитературным материалом¹.

Резюмируя, отметим, что указанные параллели требуют дальнейших соотнесений и развернутых историко-литературных пояснений. Такая задача может быть решена только посредством подготовки комментированного издания романа, приобретающего на значительной дистанции новые социальные и рефлексивные смыслы.

Литература

- 1. Ахшарумов Н. Мудреное дело. СПб., 1864. 314 с.
- 2. *Орнатская Т.И.* Редакционный литературный кружок Ф.М. и М.М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 247–262.
  - 3. Антонович М.А. Летний литературный сезон // Современник. 1864. С. 1–33.
  - 4. Н.Б. Библиография // Русское слово. 1864. Т. 6. С. 1-89.
- 5. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. 302 с.
- 6. *Осповат А.Л.* К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 144–158.
- 7. Гуральник У.А. «Современник» в борьбе с журналами Достоевского (идейнополитическое содержание полемики) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9, вып. 4. С. 265–285.
- 8. Chances E. The Ideology of "Pochvennichestvo" in Dostoevsky's Journals Vremja and Epokha. Michigan, 1982. 242 p.
  - 9. Murav H. Russia's Legal Fictions. University of Michigan Press, 1998. 280 p.
- 10. *Першкина А.Н.* Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции: дис. . . . канд. филол. наук. М., 2013. 315 с.
- 11. *Майорова О.Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917 : биографический словарь. М., 1989. С. 131—132.
- 12. *Володина Н.В.* Критерий пользы в оценке искусства русской литературной критикой 1860-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 172, № 20 (1). С. 93–107.
- 13. Axшарумов H. Обломов. Роман И. Гончарова // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 601–651.
- 14. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.
- 15. *Ахшарумов Н*. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 287–325.
  - 16. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М., 1929. 304 с.

¹ Об этом, в частности, писал В.Б. Шкловский в эссе «Натурщики протестуют»: «Сюжетное оформление перестало являться признаком авторства и свойством, таинственно превращающим нечто в искусство. Писатели, начавшие безматериально, люди типа Каверина и Вагинова, перешли к памфлетным мемуарным романам. Они делают ошибку, потому что нельзя пририсовывать птичьи ноги к лошади, — птичьи ноги можно пририсовывать только к дракону, потому что дракона не существует» [37, С. 120].

- 17. Ястребов А. Богатство и бедность: Поэзия и проза денег. М., 1999. 525 с.
- 18. *Макеев М.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. 235 с.
- 19. Реймблам А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
- 20. Дрыжакова Е.Н. Достоевский и нигилистический роман // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 3–29.
  - 21. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. 465 с.
- 22. Чуковский К.И. Люди и книги шестидесятых годов. Л. : Изд-во писателей, 1934. $312~\rm c.$
  - 23. Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40-50-е годы. Л., 1934. 454 с.
  - 24. Макеев М. Николай Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2017. 461 с.
- 25. Вдовин А. Добролюбов: Разночинец между духом и плотью. М. : Молодая гвардия, 2017. 297 с.
- 26. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
- 27. Печерская Т.И. Разночинский дискурс русской литературы XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2018. 202 с.
- 28. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field, Stanford University Press, 1996. 408 p.
- 29. *Helms W.* Symbolic Capital and The Performativity Of Authorship: The Construction And Commodification Of The Nineteenth-Century Authorial Celebrity: doctoral dissertation. The University of Nebraska-Lincoln, 2013. 215 p.
- 30. Егоров Б.Ф. Роман 1860-х начала 1870-х годов о «новых людях». Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1963. 664 с.
- 31. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
- 32. *Брумфилд У.* Социальный проект в русской литературе XIX века. М. : Три квадрата, 2009. 272 с.
- 33. Корчинский А.В. Новостной роман: эскалация и преодоление опасностей // Новый филологический вестник. 2017. № 3. С. 81–89.
  - 34. Жуковская Е. Из записок шестидесятницы // Звенья. М.; Л., 1932. С. 345–373.
- 35. *Козлов А.Е.* Н.Д. Ахшарумов в роли редактора газеты «Народная летопись»: к вопросу о символическом каптиале имени // Вестник Новосиб. гос. ун-та. 2019. № 6. С. 39–48.
  - 36. Эйхенбаум Б.М. Мой временник: Маршрут в бессмертие. М., 2001. 384 с.
  - 37. Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. 382 с.
  - 38. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 651 с.

Источники

- 39. Письмо Н.Д. Ахшарумова к М.М. Достоевскому // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. II. Ед. хр. 6.
- 40. Письмо Н.Д. Ахшарумова к Ф.М. Достоевскому // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. II. Ед. хр. 1.60.
- 41. Записная книжка Ф.М. Достоевского // НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевские). Карт. № 3. Ед. хр. 21.

Приложение

 $\mathbf{I}^1$

Милостивый государь Михаил Михайлович,

Отъезжая из Петербурга до половины августа месяца², я передал на это время авторские права на мой роман «Мудреное дело» родственнице моей Катерине Соломоновне Старынкевич³, а потому покорнейше Вас прошу вверить ей авторский просмотр цензурированной корректуры и вообще считать ее моим неограниченным представителем и поверенным в этом деле во всех отношениях.

С искренним уважением имею честь быть преданным Вам Николай Ахшарумов

30-го мая 1863⁴ Санкт-Петербург

¹ Воспроизводится по: [39].

Вот эти растленные умы! Прежде чем они научились мыслить самостоятельно, они делаются апостолами материализма, который составляет грустное, но не единственное приобретение науки там, где она живет продолжительной и богатой жизнью» [Там же. С. 419–420].

² Н.Д. Ахшарумов проводил летние месяцы на даче-усадьбе своего близкого родственника и *intimate friend* Дмитрия Александровича Ровинского (1824–1895) – юриста, правоведа и общественного деятеля, одного из инициаторов судебной реформы 1860-х гг.

³ Старынкевич (в замужестве – Блюменфельд) Екатерина Соломоновна (1836 – 1914) - дочь сенатора Соломона Александровича Старынкевича. Выступала в печати под псевдонимом Е. Сальянова. О роли Старынкевич в общественной жизни и ее позиции оставил записи А.В. Никитенко (1861): «Вечером, между прочим, приезжали девицы Старынкевич. Их три. Они миловидные и очень хорошо образованные; рассуждают о предметах серьезных, много читают на пяти языках, но вовсе не педантки. Мои дочери с ними очень сошлись» [38. С. 185]. Другая запись имеет непосредственное отношение к общественным идеям, нашедшим отражение в романе (1864): «Лавров учит философии женщин, которые где-то собираются, чтобы слушать его лекции. Сегодня с его лекции к нам заехала милая, умная и молодая девушка К.С. Старынкевич. Она сама посмеивается над философией Лаврова. Я хотел узнать от нее содержание его лекции, но было уже поздно, и она спешила домой. Впрочем, вот одна из его фраз: «Человека составляют чувственные впечатления и образуемые из них механически понятия; что касается ума, то это есть только географическое наименование». Восхитительно! Вот какой великий философ Петр Лаврыч! Милые женщины! Он вам докажет, что вы мыслите известными частями вашего прелестного тельца, а голова вам дана единственно для украшения.

⁴ Год проставлен рукой А.Г. Достоевской. В.С. Нечаева датирует письмо 1864 г.

${ m II}^1$ Милостивый государь Федор Михайлович,

Вот уже две недели как я хвораю и более недели как слег в постель, что лишает меня возможности лично Вас навестить; а потому, будьте так добры, выдайте подателю этого письма, брату моему Семену Дмитриевичу Ахшарумову ^{2} 25 экземпляров отдельного издания «Мудреного Дела» ^{3} и деньги за 3-ю часть ^{4} .

С искренним уважением остаюсь Ваш покорнейший Николай Ахшарумов

Вторник 13-го октября 1864.

Reflection and Narration in Nikolay Akhsharumov's *A Tricky Business* as a Chronicle of the Russian Literature of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 222–242. DOI: 10.17223/19986645/65/14

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: Russian literature, mass literature, fiction, *Vremya*, *Epokha*, *Sovremennik*, secondary and alternative, narrative, pamphlet novel, Nikolay Akhsharumov.

The study is part of Project MK-841.2020.6 (grant of the president of the Russian Federation to support young scientists): "Iskra" (1859–1873) as Encyclopedia of Russian Life: Publishing Practices, Plot Mechanisms, Genre Modifications.

The article is devoted to interpretation the pamphlet novel *Mudryonoe delo* [A Tricky Business] (1864) by the critic and writer Nikolay Akhsharumov. The novel's subtitle "Essays from the Chronicles of Russian Literature" indicates that the plot should be read as a true story: most heroes were meant to have prototypes, and collisions uniting the staff of the described publishing house could be projected onto actual events and incidents. Parallels between the fictional storylines and actual incidents in the history of Russian journalism and public life are analyzed. In the first part of the article, features of the narration and the prototype are investigated. The story in the novel is based on the protagonist's diary and the au-

¹ Воспроизводится по: [40].

² Ахшарумов, Семен Дмитриевич (1829–(1893?) – выпускник историкофилологического факультета Санкт-Петербургского университета, чиновник при Публичной библиотеке (вышел в отставку в 1856 г. в чине титулярного советника). В конце жизни работал над исследованием «История Бастилии» (1890–1892).

³ «Мудреное дело» было отпечатано отдельным изданием в типографии Н. Тиблена и компании (1864).

⁴ По приходно-расходному журналу по изданию «Времени» и «Эпохи» следует, что за первую часть (1,5 а.л.) Ахшарумов получил 275 рублей, за вторую (2,2 а.л.) – 461 р., за третью (3,1 а.л.) – 562 р. Учитывая, что первая часть составила 1,5 а.л., вторая – 2,2 а.л., а третья – 3 а.л., средняя стоимость одного авторского листа не превышает 180 рублей. В получении денег за третью часть расписался Семен Дмитриевич Ахшарумов [41].

thor's commentary. The writer chose rather traditional schemes of an adventure novel and a career novel. A Russian Lucien Chardon de Rubempré, Vasily Grigoryevich Bubnov, a young man from the province, plays the classic role of a simpleton, a retarded one in the opinion his Petersburg circle. The main topic of most conversations is the "symbolic" and "real" capital gained or wasted by Russian journalists. Akhsharumov's novel is literally populated by "doubles" of famous Russian critics and writers. Real names and titles enter into a certain competition with fictitious ones. In particular, it is assumed that the "non-partisan" writer (equally distant from the Slavophiles and the Nihilists) combined the events and incidents from the life of the two editions—Sovremennik [The Contemporary] and Vremya [Time]—in his text, using the resource of rumors and oral histories (A.V. Nikitenko and Yu.G. Zhukovsky). In the second part of the article, the novel's plot logic is considered in the context of the general polemic with the novel What Is to Be Done? by N. Chernyshevsky. Akhsharumov does not accept the "new man" and the ménage à trois a la Chernyshevsky and disputes this phenomenon in social life. His novel embodies another version of social design related to the representation of the conservative institution of family and marriage. According to V.S. Nechaeva, Akhsharumov builds his melodramatic plot on a real case related to the difficult fate of the nihilist Alexandra Markelova. However, in both cases, the happy-end logic is valid: journalism remains in the hands of an advanced person, and the heroine enters into a legal marriage with Bubnov. In conclusion, the specificity of the narrative organization of the novel is described in the aspect of the author's reflection. The annex contains Akhsharumov's letters to the Dostoevsky brothers. Results and observations which are presented in the article could be used in teaching the history of the Russian literature of the 19th century.

References

- 1. Akhsharumov, N. (1864) *Mudrenoe delo* [A Tricky Business]. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena i K°.
- 2. Ornatskaya, T.I. (1988) Redaktsionnyy literaturnyy kruzhok F.M. i M.M. Dostoevskikh (1860–1865 gg.) [Editorial literary circle of F.M. and M.M. Dostoevsky (1860–1865)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 8. Leningrad: Nauka. pp. 247–262.
- 3. Antonovich, M.A. (1864) Letniy literaturnyy sezon [Summer literary season]. *Sovremennik*. pp. 1–33.
  - 4. N.B. (1864) Bibliografiya [Bibliography]. Russkoe slovo. 6. pp. 1–89.
- 5. Nechaeva, V.S. (1975) Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865 [M.M. and F.M. Dostoevsky's journal Epokha. 1864–1865]. Moscow: Nauka.
- 6. Ospovat, A.L. (1978) K izucheniyu pochvennichestva (Dostoevskiy i Ap. Grigor'ev) [On the study of soil cultivation (Dostoevsky and Ap. Grigoryev)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 144–158.
- 7. Gural'nik, U.A. (1950) "Sovremennik" v bor'be s zhurnalami Dostoevskogo (ideynopoliticheskoe soderzhanie polemiki) ["Sovremennik" in the fight against Dostoevsky's journals (ideological and political content of the controversy)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka.* IX (4), pp. 265–285.
- 8. Chances, E. (1982) The Ideology of "Pochvennichestvo" in Dostoevsky's Journals Vremja and Epokha. Ann Arbor, Michigan: [s.n.].
  - 9. Muray, H. (1998) Russia's Legal Fictions. University of Michigan Press.
- 10. Pershkina, A.N. (2013) *Zhurnal brat'ev Dostoevskikh "Vremya": istoriya, poetika, problemy atributsii* [The brothers Dostoevsky Journal "Vremya": History, poetics, attribution problems]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- 11. Mayorova, O.E. (1989) Akhsharumov Nikolay Dmitrievich [Nikolay Dmitrievich Akhsharumov]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'

- [Russian writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 131–132.
- 12. Volodina, N.V. (2018) The Criterion of Usefulness in the Evaluation of Art in the Russian Literary Criticism of the 1860s. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 2: Gumanitarnye nauki Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. 172:20 (1). pp. 93–107. (In Russian).
- 13. Akhsharumov, N. (1860) Oblomov. Roman I. Goncharova [Oblomov. A Novel by I. Goncharov]. *Russkiy vestnik*. 25. pp. 601–651.
- 14. Otradin, M.V. (1994) *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [I.A. Goncharov's Prose in the literary context]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- 15. Akhsharumov, N. (1858) O poraboshchenii iskusstva [On the enslavement of art]. *Otechestvennye zapiski*. CXIX. pp. 287–325.
- 16. Grits, T., Trenin, V. & Nikitin, M. (1929) *Slovesnost' i kommertsiya* [Literature and commerce]. Moscow: Federatsiya.
- 17. Yastrebov, A. (1999) *Bogatstvo i bednost'. Poeziya i proza deneg* [Wealth and poverty. Poetry and prose of money]. Moscow: Agraf.
- 18. Makeev, M. (2009) *Nikolay Nekrasov: poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki)* [Nikolai Nekrasov: A poet and entrepreneur (essays on the interaction of literature and economics)]. Moscow: Maks Press.
- 19. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 20. Dryzhakova, E.N. (2005) Dostoevskiy i nigilisticheskiy roman [Dostoevsky and the nihilistic novel]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies]. Vol. 17. Saint Petersburg: Nauka. pp. 3–29.
- 21. Panaev, I.I. (1988) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow: Pravda.
- 22. Chukovskiy, K.I. (1934) *Lyudi i knigi shestidesyatykh godov* [People and books of the sixties]. Leningrad: Izd-vo pisateley.
- 23. Evgen'ev-Maksimov, V.E. (1934) *"Sovremennik"* v 40–50-e gody ["Sovremennik" in the forties and fifties]. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade.
  - 24. Makeev, M. (2017) Nikolay Nekrasov. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
- 25. Vdovin, A. (2017) *Dobrolyubov. Raznochinets mezhdu dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov. A raznochinets between spirit and flesh]. Moscow: Molodaya gyardiya.
- 26. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky, a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 27. Pecherskaya, T.I. (2018) *Raznochinskiy diskurs russkoy literatury XIX veka* [The Raznochintsy discourse of the Russian Literature of the 19th Century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- 28. Bourdieu, P. (1996) Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press.
- 29. Helms, W. (2013) Symbolic Capital and the Performativity of Authorship: The Construction and Commodification of the Nineteenth-Century Authorial Celebrity: doctoral dissertation. The University of Nebraska-Lincoln.
- 30. Egorov, B.F. (1963) Roman 1860-kh nachala 1870-kh godov o "novykh lyudyakh" [A novel of the 1860s early 1870s about "new people"]. Tartu: Tartu State University.
- 31. Starygina, N.N. (2003) Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov [Russian novel in a situation of philosophical and religious controversy of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 32. Broomfield, W. (2009) *Sotsial'nyy proekt v russkoy literature XIX veka* [Social project in the Russian literature of the 19th century]. Translated from English. Moscow: Tri kvadrata.

- 33. Korchinskiy, A.V. (2017) "News" Novel of the 1860s: Escalation and Overcoming of Dangers. *Novyy filologicheskiy vestnik New Philological Bulletin.* 3. pp. 81–89. (In Russian).
- 34. Zhukovskaya, E. (1932) Iz zapisok shestidesyatnitsy [From the notes of a woman of the sixties]. In: Bonch-Bruevich, V., Kameneva, L. & Lunacharskiy, A. (eds) *Zven'ya* [Links]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: GIKhL. pp. 345–373.
- 35. Kozlov, A.E. (2019) N. D. Akhsharumov as So-Called Editor of "National Chronicle": To Symbolic Capital of the Mass-Fiction Writer Name. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* 6. pp. 39–48. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-39-48
- 36. Eykhenbaum, B.M. (2001) *Moy vremennik. Marshrut v bessmertie* [My chronicle. The route to immortality]. Moscow: Agraf.
- 37. Shklovskiy, V. (1983) *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
  - 38. Nikitenko, A.V. (1955) Dnevnik: v 3 t. [Diary: In 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.

Sources

- 39. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File II. Unit 6. *Pis'mo N.D. Akhsharumova k M.M. Dostoevskomu* [Letter from N.D. Akhsharumov to M.M. Dostoevsky].
- 40. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File II. Unit 1.60. *Pis'mo N.D. Akhsharumova k F.M. Dostoevskomu* [Letter from N.D. Akhsharumov to F.M. Dostoevsky].
- 41. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 93 (The Dostoevsky). Card File 3. Unit 21. *Zapisnaya knizhka F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Notebook].

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/65/15

Т.В. Коротченко

ОБРАЗ АМЕРИКИ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» $\Phi.M.\ ДОСТОЕВСКОГО^1$

Анализируется восприятие Америки Ф.М. Достоевским на материале «Дневника писателя». Определяются основные типы репрезентации Америки, каждый из которых рассматривается в эволюции. Сравнительный анализ контекстов, в которых упоминается Америка в «Гражданине», «Дневнике» и художественных произведениях писателя, демонстрирует изменение репрезентации образа далекой страны в зависимости от творческой роли, которую принимает на себя Достоевский.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», Америка, газетажурнал «Гражданин».

Размышления Ф.М. Достоевского о судьбе России неразрывно связаны с анализом историко-политической ситуации во всем мире. В поисках национальной идеи Достоевский выходил за рамки такой популярной в XIX в. темы, как «Отношения России и Запада». В контексте политической мысли того времени под «Западом» в основном понимали европейские страны, однако писатель живо интересовался событиями, происходившими не только в Европе, но и в Азии, а также в странах Нового Света, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к историческим событиям, упоминания культурных реалий как в художественных произведениях, так и в публицистике писателя. В отличие от Азии и Нового Света о Европе Достоевский писал много. За время путешествий по европейским странам он подробно изучил не только культурные достопримечательности западного мира, но и познакомился с бытом и особенностями повседневной жизни людей.

Возможности так же подробно изучить Америку у Достоевского, как известно, не было. При этом стоит отметить, что Россия XIX в. не испытывала недостатка в информации о далекой стране. В журналах публиковались статьи об экономическом устройстве Америки («Отечественные записки», «Эпоха», «Время» и т.д.), в которых политологи и философы не раз проводили параллели между освобождением американских рабов и крепостных крестьян в России. Помимо публицистических материалов Достоевскому хорошо были известны работы А. де Токвиля и Г. де Бомона «Du systeme penitentiare aux Etats-Uais et de son application en France» («О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции», 1832)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского» № 18-012-90020\18.

[1], А. де Токвиля «О демократии в Америке» («De la Démocratie en Amérique») [2], социальный роман Г. де Бомона «Marie, ou l'Esclavage aux Étates-Unis» («Мария, или Рабство в Соединенных Штатах», 1835) [3]. В России эти работы были опубликованы на французском языке в 1835 г. Достоевский, как известно, знал французский язык в совершенстве. Более того, историко-политический трактат «О демократии в Америке» обсуждали на собраниях у М.В. Петрашевского [4. Р. 12], и в 1860 г. текст был переведен на русский язык. Можно сказать, что такой круг вопросов, как рабство, расовая дискриминация, колониальная экспансия и особенности социальной демократии, не мог остаться вне поля зрения писателя.

Вопрос об особенностях восприятии образа Америки в творчестве Достоевского был обозначен, но до настоящего времени не становился предметом специального научного исследования. Так, стоит отметить работу Л.И. Сараскиной «Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры» [5]. В частности, в главе «Америка как миф и утопия: бегство в никуда» автор обращается к исследуемому вопросу, прежде всего, в контексте художественных произведений писателя, справедливо указывая, что «Америка – это конечный пункт побега» [Там же. С. 140] героев от себя и окружающей действительности. В аналогичном ключе данная проблема рассматривается в книге К.А. Ланца «Энциклопедия Достоевского» («Dostoevsky Encyclopedia»), где в небольшой заметке под названием «Америка» автор приводит цитаты из романов пятикнижия, в которых далекая страна представлена как «символичный конечный пункт – фактически конец земли – для героев, стремящихся убежать от угрызений совести, или тех, кто <...> утратил связь с русской почвой» (a symbolic destination – virtually the end of the earth – for characters who are trying to escape a guilty conscience or who <...> by losing contact with the Russian soil») [4. Р. 12]. Справедливости ради следует сказать, что оба исследователя в разной степени намечают круг тем, связанных с образом Америки в творчестве Достоевского, а именно: либерализм, индивидуализм и безграничная свобода.

Соглашаясь с этими положениями Л.И. Сараскиной и К.А. Ланца, мы полагаем, что тема Америки на фоне столь напряженных и неоднозначных социально-политических обстоятельств второй половины XIX в., а также с учетом интереса самого Достоевского к историческому факту, обозначенному Л.П. Гроссманом как «литература факта» [6. С. 331], может быть представлена в творчестве писателя в различных и отчасти противоречивых контекстах

Творческое наследие Достоевского – многопланово и разнообразно: художественные произведения различных жанров, многочисленные литературно-критические статьи, очерки как результат публицистической деятельности автора и, наконец, уникальный по своей литературной природе проект «Дневник писателя». К проблеме реконструкции творческого процесса писателя обращались многие известные филологии и достоевсковеды: Б.В. Томашевский, Н.Ф. Бельчиков, А.С. Долинин, Л.П. Гроссман,

Г.М. Фридлендер и др. Так, Б.В. Томашевский и Н.Ф. Бельчиков первыми описали внешний вид черновиков и записных тетрадей, указывая на повторы особо важных для писателя тем, постепенную проработку мотивов и образов. А.С. Долинин охарактеризовал творческий процесс Достоевского как движение от исторического факта к более общей идее. Л.П. Гроссман назвал особенностью работы писателя «движение от повседневной действительности к внутренней драме, от газетной хроники в мир искусства» (см. об этом: [6-8]. Г.М. Фридлендер выделил несколько этапов в творческом процессе писателя, подчеркивая, что отбор фактов и исторических событий, их осмысление с проекцией дальнейшего воплощения в публицистическую или художественную форму является наиболее длительным этапом. Несмотря на то, что творческий процесс Достоевского рассматривался в разных аспектах, исследователи сходятся в одном: несомненно наличие тесной взаимосвязи между публицистической деятельностью Достоевского, по сути выступающей как один из этапов его творческой работы, и художественным творчеством писателя. Не случайно И.Л. Волгин писал о взаимопроникновении романа и фельетона, включая использования принципов журналистики, в творчестве Достоевского [9].

Опираясь на обозначенную специфику творческого процесса, целесообразным представляется обращение к анализу образа Америки в контексте всего творческого наследия Достоевского, включая «Дневник писателя», а также редакторскую деятельность писателя в газете-журнале «Гражданин» в период с 1873 по 1874 г. При этом в рамках данной статьи мы не станем подробно останавливаться на репрезентации образа Америки в художественных произведениях Достоевского, ранее изученной в работах Л.И. Сараскиной и К.А. Ланца.

Упоминания Достоевского об Америке и американцах в «Дневнике писателя» можно условно разделить на четыре типа. Во-первых, как и в художественных произведениях, Америка изображается местом, куда все стремятся в попытке найти лучшие условия для жизни. Во-вторых, встречаются описания Америки как буржуазно-либерального государства, интересы которого связаны, прежде всего, с наращиванием капитала и установлением мирового господства. В-третьих, не раз упоминается сам факт открытия Америки и его значение для Европы и всего мира в целом. Наконец, отдельной темой, в рамках которой возникают отсылки к Америке и западной культуре, проходит вопрос о спиритизме – новом увлечении общества второй половины XIX в., которое вызывало серьезное беспокойство у Достоевского. Выделенные типы репрезентации Америки рассматриваются в «Дневнике писателя» в их эволюции.

В статье «Мечты и грезы» «Дневника писателя» (1873) Достоевский размышляет о судьбе России и будущем русской молодежи. Историческая задача страны – стать «великой европейской державой» [10. Т. 21. С. 91] – может быть достигнута, по мысли писателя, за счет решения внутренних проблем государства: создание такой экономической системы, при которой «правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на

всеобщем трудовом благосостоянии» [10. Т. 21. С.95]; обеспечение просвещения людей, воспитание «человека идеи и науки самостоятельной» [Там же. С. 93]. Решение этих проблем, как полагает Достоевский, требует объединения усилий как народа, так и интеллигенции, иначе «могут образовываться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет <...> если сам народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему» [Там же. С. 95].

Напомним, что статья «Мечты и грезы» была опубликована в газетежурнале «Гражданин» 21 мая 1873 г. Несколькими месяцами ранее в письме великому князю Александру Александровичу Романову от 10 февраля 1873 г. Достоевский пишет: «Эти явления (подобные нечаевскому делу. – Т.К.) – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни» [Там же. Т. 29₁. С. 260]. По мнению Достоевского, именно в разъединении народа и интеллигенции коренятся причины отсутствия общей деятельности, отставания в науке и просвещении, а также таких преступлений, как нечаевское. Рефлексируя по поводу последствий такой вековой оторванности народа от интеллигенции, Достоевский особое место отводит роли учителя, на которого возлагает надежды по воспитанию нового поколения. Именно в таком контексте размышлений впервые в «Дневнике писателя» упоминается Америка. Хотя Достоевский не раз подчеркивал в статье, что все его рассуждения являются лишь «грезами», он не питал иллюзий относительно реального положения дел в современных образовательных учреждениях. Учитель, чаще всего молодой человек, «не знающий народа, мнительный и недоверчивый <...> быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему» [Там же. Т. 21. С. 95-96]. Ввиду отсутствия характера такие молодые учителя спиваются или бегут «куда угодно, даже даром <...> даже в Америку» [Там же. С. 96]. Америка, таким образом, предстает альтернативой пьянству и собственному бессилию, мечтой о либеральном обществе, от которой человек без личности и характера не в силах отказаться. Там, в Америке, «какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит такого беглеца на грубой ручной работе, обсчитывает и даже тузит его кулаками, а он за каждым тузом восклицает про себя в умилении: "Боже, как эти же самые тузы на моей родине ретроградны и неблагородны и как, напротив, они здесь благородны, вкусны и либеральны!" И долго еще так ему будет казаться; не изменять же из-за таких пустяков своим убеждениям!» [Там же].

К мотиву бегства в Америку Достоевский возвращается в статье «Одна из современных фальшей» (декабрь 1873 г.), в которой он полемизирует с одним из сотрудников «Русского мира», утверждавшего, что только необразованные и глупые молодые люди могут стать участниками таких кружков, как группа С.Г. Нечаева. Доказывая несостоятельность подобного утверждения, основанного лишь на «отрицании факта» [Там же. С. 127], Достоевский затрагивает проблематику многих предыдущих статей «Дневника писателя», включая вопросы воспитания, взаимоотношения «отцов и детей» и образования. В подтверждение своей мысли о том, что образованные

молодые люди также могут увлечься «безумными идеями» и что в этом не их вина, Достоевский приводит заметку из «Камско-Волжской газеты», которая сообщает, что «три гимназиста 2-ой казанской гимназии, 3-го класса, привлечены к ответственности по обвинению в каком-то преступлении, имеющем связь с их предполагавшимся бегством в Америку» [10. Т. 21. С. 1351. В данном контексте Америка предстает не столько географическим местом или страной, сколько воплощением / символом «великой» идеи, которая способна овладеть умами совершенно разных людей независимо от их происхождения и уровня образования: «С тех пор бежали в Америку изведать «свободный труд в свободном государстве» старики, отцы, братья, девы, гвардейские офицеры... разве что не было только одних семинаристов» [Там же]. Достоевский пророчески предвидел серьезные последствия деятельности предводителей европейской мысли, повсеместно распространяющегося цинизма и равнодушия отцов, воспитателей и учителей к собственному отечеству. При таком воспитании и образовании мечта о бегстве в Америку воспринимается молодыми людьми как новая религия: «Винить ли таких маленьких детей, этих трех гимназистов, если и их слабыми головенками одолели великие идеи о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется им религией» [Там же].

Заметим, что прямое или косвенное упоминание Америки в контексте сравнения с новой религией не единожды встречается в «Дневнике писателя». Как уже отмечалось ранее, в нескольких статьях «Дневника», опубликованных в течение 1876 г., Достоевский размышляет над опасностью увлечения спиритизмом, делая при этом отсылки к Америке. Так, упоминаются братья Горацио и Вильям Эдди – популярные в то время американские медиумы, а также американский журналист Генри Олкотт, который на протяжении долгого времени вел наблюдения за спиритическими сеансами братьев: «Уверяют, что у одной дамы, где-то в губернии, в ее доме столько чертей, что и половины их нет столько даже в хижине дядей Эдди» [Там же]. В статье «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» писатель в шуточной форме излагает собственную теорию о поведении чертей. По Достоевскому, черти демонстрируют особую хитрость и изворотливость в стремлении посеять смуту и раздор среди людей. Так, они никогда не предстанут перед всей ученой комиссией, которая пытается доказать их существование, но они выберут «кого-нибудь из упорнейших членов ee <...> и вдруг разом уловят его в свои сети». В этом контексте Достоевский указывает на тот факт, что «в Америке черти поступали, кажется, точь-в-точь по этому плану». Таким образом. Достоевский сравнивает Россию с Америкой в аспектах масштабности и специфики распространения спиритизма.

Стоит отметить, что на протяжении всей статьи Достоевский подчеркивает ироничный характер своих размышлений, однако в заключение замечает: «...если взглянуть на спиритизм как на нечто, несущее в себе как бы новую веру (а почти все, даже самые трезвые из спиритов наклонны ка-

пельку к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку» [10. Т. 22. С. 36–37]. В этом отношении Америка, упоминаемая в статьях о спиритизме в качестве объекта для сопоставления с Россией, предстает страной, несущей миру новую веру. В подтверждение этой мысли можно также привести фрагмент из записных тетрадей к «Дневнику писателя»: «Молодой человек собирается и читает Евангелие, другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку, жена его слушает курс» [Там же. Т. 24. С. 161]. Достоевский упоминает далекую страну как одну из жизненных перспектив современного человека, при этом желание убежать в Америку может возникнуть у того, кто отказывается от веры и изобретает собственную религию.

Анализ статей «Дневника писателя», в которых Америка упоминается как лучшее место для бегства от насущных проблем, а также статей, посвященных вопросам спиритизма, указывает на ряд закономерностей. Так, черти и спиритизм как вера в возможность общения с потусторонним миром, по Достоевскому, могут стать для человечества новой религией, заменив все предыдущие. При этом, учитывая изощренность и хитрость чертей, эта новая религия легко может овладеть умами самых образованных людей. Описанные Достоевским особенности «поведения» чертей в частности и воздействия «великих» теорий в более широком смысле отсылают читателя «Дневника» к статье «Одна из современных фальшей» (1873 г.), в которой писатель доказывает, что страшные по своей сути идеи и теории могут увлечь не только «праздных недоразвитков» [Там же. Т. 21. С. 132], но и вполне хорошо образованных людей. Любопытно, что в обеих статьях Америка упоминается как страна, олицетворяющая новые возможности и веру. Как и увлечение спиритизмом, стремление убежать в Америку может распространиться не только среди тех, кто утратил свои исторические корни, но и среди лучших представителей молодежи.

Все возрастающее число русских, эмигрирующих в Америку, не могло остаться незамеченным писателем. В опубликованной в «Гражданине» аннотации к книге «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.» Эдуарда Циммерманна приводятся следующие статистические данные: «Изъ отчета статистическаго отдъленія въ Вашингтонъ видно, что общее число переселившихся въ Америку европейцевь, съ начала существованія американской республики по 1871 годь, равнялось слишкомъ 8 милліонамъ человъкъ. Въ томъ числъ изъ Россіи переселенцевъ значилось 4,045, а польскихъ переселенцевъ – 4,038 чел. <...> Между тъмъ эмиграція нашихъ соотечественниковъ и поляковъ именно въ послъднее десятильтіе настолько увеличилась, что первыхъ значилось въ промежуткъ 1869–1870 г. 2,671 чел., а вторыхъ почти столько же...» [11].

О том, что идеи об эмиграции в Америку волновали общественное сознание, говорит и художественное их осмысление. Так, в романе В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864 г.), впервые опубликованном в

журнале «Отечественные записки» и снискавшем большую популярность во второй половине XIX в., герои (супруги Бероевы), доведенные до отчаяния жизненными обстоятельствами, не видят другого выхода, как бежать из страны:

– Бежать отсюда! Скорее бежать, куда ни попало, и бежать навсегда, навеки! – вымолвил он наконец с какой-то нервической злобой. – Здесь нет нам свободного места! Здесь ни жить ни дышать невозможно! – Бежать... – задумчиво повторила Бероева. – Но как, куда бежать-то? – Туда, где уж нас не достанут и не узнают, – в Америку, в Соединенные штаты! Заберем детей, распродадим последние крохи, сгоношим сколько возможно деньжонок. Ковров, ты говоришь, добудет тебе вид на чужое имя, и – вон из России!.. Там мы не пропадем! Там нужны рабочие силы, а у меня – слава тебе господи! – пока еще есть и голова и руки! [12. Т. 2. С. 756].

В романе Крестовского Америка для героев становится единственным шансом на спасение, страной, открывающей новые возможности для работы и жизни. Героям художественных произведений Достоевского также свойственно желание убежать в далекую страну. Однако это желание связано либо с попыткой избежать наказания (Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», Митя Карамазов в «Братьях Карамазовых»), либо убежать от самого себя (Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Аркадий Долгоруков в «Подростоке»), либо познать новый мир и разобраться в себе (Шатов, Кириллов в «Бесах»). Таким образом, в художественных произведениях Достоевского Америка предстает не столько географическим пространством (несмотря даже на тот факт, что Кириллов и Шатов действительно побывали в этой стране), где можно начать новую жизнь, сколько символом идеи о лучшей жизни, охватившей общество, маркером состояния одиночества и потерянности героя. В подтверждение этой мысли ценно наблюдение Л.И. Сараскиной о том, что «американская история невнятна и лишена красок: нет ни имен, ни названий, ни адресов» [5. С. 139].

В «Дневнике писателя», ввиду его жанрового своеобразия, мотив бегства в Америку вплетается в размышления Достоевского о качестве современного образования, воспитания подрастающего поколения. Так, он чаще всего связан с вопросами об уровне образования молодого поколения, оторванности интеллигенции от народа и излишнем увлечении западными идеями. Думается, что мучительные переживания Достоевского о дальнейшей судьбе России и напрямую связанные с ними размышления об уровне образования молодого поколения, увлечении прогрессивными европейскими идеями и стремлении большого количества русских людей бежать из России привели к тому, что мотив бегства в Америку становится, по сути, центральным в «Дневнике писателя» за 1873 и 1876 гг. В част-

¹ Отдельные отрывки романа были также опубликованы в журнале братьев Михаила Михайловича и Федора Михайловича Достоевских «Эпоха».

ности, в статье «Анекдот из детской жизни» (декабрь 1876 г.) Достоевский опять возвращается к истории гимназистов, бежавших в Америку.

Вторым по количеству упоминаний мотивом является описание Америки как буржуазно-либерального государства. Анализируя статьи «Дневника писателя», прежде всего, отметим, что репрезентация Америки как буржуазно-либеральной страны претерпевает изменения в период написания «Дневника», а взгляды писателя на роль и позицию Америки в мире, развиваясь и углубляясь, достигают концептуальной завершенности к концу 1870-х гг. Так, в статье «Маленькие картинки» от 16 июля 1873 г. даны зарисовки улиц Петербурга. По мнению Достоевского, Петербург в архитектурном смысле является уникальным городом, так как отражает «все архитектуры в мире, всех периодов и мод; все постепенно заимствовано и все по-своему перековеркано» [10. Т. 21. С. 106]. Здания города лучше людей могут рассказать о том, какие западные идеи были популярны в тот или иной исторический период. Город подражал Византии, Италии (Риму, Венеции). Франции. При этом писатель практически всегда отрицательно оценивает подражательный характер петербургской архитектуры: «жалкая копия», «псевдовеличественно и скучно до невероятности» [Там же. С. 107]. Отсылка к Америке появляется в статье в контексте описания писателем современности: «И, наконец, вот архитектура современной, огромной гостиницы – это уже деловитость, американизм, сотни номеров, огромное промышленное предприятие: тотчас же видно, что и у нас явились железные дороги и мы вдруг очутились деловыми людьми» [Там же]. Итак, Достоевский показывает, что времена увлечения Европой, европейской культурой уже прошли, а современная Россия пытается подражать деловой Америке с множеством «чрезвычайно высоких домов <...> тонкостенных и скупо выстроенных» [Там же].

Достоевский подчеркивает, что в стремлении копировать и подражать всему западному Петербург в частности и Россия в целом теряют свою индивидуальность и тем самым показывают «всю бесхарактерность и безличность» [Там же. С. 106]. При этом то, что остается исконно русским среди заимствованных архитектурных стилей и идей, не может противостоять натиску западного мира: «Характерного в положительном смысле, своего собственного, в нем разве только вот эти деревянные, гнилые домишки, еще уцелевшие даже на самых блестящих улицах рядом с громаднейшими домами и вдруг поражающие ваш взгляд словно куча дров возле мраморного палаццо» [Там же].

В статьях 1876—1877, 1881 гг. Россия и Америка, в частности взаимоотношение двух стран, предстают уже в несколько ином свете. В публикации «Утопическое понимание истории» (1876 г.) Достоевский размышляет о последствиях реформ Петра І. Писатель отмечает особую ценность преобразований первого русского императора, которая заключается в «расширении взгляда» [10. Т. 23. С. 46]. В этой фразе Достоевский не подразумевает слепого подражания европейской науке, западной системе образования или политическому устройству. Реформы Петра І учили русского человека

не копировать и преклоняться перед другими народами, а любить, принимать и находить в них истину. По мысли Достоевского, «это и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его» [Там же. С. 47]. Таким образом. Достоевский синтезирует основные идеи Петра с православием и определяет основную задачу русского народа в стремлении «к единению всечеловеческому <...> стать братом всех людей, всечеловеком» [Там же. С. 147]. В этом свете писатель развивает мысль о роли России на политической карте мира второй половины XIX в. Первый шаг новой политики состоит «в единении всего славянства, так сказать, под крылом России» [Там же. С. 47]. При этом Достоевский подчеркивает, опасаясь неверной трактовки его идеи, что «единение всех славян» не подразумевает ни захвата земель, ни насилия, а нацелено на создание славянской цивилизации, которая сможет «принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого» [Там же]. Такой политический союз основан, прежде всего, на идее всеслужения человечеству, а главным положительным результатом петровских реформ стало осознание Россией своей силы и основного предназначения. Для того чтобы окончательно разъяснить свою позицию читателю «Дневника» относительно характера предлагаемого им союза славян во главе с Россией, Достоевский в качестве негативного примера приводит Соединенные Штаты Америки и Европу в целом, где политические союзы появлялись с целью захвата земель и «во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и все тех же обоготворенных пороков» [Там же. С. 50].

Лишь намеченное противопоставление России и Америки в статье «Утопическое понимание истории» усиливается в публикации от 1881 г. «V. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться». Размышляя об особой роли русского народа в истории России, абсолютно веря в его мудрость и самобытность, заключающуюся в особом отношении к царю. Достоевский отмечает, что в этом и кроется уникальность России относительно всего мира. В качестве примера писатель приводит понимание русским народом свободы. По его мнению, в России «гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке» [Там же. Т. 27. С. 22]. В этом фрагменте Достоевский подчеркивает противопоставление России Америке, используя усилительную частицу «даже». Можно сказать, что в этом вопросе Достоевский проявляет некое предвидение относительно противостояния двух держав. Известно, что Америка на протяжении всего XIX в. воспринималась европейской общественной мыслью как страна, которая смогла добиться независимости от гнета Англии (Американская революция 1775–1783 гг.). В середине XIX в. и в Европе и в России особенно внимательно следили за ходом гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865 гг.), а российские журналы проводили параллели между освобождением негров и крестьян. В этом свете Америка воспринималась символом свободы, страной равных возможностей для всех, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Можно сказать, что в тексте Достоевского за Америкой признается определенное лидерство в вопросах борьбы за независимость и получения свободы в тех или иных сферах жизни общества. Не случайно эта страна не раз выступает объектом для сравнения в различных вопросах развития России. О такой оценке Америки Достоевским свидетельствуют и наброски автора в записях к «Дневнику писателя» (из рабочих тетрадей за 1875–1877 гг.), в которых авторская мысль предстает в концентрированном виде, не затуманенной дополнительным контекстом: «Свое цельное управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка» [10. Т. 24. С. 86].

Безусловно, на протяжении всего XIX в. основными империями в мире считались Англия и Франция. Однако все нарастающая мощь Соединенных Штатов Америки не могла остаться без внимания общественной мысли. В этом отношении показательны наблюдения Э.В. Саида о том, что «империализм сохраняется в виде своего рода общей культурной сферы, равно как и специфической политической, идеологической, экономической и социальной практики» [13. С. 51]. В этом смысле литература как часть культурного пространства неотделима от истории развития общества.

По утверждению Э.В. Саида, американская литература XIX в., несмотря на яркий антиколониализм, направленный против Старого Света, тем не менее «несет в себе исключительно сильный имперский образец» [Там же. С. 148]. В качестве примера исследователь приводит произведения Д.Ф. Купера, М. Твена, Г. Мелвилла, которые проявляли особый интерес к экспансии Америки на запад и разрушению сложившегося уклада жизни американских аборигенов. Известно, что произведения Д.Ф. Купера активно переводились на русский язык в 1830-е гг. Перевод первого романа М. Твена (в соавторстве с Ч. Уорнером) «Мишурный век» был опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1874 г. Творчество Мелвилла стало известно русскому читателю уже в середине XIX в. – в публикуемых в журналах отрывках и фрагментах. Не вызывает сомнений тот факт, что Достоевский был знаком с творчеством упомянутых Э. Саидом американских писателей. Более того, отсылки, например, к роману Д.Ф. Купера «Последний из могикан» можно встретить в романе «Братья Карамазовы» («Там, говорят, есть еще краснокожие, где-то там у них на краю горизонта, ну так вот в тот край, к последним могиканам» [10. Т. 15. С. 126].), а также в «Дневнике писателя»: «Теперь, после всей этой четверти века и после множества новых, прежде неслыханных фактов, добытых уже практическим изучением русской жизни, - эти «последние могикане» старых теорий невольно представляются в комическом виде, несмотря даже на их усиленно почтенную осанку» [Там же. Т. 23. С. 123].

На противоположность России Америке указывал Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869 г.), которую Достоевский назвал «будущей настольной книгой всех русских надолго» [10. Т. 29₁. С. 30]. В качестве примера можно привести размышления русского философа и геополитика о том, что Россия была вынуждена консолидировать и, по сути, закрепо-

стить все народные силы в исключительно политических целях, что и сделал Петр I. По мнению Н.Я. Данилевского, «в этом отношении Америка, с которой нередко сравнивают Россию, составляет с ней, как уже было замечено, полнейшую противоположность. <...> Европейские государства занимают в этом отношении среднее положение между Америкой и Россией» [14. С. 598–599].

Таким образом, можно сказать, что Достоевский, опираясь на накопленный опыт обозревателя и аналитика¹, широкий кругозор в различных областях и, безусловно, обладая даром предвидения, развивает идеи о кардинальной противоположности Америки и России, которые уже витали в воздухе в середине XIX в., и делает политический прогноз о будущем противостоянии двух держав.

Наконец, в «Дневнике писателя» не раз упоминается сам факт открытия Америки. В статье «Война. Мы всех сильнее» (апрель 1877 г.) Достоевский обосновывает важность для России войны с Османской империей в союзе с балканскими государствами. Во-первых, по убеждению писателя, Россия не может оставаться в стороне, когда угнетается братский ей народ. Вовторых, такая война во спасение «братьев-славян» необходима и самой России, так как она ознаменует новый этап в истории страны, «освежит воздух, котором мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте» [10. Т. 25. С. 95]. Война, по мнению Достоевского, подарит возможность русскому народу и интеллигенции поверить в себя, осознать собственную уникальность и силу. Только после этого «в нас уверует и впервые откроет нас, как когда-то Америку, Европа» [Там же. С. 98]. В этом контексте Америка символизирует свежий глоток воздуха, новый ориентир, который может кардинально изменить современную ситуацию.

В аналогичном ключе Достоевский рассуждает в статье «Германский мировой вопрос. Германия — страна протестующая» (май-июнь 1877 г.). Развивая мысль о современном положении Германии в Европе, о ее особой задаче, Достоевский обращается к событиям европейской истории конца XVIII в.: «Крайнезападный мир под влиянием открытия Америки, новой науки и новых начал искал переродиться в новую истину, в новый фазис. Когда наступила первая попытка этого перевоплощения во время французской революции, германский дух был в большом смущении и на время потерял было самость свою и веру в себя» [Там же. С. 153]. Несмотря на период замешательства, который последовал за открытием Америки, период социальных потрясений, приведших к Французской революции, приведенный пример ярко иллюстрирует положительный аспект, связанный с открытием Европой Америки. В очередной раз Новый Свет выступает в качестве символа обновления. Таким образом, непосредственно момент открытия Америки рассматривается писателем с положительной точки зре-

¹ Работа Достоевского в качестве редактора, политического обозревателя в рубрике «Иностранные события» в газете-журнале «Гражданин» (1873–1874).

ния. Именно в этом случае Достоевский избегает оценки дальнейших событий, оставляя этот вопрос в рамках онтологической закономерности развития общества.

В заключительной статье «Вопросы и ответы» (январь 1881 г.) Достоевский, сравнивая открытие Америки Европой с ролью Азии для России, подчеркивает положительную сторону подобных событий в истории развития той или иной страны: «Видите ли, – продолжаю я, – с поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка» [10. Т. 27. С. 36]. Открытие Азии, как и в свое время открытие Америки, ознаменует подъем духа и сил, послужит началом нового этапа развития.

Напомним, что начало работы над «Дневником писателя» совпало с редакторской деятельностью Достоевского в газете-журнале «Гражданин» (1873–1874 гг.). В журнале работали два редактора: «редакторсобственник» – В.П. Мещерский и «редактор-издатель» – Ф.М. Достоевский. В обязанности Достоевского входило редактирование уже отобранных В.П. Мещерским статей, а также подготовка рубрики «Иностранные события» [15. С. 48].

Перед тем как перейти к анализу репрезентации образа Америки в газете-журнале «Гражданин», необходимо хотя бы кратко сказать о специфике издания и основных принципах работы Достоевского в качестве редактора. В «Гражданине», как и во многих других журналах середины и конца XIX в., большая часть опубликованных материалов была анонимна - такова была особенность публицистики и журналистики того времени. Как пишет В.Н. Захаров, «во многих случаях нельзя однозначно решить, кому принадлежит та или иная статья» [16. С. 14]. Большинство анонимных статей писали либо сами редакторы, либо сотрудники издательства, либо авторы по специальному заказу. Все они классифицируются как редакционные, которые формулируют «не личную, а редакционную, но почти всегда редакторскую точку зрения <...> выражают направление и программу журнала, установки и указания редактора» [Там же. С. 14]. В этом отношении интересным представляется замечание В.Н. Захарова относительно редакторских принципов работы Достоевского: «Достоевский был деспотичным редактором. <...> Он печатал только то, с чем был согласен, лишь те статьи, под которыми он мог поставить свою подпись редактора, а нередко и соавтора» [Там же. С. 11].

Учитывая редакционную политику «Гражданина» и редакторские принципы работы Достоевского, можно утверждать, что все публикуемые в газете-журнале материалы подвергались оценке писателя с точки зрения содержания и стиля. Более того, Достоевский имел полное право вносить коррективы даже в авторский текст в соответствии со своими убеждениями.

Уже в первом выпуске «Гражданина» за 1873 г. (№ 1 от 1 января) в разделе «Иностранное обозрение за истекший год» (Политическое обозрение) Америка и Англия приводятся в качестве примера, которому должна сле-

довать вся Европа в разрешении политических конфликтов. В заметке речь идет о состоявшемся в 1872 г. Третейском суде между Великобританией и США по поводу разрешения спора о принадлежности острова Булама, находящегося у западного берега Америки: «Остается желать, чтобы блистательный примърь въ этомъ отношеніи, явленный въ 1872 году, не остался безъ подражаній и на будущее время; и чтобы Европа все болѣе и болѣе проникалась сознаніемъ пользы политики прямодушной, миролюбивой и честной» [17. С. 44]. Примечательно, что в данной заметке не просто описываются события за прошедший год, но и дается их оценка, в случае с Америкой и Англией – оценка явно положительная.

В выпуске № 2 от 8 января 1873 г. приводится аннотация к книге Эдуарда Циммерманна «Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 гг.», в которой анонимный автор развенчивает существующие в российском обществе мифы об Америке относительно системы женского образования, опираясь на приведенные в книге факты, и приходит к выводу о схожести образовательных принципов России и Америки в противовес распространенному мнению об оригинальности США в этом вопросе. В итоге автор рекомендует данную книгу для прочтения, так как она «можеть навести русскаго читателя на много трезвыхъ мыслей» [11. С. 162].

Стоит отметить, что еще в одной редакционной статье «Гражданина», посвященной вопросу материального обеспечения школы, Америка приводится в качестве примера для подражания. Автор утверждает, что современную школу необходимо обеспечить постоянным помещением и участком земли, опираясь в этом вопросе на опыт Америки: «Извѣстно, что въ Америкъ поземельный фондъ, предоставляемый въ пользу мъстныхъ школъ изъ государственныхъ имуществъ, служитъ главнымъ источникомъ блистательныхъ матеріальныхъ средствъ американскихъ школъ» [18].

Интересным представляется оценка США в небольшой редакционной заметке «Ужаснѣйшій пожаръ въ домѣ умалишенныхъ въ Америкѣ», опубликованной в № 3 от 15 января 1873 г.: «Въ Америкѣ всякое событіе принимаетъ американскіе, то есть громадные размѣры» [19. С. 160]. Заметка посвящена описанию пожара, произошедшего в больнице для умалишенных, в результате которого ни один из пациентов не пострадал. Несмотря на этот факт, а также постоянно совершенствующуюся систему пожарной безопасности, автор тем не менее подчеркивает и даже отчасти высмеивает стремление Америки возводить обыденные и рутинные дела в ранг масштабных событий.

Желание Америки все доводить до глобальных размеров, стремление страны к господству также отмечается в редакционной статье «Политическое обозрение», опубликованной в номере 10 от 5 марта 1873 г.: «А теперь Соединенные Штаты, едва вышедши крѣпкими изъ отчаянной междоусобной войны, почувствовали свою силу и думають уже подобрать къ своимъ рукамъ всю Америку. <...> И такъ гегемонія Соединенныхъ Штатовъ въ Новомъ Свѣтѣ уже объявлена; конечно, не далеко то время, когда она перейдетъ изъ намѣренія въ совершившійся фактъ!» [20].

Приведенные отрывки редакционных статей «Гражданина» со всей очевидностью указывают на тот факт, что репрезентация образа Америки происходит в разных контекстах и с разной оценкой. Так, Америка может служить примером для подражания в отдельных политических, образовательных и социальных вопросах. Помимо этого, в статьях отмечается особая, характерная для Америки черта, а именно: стремление к масштабности, доминированию и господству в любых сферах общественной жизни. При этом стоит заметить, что тон, которым излагается подобный материал, не осуждающий, а слегла ироничный или нейтральный.

Учитывая литературно-политическую направленность «Гражданина», Америка упоминается практически в каждом выпуске журнала. Безусловно, мы наметили лишь некоторые смысловые сдвиги в изображении Америки с целью сопоставить Достоевского-писателя «Дневника» и Достоевского-редактора статей, публикуемых в «Гражданине». Очевидно, что систематический анализ контекстов, в которых происходит отсылка к этой стране, требует отдельного исследования.

Уникальность и богатство творческого наследия Достоевского позволяют нам говорить о трех его ипостасях: редактор, публицист, писатель. В зависимости от творческой роли, которую принимает на себя Достоевский, меняется и репрезентация Америки. Выступая в роли редактора, Достоевский пытается познакомить читателя с достоверными политическими, социальными и литературными событиями, произошедшими в далекой стране, явно не проявляя собственного отношения к предоставленным сведениям.

В художественных произведениях, в частности в романах пятикнижия, Достоевский неумолим к Новому Свету. Его оценка данной страны всегда отрицательна: конечный пункт побега, страна ложных надежд, страна потерянных для своего Отечества людей.

Отношение Достоевского к Америке в статьях «Дневника писателя» не столь однозначно негативное, как в художественных произведениях, и не такое нейтрально-завуалированное, как в материалах «Гражданина». В «Дневнике писателя», главы которого могут содержать элементы аналитических и художественно-публицистических жанров, Достоевский проводит детальный анализ социально-политических процессов, пытаясь найти им объяснение с опорой на философские концепции, религию. На протяжении первых лет публикации «Дневника» (1873, 1876) мотив бегства в Америку становится центральным. В 1876–1877, 1880–1881 гг. фокус внимания автора в контексте размышлений о Новом Свете переключается на вопросы, связанные с политическим и экономическим устройством Америки. И несмотря на тот факт, что в «Дневнике писателя» Америка всегда упоминается как бы вскользь, Достоевский делает ряд политических прогнозов, конкретизируя лишь намеченные в «Гражданине» тенденции.

При всей неоднозначности оценок далекой для России страны, текст «Дневника писателя» Достоевского указывает на восприятие Америки как нового, формирующегося имперского центра, который, с одной стороны,

явно вызывал беспокойство, с другой — имел свои безусловные достоинства, на которые Россия могла бы ориентироваться. Это не просто прекрасное место для побега заблудших душ, это независимая и быстро развивающаяся страна. Именно поэтому в тексте «Дневника писателя», несмотря на отрицательное отношение Достоевского к политическому строю Америки и ценностным ориентирам, она часто привлекается как объект сравнения для оценки собственных достижений.

Литература

- 1. Tocqueville A. de., Beaumont G. Du systeme penitentiare aux Etats-Uais et de son application en France. Paris, 1832.
  - 2. Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835. Vol. 1–2.
  - 3. Beaumont G. Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis. Paris, 1835.
- 4. Lantz K.A. The Dostoevsky Encyclopedia. Westport; Connecticut; London: Creenwood Press, 2004. 503 p.
- 5. *Сараскина Л.И*. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.
- 6. Гроссман Л.П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
- 7. Долинин А.С. К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 15.
- 8. Тарасова H.A. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876—1877): критика текста. М.: Квадрига: МБА, 2011. 392 с.
- 9. *Волгин И.Л.* Возвращение билета: Парадоксы национального самопознания. М. : Гранть, 2004. С. 25–145.
  - 10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 11. Северо Американские Штаты. Циммерманна // Гражданин. 1873. № 2. С. 159—160.
- 12. *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы: (Книга о сытых и голодных): роман: в 2 кн. Кн. 2, ч. 4–6. М.: ACT, 2004. 778 с.
- 13. $\it Caud$ Э.В. Культура и империализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
- 14. Данилевский. Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова ; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
- 15. Бабин В.Л. Международная тематика в обзорах Достоевского «Иностранные события» и в «Дневнике Писателя» 1876–1877 гг. // Достоевский и мировая культура. 2013. Альм. № 30 (2). С. 48–51.
- 16. Захаров В.Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 1–17.
  - 17. Иностранное обозрение за истекший год // Гражданин. 1873. № 1.
  - 18. Областное обозрение // Гражданин. 1873. № 10.
  - 19. Ужаснейший пожар в доме умалишенных в Америке // Гражданин. 1873. № 3.
  - 20. Политическое обозрение // Гражданин. 1873. № 10.

The Image of America in A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 243–259. DOI: 10.17223/19986645/65/15

Tatiana V. Korotchenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana1003@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky, A Writer's Diary, America, journal Grazhdanin.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 012-90020\18.

For the first time, the article deals with the "American" theme in A Writer's Dairy by Fyodor Dostoevsky. Basic types of America's image are revealed, each being analyzed in its evolution. It is proved that the way America is represented in the publicistic materials significantly differs from that in Dostoevsky's fiction. The peculiarity of America's image representation is primarily determined by the genre characteristics of A Writer's Diary. In the context of the writer's thoughts on the sociopolitical processes both in Russia and worldwide, America is depicted as a new developing empire. In A Writer's Diary, the image of America is represented in the following ways: a target country for almost every person who wants to find a better life; a bourgeois liberal country which aims at capital expansion and world domination; the fact of America's discovery and its impact on Europe and the entire world; a new religion—Dostoevsky rather often compares America with a new religion which can capture a great number of people. The motif of escape to America appears to be a main one in A Writer's Diary in 1873 and 1876. Due to the genre peculiarities, this motif is entwined in Dostoevsky's thoughts on the quality of modern education and young people's upbringing, on the gap between the intelligentsia and the common people, and on the excessive enthusiasm for the western ideas. The representation of America as a bourgeois liberal country is ambivalent: on the one hand, it is a country that focuses on wealth accumulation; on the other hand, it serves as an example in such issues as struggle for independence and guarantee of freedom for its citizens. In this context, Dostoevsky predicts the future confrontation of two countries— Russia and America. The very fact of America's discovery is viewed as positive. The analysis of the articles published in the journal *Grazhdanin* proves Dostoevsky's ambivalent attitude towards America. This country is represented in various contexts and from different perspectives. America can serve as an example to be followed in certain political, educational, and social issues. In addition, the journal articles identify such a peculiarity of this country as a strong desire for immensity, domination, and supremacy in various spheres of social life. The comparative analysis of the contexts of Grazhdanin, A Writer's Diary, and other fiction by Dostoevsky in which America is mentioned leads to the conclusion that the representation of America changes depending on the role that Dostoevsky takes upon himself.

References

- 1. de Tocqueville, A. & Beaumont, G. (1832) Du systeme penitentiare aux Etats-Uais et de son application en France. Paris: [s.n.].
- 2. de Tocqueville, A. (1835) *De la Démocratie en Amérique*. Vol. 1–2. Bruxelles: Louis Hauman et Compe.
- 3. Beaumont, G. (1835) Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis. Paris: Libraire de Charles Gosselin
- 4. Lantz, K.A. (2004) *The Dostoevsky Encyclopedia*. Westport; Connecticut; London: Creenwood Press.
- 5. Saraskina, L.I. (2010) *Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul'tury* [Testing the future. F.M. Dostoevsky as a participant in modern culture]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- 6. Grossman, L.P. (1959) Dostoevskiy-khudozhnik [Dostoevsky-artist]. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo* [Dostoevsky's Creative Art]. Moscow: USSR AS.
- 7. Dolinin, A.S. (1925) K istorii sozdaniya "Brat'ev Karamazovykh" [On the history of the creation of "The Brothers Karamazov"]. In: Dolinin, A.S. (ed.) *F.M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoevsky. Materials and Studies]. Moscow: Mysl'.
- 8. Tarasova, N.A. (2011) "Dnevnik pisatelya" F.M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky (1876–1877): Criticism of the text]. Moscow: Kyadriga: MBA.

- 9. Volgin, I.L. (2004) *Vozvrashchenie bileta: Paradoksy natsional'nogo samopoznaniya* [Ticket Return: The Paradoxes of National Identity]. Moscow: Grant". pp. 25–145.
- 10. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
- 11. Grazhdanin. (1873) Severo Amerikanskie Shtaty. Tsimmermanna [North American States by Zimmermann]. 2. pp. 159–160.
- 12. Krestovskiy, V.V. (2004) *Peterburgskie trushchoby: (Kniga o sytykh i golodnykh): roman:* v 2 kn. [Petersburg slums: (Book of the well-fed and the hungry): A novel: In 2 books]. Book 2. Pt. 4–6. Moscow: AST.
- 13. Said, E.W. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- 14. Danilevskiy. N.Ya. (2011) Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- 15. Babin, V.L. (2013) Mezhdunarodnaya tematika v obzorakh Dostoevskogo "Inostrannye sobytiya" i v "Dnevnike Pisatelya" 1876–1877 gg. [International topics in Dostoevsky's reviews of "Foreign Events" and in "A Writer's Diary" of 1876–1877]. In: Stepanyan, K.A. (ed.) *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'm.* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. 30 (2). pp. 48–51.
- 16. Zakharov, V.N. (2017) On the Status of Editorials in Dostoevsky's Periodicals. *Neizvestnyy Dostoevskiy – Unknown Dostoevsky*. 1. pp. 1–17. (In Russian). DOI 10.15393/j10.art.2017.3083
- 17. *Grazhdanin*. (1873) Inostrannoe obozrenie za istekshiy god [Foreign Review over the past year]. 1.
  - 18. Grazhdanin. (1873) Oblastnoe obozrenie [Regional Review]. 10.
- 19. *Grazhdanin*. (1873) Uzhasneyshiy pozhar v dome umalishennykh v Amerike [The terrible fire in the house of the insane in America]. 3.
  - 20. Grazhdanin. (1873) [Political Review]. 10.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/65/16

Л.В. Павлова, И.В. Романова

СИМВОЛ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЛКОВАНИЯ

Предлагается возможное решение проблемы интерпретации символа с помощью оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск словспутников в авторских текстах». В качестве примера рассматривается функционирование символа коня в лирике Вяч. Иванова, Б. Пастернака и О. Мандельштама. У постсимволистов выявляются неочевидные внутри- и межтекстовые связи, отражающие особенности языковой личности автора, его поэтического мира, его ассоциативного мышления. У символистов «спутники» образа-символа в своей совокупности составляют единую систему символических значений.

Ключевые слова: символ, мифопоэтика, образная парадигма, лексические комбинации, Вячеслав Иванов, Б. Пастернак, О. Мандельштам.

Появление в поэтическом тексте образа-символа, овеянного многовековыми и разнонациональными традициями, всегда интерпретационная проблема для исследователя, поскольку возможности истолкования, подобно смыслу самого символа, почти безграничны 1. Значение символа в таком случае устанавливается путем сопоставления контекста (текста, в котором символ существует сейчас) и длинной вереницы возможных подтекстов (текстов, в которых символ существовал ранее). Чтобы отсечь заведомо невозможные или маловероятные подтексты, разрабатывается система фильтров. Например, создатель смоленской филологической школы В.С. Баевский считал, что утверждать взаимосвязь и влияние, а не просто типологическое сходство двух произведений корректно лишь при наличии целого ряда точек соприкосновения, по крайней мере три из которых носят принципиальный характер: задокументированное свидетельство факта знакомства автора Б с творчеством автора А; совпадение лексики, образа(-ов), мотивов, особенностей композиции сопоставляемых произведений; совпадение аспектов стихотворной речи (метра, размера, рифм, строфы и т.д.).

На современном этапе развития литературоведения, характеризующемся активным привлечением точных методов к анализу художественных произведений, для выявления актуализированных в тексте (а не гипотетически возможных) значений символа может быть использован программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских

¹ Разносторонние подходы к выявлению символических значений представлены нами здесь: [1, 2].

текстах»¹. Обработка данных, полученных при помощи программного комплекса, не отменяет использование других, более привычных приемов анализа образной системы и/или интерпретации отдельного символа, но проходит в более узком, поддающемся обозрению и, следовательно, целенаправленному осмыслению круге символических значений. Выявляя знаменательных слов (каждое ИЗ которых Ю.Н. Тыняновым и В.М. Жирмунским мы считаем носителем минимальной темы), не связанных, как правило, какими-либо очевидными грамматическими или стиховыми связями, но при этом не раз появляющихся «по соседству» друг с другом (мы называем такие группы лексическими комбинациями), программа позволяет зафиксировать своего рода «тематический ореол» каждого члена этой повторяющейся группы. «Тематический ореол» очерчивает пределы привлечения того или иного подтекста и определяет векторы интерпретации.

Продемонстрируем возможности предложенного подхода на примере семантически насыщенного образа-символа, широко представленного в мировой фольклорной и литературной традициях, $- \kappa o \mu b^2$.

Материалом нашего исследования послужила лирика Вячеслава Иванова, одного из самых последовательных и авторитетных представителей русского символизма. В четырех прижизненных книгах его лирики – «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), «Сог ardens» (1911–1912), «Нежная тайна. – Λ є π т α » (1912) – и вышедшем посмертно сборнике «Свет вечерний» (1962)³ конь – один из трех самых частотных анималистических символов наряду со *змеей* и *орлом*. Применение программного комплекса к корпусу всех «конских» текстов (попутно отметим, что синонимичная коню лексема *пошадь* у Иванова не встречается вообще) позволило выявить несколько тысяч лексических комбинаций с компонентом конь (конский, конный). Ввиду большого количества комбинаций приведем данные, полученные на материале одной из книг – дебютных «Кормчих звезд». Конь здесь упоминается в 11 произведениях (см. Приложение).

Представим для начала некоторые наблюдения над бытованием *коня* в поэтическом мире Иванова, полученные без применения программного комплекса.

В «Кормчих звездах», как и в последующих книгах лирики Иванова, кони вездесущи — они на земле, на море, на небе: крепко стоит на Капитолийском холме конь Антонина (конь в этом случае метонимически потеснил самого императора-философа Марка Аврелия) в «Laeta»; по тучам несет Музу крылатый конь в «Полете»; быются о берег морские кони в

¹ С описанием программы и интерпретацией результатов ее использования можно ознакомиться здесь: [3].

² Символика коня в историко-мифологическом аспекте, начиная с ведических гимнов и кончая пьемонтскими сказками, представлена, например, в классическом исследовании Анджело де Губернатиса [4. Р. 304–381].

 $^{^3}$ В статье приняты следующие сокращения: «Кормчие звезды» – КЗ, «Прозрачность» – Пр., «Сог ardens» – СА, «Нежная тайна» – НТ, «Свет вечерний» – СВ.

цикле «В челне по морю». Если обратиться ко второй книге «Прозрачность», то кони обнаружатся и в подземном пространстве:

Погнал свой упряг медноконный Царь преисподней глубины [5. Т. 1. С. 810].

Не только физическое горизонтально-вертикальное пространство освоили ивановские *кони*, в сонете «Любовь» это животное — одна из метаморфоз, происходящих с охваченными сильным чувством людьми:

> Мы – два коня, чьи держит удила Одна рука, – одна язвит их шпора... [Там же. С. 611].

Очевидно, что *конь* Иванову интересен, прежде всего, как образ сопоставления, привлекаемый для характеристики различных предметов, явлений, состояний. Так, парадигма с ментальным основанием «время $\rightarrow$ конь» представлена в цикле «Suspiria» (<...> несут нас глухо кони – / Нас Время мчит [Там же. С. 699]); «земля $\rightarrow$ конь» (Грунт, под горячим дышащий покровом, / Как в пене конь <...>) – в «Мирах возможного» [Там же. С. 671]; «солнце $\rightarrow$ конь» – огнегривые кони в «Довольно!» [Там же. С. 585]; «человек $\rightarrow$ конь» в сонете «Любовь» (Мы – два коня, чьи держит удила / Одна рука, – одна язвит их шпора... [Там же. С. 611]); в «Светоче» – «Дионис $\rightarrow$ конь» (Рдеющий бор, / Веющий хор, / Полымя вой, / Зарево гор – / Нива твоя, / Серп огневой! / Пажить твоя, / Конь буревой! [Там же. С. 683]).

Что именно из конских качеств поэт считает нужным передать основанию сопоставления, т.е. по какому признаку происходит сопоставление земли, солнца, моря, человека, времени с конем, в большинстве случаев указано в тексте – это мощь экстатического порыва: волны-кони мчатся («Океаниды») и потрясают берега («В челне по морю»), Пегас мчит по громам созвучий Музу («Полет»), лучи-кони стремятся в неудержном беге («Довольно!»), кони дыбятся («Врата»), Дионис-конь несется бурей («Светоч»), время-конь – вихрем («Время» из цикла «Suspiria»); как конь в пене после стремительного бега, дышит земля («Миры возможного»). И в последующих книгах Иванова кони предстают, как правило, в той же образно-мотивной ситуации: высоко прянул конь морской [Там же. С. 776] («Современники» Пр.); Безумит Ужас, гонит коней / Под свод крутящихся смерчей [Там же. С. 799] («Гелиады» Пр.); в пене / Огненосцы – кони... [Там же. С. 806] («Фуга» Пр.); гривы бурно-огневые / Далече пышащих коней [Там же. С. 810] («Горная весна» Пр.); всадник под щитом на пышущем коне [Там же. Т. 2. С. 237] («De profundis» СА); Храпят в ревнивой скачке кони... [Там же. С. 240] («Огненосцы» СА); Не буйный конь на удилах / Зубами пенит кипь [Там же. С. 363] («Змея» СА); Глухая кровь тобою ожила, / Что, узница мятежная, летела, / Как буйный конь, грызущий удила, / Теснинами томительного тела... [Там же. С. 496] («Плоть и кровь» СА); летит, распластан подо мной, / Конь огнедышащий и черный [Там же. Т. 3. С. 39] («Конь Арион» НТ).

Наиболее ярко это динамическое качество, почти обязательное для всего «конского» корпуса ивановских текстов, открывается в морских образах ^{1} , реализующих парадигму «волны $\rightarrow$ кони», что позволяет перенести истолкование их смысла на аналогичные ситуации с участием *коня*.

Образы парадигмы «волны $\rightarrow$ кони» генетически восходят к мифам о зооморфных ипостасях владыки вод Посейдона. П.А. Флоренский пишет: «У множества поэтов волны морские сравниваются со взмыленными конями, несущимися по водной поверхности с подъятой головою, с развевающей<ся> гривой; напр<имер>, у Тимофея, в его недавно найденном дифирамбе «Персы» волны называются «конями изумрудногривыми». Но, не вдаваясь в это безбрежное море возможностей, установим несомненный факт тесной связи культа Посидона с символом коня. <...> Посидон именуется їллархоς — конеправящим, коневладычным; іллηγέτης — коневедущим, коневодителем; їллюς — конным; іллобро́цюς и іллоµέδων— коннобежный и конномыслящий, то есть коннозаботливый, пекущийся о конях» [7. С. 272–273]. Подобные образы встречаются и в русской литературе (напомним, например, стихотворение Ф.И. Тютчева «Морской конь»)². У Иванова образ *волны-кони* впервые появляется в «Океанидах»:

<...> Вот вздымится, Мча коней гривистых, Волна <...> [5. Т. 1. С. 527];

затем – в цикле «В челне по морю»:

Гром набега... Гул погони... Кинув синие луга, Знаю – то морские кони Потрясают берега <...> [Там же. С. 594].

Волны, бегущие по морскому простору, подобны табуну лошадей: развевающиеся гривы, изогнутые шеи, мерное колыхание при движении. Парадигма реализуется и тогда, когда *кони* не названы прямо, но указаны характерные черты поведения. Так, в стихотворении «Мадонна» о волнах сказано:

А волны злобные, надмясь, Под темной бронзой звучных броней, Мерно-ударною погоней Летят, вспеняясь и дымясь... [Там же. С. 588].

Морские кони Иванова – бешеные, надменные, опасные. В одном из писем Л.Д. Зиновьева-Аннибал подчеркивает именно эту особенность изоб-

¹ О символике моря в лирике Вяч. Иванова см., в частности, нашу статью: [6].

² Примеры образных парадигм с участием *волн*, *моря*, *воды* и *коней*, *лошадей* представлены здесь: [8. С. 261, 262].

ражения морских волн Ивановым как самобытную: «И сколько ни говорено было о волнах, все же это опять совсем новое. Разница между прелестным стихотв<орением> Минского¹, присланным тобою, именно в глубине, дерзости, размахе» [9. С. 360].

В стихотворении «Мадонна» наглядно задана оппозиция, подчеркивающая сущность *волн-коней*: возвышается над морем ослепительно чистый утес Мадонны, увенчанный нимбом радуги, а у его подножия беснуются, бьются страшные в своем неистовстве волны:

Но Твой утес встает, о Дева, Из лютых бездн, несокрушим!

И лалее:

Но Твой, о Дева, столп надежный В их адской мгле, как страж, стоит <...> [5. Т. 1. С. 588].

Приписать «адскую» сущность целиком основанию сопоставления — морe, оставив образу конь только внешнее проявление злобного начала, нельзя. Смысл оппозиции «море (темное) — утес Девы (светлое)», а тем самым и значение парадигмы «волны $\rightarrow$ кони», проясняется при обращении к книге Иванова — «Эрос», вошедшей в «Cor ardens». Здесь в стихотворении «Ропот» присутствует троп с образом сопоставления «табун» (парадигма «инстинкты $\rightarrow$ кони»):

Твоя душа глухонемая В дремучие поникла сны, Где бродят, заросли ломая, Желаний темных табуны [Там же. Т. 2. С. 370].

Образ табун темных желаний очевидно восходит к психоаналитическим штудиям. З. Фрейд, как известно, в образе коня представляет «Оно», личностный континуум подсознательных импульсов: «"Я" репрезентирует то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью. "Оно", напротив, содержит страсти. <...> Функциональная важность "Я" выражается в том, что в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности. В своем отношении к "Оно" оно похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня <...>» [10. С. 363].

Психоаналитическое объяснение уместно в интерпретации образа волны-кони как страстей, неукротимых плотских желаний в начальном стихотворении цикла «В челне по морю». Первые четыре катрена — описание опасной прогулки по морю: ветер, ликующие волны, разверзающиеся глубины, а два заключительных катрена — сопоставление бушующих волн с чувствами:

¹ Речь идет о стихотворении Н. Минского «Волна», как отмечено в примечаниях к цитируемому письму [9. С. 362].

Над пучиной буйной страсти Ныне также мы скользим... [5. Т. 1. С. 593].

Чувства требуют выхода = морские кони потрясают берега (или: бьются об утес Девы) = конфликт Оно и Сверх-Я. Таким образом, кони — одно из воплощений участника центрального для поэтического мировоззрения Иванова и структуры его поэтического мира взаимодействия «порыв и грани».

Интерпретация образов крылатый конь и конь блед, как и морской конь, частотных в лирике Иванова, вполне возможна при помощи описанной образно-мотивной ситуации переживания страстей: поэтическое вдохновение есть экстатический порыв за установленные грани, смерть есть наказание за несмирение и потакание собственным порокам. Подобное «перенесение» толкования с одного конского образа на другой вполне допустимо еще и потому, что издревле в символике коня присутствуют и хтонические, и водные, и пегасовские значения. У П.А. Флоренского читаем: «"Конь был символом, образом воды источников, которая выбрасывается, которая издает глухие звуки и которую представляет крылатый - стремительно возносящий вверх Пегас (τὸ πηγή - ключ, источник), ударивший копытом землю у горы Геликона и заставивший брызнуть фонтан Ипокрены", т.е. Іллокру́оу, ключ коня, источник коня или, точнее, Конь-ключ» [7. С. 273]. На материале волшебных сказок обнаруживает эту связь В.Я. Пропп: «Другая особенность коня — это его связь с водой. Эту связь с водой он также разделяет со своими европейскими и азиатскими собратьями – с индийским Агни и с греческим Пегасом. <...> По сравнению с хтонической и замогильной природой коня его водная природа – явление вторичное и более позднее» [11. C. 265–266].

Что добавляют к сказанному лексические комбинации с компонентом *конь*, выявленные в «Кормчих звездах» программным комплексом «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»?

В 11 стихотворениях «Кормчих звезд», где встречается конь, зафиксировано 131 слово-спутник. Из них сформировано несколько сотен разнокомпонентных комбинаций. Отношения между компонентами складываются по-разному: некоторые «соседства» вполне очевидны в силу ситуативно-реальной связи предметов, состояний, явлений, ими обозначаемых; иные прямо или косвенно восходят к кругу традиционных значений соответствующего символа; другие производят впечатление сугубо авторских, следовательно, почти всегда герметично-ассоциативных. Так, в 6 из 11 стихотворений пару коню образует, вполне ожидаемо, бег (бежать); в 5 – красота, ночь, победный, свет (ночь и свет не так легко связать с конем, как бег, красоту или победу); в 4 – бог, вещий, глас, гора, жизнь, дол, звук, ковать, лететь, море, след, сон, стремиться, чуткий; в 3 – берег, брань, вихрь, гнать, грива, давать, держать, единый, звезда, золото, идти, крылья, лик, молить, мчать, небо, нести(сь), петь, пламя, сев, судьба,

тень, туча (установить связи *коня* с большинством компонентов затруднительно даже при обращении к контексту) и т.д.

Заметим, что «морских» минимальных тем в тематическом ореоле коня оказалось не так много, как можно было ожидать: море, берег (может быть по праву отнесен и к «земным» минимальным темам). Больше тем «небесных»: лететь, звезда, крылья, небо, туча. Наряду с выделенным ранее динамическим мотивом «стремительное движение» (бег, стремиться, гнать, мчать, нести(сь)) становится заметен акустический мотив «звучание»: вещий, глас, звук, петь. А добавление религиозных минимальных тем бог, единый, лик, молить позволяет утверждать, что на уровне претекста, то есть набора слов, послуживших материалом для создания связанного текста, конь больше связан не с физиологическими и психологическими особенностями личности, ее опасными порывами к запретному, а с творческивозвышенными стремлениями. Если в первом случае (интерпретация явного, т.е. контекста) «порыв» стихийных сил был сдерживаем (берег, утес) и наказуем (смерть), то во втором (интерпретация подспулного, т.е.ь предтекста) это стремление связано с красотой, светом, жизнью и победой. Рождающее катарсис напряжение между явным (стихийное, темное, запретное, опасное) и скрытым (возвышающее, свободное, необходимое, победное) определяет полифонизм как отдельного символа, так и поэзии Иванова в целом.

Лексическая комбинация *победа – раболепие – жизнь – конь* в «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова

Название стихо-	Контекст и вариант расположения компонентов
творения	лексической комбинации
«Океаниды»	победный – раболепный – жизнь – конь – победа
	<> красе <u>победной</u>
	Невозмутимый небосвод
	Улыбкой вызывает бледной
	Ответный блеск влюбленных вод.
	Навек темничные оковы
	Сковал вам <i>раболепный</i> брег;
	Бежит, заслыша ваши зовы,
	В укромный дол свой Человек.
	Один – свободь, один – избранник,
	Прийдет, кому дано гореть:
	Повинный Духу – кроткий бранник –
	Любить, воззвать, и умереть
	Жизнь – зов единый Вот вздымится,
Мча <i>коней</i> гривистых, Волна;	
	Вот, блеща персями, стремится,
	Неудержима и гневна
	Летит – вражды последним стоном
	Да огласит моря и твердь;
	Грозит незыблемым препонам
	Какой отпор! Какая смерть!

Название стихо-	Контекст и вариант расположения компонентов
	лексической комбинации
творения	
	Серебропенные Мэнады!
	О, Хаос! страшен ваш завет:
	Нет воле вне себя преграды
	Вам нет <i>победы</i> , нет отрады,
	И нет надежд, – и мира нет!
	[5. T. 1. C. 526–527]
«Laeta»	победа – раболепие – конь – жить – жизнь – жизнь
	Вот – путь <i>Побед</i> , и Свободы амвон, и святыня Согласья!
	Вот – Самовластья врата! Вот – <i>Раболепия</i> столп!
	Белые кости базилик останки портиков стройных
	Три несравненных столпа Кастор с Поллуксом хранят!
	Там – Палатин; там – Титов триумф; там – свод Константина;
	Мощь Колоссеума – там: здесь – Табуларий, и всход.
	На Капитолий кругой я всхожу: вот и <i>конь</i> Антонина;
	Вещих меж свитков меня ждет молчаливый фиас
	Так я экиву, – и вседневный мой труд – блуждать и дивиться,
	И, дивяся, блуждать – пир моих сплетшихся Муз:
	В гробы стучится одна; красотой облекает другая,
	Тленья сорвавши покров, – <u>жизнью</u> восставшую <u>жизнь</u>
	Весело мне! Но не часто ли, друг, что высоко и дивно <>
	[Там же. С. 639]

Наиболее показательные результаты дает сопоставление произведений поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям и течениям. Развернутое сравнение «тематического ореола» коня у представителей русского символизма и постсимволизма заслуживает отдельного исследования. Отметим коротко, что, например, в творчестве Б. Пастернака конь – самая частотная лексема из всех обозначений животных. Лошадь встречается существенно реже, причем Пастернак, судя по всему, не усматривает различия между конем и лошадью: в стихотворении «Он встает. Века. Гелаты...» он меняет одну лексему на другую в одном предложении: Въеду на коне на паперть, / Лошадь осажу к дверям [12. С. 334]. Минимальная тема конь возникает у него в прямом значении. Ситуативно конь у Пастернака обычно соседствует с оружием и прочей военной лексикой. Очевидно высокое значение для поэта образа Георгия Победоносца со всем связанным с ним мифопоэтическим комплексом (наиболее ярко он представлен в стихотворениях «Ожившая фреска» и «Сказка»)¹. Конь изредка встречается в образе сопоставления: «неосвещенные окна домов — прорези в попонах для конских глаз»: Ряды окон, / Не освещенных в поздний час, / Имели вид сплошных попон / С прорезами для конских глаз [Там же. С. 79]. («Десятилетие Пресни»); «я, жаркий, искоса гляжу с подушек → конский глаз»: Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса Гляжу, страшась бессонницы огромной [Там же. С. 156]. («Мне в сумерки ты все - пансионер-

 $^{^{1}}$ Подробнее о значении мифологического комплекса Георгия Победоносца в творчестве Пастернака см., например: [13. С. 38–48; 14. С. 253–294].

кою...»); «небосвод $\rightarrow$ траурный конный дозор»: *Теперь темнеет рано, Но конный небосвод / С пяти несет охрану Окраин, рощ и вод* [12. С. 335] («Безвременно умершему»).

В состав лексических комбинаций с конем у Пастернака так же, как и у Вяч. Иванова, входят часто ночь, вихрь, сон / спать, реже — свет, жизнь, след, море, тень, небеса. Из не встречающихся у старшего поэта компонентов лидером выступает стужа, кроме нее встречаются снег, двор, мороз, ветер, лед, боль, глаз, любовь / любить, пруд, палить (в значении «стрелять»), листва, кровь, октябрь, свеча, караул. Обилие примет зимнего пейзажа скорее объясняется общим доминированием зимы в поэтическом мире Пастернака, чем соотнесенностью с ней коней. Очевидно, что «тематический ореол» сопровождающих коня компонентов лексических комбинаций образуется преимущественно ассоциативным путем и не вносит новых дополнительных значений к этому образу.

И для О. Мандельштама тема коня связана с основным его значением и назначением: транспортное средство, атрибут воина. Контекстуально кони у Мандельштама часто имеют отношение к прошлому, старине, во всех появлениях акцент делается на акустической характеристике - конском топоте. Из мифологических образов упоминается троянский конь (стихотворение «Когда в далекую Корею...»). Редкие «конские» образы могут образовывать как вполне традиционные, так и сложные тропы. Лишь однажды *кони* оказываются в основании сопоставления: «кони → буквы»: Слагались гимны, кони гарцевали / И, словно буквы, прыгали на месте [15. С. 179] («К немецкой речи»). В остальных случаях они в образе сопоставления: «стук конских копыт → рассказ о простых и грубых временах»: О временах простых и грубых / Копыта конские твердят [Там же. С. 74] («О временах простых и грубых...»); «Генрих Нейгауз вскакивает из-за рояля → конек-горбунок»: Разве руки мои – кувалды? Десять пальцев – мой табунок! И вскочил, отряхая фалды, мастер Генрих – конек-горбунок [Там же. С. 159] («Рояль»); «вид с обрыва Воронежа в огнях → полугород, полуберег конных в сбруе красный углей»: Высоко занесся санный, сонный Полугород, полуберег конный, в сбрую красных углей запряженный [Там же. С. 233] («На доске малиновой, червонной...»); «деревья, грибы в лесу под дождем $\rightarrow$ карточная игра в девятый вал $\rightarrow$ сражение конников»:

> И еще грибы-волнушки, В сбруе тонкого дождя, Вдруг поднимутся с опушки – Так, немного погодя...

Там без выгоды уроды Режутся в девятый вал, Храп коня и крап колоды — Кто кого? Пошел развал... [Там же. С. 177] («Полюбил я лес прекрасный...») Наряду с ситуационно объяснимым соседством коня с рукой, ногой, землей, ветром, днем, ночью, глаголом греметь, даже кровью (если учесть сражения), со временем (если очевидна отнесенность у Мандельштама коней к прошлому), то нельзя не отметить, что «тематический ореол» коней Мандельштама более оригинален по сравнению с предыдущими авторами: вместо обозначений стремительности бега — медленный; по соседству с конем часто встречаются наименования людей по принципу родства — сын, брат; определения деревянный, железный; топоним — Москва и т.д. Все они маркируют индивидуально-авторские ассоциативные связи, которые, впрочем, не выстраиваются в систему семантических значений коня.

Даже беглый обзор функционирования минимальной темы коня в творчестве символистов и постсимволистов позволяет говорить о формировании исключительно у символистов образа-символа, актуализирующего все новые контексты значений, которые могут быть не всегда очевидны и выделяются при применении специализированного программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». У других авторов подобная методика исследования выявляет неочевидные внутри- и межтекстовые связи, отражающие особенности языковой личности автора, его поэтического мира, его ассоциативного мышления. У символистов «спутники» образа-символа — находящиеся вне зоны видимости «узлы одной кристаллической решетки», непременно в своей совокупности составляющие единую систему символических значений.

Приложение Конь в книгах лирики Вячеслава Иванова¹

No	Название	Минимальный контекст
п/п	произведения	
I	«КОРМЧ	IИЕ ЗВЕЗДЫ» (12 упоминаний в 11 текстах)
1	«Океаниды»	Жизнь — зов единый Вот вздымится, / Мча коней гривистых, Волна $<>$ [5. Т. 1. С. 527]
2	«Стих о Святой Горе»	Уж и к той ли горе дороги неезжены, / И тропы к горе неторены, / А и конному пути заказаны, / И пешему заповеданы <> [Там же. С. 557]
3	«Довольно!»	<> коней огнегривых / К Ночи стремишь в неудержном беге [Там же. С. 585]; <> рдеет море влажными розами, / Сретая коней огнегривых <> [Там же. С. 585]
4	«Между двух мерцаний бледных» (цикл «В челне по морю»)	Гром набега Гул погони / Кинув синие луга, – / Знаю – то морские кони / Потрясают берега [Там же. С. 594]
5	«Полет»	Ты, Муза вещая! Мчит по громам созвучий / Крылатый конь тебя! <> [Там же. С. 609]

¹ При традиционном анализе образа коня учитываются и метонимические словоупотребления (табун, скакун, грива, всадник, узда, подкова, галоп, стремя и пр.), например, Ржет кобылица; храпит жеребец; сотрясают копыта / Брачную пажить [5. Т. II, C. 502].

Ma	Царранна	
№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
	1	Мы – два коня, чьи держит удила / Одна рука, – одна
6	«Любовь»	язвит их шпора [Там же. С. 611]
	«Рим вожделенный	
7	узрев, я пел тебе пер-	На Капитолий крутой я всхожу: вот и конь Антонина
_ ′	вые Laeta» (цикл	[Там же. С. 639]
	«Laeta»)	W
		И с колесниц творцы кровавых былей, / Бразды собрав дыбящихся коней, / Роняли дар победных изобилий, — //
8	«Врата»	И их венцов над полчищем теней / Златился лавр. И Ама-
	r	зоны – девы / Скакали вслед, степных зарниц вольней
		[Там же. С. 664]
		Грунт, под горячим дышащий покровом, / Как в пене
9	«Миры возможного»	конь, когда ездок усталый / Даст искромечущим остыть
	turinpar accommon on	подковам, – // Таков был ныне край Помоны алой, / Ро-
		димых лоз и миртов и маслины! <> [Там же. С. 671]
10	«Светоч»	Рдеющий бор, / Веющий хор, / Полымя вой, / Зарево гор – / Нива твоя, / Серп огневой! / Пажить твоя, / Конь
10	«СВСТОЧ//	буревой! [Там же. С. 683]
1.1	«Время» (цикл «Sus-	Как мертвый вихрь, несут нас глухо кони – / Нас Время
11	piria»)	мчит [Там же. С. 699]
II	«ПРОЗ	ВРАЧНОСТЬ» (8 упоминаний в 4 текстах)
	Valerio vati (цикл	Здесь вал, мутясь, непокоривой / У ног мятежится тос-
12	«Современники»)	кой: / А там на мыс – уж белогривый / Высоко прянул
	,	конь морской [Там же. С. 776]
		Наш отец, на колеснице / Рыжеконной, скрылся, злобен <> [Там же. С. 794];
		А кони бились о заставы, / Почуя пламенный простор!
	-	[Там же. С. 798];
13	«Гелиады»	А кони рады бездорожью, / Грызут тугие удила [Там же.
		C. 799];
		Змеиным трепетом бичей / Безумит Ужас, гонит коней /
		Под свод крутящихся смерчей [Там же. С. 799]
14	«Фуга»	Гулкою тропою / Мчат любимцы Гэбы / Дар святой, и в пене / Огненосцы – кони [Там же. С. 806]
		Вздыбились космы снеговые / В медяном мареве греб-
	«Вздыбились космы	ней, / Как гривы бурно-огневые / Далече пышащих коней
15	снеговые» (цикл	[Там же. С. 810];
	«Горная весна»)	Погнал свой упряг медноконный / Царь преисподней
		глубины [Там же. С. 810]
III		R ARDENS» (38 упоминания в 18 текстах)
16.	«De profundis»	<> всадник под щитом на пышущем коне [5. Т. 2. С. 237]
17	(Onverse eve	<> светоносцев вестовых / Храпят в ревнивой скачке
17	«Огненосцы»	кони [Там же. С. 240]; Коней ристалищных / Змеится ль грива [Там же. С. 241]
18		Кто-то туманы прядет да прядет, – / Бором маячит, боло-
		том дымится, / Логом струится, лугом бредет, – / По пе-
	«Неведомое»	релесьям пугает коня, – / Темным безвестьем мает, сте-
		ня [Там же. С. 280]
	«Adamantina proles»	Чу, кони в бронях ржут, и лавр шумит, густея
19	(цикл «Carmen	Там же. С. 288
	saeculare»)	[1 am Ac. C. 200]

No॒	Название	
п/п	произведения	Минимальный контекст
20	«Жертва агнчая»	Крылатый конь и лань тебя, пророк, / В зарницах снов влекут на колеснице: / Поникнет лань, когда «Лети!» вознице / Бичами вихря взвизгнет в уши Рок [Там же. С. 292]
21	«Поэту»	Одно тавро на нем – / Тавро природы дикой, / И лирник светлоликий / Слиян с лихим конем [Там же. С. 357]
22	«Змея»	Не сокол бьется в злых узлах,/ Не буйный конь на удилах / Зубами пенит кипь: / То змия ярого, змея, / Твои вздымают острия, / Твоя безумит зыбь [Там же. С. 363]
23	«Таинственная све- тится рука» (цикл «Золотые завесы»)	И тени белых конниц – облака – / Томят лазурь в нераз- решенных грозах [Там же. С. 386]
24	«Солнцев Перстень»	Топни по мели отлогой, / Влажной галькой веки тронь, / Гикни: «Гей ты, птица-конь, / Огнегривый, ветроногий! / Мчи меня прямой дорогой / Меж двух крыльев, на хребте, / К заповедной той черте <> [Там же. С. 472]; Прянет конь сереброногий, / Лебединые крыла <> Там же. С. 473]; За узду хватай проворно, / Прыгай на спину коню [Там же. С. 473]; Конь промолвит: «Уроню / Я тебя, седок, над бездной <> [Там же. С. 473]; Загадает конь лукавей: / «Что горит зари кровавей?» [Там же. С. 473]; Скажет конь: «куда ж нам метить? / День догнать, иль утро встретить?» [Там же. С. 473]; <> берет в хомут ретивых / Солнце коней огнегривых, / Отпрягая на покой / Мокрых пеною морской!» [Там же. С. 473]; Над вечерними морями / Конь помчится, полетит, / Только воздух засвистит [Там же. С. 474]; А на пастбищах янтарных, / У потоков светозарных – / Коновязь и водопой [Там же. С. 474]; Среброкрылою толпой / Кони пьют, а те пасутся, / Те далече вскач несутся: / Конь за ними, в ясный дол [Там же. С. 474]; Конь проскочит той калиткой / И, как вкопанный, пред ниткой / Остановится, дрожа <> [Там же. С. 474]; «Слезь», он взмолится, «с меня!» / Отпусти в табун коня. [Там же. С. 474]; Чуть отпряг коней усталых, / Впряг по стойлам застоялых, / На кладницу четверню / Разогнал <> [Там же. С. 476]; Медны двери размыкает, / Из подземья выпускает / Белых коней на простор <> [Там же. С. 478]
25	«Небосвод»	Кто в колесницу впряг зоны и века? / И чья бразды коней не выпустит рука? [Там же. С. 379]
26	«Зодчий»	<> конницей многоочитой / Ведешь сопряженные звезды / Узлами пылающих узд [Там же. С. 380]
27	«Таинственная светится рука…» (цикл «Золотые завесы»)	И тени белых конниц – облака – / Томят лазурь в нераз- решенных грозах <> [Там же. С. 386]

No	Название	
п/п	произведения	Минимальный контекст
28	«Спор»	Блуждали мы в долине изумрудной — / И слышим весть внезапную: «конь блед». // Вот бледный конь; и на коне побед, / Навстречу нам, с холмов, тропой безлюдной, / Путь медленный склоняет всадник чудный <> [Там же. С. 408]
29	«Венок сонетов»	И чья рука волшебный луч жезла / Четой эхидн сплетенных окаймила? / И двух коней одержит удила? [Там же. С. 414]; Один взнуздал наездник-демон коней / И, веселясь неистовой погоней, / То на двоих стопами, прям, стоит, —// То, разъяря в нас пыл и ревность спора, / На одного насядет — и язвит / Единая двоих и бесит шпора [Там же. С. 414]; Единая двух коней колет шпора; / В нас волит, нас единый гонит дух [Там же. С. 414]
30	«Над глетчером, лох- матым и изрытым» (цикл «Голубой по- кров»)	Мы набрели в скалах на водоем. / Георгий ли святой прошиб копьем / Кору ключей? Но некий конь копытом // Ударил тут; и след все зрим [Там же. С. 426]
31	«И вновь Конь блед- ный зрим, и Всадник Бледный» (цикл «Голубой покров»)	И вновь Конь бледный зрим, и Всадник Бледный [Там же. С. 429]; Коню дары колосьев простирает; / И бледной гривы мертвые струи – / О, диво! – роз багрянцем убирает [Там же. С. 429]
32	«Плоть и кровь»	(о душе) <> узница мятежная, летела, / Как буйный конь, грызущий удила / Теснинами томительного тела [Там же. С. 496]
33	«Аркона»	К солнечным в розах коням вы, арконские белые кони, / Пав под секирами дев, в розах со ржаньем неслись! [Там же. С. 502]
IV	НЕЖНА	Я ТАЙНА – Λεπτα (3 упоминания в 1 тексте)
34	«Конь Арион»	Пред Дионисом я бежал, / Как тень коня пред колесницей <> [5. Т. 3. С. 38]; Летит, распластан подо мной, / Конь огнедышащий и черный [Там же. С. 39]; Прочь от земли в желанный день / Загреев конь меня уносит [Там же. С. 39]
V	CBET	ВЕЧЕРНИЙ (7 упоминаний в 7 текстах)
35	«Греческая ваза»	Но слывет / Очерк твой хмельного бога, / Чернетью по красной глине / Меж сатиров конских, ныне / Уж не утварью гончарной, / А красой редчайших ваз [Там же. С. 545]
36	«Как месячно и бело на дорогах» (цикл «Зимние сонеты»)	И мнится, здешний я лежу на дрогах, / Уставя к небу мертвый, острый лик: / И черных коней водит проводник / Пустынных гор в оснеженных отрогах [Там же. С. 571]
37	«Далече ухнет в поле ветр ночной…» (цикл «Зимние сонеты»)	И сторожким копытом конь пытает / На тонкой переправе лед речной [Там же. С. 573]
38	«Держа коней строптивых под уздцы» (цикл «Римские сонеты»)	Держа коней строптивых под уздцы, / Могучи пылом солнечной отваги / И наготою олимпийской наги, / Вперед ступили братья-близнецы [Там же. С. 579]

№ п/п	Название произведения	Минимальный контекст
39	«Весть мощных вод и в веяньи прохлады» (цикл «Римские сонеты»)	Сребром с палат посыплются каскады; / Морские кони прянут в светлом гневе; / Из скал богини выйдут, гостье рады, / И сам Нептун навстречу Влаге-Деве [Там же. С. 582]
40	«Апрель» («Римский дневник»)	Ясмины дышат, белые левкои. / Луг белых коней — тешится лазурь / Заоблачной гульбой апрельских бурь. / Гудят, звенят воздушных сосен хвои [Там же. С. 603]
41	«Май» («Римский дневник»)	<> дух мой дикою и дивной / Наполнить музыкою? В ней / Гул недр земных, ночных корней / Перекликается, призывный, / Со ржаньем солнечных коней [Там же. С. 613]

Литература

- 1. *Павлова Л.В.* У каждого за плечами звери: символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск: СГПУ, 2004. 267 с.
- 2. Павлова Л.В., Каяниди Л.Г. Ярким каменьем богаты: мир самоцветов в поэзии Вячеслава Иванова. Смоленск: Свиток, 2017. 288 с.
- 3. *Павлова Л.В., Романова И.В.* Неочевидные структуры текста: Применение программных комплексов для нужд филологического анализа текста. Смоленск: Свиток, 2015. 148 с.
- 4. *Gubernatis Angelo de*. Mythologie zoologique, ou des légendes animales. Paris, 1874. 503 p.
- 5. *Иванов Вячеслав*. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт ; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987.
- 6. *Павлова Л.В.* Почему у Вячеслава Иванова *море* женского рода? // Двадцатый век двадцать первому веку: Юрий Михайлович Лотман: материалы международного семинара. Смоленск: Универсум, 2003. 128 с. С. 62–68.
- 7. *Флоренский Павел, священник*. Из истории античной философии. М.: Академический проект, 2015. 524 с. (Философские технологии).
- 8. *Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2007. Т. 2. 248 с.
- 9. *Иванов Вячеслав. Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.
  - 10. Фрейд 3. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. 396 с.
- 11. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки: Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
- 12. Пастернак Б.Л. Полное собрание стихотворений и поэм. СПб. : Академический проект, 2003. 800 с. (Новая Библиотека поэта)
- 13. Романова И.В. Миф о Св. Георгии в «Докторе Живаго» Б. Пастернака // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. Смоленск, 1996. С. 38-48.
- 14. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. М.: АГРАФ, 2002. 368 с.
- 15. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.

Symbol in a Poetic Text: New Opportunities for Interpretation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 260–275. DOI: 10.17223/19986645/65/16

Larisa V. Pavlova, Irina V. Romanova, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: pavlar@inbox.ru / irina.romanova@bk.ru

Keywords: symbol, mythopoetics, image paradigm, lexical combinations, Vyacheslav Ivanov, Boris Pasternak, Osip Mandelstam.

The article proposes one of the possible solutions to the interpretational problem of the symbol. Against the background of the active involvement of exact methods to the analysis of works of art in modern philology, the original software system "Hypertext Search for Companion-Words in Author's Texts" can be used to identify the meanings of symbols actualized in the text. The processing of data obtained with the help of the system does not abolish the use of other traditional methods of analyzing the figurative system or interpreting single symbols, but involves a narrower circle of symbolic meanings that can be purposefully understood. The material of the study was the lyrics of Vyacheslav Ivanov, one of the most consistent and authoritative representatives of Russian symbolism, as well as all the lyrics of post-Symbolist poets Boris Pasternak and Osip Mandelstam. As an example, the authors analyze how a common animal symbol of the horse functions in the lyrics of these three poets. The images of a winged horse, a pale horse, and a sea horse, frequent in Ivanov's texts, are interpreted via figuratively-motivated situations of experiencing passions: poetic inspiration is an ecstatic impulse beyond the established borders, death is a punishment for non-humility and self-indulgence. The analysis of the horse's "satellites" in Ivanov's texts, which constitute repeated lexical combinations revealed by the software system, showed that the minimal themes of the sea in the *horse* thematic halo are fewer than one might expect; there are more themes of the sky. Along with the dynamic movement motif, the acoustic sound motif is noticeable. The observed minimal themes of religious religion make it possible to assert that, at the pretext level, the horse is no longer associated with dangerous impulses to the forbidden, but with creative sublime aspirations. The catharsis-generating tension between the evident (spontaneous, dark, forbidden, dangerous) and the hidden (elevated, free, necessary, triumphant) determines the polyphony of both the individual symbol and Ivanov's poetry as a whole. The comparison of the functioning of the horse in the work of the Symbolists and post-Symbolists shows that the Symbolists exclusively form the image-symbol actualizing all new contexts of meanings, which may not always be obvious and are detected and accentuated through the use of the specialized software package. With similar methods of research, other authors show non-obvious intra- and intertextual links reflecting the peculiarities of the authors' language personalities, their poetic world and associative thinking. In the case of the Symbolists, the "satellites" of the image-symbol are the out-of-sight "nodes of one crystal lattice", which in their totality form a single system of symbolic meanings.

References

- 1. Pavlova, L.V. (2004) *U kazhdogo za plechami zveri: simvolika zhivotnykh v lirike Vyacheslava Ivanova* [Everyone has animals behind him: The symbolism of animals in the lyrics of Vyacheslav Ivanov]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
- 2. Pavlova, L.V. & Kayanidi, L.G. (2017) *Yarkim kamen'em bogaty: mir samotsvetov v poezii Vyacheslava Ivanova* [Rich with bright stones: The world of gems in the poetry of Vyacheslav Ivanov]. Smolensk: Svitok.
- 3. Pavlova, L.V. & Romanova, I.V. (2015) *Neochevidnye struktury teksta: Primenenie programmnykh kompleksov dlya nuzhd filologicheskogo analiza teksta* [Non-obvious text structures: Application of software systems for the needs of philological text analysis]. Smolensk: Svitok.
- 4. de Gubernatis, A. (1874) *Mythologie zoologique, ou des légendes animales*. Paris: Durand
- 5. Ivanov, V. (1971–1987) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Brussels: Fover Oriental Crétien.
- 6. Pavlova, L.V. (2003) [Why does Vyacheslav Ivanov describe sea as a she?]. *Dvadtsatyy vek dvadtsat' pervomu veku: Yuriy Mikhaylovich Lotman* [Twentieth century to the twenty

first century: Yuri Lotman]. International Seminar Proceedings. Smolensk: Universum. pp. 62–68. (In Russian).

- 7. Florenskiy, P. (2015) *Iz istorii antichnoy filosofii* [From the history of ancient philosophy]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 8. Pavlovich, N.V. (2007) *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII–XX vekov: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: Based on the material of Russian fiction of the eighteenth twentieth centuries: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Editorial URSS.
- 9. Ivanov, V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 10. Freud, Z. (1991) "Ya" i "Ono": Trudy raznykh let ["T" and "It": Works of different years]. Translated from German. Book 1. Tbilisi: Merani.
- 11. Propp, V.Ya. (1998) *Morfologiya "volshebnoy" skazki: Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Morphology of the "fairy" tale: The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.
- 12. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem* [Complete collection of verses and poems]. Saint Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 13. Romanova, I.V. (1996) Mif o Sv. Georgii v "Doktore Zhivago" B. Pasternaka [The myth of St. George in "Doctor Zhivago" by B. Pasternak]. *Russkaya filologiya. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.* pp. 38–48.
- 14. Senderovich, S.Ya. (2002) *Georgiy Pobedonosets v russkoy kul'ture: stranitsy istorii* [George the Victorious in Russian culture: Pages of history]. Moscow: AGRAF.
- 15. Mandel'shtam, O.E. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 3 t.* [Complete works and letters: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress-Pleyada.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/65/17

В. Просцевичус, В. Билотас

ЧУЖОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ХРОНОТОПЕ ССЫЛКИ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ЮОЗАПАСА СИЛЬВЕСТРАСА ДОВИДАЙТИСА)¹

На примерах из писем Ю.-С. Довидайтиса введено и описано понятие о хронотопе ссылки как специфической временно-пространственной ментальной конфигурации, формирование которой обусловлено конкретными социальнобиографическими обстоятельствами. Хронотоп ссылки проявляется в текстах писем как коррелятивное взаимодействие модуса чужого пространства и модуса эсхатологического времени. Рассмотрены эффекты объективного воздействия хронотопа на композциционно-образную структуру текстов писем.

Ключевые слова: *хронотоп*, *письмо*, *ссылка*, *чужое пространство*, *эсхатологическое время*.

Научная перспектива, в пределах которой пространство и время оказались сопряженными не только в философско-психологическом смысле, но и объективно-физически, почти сразу привлекла внимание гуманитариев, т.е. сразу и надолго вошла в понятийный инструментарий наук о человеке не только как о биологическом существе, но и как о субъекте онтологической активности. В одной из работ, оказавшей огромное влияние на развитие науки о литературе, М.М. Бахтин адаптировал понятие о хронотопе в литературоведческий тезаурус: «Процесс освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [1. С. 234].

Важнейшим аспектом начавшихся исследований должно было стать не взаимодополнение описаний конкретных форм времени и пространства, вне зависимости от того, как трактуется их природа: субъективнопсихологически или объективно-формально, а описание взаимозависимости, корреляции между этими модусами интерпретации человеческой действительности: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хрономогом (что значит в дословном переводе — «времяпространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и

¹ Исследование проведено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» [1. С. 234].

Последующее применение этого инструмента в литературоведении оказалось более чем продуктивным: хронотоп фигурирует в сотнях названий статей и книг на многих языках мира. Что же касается «других сфер культуры», то говорить об особой востребованности понятия о хронотопе пока не приходится: «Философская линия рассмотрения социального бытия сквозь «призму» времени получила в XX столетии серьезное развитие (А. Бергсон, М. Хайдеггер, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, П. Бурдье), но в концепцию социального хронотопа она не оформилась. Философы не ставили, как правило, задач, сопрягающих общие идеи с представлениями о реализации времени-пространства в определенных типах общества, во взаимодействиях людей и, собственно, в конкретных социально-научных исследованиях» [2. С. 110] (см. также обзор проблематики в [3]).

Освоение концепта «хронотоп» в философской и, главным образом, филологической литературе довольно редко, насколько можно судить, сосколько-нибудь значимым развитием провождалось М.М. Бахтина, чему не противоречит изобилие работ под названиями, так или иначе включающими соответствующий термин. Дело в том, что, по справедливому замечанию Н.Э. Фаликовой, «...в последние годы термин «хронотоп» настолько широко распространился, что порой употребляется в самом неожиданном контексте. Смысл категории постепенно размывается, а некорректное использование термина создает новые трудности для исследователей» [4. С. 56]. В этой же статье содержится однозначное описание причины такого «размывания»: «Суть хронотопа – в существенной взаимосьязи временных и пространственных отношений. Если при анализе взаимосвязь не учитывается, то употребление термина «хронотоп» теряет всякое значение» [Там же. С. 55-56].

Необходимо отметить, что в трудах самого Бахтина внимание к взаимосвязи времени и пространства как атрибутивных форм опыта, в том числе и эстетического, иногда уступает – по интенсивности – интересу к конкретно-изобразительным манифестациям времени и пространства: в «Формах времени и хронотопа в романе» уже само название статьи подчеркивает приоритет времени. Основную направленность своего метода на категорию времени оговаривал и сам исследователь: «...ведущим началом в хронотопе является время» [1. С. 12]. Как замечает современный исследователь: «Бахтинская теория хронотопа, при всей ее глубине и непреходящей актуальности, развивает и доводит до совершенства то понимание художественного пространства, при котором оно мыслится не как воображаемое, а как отражаемое – как результат претворения естественного мира в формы того или иного жанра» [5].

В то же время, давая первичные определения хронотопа, М. Бахтин указывает на приоритет пространства, «пространственных значений» как субстрата внутренней формы слова: «Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредствующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле) (курсив наш. – B.Б., $B.\Pi.$) [1. С. 283]. Однако и в дальнейшем изложении М. Бахтина, и тем более в работах его последователей, использующих это понятие в различных контекстах, первичность пространственных значений нивелируется иногда в пользу детальной классификации временных иерархий, на фоне которых композиционно востребованные «образы» пространства оказываются едва ли не внешней номенклатурой: «порог», «особняк», «прихожая»; а пределами рассмотрения фактически оказывается с необходимостью, казалось бы, подразумеваемая процедура трансформации «места действия» в monoc как равномощный хроносу модус формирования эстетически значимого высказывания.

Превалирование хроноса над топосом в анализе М. Бахтина можно понять, как нам представляется, исходя из двух обстоятельств. Прежде всего, следует иметь в виду кантианское основание методологии ученого, соответственно, установку на осмысление времени и пространства как форм опыта, т.е. не как абстракций от суммы наблюдений над «реальной жизнью», а как фундаментальных оснований формирования этой реальности. Стало быть, опыт времени представляется более близким к активности сознания, нежели опыт пространства, слишком легко «уплотняющийся», если воспользоваться излюбленным словом Бахтина в этой работе, в конкретно-узнаваемые образы замка, площади, прихожей и т. п. Предлагаемые Бахтиным определения времени – модуса хронотопа – как «...мистерийного и карнавального» [Там же. С. 281], «биографического» (там же), «бытового» и т.д. представляются более содержательными. Самое знаменитое жанровое различение М. Бахтина – различение эпопеи и романа практически исчерпывается строго временным противопоставлением «абсолютного прошлого» эпопеи «незаверенному настоящему» романа, и в этом контексте пространство – как модус хронотопа – просто отсутствует. Кроме того, можно предположить, что преимущественный интерес к временному модусу высказывания обусловлен - когда речь идет о филологических исследованиях – имманентной установкой художественного высказывания на преодоление неопределенно долгого временного промежутка между событием порождения высказывания автором и событием его восприятия читателем: «Действительно, у времени в социально-гуманитарном отношении есть одна особенность, которой нет у пространства: наша мысль, будучи не пространственной, длится, протекает во времени. Места в пространстве отделены друг от друга, но временные периоды совмещаются: прошлое живет в нас, равно как и будущее – в виде образов, порождаемых памятью и проективным воображением. Это, конечно же, не означает, что категорией пространства следует пренебрегать, однако нужно отметить, что такое пренебрежение объективно имеет место» [6. С. 246].

Сам М. Бахтин открывает более продуктивный подход к осмыслению устойчивой корреляции пространства и времени в пределах усилия воображения, созидающего художественный текст. В работе о романе, после насышенного конкретикой анализа многих и многих версий романного хронотопа, Бахтин формулирует следующее обобщение: «Не касаясь здесь вопроса об изменении функций «дороги» и «встречи» в истории романа, отметим лишь одну очень существенную черту «дороги», общую для всех перечисленных разновидностей романа: дорога проходит по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире» [1. С. 277]. На наш взгляд, определения «родной» и «чужой» совершенно релевантны в контексте характеристики опыта пространства как такового – до его «уплотнения» в образах «замка», «коридора» и той же дороги. Если можно так выразиться, дообразный опыт пространства соответствует, по нашему мнению, собственно кантианскому содержанию понятия пространства в его приложении к основаниям эстетики в современном понимании этого слова.

А. Гуревич предпринял одно из наиболее масштабных исследований хронотопа в средневековой культуре, исходя при этом из точной теоретической предпосылки: «Собственно, это лишь условно две разные величины, - образ времени и образ пространства теснейше объединены, являют собой аспекты одной и той же матрицы, налагаемой сознанием на воспринимаемый им мир и организующей его» [7. С. 115]. Однако конкретные анализы обнаруживают все ту же необязательность пространственного модуса хронотопного синтеза. Например, в главе «Хронотоп народного христианства: exempla», где подробно анализируется метафизическое «пограничье» именно с точки зрения взаимопереплетения двух «пространств» в дидактическом народном рассказе, автор прямо описывает специфический хронотоп – «пространственно-временное единство»: «Заключенная в поэтике «примера» организующая сила как бы втягивает в «хронотоп» описываемого происшествия временные моменты, по сути своей несводимые вместе и несовместимые, и в результате этого мощного притяжения Страшный суд, который официальная религия обещала «в конце времен» – по завершении земной истории, после второго пришествия Христа, - вершится в самый миг перехода индивида из мира живых в мир загробный» [Там же. С. 158]. То есть даже когда исследователь прямо декларирует актуальность пространственного симбиоза, например мира живых и мира мертвых, очевиден примат временного начала – любая «встреча» мертвых и живых, либо божества (Бога) с человеком, представляет собой в первую очередь своеобразный эффект упразднения временной иерархии, т.е. опять-таки результат некоего усилия воображения в рамках временного опыта. Пространство - как модус хронотопа - выступает здесь как необязательный, с точки зрения связи именно с таким временным опытом, аспект той или иной картины мира.

Причины очевидного преобладания в специальных работах внимания к временному модусу хронотопического континуума следует искать, как было отмечено ранее, в специфике взаимоотношения автор — читатель. Событие восприятия художественного текста «идеальным читателем» (У. Эко) отнесено в абсолютное будущее, стало быть, порождение поэтического текста по определению подразумевает нивелирование временной иерархии, что обусловливает особенности стратегии и тактики воплощения авторского замысла. (Научная литература по феноменологии времени в литературе необозрима, начиная, разумеется, с «Лаокоона» Г. Лессинга.)

Едва ли не противоположной доминантой обладает письмо – текст, порождаемый в принципиально гомогенной темпоральности, но в обязательном порядке учитывающий – независимо от конкретного коммуникативного намерения пишущего – гетерогенность пространства. (Мы имеем в виду, разумеется, бытовое письмо, рассмотрение письма как компонента художественного высказывания не входит в наши задачи, поскольку ясно, что сказанное в общем виде о преобладании временного модуса в художественном высказывании в полной мере относится ко всем уровням и компонентам этого высказывания.) Письмо, таким образом, представляет собой текст, позволяющий с большей отчетливостью обнаружить динамику хронотопической корреляции в условиях доминирования пространственного модуса. Определенные закономерности, влияющие и на ход мысли, и на структуру оформления этих мыслей в тексте, обретают действенность вне зависимости от собственных намерений автора. К закономерностям, организующим хронотоп высказывания, это относится едва ли не в первую очередь. Дело в том, что важнейшая, хотя и, по видимости, внешняя особенность любого записываемого высказывания состоит в том, что его адресат, даже если это вполне конкретное биографическое лицо, как это обстоит в нашем случае, т.е. в случае письма, имеющего определенного и известного нам адресата, и позиция этого адресата, естественно, отдалена от позиции пишущего в пространстве. Пространственная разнесенность адресанта и адресата (= автора и читателя) обладает своеобразием, получающем отражение в содержании текста. Любопытно в этой связи замечание самого Довидайтиса в одном из писем: «Никогда так ясно не представлял, что писание есть беседа с отсутствующими, как в эти минуты. Ваши письма, первыми полученные после отъезда из Отчизны, и двухдневный отдых в Тобольске взбодрил душу» [8. S. 19].

В данной статье предпринят анализ писем Юозапаса Сильвестраса Довидайтиса, литовского священника, высланного в Сибирь в числе многих других поляков и литовцев, так или иначе причастных к событиям 1863 г. После восстания в Литве и Польше подверглось репрессиям значительное число католического духовенства. Активно участвовавшие в восстании священники были осуждены на смертную казнь или каторгу, другие были сосланы в Сибирь и иные отдаленные губернии в административном порядке. Последние имели возможность переписки с родными и близкими, и, к счастью, часть этого эпистолярного наследия сохранилась [9–13]. В Литве наиболее значимым собранием таких писем является хранящаяся в

Вильнюсском университете сибирская корреспонденция Юозапаса Сильвестраса Довидайтиса (1825–1882).

Внимание к эпистолярному наследию именно Ю.С. Довидайтиса объясняется, помимо прочего, тем, что именно письма из ссылки заслужили высокую оценку литовского писателя, драматурга, публициста Йозаса Тумаса-Вайжгантаса, полготовившего издание сочинений Довидайтиса в пяти частях. Й. Тумас так охарактеризовал его творчество: «К какому разряду следует отнести нашего писателя-юбиляра? При беглом прочтении первой и четвертой частей «Шавленского дедушки» складывается впечатление, что автор вряд ли превзойдет писателей, для изложения предметов веры или морали использующих образ как бы живого человека, который, однако, живым не является, а только донимает приевшимися проповедями: таковы господин Йонас из Свислочи, Палангский Юзис, Дзидорюс Пахарь... Чисто деревенская христианская идеология; автор словно бы ни на ступеньку не возвышается над селянами по уму и запросам. Читая вторую и третью части, начинаешь раз за разом примечать веши, которые заставляют пересмотреть первые впечатления. Начинаешь сомневаться, так ли по-деревенски наивен автор или лишь прикидывается простаком, таким образом лишь проявляя немалое писательское дарование. Особенно начинаешь верить в это, читая пятую часть – письма из ссылки» [14. P. 241].

Весьма вероятно, что своим особым качеством письма Довидайтиса обязаны не только безусловным литературным способностям автора и неординарному социально-историческому контексту их написания, но и проявившейся в них глубинной связности двух модусов человеческого опыта – опыта пространства и опыта времени в конкретной форме проявления этой связности: *хронотопе ссылки*.

Теоретическая задача, поставленная нами в этой статье, — установление коррелятивной связи между модусом субъективного переживания внешней пространственной определенности и внутренней временной установкой. Событие ссылки как пороговое событие по преимуществу рассматривается нами с точки зрения корреляции опыта пространства и опыта времени в пределах соответствующего хронотопа.

Как уже отмечалось, двухчастная композиция концепта хронотоп предполагает как учет особого качества каждого из компонентов – пространства и времени, так и особого качества взаимосвязей между ними. Мы рассмотрим интересующую нас проблему именно в таком порядке: специфику пространства как формы опыта, специфику времени как формы опыта и специфику взаимосвязи между этими двумя формами.

Характеристика пространства в нашем случае, т.е. в случае анализа писем из ссылки, видимо, особой трудности не представляет. Имея в виду теоретическую и терминологическую преемственность, мы обозначим это пространство как *чужое*. Вот, например, весьма показательный, можно сказать — программный во многих отношениях, отрывок из письма Довидайтиса двоюродному брату — которому и адресовано подавляющее большинство его писем: «Желая сколько можно более сэкономить времени, три

ночи провел в лугах; лежал на душистом сене за семь верст от города, в широкой степи, на открытом воздухе, где мерцало небо, полное звезд, светил серебряный месяц, и думал о других временах, когда так же вот доводилось лежать на открытом воздухе, только не под тем самым небом, а под родным. Тогда мне в голову не приходило, что придется оказаться в сибирских степях... Так к чему мечтать, лучше уснуть в объятиях Иисуса и Марии. Как жаль, что не имею ни крупицы поэтического дара. Другой на моем месте наверняка много бы перечувствовал, а еще больше написал бы, а моему воображению подвластна лишь неотесанная проза. Прекраснейшая природа Сибири, скажем, такого, как А... вдохновила бы начертать возвышенные образы, где бы и родной край нашел себе место» [9. Р. 142].

В этом отрывке непосредственно выражено специфическое состояние сознания автора, которое мы склонны соотносить именно с резкими подвижками в пространственно-временной конфигурации, вызванными ссылкой. Огромное пространство, отделяющее ссыльного священника от родных мест жительства и служения, словно бы взывает к переосмыслению, казалось бы, чисто географической перспективы. Указание на конкретное местоположение - семь верст от города сменяется «Сибирским небом», а затем – «небом Азии». Автор как бы нащупывает такую позицию повествования, по отношению к которой равноудалены и литовские пенаты, и сибирские погосты: «Мое воображение куриного, не орлиного полета; поэтому добился лишь такого результата: гуляя в горах Алтая, могу озирать бескрайние степные просторы, воображение показывает мне всю Европу как узкую полоску, так густо заселенную, что люди или стрелами, или мечами и огнестрельным оружием сражаются за каждый свободный кусочек, выталкивая оттуда друг друга. Моя отчизна – словно край выкошенного луга, а Шауляй, Каунас, Варняй – как стоги сена, разбросанные там и сям по этому лугу. Каждый скажет, что это сравнение отдает прозой Ф. Но что поделаешь, ничего не поделаешь. Зато тем вольнее могу мысленно с вами беседовать, ведь в моей памяти все вы рядышком, как сено в стогу» [8. S. 35].

Обретение искомой «точки отсчета» происходит в пределах этого же фрагмента: «А вот лежу под небом Азии, под которым много веков тому отдыхал патриарх Иаков, преследуемый своим братом. Он, патриарх избранного народа, был удостоен неземного видения; я же, малая пылинка, не могу надеяться на такую милость, которая бы осветила мою печальную судьбу» [Ibidem].

Воображаемое одоление *чужого пространства* вдруг разрешается, как видим, в сравнении автором себя с библейским Иаковом, сравнении, не возвеличивающем, а, напротив, уничижительном: «...я же ничтожная пылинка...». Изменение пространственной конфигурации приводит к изменению и, если можно так выразиться, конфигурации времени. Ведь «дистанция» между Иаковом и автором, при всем том, что к этому сравнению автора подвела географическая медитация, не может быть описана в терминах пространства, но только – времени. В то же время ясно, что речь не

идет об историческом времени, отделяющем библейскую эпоху от середины девятнадцатого века. Эта временная дистанция требует иного подхода: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [1. С. 235].

Рассмотренный нами отрывок замечателен убедительностью хронотопической корреляции. Автор исходит из опыта одиночества, оторванности от привычных контекстов социального взаимодействия, прибегая к чисто пространственным характеристикам. Такая оторванность – результат совокупного воздействия внешних факторов, в концентрированном виде описываемого как принудительная локализация (мы прибегаем к такой, несколько усложненной терминологии исключительно в методологических целях, имея в виду последующую систематизацию наблюдений на соответствующем теоретическом уровне). Принудительная локализация едва ли не неизбежным образом вызывает реакцию воображаемой делокализации – попытки занять позицию внеположности по отношению ко всему пространству как таковому. Как ни странно, именно принудительная локализация переформатирует опыт пространства таким образом, что главная его составляющая – опыт дистанции, расстояния получает положительную, а не отрицательную интерпретацию: «Так вот, на реках вавилонских словно, сидим на берегу Томи, поем вместе наши песни, коронку, псалмы, или вместе произносим жемайтийские молитвы, вспоминая родной край, одним словом, живем, как в раю» [9. Р. 136]. Или: «Закончив работу, вздохнул с облегчением; однако вижу, что если приходится кормить себя телесным трудом, то и не будет большой беды. Да и где та беда? Ведь если здесь, за шестьсот верст от отчизны ее еще не нашел, может, ее и нет в подсолнечной» [Ibid. Р. 139].

Но что особенно важно для нашей темы, так это ясная связь между рефлексией по поводу чуждого / чужого / враждебного пространства — и размышлениями о собственном положении / предназначении в этом мире. Эту связь, по нашему мнению, нельзя исчерпывающе объяснить спецификой социального статуса автора, его, так сказать, профессиональной предрасположенностью к обобщениям, моралистической медитации и пр. Преодоление внешней дистанции путем «выхода» в позицию внеположности имеет обратную сторону: формирование дистанции внутренней, производной по отношению к изменившейся под влиянием новой пространственной конфигурации временной перспективе. Суть этого изменения, представляющего для нас главный интерес, состоит в следующем.

Если опыт пространства, как отмечено выше, это прежде всего опыт *расстояния*, то опыт времени – это опыт *отсрочки*. Коренное изменение *временного* модуса в пределах хронотопа ссылки состоит в *упразднении отсрочки* как глубинной доминанты самосознания. В нашем конкретном случае это со-

бытие можно сформулировать – в целях большей ясности – как упразднение отсрочки Суда. Рассмотрим несколько последствий этого упразднения.

Ближайшими свидетельствами того, что с человеком происходят некие объективные перемены, не имеющие источником собственные намерения человека, могут служить его собственные указания на странность, необычность происходящего. В письмах Довидайтиса мы несколько раз встречаем такие признания, сделанные прямо или косвенно: «Странное свойство Писания, кажется, написано исключительно для заключенных и изгнанников. Это уникальное место, кажется, облегчает концепцию детей из многих мест, не столько о свободе понимания. Ребенок здесь в семь лет хорошо понимает, в каком месте Юзеф находился в изгнании, а именно в тюрьме, где он, как вы можете видеть, староста, проходил мимо камер, проверял, все ли они (с нами). История Товии представляет собой образец настоящего изгнания, энтузиаста любовника. И Даниил и три мальчика, какие благородные образцы упорства в вере святого среди чужой земли» [8. С. 46].

«Упорство в вере среди чужой земли», пожалуй, концентрированное выражение психологической «плоскости» исследуемого нами хронотопа. Очевидно, что под чужой землей здесь понимается не место, где за веру преследуют, где исповедующие ее подвергаются гонениям со стороны иноверцев и т.п. «Упорство в вере» здесь символизирует упразднение отсрочки Суда. Такой опыт времени можно назвать эсхатологическим. То, что Святое Писание само попадает в перспективу рефлексии автора, прямо говорит о том очень важном для нас обстоятельстве, что источник новых и иногда «странных» наблюдений автора следует искать не в важнейших для него книгах, что приходит на ум при первом чтении писем, но, по преимуществу, в новом хронотопическом опыте — как личного пребывания в ссылке, так и общения с надолго оторванной от родной почвы паствой.

В письмах Довидайтиса не раз встречаются строки, свидетельствующие об интенсивной взыскательности по отношению к сотоварищам по ссылке, притом различных конфессий: «Трудно по лицу определить, кто какой веры; редко когда уловишь что-то значимое. Бесконечное различие обнаруживается, когда касается их благодать: католик тает от сострадания, а лицо его светится радостью; православный послушает и вскоре начинает дремать; лютеранин и иудей только глубже прячутся в себя; старовер надевает ледяную броню; все страдают, подавленные фатальной неизбежностью; однако только католикам, изредка православным удается достичь христи-анского смирения» [9. Р. 151].

Такая «зоркость», видящая различия между верующими, но верующими по-разному, вряд ли стала результатом спонтанной рефлексии. Понятная слабость ксендза к католикам не объясняет до конца само появление у него потребности и способности различать оттенки веры. Источник этой способности и потребности, этой установки — тот же, условно говоря, дефицит времени, который вытесняет из сознания автора установку на ещене-завершенность, так сказать, неготовость человека, на возможность благотворного изменения. В «чужом пространстве» на это нет времени.

Еще более взыскателен автор писем и по отношению к соплеменникам, вовсе теряющим веру: «Совесть упрекает меня, когда я иронически отзываюсь о нашем дворянстве. Сердечно о том сожалею и обещаю исправиться. Не думайте, что я сопереживаю судьбе этих людей. Мой Д. тоже дворянин, и потому люблю и его, и его семью, как настоящий брат. Но с болью сердечной смотрю на наше дворянство (шляхту), как они едва не совершенно испортились и в своей гордыне не признают своей испорченности. Видя их охлаждение к Богу и вере, никто не узнает в них их праотцов, известных своей богобоязненностью и привязанностью к Церкви. Летом в Томске сохнул, как говорит вдохновенный певец, глядя, как постоянно попираются права Бога. Ссоры, свары, небрежение христианскими обязанностями, распущенность во всем — вот содержание жизни нашего общества» [9. Р. 140].

В письмах Довидайтиса нет ни слова о восстании, о причинах, приведших людей в ссылку. Можно уверенно сказать, что дело не только в цензуре. «В чужой земле» становится видной и значимой — для пастыря тоже, вероятно, «бесконечное» различие между гражданской добродетелью, любовью к Родине, свободе — и «упорством в вере», не актуальное «дома», в среде доверия и отсрочки. С точки зрения Довидайтиса, наиболее значимые рубежи, определяющие устойчивость / неустойчивость каждой конкретной индивидуальности, — это рубежи «между» вероисповеданиями и рубеж «между» твердостью в вере и приверженностью гражданским и даже шире — общечеловеческим добродетелям. В то же время письма священника дают все основания предположить, что для самого автора само существование этих рубежей, их актуальность — очевидны или, по крайней мере, особо заметны и значимы в специфической пространственновременной конфигурации — хронотопе ссылки, если использовать наш главный концепт в этой статье.

Характерны в этой связи сетования, высказываемые Довидайтисом в адрес «современных» матерей. Важно, что и в этом случае образную основу составило сравнение их поведения с поведением Моники, матери Бл. Августина. Речь в письме заходит о том, что в «нормальной» жизни священник не замечал, насколько личные беды «отвлекают» его прихожан от спасения души: «Плачут, что с сыновьями надолго, а может быть, и на всю жизнь простились, что за несколько тысяч верст разлучились, а едва кто обращает внимание на то, не грозит – ли вечная разлука, ежели, не похристиански живя, помрем как нехристиане. А ведь это должно бы быть предметом величайших наших забот и слез... Я не знал живучи посреди нашего народа, что можно до такой степени пренебрегать Приказанием Церкви» (выделено нами. – $B.\Pi$., B.Б.) [8. S. 45]. Священник прямо пишет: «...не знал, живучи посреди нашего народа». Очевидно, что препятствием для такого знания не могли быть интеллектуальная близорукость или нравственное отчуждение: решающую роль сыграло спровоцированное деформацией пространственно-временного горизонта восприятия и оценки событий

Утрата родственного, объективно объединяющего пространства проявляется в почти житейском упреке землякам: «Увы, в праздничные дни на молитвы к 11 часам приходит 10–20 человек. Остальные вовсе не помнят, что за несколько шагов или саженей Бог спускается на землю утешить нас и подсластить наши страдания в ссылке. Скажите теперь, где та вера, и как эта лень стала ужасным доказательством, что вовсе онемело религиозное чувство! До сих пор я этого не могу понять и каждый праздник душу мою омывает горечь» [9. С. 149]. Как видим, такого свойства сетования довольно неожиданно, хотя и совершенно оправданно, впускает в себя пространственный образ – присутствия Христа на расстоянии «нескольких сажен».

Однако и в этом случае следует учитывать действенность эсхатологической временной перспективы, проявляющей конфликты, скрываемые в рутинном — «своем» — хронотопе инерцией отсрочки — уступки внешним факторам, их мнимой значимости в ситуации выбора: «Слезы Моник, как гранаты, разбивают облака и сводят благодать небесную. Разве наши матери не льют слез, потеряв своих детей? — Да, льют, только с тою разницею, что св. Моника душу своего Августина жалела, а не тело. Плакала не потому, что из Африки в Европу, из Тагасты и Карфагена в Рим и Медиолан уехал любезный ея сынок, да потому, что в вере заблудился и жил в разврате. А какая из нынешних матерей плачет, узнав, что сын не исповедался на Пасху, не ходит в церковь и не заботится о своей душе? Они плачут, надолго или навсегда разлучаясь с сыновьями, не задумываясь о том, что эта разлука не навеки, если живешь не по-христиански, то и умрешь не похристиански. И это должно быть важнейшим предметом нашей печали и слез» [8. S. 27].

Примечательно слово «разница», употребляемое автором. В сущности, речь идет не о различии внешних мотивов – внешний мотив слез матерей один и тот же: разлука с сыновьями, но о различии между душой и телом – это исключительно внутренняя граница, не имеющая никаких внешних, примет, удостоверений и т.п. В еще большей степени это утверждение справедливо по отношению к различию между навсегда и навечно, ключевому в данном контексте. Однако более важно в этой ситуации подчеркнуть, что все-таки именно внешние обстоятельства - грубо говоря, перемещение в отдаленное пространство - оказываются непременным условием актуализации этой границы. Иными словами, «чужое пространство», переформатируя чувственный опыт, способствует своеобразной проблематизации опыта пространства как такового. И неизбежно влияет и на опыт времени (в кантовском, конечно, смысле слова). Вводимое нами представление об упразднении отсрочки как актуализации временного модуса хронотопа ссылки проясняет принципиальное для приведенной цитаты из письма Довидайтиса различение понятий навсегда и навечно, не существующее для нестойких в вере и ее не имеющих. Как кажется, не будет преувеличением предположить, что актуализация такого различения прямо коррелирует с упразднением привычной пространственной конфигурации – формированием хронотопа ссылки. И, соответственно, мы наблюдаем *иной опыт времени*, коррелирующий с опытом, напомним, *чужого пространства*. Конкретное наблюдение, относящееся к различению *навсегда* и *навечно*, предоставляет основания для обозначения временного компонента хронотопа ссылки как *эсхатологического времени*.

Однако и повествуя о радостном, вдохновляющем общении с товаришами по ссылке. Довидайтис обнаруживает удивительное качество духовного зрения, несомненно, усиленного новым опытом времени: «Сейчас был покорен ее тактом в обхождении с детьми, твердой верой и поистине детской простодушностью, с которой еще не управилась новейшая цивилизация. С огромным удовольствием слушал ее рассказы о перенесенных невзгодах и страданиях и сам пересказал ей некоторые места из Священного Писания. Дети, мало еще смыслящие, не могли понять этих рассказов, но чистая и простая душа матери была захвачена историей святого Иосифа. Благородная женщина не раз прерывала меня восклицаниями: «Смотрите, что делается! Вот какова Божья милость!» - таким наивными и непосредственными, что иногда невольно смеялся и плакал, видя, как жадно впитывает ее душа истины Св. Писания» [8. S. 30]. Радость по поводу рассказов о страданиях, несколько сомнительная в иных обстоятельствах, в перспективе эсхатологического упразднения опыта времени как опыта отсрочки предстает как естественное движение души, воодушевленное предвосхищением награды – милости на Суде.

Пожалуй, одним из самых показательных / доказательных в контексте нашей проблемы можно считать совершенно неожиданное, широко развернутое сравнение, описывающее пересечение автором границы между Европой и Азией: «В среду перед обедом въехали в Азию... Ничего не испытывая, я пересек эту важную в моей жизни границу; дело застопорило взаимонепонимание с солдатом. За горой, неизвестно почему называемой Теплой, въезд в Урал. Я не так себе представлял Уральские горы, поэтому старался разглядеть тот огромный хребет, который отделяет Европу от Азии. Так нас учили географы. Вот, увидев слева столб, спрашиваю солдата: что это? "Маяк" – говорит. "А это не граница между Европой и Азией?" "Нет, – говорит. – Граница еще далеко!", считая, что спрашиваю о границе Пермской губернии. Довольный, что обманчивое соображение еще не угасло, еще сильнее стараюсь разглядеть Урал; тут приходит в голову мысль спросить, что он называет маяком? "Это столб, отвечает, от которого вода в одну сторону течет на восток, а в другую – на запад". Тут только понял, что перебрался через Уральский хребет и через границу Европы. Собираться с впечатлениями было уже поздно, а свободнее вздохнуть еще не время; кроме того, не знаю, стоит ли... Призвал на помощь воображение; оно мне показало две части мира, как два судна, перевозящие молодых людей в вечность. Даже испугало видом сильной бури, поднявшейся в Европе и отпрянувшей перед бездной, отворившейся в будущем. Гордясь своей просвещенностью, Европа велит своим "писателям" издеваться над Церковью, стремясь лишь к мирскому счастью. Азия, нуждающаяся в христианском свете, тоже отталкивает от себя... Не осмеливаюсь сравнивать, не

имея в достатке знаний и сил, потому закончу песнь с Блажевичюсом: "О Бог Отец, Отец милостивый" и псалмом "Бог наше прибежище и крепость". Сегодня около 10 часов въехали в настоящую Сибирь; проезжая пограничный столб, перекрестились и попросили Господа благословить нашу жизнь на новой родине, если так Ему угодно» [8. S. 32].

Композиция этого отрывка, несомненно, сходна с композицией медитации на сеновале, рассмотренной выше. Вновь мы наблюдаем поиск повествовательной позиции (точки зрения), внешней по отношению ко всему пространству в целом: во-первых, очевидно «своя» Европа лишена какого бы то ни было приоритета по сравнению с очевидно чужой Азией. Вовторых, итогом «географической» рефлексии вновь становится опыт нетвердости в вере, на этот раз – не собственной, а глобальной и имеющей четко выраженное временное измерение: физическое пересечение границы между Европой и Азией оборачивается в воображении автора сопряжением в религиозном контексте уже теряющей твердость Европы и еще ждущей христианского просвещения Азии. Образ судов, «перевозящих молодых людей в вечность» подчеркивает тенденцию унификации и временного модуса повествования, соотносящегося с пространственным. При этом особого внимания заслуживает синтетический образ «бездны... в будущем». Это, с нашей точки зрения, собственно хронотопический синтез, хотя глубинная тенденция преодоления рутинного опыта отсрочки и в этом случае, безусловно, доминирует. И вновь подчеркнем, что противопоставление Европы и Азии в данном случае оказывается не исходным, но - вторичным, интерпретирующим онтологически определяющее противопоставление «своего» и «чужого» пространств. Это обстоятельство важно для точного понимания собственно хронотопической природы этого описания лишь в пределах рефлексии автора, получающего форму экуменической коллизии.

Значим очевидный диссонанс между впечатлениями ссыльного ксендза и своеобразной «восточной эйфорией», охватившей в то время Европу. Общую характеристику находим в работе Марка Бассина: «The late eighteenth and early nineteenth centuries witnessed what one specialist has termed an "Oriental Renaissance" in Western Europe, that is a notable revival of interest in the peoples and cultures of Asia. The rediscovery of the Orient at this time generated a great deal of excitement among Europe's intellectual elite, and although on the whole not much was known or understood about these lands and peoples. the incomplete picture which the Europeans possessed provided exotic material for their imaginations. In Asia, it was fancied, all of civilization's most exalted qualities – high moral principles, enduring veneration of tradition, and intellectual enlightenment – were all realized with a sublime perfection which their own societies, tormented as they had been by discord, bloody revolution, and war, could not match. The scope of this fascination with the East assumed truly remarkable dimensions, and it figured as an important stimulus, among other things, for the incipient Romantic movement. In 1800 Friedrich Schlegel affirmed that Asia was the most exalted source of inspiration for Romanticism ("Im Orient müssen wir das höchste Romantische suchen») [15. Р. 49–50]. Темой отдельного исследования могло бы стать сопоставление двух глобальных хронотопических проектов: 1) экуменического хронотопа, подразумевающего упразднение отсрочки во временном модусе, и, соответственно, 2) имперского хронотопа, подразумевающего упразднение ценностной иерархии пространств, доминирующей в контексте секулярного «географического воображения» (М. Бассин).

Выводы. На примере эпистол о. Довидайтиса мы описали в первом приближении хронотопическую корреляцию хронотопа ссылки: «чужое пространство – эсхатологическое время». Анализ показал, что живой опыт ссылки, принудительного пребывания вдали от Родины, имеет субстратом опыт пребывания в «чужом пространстве», который уже не поддается рефлексии и описанию в психологическом аспекте. Ценностная – психологическая – реакция на принудительную локализацию в пределах чужого пространства проявляется в унификации пространства: упразднении, также, естественно, ценностном, границы между чужим и своим пространством. Непосредственное воплощение этой тенденции мы наблюдали в пространных лирических медитациях, имевших географический субстрат. Преодоление инерции перманентного разграничения пространства на свое и чужое коррелирует в пределах хронотопа с преодолением инерции перманентной отсрочки как опыта рутинного переживания времени. Внешним эффектом этого преодоления оказывается формирование перспективы различения временного и вечного («навсегда» и «навечно»), обусловливающей избыточную рефлексию на рутинное же преобладание временного, в «родном» хронотопе граничившую бы, вероятно, с ханжеством (см. выше сравнение Довидайтиса и «деревенских проповедников», проведенное Й. Тумасом). Эпистолы Довидайтиса отражают работу воображения, одолевающего хронотоп ссылки не как хронотоп внешнего утеснения, ограничения, а, едва ли не напротив - как события, обнаруживающего неустойчивость в вере, иными словами, как хронотоп испытания миром как ссылкой.

Литература

- 1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
- 2. *Кемеров В.Е.* Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания // Антиномии. 2007. № 7. С. 109—114.
- 3. *Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю.* Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Ч. 1 // Мир науки. 2017. Т. 5, № 4. URL: http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf
- 4. Фаликова Н.Э. Хронотоп как категория исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 45–57.
- 5. Жилина Т. Семантика художественного пространства в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности». URL: http://www.james-joyce.ru/articles/semantika-hudozhestvennogo-prostranstva.htm
- 6. *Оропай А.Ф.* Хронотопический подход к философско-художественному профетизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2009. № 4. С. 245–250.

- 7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- 8. Dawidowicz X.S. Z lystÓw sybirskiego misyonarza. Krakow, 1901.
- 9. Dovidaitis J.-S. Šiaulėniškis senelis / Perredagavo ir paskaitą pridėjo doc. J. Tumas. "Dirvos" b-vės leidinys Kaunas; Marijamplė, 1925.
  - 10. Jasevičius A. Iszginimas ir sugrįžimas // Mūsų senovė. Kaunas, 1938–1940. T. 2–3.
- 11. *Podróż* do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku // Stanisław Matraś. 2-e wyd., poprawione. Liublin : Werset, 2008. 411 c.
- 12. *Szwermicki K.* Wyjątki z dziennika podróży [...] odbytej w krajach amurskich i Guberni Irkuckiej w dniach 26.III.1859 do 25.I.1860 // Pamiętnik Religijno-Moralny. Warszawa, 1861. T. 7.
  - 13. Veitas M. Atsiminimai iš 1863 m. // Mūsų senovė. Kaunas, 1937. T. 2.
  - 14. Vaižgantas J. Literatūros istorija, 1913–1925. Vilnius: LLTI, 2006. 538 p.
- 15. Bassin M. Imperial visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York; Cambridge, England: Cambridge University Press, 1999.

Alien Space and Eschatological Time in the Chronotope of Exile (On the Example of Juozapas Silvestras Dovydaitis' Letters)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 276–291. DOI: 10.17223/19986645/65/17

Vladyslav Prostsevichus, Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania). E-mail: vpostsevichus@gmail.com

Viktor Bilotas, Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vbilotas@gmail.com

Keywords: chronotope, alien space, eschatological time, epistolary, exile.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

The article presents the experience of adapting the concept of a chronotope in a specific sociocultural context. The relevance of the study is due to the need to develop methods for analyzing utilitarian and quasi-utilitarian verbal practices, taking into account the specific spatio-temporal circumstances of their implementation. The study material is letters from Juozapas Silvestras Dovydaitis, a Lithuanian priest who spent several years in Siberian exile. The explicit model of the chronotope determines the choice of the material—the chronotope of exile, as defined by the authors of the article, which also determines the acceptable level of the results obtained. The subject-matter of the study is the chronotope as a sociocultural phenomenon. The chronotope in the article is presented as an event of the interaction of valuebased, spatial and temporal attitudes of the author's consciousness in the process of creating an epistolary text. The features of the subject-matter determined the correlative method of the research. The authors proceed from the fact that the external change in the spatial configuration—the exile—leads to the transformation of the value-based experience of space. The value-based experience of distinguishing space between the author's space and the alien's one is overcome by the imaginary achievement of a point of view equally equidistant with respect to the distinguished spaces. In Dovydaitis's letters, this overcoming is carried out in lyrical digressions devoted to understanding his own changed position and perspectives. The imagined overcoming of the psychological inertia of distinguishing space between the author's own and that of an alien correlates with overcoming the psychological inertia of time delay, which leads to the formation of an eschatological perception of time. The productivity of two global chronotope projects has been outlined: (1) the ecumenical chronotope, which implies the abolition of the temporal hierarchy, and, accordingly, (2) the imperial chronotope, which implies the abolition of the spatial hierarchy, which dominates in the context of the secular "geographical imagination". The experience of the eschatological mode of time affects Dovydaitis's ethical reflection. This is manifested in his reflection on communication with fellow-exiles, based on a comparison of life in exile with episodes of the life of famous characters of Holy Scripture. Thus, the chronotope of exile is formed as a correlative interdependence of alien space and eschatological time: specific value-based attitudes of consciousness. In the opinion of the authors of the article, the significance of this work for further research lies in expanding the repertoire of parameters of possible chronotopes in the sociocultural interpretation of this concept.

References

- 1. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit. pp. 234–407.
- 2. Kemerov, V.E. (2007) Sotsial'nyy khronotop kak problema integratsii sovremennogo obshchestvoznaniya [Social Chronotope as a Problem of Integration of Modern Social Science]. *Antinomii Antimomies*. 7. pp. 109–114.
- 3. Medvedev, A.M., Martirosyan, K.V. & Khachatryan, A.Yu. (2017) Chronotope of Subjective Reality as a Basic Concept in the Study of Ethnic Self-Consciousness. Part 1. *Mir nauki*. 5 (4). [Online] Available from: http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf. (In Russian).
- 4. Falikova, N.E. (1992) Khronotop kak kategoriya istoricheskoy poetiki [Chronotope as a category of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2. pp. 45–57.
- 5. Zhilina, T. (2008) Semantika khudozhestvennogo prostranstva v romane Dzh. Dzhoysa "Portret khudozhnika v yunosti" [Semantics of art space in J. Joyce's "A Portrait of the Artist as a Young Man"]. [Online] Available from: http://www.james-joyce.ru/articles/semantika-hudozhestvennogo-prostranstva.htm
- 6. Oropay, A.F. (2009) Chronotopical Approach to Philosophical Artistic Prophetism. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik of Saint-Petersburg State University. Series 6 Political Science. International Relations. 4. pp. 245–250. (In Russian).
- 7. Gurevich, A.Ya. (1972) Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
  - 8. Dawidowicz, X.S. (1901) Z lystÓw sybirskiego misyonarza. Krakow: [s.n.].
- 9. Dovidaitis, J.-S. (1925) *Šiaulėniškis senelis*. Kaunas; Marijamplė: "Dirvos" b-vės leidinys.
  - 10. Jasevičius, A. (1938–1940) Iszginimas ir sugrįžimas. *Mūsų senovė* (Kaunas). 2–3.
- 11. Matraś, S. (2008) *Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku*. 2-e wyd., poprawione. Liublin: Werset.
- 12. Szwermicki, K. (1861) Wyjątki z dziennika podróży [...] odbytej w krajach amurskich i Guberni Irkuckiej w dniach 26.III.1859 do 25.I.1860. *Pamiętnik Religijno-Moralny* (Warszawa). 7.
  - 13. Veitas, M. (1937) Atsiminimai iš 1863 m. Mūsų senovė (Kaunas). 2.
  - 14. Vaižgantas, J. (2006) Literatūros istorija, 1913–1925. Vilnius: LLTI.
- 15. Bassin, M. (1999) *Imperial visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865.* New York; Cambridge, England: Cambridge University Press.

УДК 821.111 – 31.09

DOI: 10.17223/19986645/65/18

А.С. Стовба

СЕМАНТИКА ВИДЕНИЯ / ВЗГЛЯДА И РОЛЬ ТЕЛЕСНОСТИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА ТАНА ТВАН ЭНГ «САД ВЕЧЕРНИХ ТУМАНОВ»

Исследуются семантика видения / взгляда и роль телесности в поэтике романа англоязычного малазийского писателя Тана Тван Энг «Сад вечерних туманов». В рамках нарратологического анализа художественного текста прослеживается взаимосвязь мнезического повествования с перцептивным планом точки зрения. Опора на мнезические следы — запахи, звуки, зрительные образы, телесные ощущения — не только направляет повествование, но и открывает путь для духовного прозрения героини-нарратора, которое происходит в контексте дзен-буддийского мировоззрения.

Ключевые слова: *Тан Тван Энг, телесность, перцепция, мнезический след, видение.*

Современный англоязычный писатель китайского происхождения Тан Тван Энг, лауреат престижных премий (Азиатский Букер, 2013 г.), премия Вальтера Скотта, 2013 г.), автор двух романов и нескольких рассказов, принадлежит к новому поколению малазийских писателей, поднимающих проблемы молодого государства и осмысляющих колониальное прошлое страны. Историки малазийской литературы Ф. Холден [1] и Б. Уилсон [2] ставят Тана Тван Энг в ряд с такими транснациональными южноазиатскими авторами, как Таш Оув, Ширли Геок-лин Лим, Вивиан Ло, Рани Маника и др. В обоих своих романах - «Дар дождя» («The Gift of Rain», 2007) и «Сад вечерних туманов» («The Garden of Evening Mists», 2012) Тан Тван Энг обращается как к специфическим проблемам – японской оккупации Малайи (1941–1945 гг.), послевоенному этапу трансформации Малайи в Малайзию, так и к извечным темам художественного творчества – поиску смысла человеческого бытия, самоидентификации, любви и др. Вместе с тем, по мнению ряда зарубежных литературоведов, творчество Тана Тван Энг сконцентрировано исключительно на проблемах постколониализма, а острые социальные темы оккупации, колонизации, порабощения населения отодвигают на второй план все остальные смысловые пласты его произведений. Так, Бернард Уилсон стремится исследовать в романах Тана авторское отношение к истории, культурной памяти и национальной идентичности [2. Р. 48]. В рамках фукианской трактовки дискурсивности власти Б. Уилсон главным образом концентрируется на взаимоотношениях в парах учитель / ученик в обоих романах, понимая их как иерархические отношения колонизатор / колонизованный, пытается «...выражают ли тексты Тана национальное бремя и гетерогенный потен-

циал лиминальных пространств и гибридной идентичности в соответствии с концепцией Бхабхи» [2. Р. 48]. А. Пун [3] и Д. Лим [4, 5] приходят к выводу, что в обоих романах безоговорочное подчинение протагонистов патриархальной власти японских наставников свидетельствует о капитуляции героев перед доминированием властной инстанции, а следовательно, об их бездействии и безответственности. Гэил Финчем, двигаясь в русле постколониальной экокритики, видит в романе «Сад вечерних туманов» опровержение западных идеологий развития, осуществляемое за счет смещения романного фокуса с западноевропейского антропоцентризма на биоцентризм, «...вырастающий из китайской и японской культур и воплощенный в создании японского сада» [6. Р. 126]. Результатом обозначенного подхода является то, что сам малазийский автор уличается в имперской ангажированности (то японской [3. Р. 194; 5. Р. 436], то английской [2. Р. 49; 1. Р. 65]), а его романам выносится неутешительный приговор: «Таким образом, несмотря на введение нарративов, во многом вроде бы воспевающих неотъемлемую гибридность малазийской культуры и рассматривающих ее историю, автор в конечном счете игнорирует возможность преобразования и перевоспитания нации и себя, что эти два текста, учитывая их место и контекст, должны предлагать» [2. Р. 62].

Таким образом, в силу того, что современная постколониальная критика стремится рассматривать художественные тексты бывших колонизованных стран как орудие национальной борьбы в попытках освобождения от властных имперских нарративов и обретения независимости, романы Тана Тван Энг получают негативную оценку, поскольку писатель ставит во главу угла не национальные проблемы, а экзистенциальные. Вместе с тем, как показывает анализ существующих исследований творчества Тана, современная зарубежная критика, делая акцент в первую очередь на постколониальной проблематике романов малазийского автора, оставляет без внимания специфику поэтики его произведений. Вследствие этого искусные с поэтологической точки зрения тексты Тана (разветвленная нарративная структура произведений, богатая образность и символика, специфика хронотопа и др.) остаются неизученными, а их обширный семантический потенциал — нераскрытым.

Напротив, нам представляется, что малазийского писателя заботят общечеловеческие темы, проблемы человека, оказавшегося в вихре истории, самоопределение этого человека, лишенного корней и традиций, его само-идентификация в мультикультурном пространстве. Поиск самости такого человека — героя тановских романов — происходит в пространстве памяти, опирающейся на телесные ощущения. Ведь тело, по словам немецкого философа В. Хесле, является основой для первичной самоидентификации человека: «Тело может выразить — даже лучше чем сознательные ментальные акты — сокровенные измерения человеческой идентичности» [7]. Предметом воспоминаний протагонистов становится их парадоксальный выбор — обучение у японских наставников. Несмотря на то, что в их душах хранятся боль и ненависть к Японии, оккупировавшей их страну, герои обретают

свою самость в контексте японской культуры. Дальневосточные телесные практики изменяют мировоззрение героев, формируют иное восприятие и «видение мира», дают возможность обрести свой Путь. Наша задача заключается в том, чтобы, анализируя поэтику романов, проследить, как телесность направляет романное повествование, какую роль она играет в воспоминаниях, мировоззрении и пространстве сознания нарраторовпротагонистов. Итак, продолжая исследования творчества Тана Тван Энг, в данной статье мы сконцентрируемся на поэтике и проблематике романа «Сад вечерних туманов» и рассмотрим ключевые, по нашему мнению, аспекты для понимания данного произведения — семантику видения / взгляда и роль телесности в пространстве памяти, репрезентированном в нарративе главной героини.

Повествование в романе Тана Тван Энг разворачивается в двух временных планах и ведется автобиографическим диегетическим нарратором 1 – пожилой китаянкой Тео Юн Линь, судьей, досрочно сложившей полномочия вследствие неизлечимого заболевания – прогрессирующей афазии (постепенная утрата памяти). Ее возвращение в 1986 г. на Камеронское нагорье, в дом и сад «Югири», завещанный ей японским учителем и любовником Накамурой Аритомо, встречи с обитателями чайной плантации «Маджуба» (Фредерик, Эмили), а также с японским историком Йошикавой Тацуджи, изучающим жизнь и творчество Аритомо, образуют первый временной пласт романа, очерченный в главах 1, 2, 9, 13, 16, 23, 25 и 26. Это повествование ведется в настоящем времени: «I make myself eat the remaining slices, then unpack my bags and hang my clothes in the cupboard» [9. $Ch. 1]^2$, оно синхронно самому действию. Однако эта одновременная наррация включает в себя аналептические³ вставки о недавнем прошлом (в прошедшем времени): описание процедуры отставки и возвращения в Югири, расширенные реплики вторичных нарраторов – Фредерика, Эми-

¹ Термин принадлежит немецкому нарратологу В. Шмиду: «Главным в определении типов нарратора является противопоставление диегетического и недиегетического нарратора. Эта дихотомия характеризует присутствие нарратора в двух планах изображаемого мира − в плане повествуемой истории, или диегезиса, и в плане повествования, или экзегезиса. Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о самом себе как о фигуре в диегезисе. Диегетический наратор фигурирует в двух планах − и в повествовании (как его субъект) и в повествуемой истории (как объект)» [8. С. 80−81]. Также В. Шмид приводит таблицу соотношения предлагаемых им названий нарраторов с названиями, введенными французским нарратологом Ж. Женеттом [Там же. С. 83]. В типологии диегетического нарратора по степени участия в диегезисе, из шести типов последний определен В. Шмидом так: «Повествуемое «я» как главный герой, т.е. собственно автобиографический наратор <...> — центральная фигура диегезиса» [Там же. С. 92].

 $^{^2}$ «Я заставляю себя съесть оставшиеся кусочки, затем распаковываю сумки и вешаю одежду в шкаф» (перевод наш. -A.C.). Далее по тексту цитаты приводятся по русскоязычному изданию романа [Там же].

³ Ж. Женетт понимал под аналепсисом «любое упоминание задним числом события, предшествующего той точке истории, где мы находимся»[10. Т. 2. С. 75].

ли, Тацуджи, Вимали, рассказывающих о своем прошлом и восполняющих неведомые героине сведения. Также в диалогизированной форме в повествование вводится информация о различных видах японского искусства — разбивке сада, хоримоно, кюдо, укие-э¹. В этой части повествования основное настроение — тихая меланхолия, нарратор фиксирует внимание на своей болезни и старости окружающих, отмечает запущенность дома и сада.

Настоящее время избрано рассказчицей не случайно - героиня узнает ранее неведомую ей информацию из речи вторичных рассказчиков, а поиск ответов на важнейшие вопросы параллелен рассказываемой ею истории. Эту наррацию первого уровня можно уподобить расследованию или судебному заседанию, где разными свидетелями (вторичными нарраторами) излагаются неизвестные героине факты. Ее собственные «свидетельские показания» оформлены в виде вставного текста. Героиня решает записать свои воспоминания в дневник, который, по сути, становится самостоятельным текстом первого нарративного уровня. В. Шмид называет подобные тексты первичных нарраторов вторичными рассказами [8. С. 79– 80], Ж. Женетт именует такой текст повествованием второго уровня (ступени, порядка) или метаповествованием². Нарратором преследуются сразу две цели. Во-первых, дневник должен стать опорой для угасающей памяти героини, чтобы в нем остались воспоминания о жизни, а значит, и сама жизнь: «Ведь что за личность без хранимого в памяти? Призрак, обреченный витать между мирами – не имеющий ни индивидуальности, ни будущего, ни прошлого» [11. С. 45]. Вторая цель – попытка разобраться в произошедшем много лет назад, ответить на вопросы, которые так и остались без ответа: «Когда суждено будет забыть многое, появится ли во мне наконец ясность в понимании того, кем были Аритомо и я друг для друга?» [Там же].

Дневник начинается довольно странными словами: «Мое имя Тео Юн Линь. Я родилась в 1923 году на Пенанге, острове на северо-западном побережье Малайи» [Там же. С. 49], которые оправданны страхом героини забыть все, даже элементарные сведения о себе и мире. В дневнике последовательно излагаются события 1951–1952 гг. – приезд Юн Линь на чайную плантацию «Маджуба» во время Чрезвычайного положения в Малайе и обучение у Аритомо искусству обустройства японского сада. Завершает-

¹ Различные виды традиционного японского искусства: хоримоно (татуировка), кюдо (стрельба из лука), укие-э (ксилографя). Благодаря кропотливой работе переводчика В.Ф. Мисюченко издание романа на русском языке сопровождается развернутыми примечаниями, в которых дается объяснение каждому термину.

² Ж. Женетт в постраничной сноске отмечает: «Один и тот же персонаж может, впрочем, выполнять две одинаковые (параллельные) функции на различных уровнях; так в «Сарразине» [Бальзака] экстрадиегетический повествователь сам становится интрадиегетическим повествователем, когда он рассказывает своей спутнице историю Дзамбинеллы. Он нам, таким образом, рассказывает о том, как он рассказывает эту историю<...>» [10. Т. 2. С. 239].

ся дневник описанием таинственного исчезновения Аритомо и воспоминанием о собственной полной растерянности: «Мой чай остыл. Я выплеснула его за веранду и налила в чашку свежего. Все еще сидя в позе сейдза, повернулась всем телом к саду и деревьям, к горам и облакам» [11. С. 479]. Этому вторичному рассказу также присущ аналепсис, благодаря которому непоследовательно, в виде реплик в диалогах, вводятся части биографий всех героев романа - Магнуса, Эмили, Фредерика, Аритомо, а также рассказ героини (глава 19) о ее пребывании в лагере для военнопленных во время японской оккупации (1941–1945 гг.), где она вместе со своей сестрой Юн Хонг провела три года. Дневнику отведена большая часть глав романа (главы3-8, 10-12, 14, 15, 17-22 и 24). Анжелия Пун в статье «Транскультурная эстетика и постколониальная память: практика и политика вспоминания в романе Тана Тван Энг "Сад вечерних туманов"», посвящая изучению нарративной композиции один абзац, уподобляет ее «серии китайских коробочек», «...где истории вставлены в разветвленный основной нарратив» [3. Р. 196]. Однако модель китайских коробочек не охватывает аналептические вставки первого повествовательного уровня, рассказы вторичных нарраторов и рефлексивные комментарии нарратора-протагониста о процессе написания дневника: «Дотянувшись до тумбочки, взяла с нее дневник и принялась читать, ничего не выбирая, наугад <...> Проглядела еще несколько страничек, морщась при каждом слове, которое, как мне казалось, было не совсем к месту» [11. С. 165], «Мысленно вижу все с полной ясностью: то самое утро. Не забыть бы добавить это к тому, что я уже написала» [Там же. С. 263]. Именно рефлексия над написанным, а также новые сведения, полученные от историка Тацуджи (раскрываются в аналепсисе первого повествовательного уровня), дают возможность героине не просто вспомнить события, произошедшие 36 лет назад, но понять себя и истинную роль Аритомо в своей жизни.

Восприятие окружающего мира героиней романа необычайно полно, ее повествование опирается на телесный опыт и сконцентрировано на различных звуках, ощущениях, зрительных образах, пробуждающих целый клубок воспоминаний. В. Шмид, предлагая свою модель «точки зрения» (в терминологии Ж. Женетта — фокализации), отмечает, что самый важный фактор, обусловливающий восприятие событий нарратором, — это перцептивный план¹ [8. С. 126]. Ж. Женетт настаивает на необходимости учитывать не только вопрос «кто говорит?», но и «кто видит?», а точнее, «кто воспринимает?» события [12. Р. 175]. Развивая мысль французского нарратолога, американский исследователь Вильям Неллс создает типологию фокализации по способам восприятия: зрительную, слуховую, вкусовую, обонятельную и тактильную [Там же. Р. 175]. Итак, обратимся к телесным

¹ Кроме перцептивного плана точки зрения, В. Шмид выделяет временной, пространственный, идеологический и языковой планы [8. С. 128].

² «Ocularisation (sight), auricularisation (sound), gustativisation (taste), olfactivisation (smell), tactilivisation (touch)» [12. P. 175].

переживаниям героини и проследим, какую роль они выполняют в формировании нарративной перспективы романа.

По мнению В. Шмида, даже в диегетическом повествовании нужно выделять и учитывать нарраториальную и персональную точки зрения [8. С. 128–129]. На протяжении всего романа «Сад вечерних туманов» повествуемое «я» сливается с повествующим «я», что происходит в особых точках. Эти точки обозначены перцептивными маркерами (звуки, запахи, вкусовые и зрительные ощущения), благодаря которым не только актуализируются воспоминания, но и «сшиваются» различные временные пласты наррации, приводя точку зрения повествующего «я» в плане восприятия и оценки мира к повествуемому «я». Российский философ В. Подорога напрямую связывает память с телесностью: «Вспышка воспоминаний полностью задействует тело вспоминающего: он вспоминает не сознанием, не "головой", а памятью *тела*» [13. Т. 2/1. С. 68]. Развивая эту мысль, он отмечает: «Вкус, запах, касание, поворот тела, нарушение шага – вот это нейтральное телесное Бытие. где время останавливается, как будто соединяются два конца электрической цепи со знаком минус и плюс, их замыкание дает вспышку воспоминания и позволяет восстанавливать по всей цепочке жизни» [Там же. С. 70].

Все указанные способы восприятия нарратора-протагонистки в повествовании о настоящем и прошлом выражаются в виде фиксации внимания на запахах, звуках, ощущениях, пережитых ранее и всплывающих теперь, при написании истории. Телесное бытие героини, ее восприятие окружающего мира являются тем следом прошлого в настоящем, который помогает вспомнить с невероятной точностью давно прошедшее: «На мгновение ощутила, что ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз, почти тридцать пять лет назад: воздух так же напоен запахом сосновой смолы, так же потрескивает и постукивает бамбук на ветру, так же устилает землю неровная мозаика солнечного света» [11. С. 24]; «Он сминает лист, и вырвавшийся запах переносит меня обратно к тому первому разу, когда Аритомо привел меня сюда. Беру у Тацуджи смятый лист и глубоко вдыхаю. Мысленно вижу все с полной ясностью: то самое утро. Не забыть бы добавить это к тому, что я уже записала» [Там же. С. 263]. Часто запах, звук и касание служат надежной опорой для давно забытого эпизода, реплики, поступка, которые героиня стремится записать. Поэтому не стоит доверять репликам нарратора о ненадежности памяти: «Впрочем, больше всего меня беспокоят случаи, когда я не могу припомнить в точности, что же случилось там-то и тогда-то <...> Время съедает мою память» [Там же. С. 449–450] – тело хранит прошлое лучше любой памяти.

Запахи и звуки погружают героиню не только во время пребывания в Югири 1951 г., но достигают самых сокровенных уголков памяти, где укрыто лагерное прошлое. Давно вытесненные воспоминания накатывают при приближении к джунглям, в которых располагался лагерь: «Запахи подступивших вплотную джунглей возвращали меня в тюремный лагерь: этого я не ожидала» [Там же. С. 67]; «<...> мне предстояло вступить в тро-

пический лес. Меня обуял страх» [11. С. 117]. Животный страх пробуждают запахи паленой кожи, жареного мяса и крови: «Не первый раз я увидела мертвые тела <...> Запах... Мне думалось, что я уже забыла этот запах. Но такое не забывается» [Там же. С. 123]. Запах и вкус чая провоцируют целый клубок ощущений и эхом резонируют в каждом временном пласте воспоминаний. В лагере этот вкус открывает пространство человечности, когда героиня впервые встречается со своим будущим спасителем Томинагой: «Я не пробовала чая с тех самых пор, как попала в лагерь. Успела забыть, на что похож его запах. Закрыв глаза, я потерялась в его благоухании» [Там же. С. 399]. Воспоминания об Аритомо возникают при вдыхании единственного сорта чая, привезенного им из Японии: «Подношу чайницу к носу – все еще улавливается легчайший запах, словно бы лесной пожар залило дождем: скорее память о запахе, чем сам запах» [Там же. С. 480], а чай с плантации «Маджуба» («Чай, растущий здесь... у него свой собственный, особый вкус... он воскрешает слишком много воспоминаний» [Там же. С. 465]) возрождает картины Камеронского нагорья и по семантической значимости сравним со вкусом печенья «мадлен» в романах Марселя Пруста.

Не только органы восприятия, но и телесные ощущения становятся опорой для героини в ее мнезическом нарративе. Наиболее яркими перцептивными маркерами в повествовании о лагерном прошлом являются боль и телесные ощущения от тяжелой физической работы: «Рухнув на стул у обеденного стола, я опускала руки в таз с кипятком, выпаривая из них накопившуюся за день боль... Особенно мучила меня левая рука, шрамы на ней краснели больше, чем кожа вокруг них» [11. С. 196]. В. Подорога отмечает, что «...субъективность, или то, что мы называем иногда суверенностью человеческой личности. появляется из множества мнезических следов, оставленных на человеческих телах. Боль <...> сближает нас с собственным телом и удаляет от него <...>» [14. С. 24]. Желание забыть травматический опыт символически выражается у героини в стремлении надеть перчатки на руки, чтобы скрыть неизбежное телесное напоминание – отсутствие двух пальцев на левой руке. Многократная фиксация внимания на перчатках («Оглядываюсь, ища перчатки, и нахожу их на столике у кровати» [11. С. 9]; «Магнус изучающе оглядел меня, взгляд его скользнул вниз, на мои руки, прежде чем снова подняться к моему лицу» [Там же. С. 69]; «На руки натянула пару бумазейных перчаток, позаимствованных у Эмили» [Там же. С. 135]) сдвигает пространственную точку зрения нарратора в момент пребывания в лагере. Юн Линь подчеркивает собственную неполноценность, желая одновременно и забыть прошлое, и, как это ни парадоксально, вечно помнить боль, причиненную японцами. Эта боль придает смысл существованию героини, она укореняет ее в собственном искалеченном теле, из которого она понимает и описывает мир. Таким образом, телесность не только направляет ход воспоминаний и организовывает наррацию, служит мостом между прошлым и настоящим, но также определяет сущность образа героини. Французский философ

М. Мерло-Понти называет тело своего рода «осью мира», якорем, закрепляющим нас в мире, и одновременно способом нашего обладания миром [15. С. 119]. «Тело – это то, что сообщает миру бытие, и обладать телом означает для живущего сращиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них углубляться» [Там же. С. 118].

Итак, топографическим центром наррации и одновременно полюсом идентичности героини становится тело. Она, китаянка, выросшая в колониальной Малайе, оторвана от традиций предков («Дома мы говорили на английском, приправленным хоккиен - диалектом китайского языка на Пенанге <...> мы с Юн Хонг учились в монастырской школе для девочек» [11. С. 376–377]; «Мои родители праздновали китайский Новый год, а другие праздники – нет» [Там же. С. 20]), чувствует себя чужой в собственном доме после возвращения из лагеря: «Мне было лучше, когда я уходила из дома... Отец чувствовал то же самое...» [Там же. С. 61]. Символ ее бездомности – разоренные гнезда дасточек саданган: «Я подумада о саданганах, как спешат они после охоты к себе в пещеру, уповая на пробуждаемое эхо, эти искорки звука, освещающие им путь во тьме - только для того, чтобы бесформенное молчание встретило их там, где когда-то были их гнезда» [Там же. С. 292]. Не принадлежа ни к одной из культур, чувствуя себя бездомной, героиня лелеет собственную боль, укореняющую ее в телесном бытии. Она боится утратить саму себя, забыв лагерное прошлое, но не может помнить, поскольку это не дает возможности жить дальше.

Основным топосом романа «Сад вечерних туманов» является Камеронское нагорье - мультикультурное пространство, где живут люди различных национальностей, культур и вероисповеданий. Каждый из его обитателей находит здесь свой дом, не утрачивая культурной идентичности, укореняющей его в бытии. Магнус свято хранит в памяти свое бурское происхождение, засаживает сад южноафриканскими растениями, строит дом в африканском стиле. Эмили, его жена, соблюдает китайские традиции – устраивает национальные праздники (Праздник середины осени, Новый год) и до самой смерти занимается тайцзицюань. Аритомо, изгнанный из Японии, обустраивает здесь свое пространство культуры – сад Югири и дом в японском стиле. Непринадлежность ни к одной из культур выражается в желании Юн Линь жить самостоятельно в отдельном доме. И только сад, обретая черты сакрального хронотопа, притягивает героиню: «Отирая с лица капли дождя, я прошла под бамбуком – и оказалась в ином царстве. У тишины здесь было иное свойство: я почувствовала себя так, словно вместе с леской, увлекаемой ко дну грузилом, ушла в более глубокий, плотный слой океана» [Там же. С. 74]. Сад дарит ей успокоение как 36 лет назад («<...> с того самого момента, как я переехала в Югири, я почувствовала себя закрытой ото всего мира <...> я ощутила умиротворение» [Там же. С. 356]), так и теперь, когда она пишет свой дневник. Это сакральное пространство, над которым не властно время («И все же сад окутывало ощущение безвластия времени» [Там же. С. 470]), противопоставляется океану джунглей, таящему опасности, — там был лагерь, там прячутся коммунисты, нападающие на мирное население, там найдены трупы искромсанных деревенских жителей.

В нарративе героини, а по сути, в ее сознании, японский садовник Накамура Аритомо наделен таинственными чертами дзен-буддийского монаха [11. С. 210], даосского святого [Там же. С. 33], ассоциируется с Лао Цзы, основателем даосизма: «Аритомо тоже изложил свои мысли и свои учения, прежде чем ушел: он выразил их в своем саде и изобразил на моем теле» [Там же. С. 503]. Он парит над площадкой во время стрельбы из лука [Там же. С. 76], с ним даже время останавливается [Там же. С. 190]. Только в сакральном пространстве сада, воспринимая и усваивая ритуалы и правила, изменяя, прежде всего, тело, а затем и разум, героиня «обживается» в японской культуре, обретая символический дом. Действуя на телесную самость Юн Линь (Аритомо заставляет снять перчатки, чтобы ощущать землю голыми руками, заниматься тяжелой работой в саду, тренировать правильное дыхание во время практики кюдо), духовный сенсэй учит гораздо большему, чем обустройству сада.

Оригинальное японское садовое искусство с самых ранних этапов своего существования переплеталось с традициями и мировоззрением дзенбуддизма. Изучая историю японского садоводства, Д.Г. Главева отмечает: «Во времена Камакура (1185–1333) и Муромати (1392–1568) эстетические каноны дзен-буддизма (японская версия китайской буддийской школы чань) оказали огромное влияние на искусство японского сада. Именно в этот период оно приобрело свой классический вид. <...> Более того, созерцание сада превратилось в часть дзен-буддийской практики духовнофизического самосовершенствования» [16. С. 71]. Дзен-буддийские представления об иллюзорности, эфемерности мира и человеческой жизни выражаются в основном приеме садоводства – шаккее – «заимствованном пейзаже», который предполагает создание различных иллюзий и использование принципов отражения для расширения и искажения пространства [11. С. 218]. Императорский садовник глубоко постиг мастерство шаккея: «Аритомо никогда не мог противиться тяге следовать принципам «заимствованного пейзажа» во всем, что делал. Мне даже явилась мысль, что он, возможно, привнес их в свою жизнь. И если так оно и было, то не наступило ли однажды время, когда ему уже было не по силам отличать, что в его жизни реальность, а что – лишь отражения?» [Там же. С. 175].

Шаккей, принципам которого посвящены многие страницы дневника, в повествовании героини порождает целую цепочку образов с зеркальной семантикой: образы старинных карт в кабинете Аритомо, зеркал, в которые смотрит Юн Линь, зеркальной глади озера, в которой отражаются небо и облака, укие-э с видами Малайи, гравюры с картой Маджубы в прожилках чайного листа, каменного атласа и, наконец, хоримоно на спине Юн Линь с картой местности и садом. Любой зрительный образ (серая цапля, пара журавлей, мотылек или бабочка, фонарики, метеоритный дождь и др.), возникший в сознании героини, отражаясь в татуировке на ее спине,

откликается эхом в различных временных пластах памяти или возвращает ее вновь к уже записанному в дневнике. Эта бездна отражений отсылает к саду (Тан в интервью подчеркивал, что «...практически каждая сцена замкнута на саде...» [17. С. 17]), который становится символом Природы как всеобъемлющего макрокосма. Дзен-буддийские монахи «в малом и единичном видели отражение великого и всеобщего... Сад был для них также средством воплощения бесконечной идеи Будды», — отмечает Д.Г. Главева [16. С. 72].

Иллюзии и отражения неразрывно связаны с семантикой взгляда, видения, а значит, и точкой зрения, занимаемой нарратором. По мнению Тана Тван Энг, шаккей направляет зрительное восприятие и коррелирует со способом наррации Рассказ героини о прошлом преследовал две цели, и только одна из них достигнута с окончанием дневника — воспроизвести все пережитое в мельчайших подробностях. Героиня-нарратор, смещая точку зрения в прошлое, опираясь на телесный опыт, повторяет то, что знала и чувствовала много лет назад. Этот рассказ не помогает Юн Линь понять себя, личность Аритомо, его истинную роль во время войны, разрешить загадку его исчезновения и многое другое. Ее взгляд находится в плену иллюзий.

Как много лет назад, так и сейчас, когда ведется повествование, Юн Линь понимает стремление Аритомо пробудить в ней особое видение, которое поможет ей смириться с болью, со своим прошлым, очистить сознание и открыть иной мир, свободный от ненависти и страха. По мнению японоведов А.Н. Мещерякова и Д.Г. Главевой, в системе учения дзенбуддизма, который является духовной основой всех японских практик², определяющее значение имеет видение. «Дзэн прямо указывает на необходимость развивать способность "видения" реальности <...> Иными словами, это не просто прозрение, а прозрение, содержащее «видение-знание» истинной реальности "как она есть"» [20. С. 143]. Подобное видение и пытается пробудить Аритомо в своей ученице. Для истинного видения нужно закрыть глаза и вслушаться в суть вещей: «Я хочу, чтобы вы вслушались в сад. Вдохните его в себя. Отсеките свой разум от постоянного шума в нем», – приказывает Аритомо, когда Юн Линь не понимает его объяснений

¹ Из интервью Тана Тван Энг: «Я обнаружил большие сходства, довольно забавные, между садоводством и написанием прозы. Мы выбираем то, что должен увидеть зритель, то, что читатели прочитают... Все искусственно и все же оно сконструировано так, что зритель и читатель не должны видеть остов конструкции. Итак, было много общего, поэтому я изучал искусство шаккея, и это помогло мне усовершенствоваться как писателю» [18. С. 4].

² О специфике японского искусства, включающего и единоборства, например кендо, кю-до, пишет известный российский японовед Т.П. Григорьева «Японская культура есть культура Пути. Не случайно разные виды искусства обозначаются словом «Путь»: Путь поэзии — Ка-до, Путь театра Но — Ногаку-до, Путь чая — Тя-до и т.д. Следовать Пути — значит следовать вселенскому Закону, не зависимому от человека, данному ему свыше...» [19. С. 104].

[11. С. 273]. Чтобы прозреть, Юн Линь должна освободить сознание, отвлечься от телесной «оси мира», отказаться от своего искалеченного тела, которое определяет ее сущность. Знаменитый японский буддолог Д.Т. Судзуки связывает состояние сатори, или прозрения, со свободой: «Сатори — это нравственная, духовная, а также умственная независимость. Когда я пребываю в своей бытийности, полностью очищенный от всех умственных наслоений, я свободен в исконном смысле слова "свобода"» [21. С. 24].

Финальным этапом на пути поиска внутренней целостности становится ритуал обретения новой кожи. Процесс нанесения татуировки напоминает тайный священный обряд, длится несколько месяцев и одинаково болезнен как для мастера, так и для модели. Буквально «новая кожа» («Мое тело вздрагивало всякий раз, когда иглы впивались в тело. Появилось ощущение, будто с меня снимают кожу — линию за линией, стежок за стежком» [11. С. 428]) собирает все смыслы в единое целое и должна изменить видение Юн Линь. Хоримоно на спине Юн Линь — это карта местности, которая включает в себя весь мир героини, ее прошлое и будущее, ответы на все ее вопросы (где находился лагерь, где могила ее сестры), освобождение от боли и страданий. Но новая кожа не изменяет героиню (символично то, что хоримоно нанесено на спину), она не видит сути вещей. После исчезновения Аритомо Юн Линь возвращается в город и начинает юридическую карьеру и, как следует из ее рассказа, старается забыть все, что связывало ее с Югири.

В финальной части повествования о настоящем, совпадающем с романной развязкой, героиня-нарратор завершает свое «расследование» фразами: «Зато теперь я знаю <...>» [Там же. С. 502], «Мое решение восстановить сад – правильное <...>» [Там же. С. 503]. Почти сорокалетняя слепота Юн Линь спадает лишь тогда, когда Тацуджи соотносит ее хоримоно с картой местности Камеронского нагорья, таким образом открывая расположение лагеря и место погребения сестры. Это значит, что, пожертвовав собой, предав идеалы служения и долга, верный императорский слуга, искусный художник, мастер Дзен, Аритомо раскрыл государственные тайны ради внутреннего освобождения Юн Линь. И хотя в сдержанном нарративе героини нет ни слова о прозрении, можно предположить, что она переживает сатори. Все решения, принятые в финале, резко контрастируют с той точкой зрения, которую занимала Юн Линь на протяжении жизни и рассказываемой истории. Желание скрыть от посторонних глаз сад («Еще не один год после его смерти я продолжала получать запросы на интервью со мной об Аритомо. Затем пришел черед просьбам о разрешении посетить Югири. Я отвергала их все до единой» [Там же. С. 264]) преобразуется в решение восстановить Югири и открыть дом для посещений: «Я устрою так, что Югири пребудет вечно <...> Когда сад будет готов, я открою его для публики <...> А еще – сад станет живой памятью того, что создал Аритомо» [Там же. С. 503]. Неисполненное обещание – создать сад во имя погибшей сестры – перерастает в понимание того, что таким садом всегда был Югири. Судорожные попытки сохранить свои воспоминания, свою личность, переходят в тихое желание самозабвения: «Это правильно, что Юн Хонг будут помнить, тогда как меня будут постепенно забывать <... > Пусть я теряю себя, но сад вновь возвратится к жизни» [11. С. 504].

Юн Линь наконец обретает мир и покой, отказываясь от боли и ненависти, ощущает внутреннюю целостность, забывая себя, решает сохранить память о сестре и великом мастере Аритомо, создавшем уникальный сад. Концепты памяти и забвения, символически воплощенные в статуях Мнемосины и ее безымянной сестры и вводимые в роман с самого эпиграфа, трактуются в конечном счее в контексте дзен-буддизма. Т.П. Григорьева в монографии «Япония. Путь сердца» говорит о единственном пути познания в дзен-буддизме: «"Узнать Будду — значит узнать себя. Узнать себя — значит забыть себя. Забыв себя, станешь единым со всем". Будда и есть, верят японцы, наше истинное сознание, подлинное Я. Потому сады и другие виды дзэнского искусства есть прежде всего Путь преображения человека, вошедшего в состояние самозабвения: "не-я", "не-мудрствования"» [19. С. 319].

Таким образом, проанализировав нарративную структуру романа, которая включает в себя два основных временных пласта (рассказ о событиях настоящего и прошлого), мы пришли к выводу, что на глазах читателя параллельно разворачиваются два процесса: обучение героини, данное в ее подробных воспоминаниях в дневнике, и самопостижение, завершающееся в акте ее прозрения. Телесное восприятие направляет ход воспоминаний и определяет точку зрения нарратора. Испытываемые в процессе наррации запахи, звуки, вкусы и ощущения служат символическим мостом между настоящим и прошлым, пробуждая давно ушедшие воспоминания. Нарраториальная и персональная точки зрения в моменты описания этих телесных переживаний совпадают во временном и пространственном планах, а также в плане восприятия и оценки мира. Тело становится топографическим центром наррации, а телесная боль служит источником самоидентификации и укореняет героиню в бытии. Проходя обучение у японского наставника, принимая основные принципы дзен-буддийского мировоззрения, героиня обретает символический дом в контексте японской культуры, смыслопорождающим знаком которой становится сад Югири. Лежащие в основе японского садоводства принципы зеркального отражения, иллюзии, манипуляции со зрительной перспективой тесно взаимосвязаны с различными уровнями поэтики романа – с нарративной точкой зрения, с зеркальными образами карты, татуировки, укие-э, водной глади, порожденными семантикой взгляда. Дзен-буддийское мировоззрение определяет значимую для романа семантику зрения / видения, познания сути вещей, которое открывается в самозабвении, а путь становления героини обусловлен путем ее прозрения и синхронен рассказываемой истории.

Подводя итоги, следует заключить, что в данной статье осуществлена попытка анализа поэтики романа Тана Тван Энг «Сад вечерних туманов» в аспекте телесности. Этот подход дает возможность превзойти узкие рамки постколониальных трактовок данного произведения, которые доминируют в современной критике, и осуществить его целостную смысловую интер-

претацию, опирающуюся на изучение поэтики текста. Анализ поэтики телесности романа позволяет не только установить связь между различными временными пластами наррации, обусловленными, прежде всего, перцептивной точкой зрения протагонистки, но и понять суть ее образа: тело для героини остается единственным полюсом идентичности на протяжении всей жизни. Семантика телесности органично включает в себя и семантику взгляда, которая не детерминируется в данном романе только физиологическими свойствами зрения. В рассматриваемом произведении речь идет о сущностной структуре взгляда, который определяет особенности дальневосточной картины мира, раскрывает способ художественного восприятия всех видов японского искусства и подразумевает смысл человеческого пробуждения от «сна жизни». Именно поэтому дзен-буддийские представления о Пути, изменчивости и иллюзорности реальности не просто служат экзотическим фоном для разворачивающегося романного сюжета, а позволяют постичь его глубинный смысл.

Литература

- 1. *Holden Ph.* Communities and Conceptual Limits: Exploring Malasian Literature in English // Asiatic.2009. Vol. 3, № 2. December. P. 54–68.
- 2. *Wilson B*. "Trapped Between Worlds": The Function of Memory, History and Body in the Fiction of Tan Twan Eng // Asiatic. 2018. Vol. 12, № 2. December. P. 46–64.
- 3. *Poon A.* Transcultural Aesthetic and Postcolonial Memory: the Practices and Politics of Remembering in Tan Twan Eng's *The Garden of Evening Mists* // The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry. 2016. Vol. 3, iss 2. April. P. 185–201. URL: https://booksc.xyz/book/53546676/680963 (дата обращения: 20.05.2019).
- 4. *Lim D.C.L.* Agency and Pedagogy of Japanese Colonialism in Tan Twan Eng's The Gift of Rain // Critique: Studies in Contemporary Fiction. 2011. Vol. 52:2. P. 233–247. URL: https://booksc.xyz/book/29654120/10a63a (дата обращения: 20.05.2019).
- 5. *Lim D.C.L.* The Zen of Japanese Imperialism in Tan Twan Eng's The Garden of Evening Mists // Critique: Studies in Contemporary Fiction.2015. Vol. 56:4. P. 435–448. URL: https://booksc.xyz/book/51387080/df1bed (дата обращения: 20.05.2019).
- 6. Fincham G. Ecology, Ethics, and the Future: Tan Twan Eng's The Garden of Evening Mists // English Academy Review: Southern African Journal of English Studies. 2014. Vol. 31 (2). P. 125–137. URL: https://booksc.xyz/book/38354890/9a5b02 (дата обращения: 20.05.2019).
- 7. *Хесле В*. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–113. URL: https://www.kph.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/vopros/65.html (дата обращения: 23.10.2019).
  - 8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 9. *Tan Twan Eng.* The Garden of Evening Mists. 2011. URL: https://book.cc/book/1973863/85d81f (дата обращения: 10.08.2019).
- $10.\ \mathit{Женетт}\ \mathit{Ж}.$ Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2. 472 с.
- 11. *Тан Тван Энг*. Сад вечерних туманов / пер.с англ. В.Ф. Мисюченко. М. : Эксмо, 2015. 512 с.
- 12. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. London; New York: Routledge, 2005. 718 p.
- 13. *Подорога В.А.* Мимезис. Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2, ч. 1. Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века: А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. 608 с.

- 14. *Подорога В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: материалы лекционных курсов 1992–1994. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
- 15. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр., под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб. : Ювента : Наука, 1999. 606 с.
- 16. Главева Д.Г. Японский сад: Искусство единения с самим собой // Человек и культура Востока: исследования и переводы. 2008 / сост. В.Б. Виногродская. М., 2009. С. 61-78
- 17. Lim D.C.L. On Art and Artifice: A Conversation with Tan Twan Eng // SARE: Southeast Asian Review of English. 2017. Vol. 54, iss 2. P. 13–22.
- 18. *Jaggi M.* Tan Twan Eng in Conversation // Wasafiri. 2014. Vol. 29: 1. P. 3–7. URL: https://booksc.xyz/book/35078179/a45d29 (дата обращения: 20.05.2019).
  - 19. Григорьева Т.П. Япония: путь сердца. М.: Новый Акрополь, 2008. 392 с.
- 20. *Главева Д.Г.* Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М. : Вост. лит., 2003. 264 с.
- $21. \ Cyдзуки\ \mathcal{A}.T.\ \mathcal{A}$ 3эн и японская культура / пер. с англ. С.В. Пахомов. СПб. : Наука, 2003. 522 с.

Seeing/Vision Semantics and the Role of Corporeality in the Poetics of Tan Twan Eng's Novel *The Garden of Evening Mists*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 292–307. DOI: 10.17223/19986645/65/18

Anna S. Stovba, V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: annstovba17@gmail.com

Keywords: Tan Twan Eng, corporeality, perception, mnemonic trace, vision.

The aim of the article is to detect the role of corporeality and seeing/vision semantics in the mnemonic narrative of the novel The Garden of Evening Mists (2012) written by the anglophone Chinese Malaysian author Tan Twan Eng. To overcome the postcolonial interpretations of the novel, the narrative theory (G.Genette, V.Shmid) and the phenomenology of the body (M. Merleau-Ponty, V. Podoroga) are used as the methodological basis for this research. The role of the corporeality in the poetics of the novel is examined through a narratological analysis that reveals two temporal levels of narration in the text. These interconnected levels are additionally made more complex with multiple anachronic embeddings, reflecting the complexity of the novel's composition. On the first temporal level, the action and the narration of the autobiographic diegetic narrator (a former judge Teoh Yun Ling) are synchronized in the present, taking place in 1986. The narration of the second level is presented as a diary of Yun Ling in which she retraces her young years, her apprenticeship to the Japanese gardener Aritomo. The mnemonic narrative of the novel is guided by traces of the corporeal memory—by smells, sounds, and sensations, supporting recalls of the past events with particular expressiveness. Different forms of perception generate a particular "point of view" in which the narrating and perceiving selves of the protagonist interflow, while different temporal levels merge. With Merleau-Ponty's and Podoroga's works as the basis for the research, the author concludes that the body is a topographic center of the narration and pain is a source of self-determination for Yun Ling. In the self-reflexive narrative, pain, fears, and hatred are the strongest feelings, preventing the protagonist from "seeing" the essence of things. Through teaching Yun Ling the art of Japanese gardening and archery, as well as by changing her skin (making horimono on her back), Aritomo forms a specific vision of reality in her. He helps Yun Ling to cope with her traumatic past, giving her the way to determine herself in the context of Japanese culture and the Zen Buddhism world-view. The only way of obtaining freedom for Yun Ling is self-denial, self-oblivion, and purification from passions. These principles, born as part of Zen Buddhism, form the basis of all Japanese arts. Seeing/vision semantics in the novel has been revealed through the images with mirror semantics (old maps, ukiyo-e, horimono, mirrors etc.). These images are determined by the main principles of Japanese gardening (shakkei, playing with perspective, illusion, etc.), which Yung Ling perceived during her apprenticeship to Aritomo, and they influence the way of narration. The analysis of the seeing/vision semantics and the role of corporeality in the poetics of the novel shows that the problem field of Tan Twan Eng's fiction goes beyond the scope of postcolonial discourse and embraces a wide range of existential questions.

References

- 1. Holden, Ph. (2009) Communities and Conceptual Limits: Exploring Malasian Literature in English. *Asiatic*. 3:2 (Dec.). pp. 54–68.
- 2. Wilson, B. (2018) "Trapped Between Worlds": The Function of Memory, History and Body in the Fiction of Tan Twan Eng. *Asiatic*. 12:2. (Dec.). pp.46–64.
- 3. Poon, A. (2016) Transcultural Aesthetic and Postcolonial Memory: The Practices and Politics of Remembering in Tan Twan Eng's The Garden of Evening Mists. *The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry.* 3:2. (Apr). pp. 185–201. [Online] Available from: https://booksc.xyz/book/53546676/680963. (Accessed: 20.05.2019)
- 4. Lim, D.C.L. (2011) Agency and Pedagogy of Japanese Colonialism in Tan Twan Eng's The Gift of Rain. *Critique: Studies in Contemporary Fiction.* 52:2. pp. 233–247. [Online] Available from: https://booksc.xyz/book/29654120/10a63a. (Accessed: 20.05.2019)
- 5. Lim, D.C.L. (2015) The Zen of Japanese Imperialism in Tan Twan Eng's The Garden of Evening Mists. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 56:4. pp. 435–448. [Online] Available from: https://booksc.xyz/book/51387080/dflbed (Accessed: 20.05.2019)
- 6. Fincham, G. (2014) Ecology, Ethics, and the Future: Tan Twan Eng's The Garden of Evening Mists. *English Academy Review: Southern African Journal of English Studies*. 31(2). pp. 125–137. [Online] Available from: https://booksc.xyz/book/38354890/9a5b02 (Accessed: 20.05.2019)
- 7. Hosle, V. (1994) Krisis individual'noy i kollektivnoy identichnosti [The crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofti Problems of Philosophy*. 10. pp. 112-123. [Online] Available from: https://www.kph.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/vopros/65.html (Accessed: 23.10.2019)
  - 8. Shmid, V. (2003) Narratologia [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 9. Tan Twan Eng. (2011) *The Garden of Evening Mists*. [Online] Available from: https://book.cc/book/1973863/85d81f. (Accessed: 10.08.2019)
- 10. Genette, G. (1998) *Povestvovatel'nyi discurs* [Narrative discourse]. Translated from French. In: Genette, G. Figury [Figures]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh.
- 11. Tan Twan Eng. (2015) *Sad vechernih tumanov* [The Garden of Evening Mists]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
- 12. Herman, D., Jahn, M. & Ryan, M.-L. (eds) (2005) Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. London and New York: Routledge.
- 13. Podoroga, V.A. (2011) *Mimezis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury v 2 tomakh* [Mimesis. Materials on the analytical Anthropology of literature in 2 volumes]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Kul'turnaya revolutsiya.
- 14. Podoroga, V. (1995) Fenomenologiya tela. Vvedenie v filisofskuyu antropologiyu. Materialy lektsionnyh kursov 1992–1994 godov [Phenomenology of the body. An introduction to the philosophy of anthropology. The lecture materials of 1992–1994]. Moscow: Ad Marginem.
- 15. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Translated from French. Saint Petersburg: Yuventa: Nauka.
- 16. Glaveva, D. G. (2009) Yaponskiy sad. Iskusstvo yedineniya s samim soboy [Japanese garden. The art of unity with oneself]. In: Vinogradskaya, V.B. (ed.) *Chelovek i Kultura Vostoka. Issledovaniya i perevody.* 2008 [Man and culture of the East. Researches and translations. 2008]. Moscow: IFES RAS. pp. 61–78.

- 17. Lim, D.C.L. (2017) On Art and Artifice: A Conversation with Tan Twan Eng. SARE: Southeast Asian Review of English. 54:2. pp. 13–22.
- 18. Jaggi, M. (2014) Tan Twan Eng in Conversation. *Wasafiri*. 29:1. pp. 3–7. [Online] Available from: https://booksc.xyz/book/35078179/a45d29. (Accessed: 20.05.2019)
- 19. Grigor'eva, T.P. (2008) *Yaponiya: put' serdtsa* [Japan: The Way of Heart]. Moscow: Cul'turnyi tsentr "Novyi Acropol".
- 20. Glaveva, D.G. (2003) *Traditsionnaya yaponskaya kul'tura: spetsifika mirovospriyatiya* [Japanese traditional culture: the world perception specificity]. Moscow: Vost. literatura.
- 21. Suzuki, D.T. (2003) *Dzen i yaponskaya kultura* [Zen and Japanese culture] Translated from English. Saint Petersburg: Nauka.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/65/19

Л.Ф. Хабибуллина

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В РОМАНАХ Й. МАКЬЮЭНА («СУББОТА», «ЧИЗИЛ-БИЧ»)

Рассматриваются романы Й. Макьюэна «Суббота» и «Чизил-Бич» с точки зрения репрезентации проблемы травматического опыта в современной литературе. В исследуемых романах на первый план выдвигается аспект телесности, именно тело становится языком, на котором автор говорит о травматических ситуациях в жизни персонажей. В статье делается вывод о значимости «сюжета тела» и «языка тела» в описании травмы в анализируемых романах писателя, а также о постепенном ослаблении связи травматического опыта с сюжетом насилия.

Ключевые слова: Й. Макьюэн, психологическая травма, английская литература, «Суббота», Чизил-Бич», телесность.

Проблема травматического опыта и способов его преодоления выходит в литературе нынешнего века на первый план. Теория «trauma studies» начинает развиваться в 1990-е гг. преимущественно в связи с историческими и социальными процессами, которые потребовали системного научного подхода к их анализу. Доминик Ла Капра формулирует мысль об универсальном характере этой научной проблемы: «Есть одна кроссдисциплинарная проблема, которая в последнее время стала заметна, особенно в связи с различными экстремальными событиями (такими как изнасилование, жестокое обращение и геноцид). Это проблема травмы. И теория травмы, ее изучение не только проходит сквозь дисциплинарные границы, существующие внутри гуманитаристики, но включает в себя естественные и социальные науки (нейрофизиологию, социальную психологию, психоанализ, психиатрию и нарративную медицину)» [1. С. 243]. Примерно с 1990-х гг. разработка теории травмы происходит преимущественно в социологических и медицинских науках. Сформулированы категории «свидетельство», «посттравматический стрессовый синдром» и «историческая травма», предложенные Ш. Фелман, Д. Лауб [2]. В гуманитарных науках с проблемой травмы связываются и другие значимые проблемы, такие как изучение образа другого (см. об этом: [3. С. 134]).

В настоящее время в гуманитарных науках наиболее изучена так называемая «историческая травма», связанная с преодолением стигматизации целых поколений, в связи с ней практически сразу обозначается и проблема памяти, появляется понятие «травмированная память», постоянная коммеморация возобновляет травму в сознании и становится процессом, перформативом, характерным в особенности для коллективной памяти. Как отмечает В. Николаи, важным аспектом современных исследований по-прежнему остается различие истории и памяти, «продуктивное напря-

жение между которыми во многом определяет современные гуманитарные исследования» [4. С. 3], кроме того, исследователями обозначается «необходимость демаркации опыта, памяти и нарратива» [Там же. С. 137]. Этим вопросам уделяют внимание большинство крупнейших современных британских авторов, таких как К. Исигуро, М. Эмис, И. Макьюэн; американские писатели, такие как Э. Тан, З. Смит, Дж. Фоер и др. увязывают травматический опыт личности с памятью поколений.

Психологическая травма рассматривается в современной гуманитаристике с опорой на традицию фрейдистских исследований и, как показывает практика, в современной литературе связана чаще всего как с проблемой памяти, так и с проблемой телесности. Оба эти аспекта актуальны и в отношении исторической травмы, однако психологическая травма и в литературоведении все чаще рассматривается именно в категориях телесности [5, 6]. Одновременно и в литературе XXI в. актуализируется проблема индивидуальной, психологической травмы, которая преимущественно рассматривается американскими авторами (Дж. Евгенидис, Д. Тартт и др.), но и в английской литературе она также все чаще становится предметом художественного исследования самых значительных авторов. В частности, в творчестве Й. Макьюэна в первые десятилетия нового века уделяется все больше внимания индивидуальной травме, той, что не связана с опытом целых поколений, а становится частью индивидуального переживания личного опыта. Один из крупнейших авторов современности возрождает традиции английского психологического романа и относится к числу тех писателей, творчество которых заставляет говорить о постпостмодернистской, или неореалистической, эпохе в современной литературе. Такие темы, как детство, отношения между мужчиной и женщиной, проходят сквозь все творчество автора. О. Джумайло полагает, что основной пафос творчества писателя лежит именно в психологической области: «Все романы Макьюэна небанально развивают магистральный сюжет трагической неспособности к эмпатии» [7. С. 279]. В отношении литературы новой эпохи наиболее актуальным становится анализ нарративного уровня, так как именно сам способ рассказывания определяет специфику современного романа. В обоих романах используется несобственно-прямая речь, которая дает автору максимальную свободу проникновения во внутренний мир персонажа и является наиболее распространенной формой повествования в современной литературе [8. С. 95–96].

Рассмотрим связь телесности и травмы на примере двух романов писателя «Суббота» (Saturday, 2005) и «Чизил-бич» (On Chesil Beach, 2007). Идеологически эти романы существенно отличаются друг от друга. В первом романе Макьюэн создает своего рода апологию современного мироустройства, основу которого составляет европейский «высокий средний класс», профессионалы, чье мастерство и умение решать сложные жизненные задачи позволяют им определять ход истории, в том числе мировой

¹ Роман также вышел на русском языке в 2008 г. под названием «На берегу».

(фоном романа являются события в Ираке), во втором романе писателю интересно показать сложность вступления во взрослую жизнь последнего поколения, чья сексуальная закрепощенность, идущая еще от викторианства, разрушила в конечном счете их личную жизнь. Сходство романов, которое мы обсуждаем, обусловлено единой авторской стратегией построения сюжета и нарратива, которые формируют особый сюжет тела и язык тела. Традиционно для творчества писателя связанный с проблемой травмы сюжет насилия [9] в обоих романах обозначен скорее потенциально, хотя в первом романе он выражен более ярко. Основной объем занимает пространство воспоминания (перцептуальный хронотоп), но проблема памяти не становится основной; в отличие от других романов о травме («Черные псы», Искупление»), здесь травма происходит не в прошлом, а в настоящем. Значимый день расписан буквально по минутам, такое «растягивание» времени также является отличительной чертой описания травматической ситуации в творчестве писателя.

В романе «Суббота» (2005) на первый план выдвигается социальнопсихологическая проблематика. Один день из жизни врача-нейрохирурга Генри Пероуна представляет собой авторскую апологию жизни среднего класса Великобритании и принятого порядка вещей и предостерегает от альтернатив: «Бойтесь утопистов, ревностных искателей пути к идеальному общественному строю. Они снова здесь, тоталитаристы всех форм и мастей: пока еще слабые и разрозненные, они растут, набираются сил и жаждут крови миллионов» [10. С. 125]. Основной сюжет романа построен на описании встречи почти идеальной семьи (тесть героя – известный поэт, живущий в своем замке во Франции, дочь - начинающая поэтесса, сын подающий надежды музыкант, любовь к жене остается актуальной всю его жизнь) с неуравновешенным представителем неблагополучной среды. Политическим фоном повествования становятся размышления героя о войне в Ираке, которую он полностью оправдывает, так как знает о режиме Саддама Хусейна больше остальных благодаря знакомству с иракским коллегой, а его дочь и многочисленные демонстранты за окном – осуждают. Ценности главного героя в результате утверждаются через его же профессионализм и доброту – в конце дня он оперирует напавшего на его дом хулигана. Проблема времени здесь приобретает неожиданное решение: каждый момент жизни существует по своим собственным законам, он неотвратим и непредотвратим, в том числе человек не может постичь и собственное поведение в каждый момент своей жизни. Символом этой неотвратимости становится падающий самолет, который герой видит ранним утром еще в начале романа. Ситуация с самолетом, благополучно разрешающаяся в течение дня (пилоты живы, они оказались русскими летчиками, а не чеченскими террористами) дублирует развитие основного сюжета.

Повествование романа основано на кропотливой, почти посекундной фиксации каждого, даже самого мелкого события, характерной обычно для описаний наиболее важных, ключевых событий жизни, как, например, у того же Макьюэна в романе «Искупление» описывается роковой вечер в

доме Толлисов, когда разворачивается сюжетопорождающая история с насилием. Такая же разреженность времени характерна еще для описания последнего дня персонажа, как, например, в романе Дж. Апдайка «Кентавр». Использование этой техники порождает у искушенного читателя определенные ожидания, активность которых должна позволить воспринять второй план повествования. Тревожный фон мирной жизни центральных персонажей задается через образ горящего самолета, появляющегося на рассветном небе Лондона, и перекликается с темой иракской войны. Самолет в небе и толпы демонстрантов в городе «разрывают» мирную ткань жизни города, персонажей романа и вносят элемент тревоги, который прорывается в судьбу героя посредством гиперчувствительного Бакстера, нарушающего их благополучное существование. Таким образом обозначается оппозиция внешнего мира, тревожного и неблагополучного, и мира главного героя, стабильного и достойного представителя английского среднего класса.

На уровне повествования способом, с помощью которого передается травматический опыт, становится фиксирование телесных реакций, что позволяет сделать описание события точным и лишенным излишней эмоциональности, т.е. создает эффект правдивости. Вместе с тем перевод реакций на язык тела предполагает и высокую степень читательской эмпатии, так как восприятие ситуации также должно проходить на уровне телесных ощущений.

Значимость телесности в романе задается с самого начала в связи с образом главного героя, Генри Пероуна, сознание которого раскрывается посредством несобственно-прямой речи. Например, важным средством характеристики образа героя становится описание его взаимодействия с телом: «...на свои руки и ноги он смотрит теперь как на старых и незаслуженно забытых друзей: какие же они длинные, неуклюжие, хрупкие!» [10. С. 125]. Преимущественно телесно-опосредованным становится и общение с посторонними и знакомыми людьми, что является следствием профессии. Будни нейрохирурга даются через подробные описания сделанных им операций, в том числе операции, его тогда еще будущей жене, что в конечном счете привело героев к свадьбе, и операции на мозге хулигана, которая стала финальным разрешением критической ситуации в доме Пероуна. Успешно справляющийся с опухолями и травмами головы на физическом уровне, герой не в состоянии разобраться с процессами, происходящими в человеческой голове. в том числе и его собственной. Эта мысль подается в романе как чужое суждение: «...среди них (психиатров. – Л.Х.) бытует предрассудок, редко озвучиваемый вслух, что нейрохирурги - самонадеянные кретины, лезущие напрямик со своими грубыми инструментами в предмет неимоверной, неповторимой сложности» [Там же. С. 106], «чудо останется чудом: никакие цифры не объяснят, как способно скопище нервных клеток создать чудесный внутренний кинотеатр, яркую иллюзию реальности, вращающуюся вокруг другой иллюзии – призрачного "я"» [Там же. С. 304].

С самого начала заданы два аспекта телесности: тела как физического объекта, поддающегося прямому воздействию как насильственного, так и целительного характера, и тела как вместилища человеческого сознания, чьи реакции парадоксальны и непредсказуемы. Если с телом Пероун обращается вполне умело, то сознание вне его власти. Таким образом, развитие мысли в романе движется изнутри наружу, от чистой телесности к другим уровням восприятия личности, однако и эти уровни соотносимы с телесностью, например восприятие музыки: «Нет, блюз по своей сердечной сути вовсе не печаль, а некая странная, почти телесно испытываемая радость» [10. С. 36].

Телесность в романе тесно связана с основным сюжетом – сюжетом насилия, магистральным в творчестве писателя. Он также разворачивается в восприятии героя через телесные признаки, точнее, во время конфликта Пероун фиксирует медицинские характеристики агрессора: «...недостаток самоконтроля, эмоциональная лабильность, вспыльчивость - возможен низкий уровень концентраций НАМК в нейронах полосатого тела» [Там же. С. 112]; «Характерный признак множества нейродегенеративных заболеваний: пациент мгновенно переходит от одного настроения к другому, не сознавая этого, не вспоминая о предыдущем, не понимая, как это выглядит со стороны» [Там же. С. 118]. Кульминация романа, связанная со сценой насилия (хулиганы врываются в дом Пероуна, угрожают ножом его жене, принуждают раздеться его дочь, ломают нос свекру), успешно разрешается благодаря возвышающему действию стихотворения Мэтью Арнольда на наивное сознание Бакстера. Как справедливо отмечает О. Джумайло, анализируя ключевую сцену романа: «Невероятная, фантастическая, если не мелодраматическая перемена, однако, сначала находит физиологическое объяснение - весьма показательный поворот для Макьюэна» [7. С. 282]. Действительно, резкий поворот сюжета мотивируется как раз особенностями психики Бакстера, одним из симптомов болезни которого является резкая смена настроений. Далее исследовательница увязывает этот сюжетный поворот с идеей необходимости признания «другого» – даже криминального и агрессивного, которая мотивирована в том числе и профессией главного героя: «Бакстер, чья внешность при первой встрече была описана Пероуном в анималистическом ключе, а история болезни дала исчерпывающее объяснение его поведению, взывает к человеческому сочувствию. Насилие – а теперь его инструмент (скальпель) в руках нейрохирурга, делающего операцию своему недавнему противнику, – перерастает в метафору необходимости знания о том, что «другой» существует» [Там же. С. 283]. С этим нельзя не согласиться, но новаторство Макьюэна, на наш взгляд связано не с утверждением этой совсем не новой мысли, а с увязыванием явления неприятия другого с взаимодействием со своим и чужим телом. Так, правильное взаимодействие с собственным телом, согласие с ним, оказывается даже более сложной задачей для всех персонажей (что особенно ярко показано на примере Бакстера), чем принятие другого, трудно именно взаимодействие с самим собой, своим телом (своей болезнью для Бакстера, беременностью для Дейзи, дочери Пероуна, и др.). Здесь особенно интересен способ разворачивания конфликта — благодаря профессии главного героя тело Бакстера и зависящая от него личность, постоянно интерпретируется Пероуном. Являясь нерешенной загадкой для самого Бакстера, оно проговаривается, а следовательно, и существует преимущественно в сознании хирурга и в большинстве случаев контролируется им. Бакстер показан как персонаж, не способный контролировать себя прежде всего потому, что зависим от реакций своего тела, Пероун, благодаря своему образованию, преодолел эту проблему лишь отчасти. Сюжет построен на телесном взаимодействии героя с миром, которое определяет во многом другие типы взаимодействия, поэтому можно говорить о том, что сюжет тела здесь становится основным способом раскрытия травматической ситуации.

Основная особенность произведения «На Чизил-Бич» (2007) – тонкий психологический анализ ситуации неготовности последнего перед сексуальной революшией поколения англичан к сексуальным отношениям и связанной с этим травмой. Эта неготовность характеризует как девушку, не имеющую по традиции предшествующего опыта, так и юношу, который не имеет опыта отношений с девственницей. Неспособность героев преодолеть собственные переживания и понять характер переживания другого приводит к разрыву, который, в свою очередь, делает их несчастными в течение оставшейся жизни. Как отмечают исследователи: «Макьюэн постарался показать, какой разрыв иногда возникает между духовными порывами, возвышенной юношеской влюбленностью и реальностью биологических импульсов, сексуальных начал, которые могут оказаться не только в дисгармонии, но и создать непроходимую пропасть в отношениях между мужчиной и женщиной» [11. С. 17]. Здесь вновь особенности психологического анализа ситуации связаны с тем, что она тесно увязывается с особенностями телесных проявлений. Противоречия между стереотипами общественного сознания и телесностью, непризнание телесности как значимой части человеческого существования так давно проблематизируются благодаря учению 3. Фрейда в культуре и литературе XX в., что обращение к этим проблемам в XX в. выглядит несколько архаично. Специфика романа Макьюэна в том, что он обращается к «пограничной» эпохе 1960-х гг., к последнему поколению, которое испортило себе жизнь незнанием своего тела и тела «другого». Мужское и женское как «другое» рассматривается в максимально «смягченной» взаимной любовью ситуации, но тем трагичнее оказывается непреодолимость препятствий между ними.

На наш взгляд, как в первом, так и во втором произведениях для Макьюэна особенно важно продемонстрировать контраст между интеллектуальной и социальной состоятельностью героев и их беспомощностью перед собственной телесностью, т.е. в конечном счете перед реальностью; эта проблема задается буквально в первой строке произведения: «Они были молодыми, образованными, оба — девственниками в эту их первую брачную ночь и жили в то время, когда разговор о половых затруднениях

был невозможен» [12. С. 8]. Здесь задается еще одна важная проблема: физическое взаимодействие, взаимодействие тел, является чем-то исключенным из языка и тем самым из нормального для образованных людей способа общения, что делает его автоматически неприемлемым и одновременно остается необходимой составляющей жизни социума как часть семейной жизни: «То, что тревожило их, было за пределами речи, вне определений. Язык и практика психотерапии, кропотливый взаимный анализ, обмен валюты чувств были еще не в ходу» [Там же]. Более того, и другие телесные явления остаются как бы несуществующими, пока не названы, например, болезнь матери Эдуарда: «А в состоянии неведения пребывал только из-за того, что не было термина для ее нездоровья» [Там же. С. 23]. Эта ситуация неназванности и исследуется автором на примере поколения, родившегося в 1940-е гг.

Образ Флоренс Понтинг, красивой и образованной девушки, демонстрирует полную жизненную состоятельность: как сообщается в ретроспективном повествовании, уже в молодом возрасте она организует музыкальный квартет, где является первой скрипкой, играет классическую серьезную музыку и планирует большую карьеру, она умна, умело справляется с жизненными трудностями, сама управляет своей жизнью, при этом обладает яркой женственностью, пользуется успехом у мужчин. Однако все это лишь укрепляет страх героини перед физическим взаимодействием с чужим, мужским телом. В сознании Флоренс само именование физических взаимоотношений в изданиях «для молодоженов» воспринимается как нечто невозможное и неприемлемое¹: «В современном передовом справочнике молодожена, с его жизнерадостным тоном, восклицательными знаками и нумерованными иллюстрациями, она наталкивалась на фразы и слова, вызывавшие чуть ли не рвотные потуги» [Там же. С. 6]. Обратим внимание, что реакции героини на такое именование – это реакции, которые передаются через чисто телесные ощущения, необъяснимые с точки зрения разума и логики. Перевод этих реакций на язык логики вызывает острое неприятие: «Иные фразы оскорбляли ее интеллект — в особенности касающиеся вхождения: перед тем, как он входит в нее, или: теперь, когда он, наконец, вошел в нее, или: радостно войдя в нее <...> Она попросту не желала, чтобы в нее «входили» или «проникали» [12. С. 6]. Одновременно подчеркивается телесная неуклюжесть героини, которая контрастирует с ее духовными и социальными талантами: «...в обычной жизни она была на удивление неуклюжа и неуверенна, вечно сшибала

¹ Здесь можно сослаться на слова М. Фуко о сути именования, которое делает то или иное явление фактом. Не позволяя его игнорировать, ставит предел вещам: «Можно сказать, что именно Имя организует всю классическую дискурсию: говорить или писать означает не высказывать какие-то вещи или выражать себя, не играть с языком, а идти к суверенному акту именования, двигаться путями языка к тому месту, где вещи и слова связываются в их общей сути, что позволяет дать им имя. Но когда это имя уже высказано, весь язык, приведший к нему или ставший средством его достижения, поглощается этим именем и устраняется» [13. С. 180–181].

пальцы на ногах, опрокидывала вещи, стукалась головой» [Там же. С. 7]. Ее неспособность к телесному взаимодействию объясняются автором отсутствием физических контактов с матерью [Там же. С. 18] и неловкостью в отношениях с отцом [Там же. С. 16].

Образ Эдуарда Мэйхью, молодого человека, бакалавра истории, вполне смелого в своих научных высказываниях, увлекающегося современной музыкой, представлен автором в ироническом ключе: доказывая ведущую роль личности в истории, Эдуард оказывается не в состоянии управлять собственной жизнью. В отличие от героини этот персонаж, не имея ничего против взаимодействия с телом возлюбленной, в полном соответствии с канонами психоанализа не может согласовать свои социальные навыки (в романе продемонстрированы его вежливость, предупредительность, учет интересов женщины) с телесными способами взаимодействия, которые связаны с удовлетворением желания и таким образом превращают другого прежде всего в инструмент. Эта классическая схема взаимодействия двух субъектов, один из которых должен принять роль объекта (желания или добровольного отказа от желания) и становится источником травмирующего опыта для героев романа. Каждая телесная реакция описывается в романе очень подробно, при этом взаимонепонимание растет по мере телесного сближения героев. Здесь, как и в предыдущем романе, тела молодых людей как нечто достойное принятия существуют лишь в сознании друг друга, сами же они показаны автором как беспомощные во взаимодействии с собственными телами или отвергают их.

Еще одна важная проблема героев в этом романе – недоверие к телу и его реакциям. Для обоих героев ситуация брачной ночи оказывается непредсказуемой, травмирующей и полной опасностей, как и предшествующие в их жизни ситуации телесного взаимодействия – драки в случае Эдуарда или внезапных приступов физического отвращения в случае Флоренс. Таким образом, совершенно в соответствии с фрейдистскими установками для одного секс чреват агрессией, а для другой – неконтролируемым страхом.

Проблема свободы в произведении также задается в ракурсе телесности. Важным аспектом взросления, личностного становления каждого из героев становится ощущение собственной отдельности от своей семьи: «Внезапно стала открываться полынья — не только между Эдуардом и матерью, но и между ним и его непосредственными обстоятельствами, и он ощутил, как собственное бытие, скрытое ядро его, которому он никогда прежде не уделял внимания, вдруг жестко определилось, стало светящейся точкой, и он никому не хотел ее показывать» [Там же]. Образование их собственной семьи предполагает отказ от этой отдельности, знаменуемый многократно повторяемой цитатой из венчального обряда «телом моим поклоняюсь тебе», который воспринимается Эдуардом как «непристойная, радостная, голая свобода», а Флоренс как отказ от свободы. Для героини посягательство на ее тело означает отказ от свободы, которая неотделима от телесной независимости.

Травмирующая ситуация в данном случае обусловлена не насилием в общепринятом смысле слова, хотя во многом переживается героиней как насилие, а с трагической неспособностью героев взаимодействовать со своим и чужим телом, что и разрушает их жизни, не дав реализоваться единственной и самой главной любви. Размышления писателя о неназываемости, а следовательно, и неосуществимости многих вещей, связанных с телесными переживаниями, позволяют говорить о том, что произведение повествует в том числе и о рождении языка тела. Подробно описывая и называя каждое мельчайшее физическое переживание молодоженов, Макьюэн воссоздает происходящее посредством языка тела.

Таким образом, в своих психологических романах Макьюэн прибегает к новым способам описания травмы: перцептуальный хронотоп (воспоминание), постепенно перестает быть основным способом ее репрезентации; сюжет насилия также снижает свое значение. В этих романах актуализируется настоящее время, происходит растягивание (субъективация) времени (меняется форма перцептуального хронотопа), одновременно повышается роль телесности в описании травматического опыта. В анализируемых произведениях сюжет тела и язык тела стали основными способами репрезентации травмы, что позволяет говорить о том, что современная литература вырабатывает новые способы нарративизации травматического опыта, которые и отличают ее от литературы предшествующего этапа.

Литература

- 1. Лакапра Д. Что существенно для гуманитарных дисциплин? // Вопросы образования. 2006. № 4.С. 240–246.
- 2. Felman Sh., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N. Y.: Taylor & Francis, 1992.
- 3. Поляков О.Ю. Междисциплинарные стратегии исследования «другого» в современной науке (имагологический аспект) // Бытие–язык–история : сб. науч. ст. Киров, 2017. С. 132–136.
- 4. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. Москва: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. 186 с. URL: http://book.mininuniver.ru/books/Nikolai_Polemika_o_travme_i_pamyati_%20v_amerikanskih issledovaniyah kulturi/ (дата обращения: 25.09.2017).
- 5. *Хабибуллина Л.Ф.* Ситуация травмы в романе X. Мантел «Чернее черного» (*Beyond black*, 2005) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 246–250.
- 6. *Кислова Л.С.* «Практики боли» и постсоветские феминистские стратегии в драматургии М. Арбатовой: («Уравнение с двумя известными», «Взятие Бастилии») // Вестник ТГГПУ. 2011. Вып. 2 (24). С. 175–179.
- 7. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального ун-та, 2011. 318 с.
- 8. *Блинова О.А*. Несобственно-прямая речь в английском языке: эволюция взглядов в западной лингвистике (1912–2012) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10, № 2. С. 93–102.
- 9. *Хабибуллина Л.Ф.*, *Иванова А.А.* Психология травмы в романах Й. Макьюэна об опыте второй мировой войны // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 1. С. 232–240.

- 10. *Макьюэн И.* Суббота / пер. с англ. Н. Холмогоровой. М. : Эксмо-пресс, 2010. 336 с.
- 11. Федоров А. Модификации психологического романа и современная английская проза (Дж. Барнс, Й. Макьюэн)» // Liberal Arts in Russia. 2012. Vol. 1, № 1. С. 14–22.
- 12. *Макьюэн Й*. Чизил-Бич / пер. с англ. В. Голышев // Иностранная литература. 2008. № 7. С. 3–67.
  - 13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 361 с.

Psychological Trauma in Ian McEwan's Novels (Saturday, On Chesil Beach)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 308–318. DOI: 10.17223/19986645/65/19

Liliya F. Khabibullina, Kazan Federal (Volga Region) University (Kazan, Russian Federation). E-mail: fuatovna@list.ru

Keywords: Ian McEwan, psychological trauma, English literature, *Saturday, On Chesil Beach*, physicality.

The article discusses the situation of trauma and the ways of its representation in modern literature. The material of the investigation are Ian McEwan's novels Saturday (2005) and On Chesil Beach (2007). Since the end of the twentieth century, the trauma situation in the literature has been viewed mainly in the context of the problem of memory, for example, in the novels by Kazuo Ishiguro, Ian McEwan, and many others. In McEwan's novels written at the beginning of the twenty-first century (Saturday, On Chesil Beach), memory problems are of secondary importance as psychological issues prevail. In these novels, the aspect of physicality is advanced because it is the body that becomes the "language" by means of which the author speaks of traumatic situations in the characters' life. So the method of the investigation is to study the trauma in the novels as it is reflected in the body, based on the works of D. LaCapra, S. Felman, and D. Laub. In both novels, the traumatic situation does not occur in the past, but in the present. The significance of this situation is emphasized through a detailed, almost minutely image of what is happening. Furthermore, in both novels, the focus is on the situations related to the peculiarities of bodily experiences. In Saturday, medical discourse associated with the profession of the protagonist, a 48-year-old neurosurgeon Henry Perowne, assumes special importance. The crime situation receives a completely different aspect due to the detailed medical description of the symptoms of Baxter's disease (Perowne's antagonist and patient). The parallel with the story of one day of the hero's life is a reference to the political situation in the world (the background of the novel is a demonstration against the war in Iraq). The fragility of the well-being of an individual is linked to the fragility of the world order. There is a perspective and a retrospective in *On Chesil Beach*. The heroes' inability to interact with their body ends in failure during the first wedding night and consequently affects their whole future life, destroys personal happiness. The author describes the life of the last generation before the sexual revolution, which still exists according to the Victorian rules in terms of sexuality. The detailed description of the natural physiological reactions of the young people shows their inability to communicate physically, which causes the destruction of true love. The lack of the ability to express bodily sensations through language leads two young, educated people to personal defeat. The conclusion is that the means of expression of the traumatic experience is the body plot in the first novel while it is the body language in the second one.

References

1. LaCapra, D. (2006) Chto sushchestvenno dlya gumanitarnykh distsiplin? [What is essential to the humanities?]. Translated from English by A. Oleynikov. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. pp. 240–246.

- 2. Felman, Sh. & Laub, D. (1992) Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N.Y.: Taylor & Francis.
- 3. Polyakov, O.Yu. (2017) [Interdisciplinary research strategies of the "other" in modern science (imagological aspect)]. *Bytie–yazyk–istoriya* [Being–language–history]. Conference Proceedings. Kirov: Raduga-PRESS. pp. 132–136. (In Russian).
- 4. Nikolai, F.V. (2017) *Polemika o travme i pamyati v amerikanskikh issledovaniyakh kul'tury* [The polemic about trauma and memory in American cultural studies]. Moscow: FLINTA; Nizhniy Novgorod: Minin University. [Online] Available from: http://book.mininuniver.ru/books/Nikolai_Polemika_o_travme_i_pamyati_%20v_amerikanski h issledovaniyah kulturi/. (Accessed: 25.09.2017).
- 5. Khabibullina, L.F. (2018) The Plot of Trauma in Hilary Mantel's Beyond Black (2005). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 3. pp. 246–250. (In Russian).
- 6. Kislova, L.S. (2011) "Pain Practice" and Post-Soviet Feministic Strategy in M. Arbatova's Dramatic Art (The Equation With Two Known Persons, Taking of the Bastille). *Vestnik TGGPU TSHPU Bulletin.* 2 (24). pp. 175–179. (In Russian).
- 7. Dzhumaylo, O.A. (2011) *Angliyskiy ispovedal'no-filosofskiy roman 1980–2000* [The English Confessional and Philosophical Novel of 1980–2000]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
- 8. Blinova, O.A. (2012) Free indirect discourse in English: Evolution of theories in European and American linguistics (1912–2012). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya NSU Vestnik, Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 10 (2). pp. 93–102. (In Russian).
- 9. Khabibullina, L.F. & Ivanova, A.A. (2018) The Psychology of Trauma in Ian McEwan's Novels About the Second World War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki Proceedings of Kazan University. Humanities Series.* 160 (1). pp. 232–240. (In Russian).
- 10. McEwan, I. (2010) *Subbota* [Saturday]. Translated from English by N. Kholmogorova. Moscow: Eksmo-press.
- 11. Fedorov, A. (2012) Psychological Novel Modifications and Modern English Prose (J. Barnes, J. McEwan). *Liberal Arts in Russia*. 1 (1). pp. 14–22. (In Russian).
- 12. McEwan, I. (2008) Chizil-Bich [On Chesil Beach]. Translated from English by V. Golyshev. *Inostrannaya literatura*. 7. pp. 3–67.
- 13. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Moscow: Progress.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БИЛОТАС Виктор – лиценциат церковной истории, докторант кафедры теологии Университета Витаутаса Великого (г. Каунас, Литва); мл. науч. сотр. лаборатории библиотечных и коммуникативных исследований Томского государственного университета.

E-mail: vbilotas@gmail.com

БОГОМОЛОВ Алексей Сергеевич – магистр философии Академии Або (г. Турку, Финляндия).

E-mail: bogomolov alexey@mail.ru

ВИЙМАРАНТА Йоханна – д-р философии, профессор отделения иностранных языков Хельсинкского университета (Финляндия).

E-mail: johanna.viimaranta@helsinki.fi

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

ВОРОНЕВСКАЯ Наталья Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (университета).

E-mail: nvoronevskaya@gmail.com

ГОРБЕНКО Александр Юрьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; науч. сотр. лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: al gorbenko@mail.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

E-mail: demeta@rambler.ru

ДЕНИСОВА Галина Леонидовна – д-р филол. наук, профессор кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» Тольяттинского государственного университета.

E-mai: g.denisova@tltsu.ru

ИВАНЮК Борис Павлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и истории литературы Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

E-mail: odinal47@mail.ru

КИСЛИЦЫНА Наталья Николаевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков № 1 Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

E-mail: nkislitsyn@rambler.ru

КЛИМОВА Светлана Мушаиловна – д-р филос. наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: sklimova@hse.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич - канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОНЕР Дарья Владимировна - мл. науч. сотр. отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Институга лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: dsuetina@vandex.ru

КОРОТЧЕНКО Татьяна Валериевна - канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков Томского политехнического университета.

E-mail: tatyana1003@mail.ru

МАКАРОВА Анастасия Леонидовна - канд. филол. наук, науч. сотр. славянского семинара Цюрихского Университета (Швейцария); лаборант отдела сравнительноисторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: abeatina@rambler.ru

МЕЛЬНИЧЕНКО Татьяна Владимировна - канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

E-mail: tanya.melnichenko@gmail.com

ПАВЛОВА Лариса Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета.

E-mail: pavlar@inbox.ru

ПРОСЦЕВИЧУС Владислав – канд. филол. наук, доцент Институга иностранных языков при Университете Витаугаса Великого (г. Каунас, Литва).

E-mail: vpostsevichus@gmail.com

РОМАНОВА Ирина Викторовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета.

E-mail: irina.romanova@bk.ru

СОКОЛОВА Анастасия – Ph.D., ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Университета им. Масарика (г. Брно, Чехия).

E-mail: sokolova@ped.muni.cz

СТОВБА Анна Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы и классической филологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина).

E-mail: annstovba17@gmail.com

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: tolstova 11@mail.ru

УРМАНЧИЕВА Анна Юрьевна - канд. филол. наук, ст. науч. сотр. проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии, этнографии Сибири Томского государственного университета; ст. науч. сотр. отдела теории грамматики Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: urmanna@yandex.ru

ХАБИБУЛЛИНА Лилия Фуатовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: fuatovna@list.ru

ЧИРКОВИЧ Светлана – PhD in Philology, ст. науч. сотр. Института балканистики Сербской академии наук и искусств (г. Белград, Сербия). E-mail: svetlana.cirkovic@bi.sanu.ac.rs

ЩИТОВ Александр Григорьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: shchitovtomsk@mail.ru

ЩИТОВА Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: shchitova2010@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс — 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2020. № 65

Редактор Т.В. Зелева Редактор-переводчик В.В. Кашпур Оригинал-макет А.И. Лелоюр Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 22.06.2020 г. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$. Печ. л. 20,2; усл. печ. л. 26,3. Цена свободная. Тираж 50 экз. Заказ № 4345

Дата выхода в свет 10.07.2020 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru